

Н. А. ЛЬВОВ

**ИЗБРАННЫЕ
СОЧИНЕНИЯ**

На стихах я начинаю
Имя то днесь воспеваю,
Кое в мыслях почитаю,
О, коль трудно то начать!
Львова знать кто только тщится,
Ан уж должен почитать;
Юность, разум, все в нем зрится,
Львов все может совершать!
Во всем он всегда исправен,
Он обиды не чинит;
Всяк, о чем кто не печален,
У него то получит!

*Акростих Н. П. Осипова
«Николаю Львову» (1771)*

Reuohan u. Nebel

**BAUSTEINE ZUR SLAVISCHEN
PHILOLOGIE UND
KULTURGESCHICHTE**

**Reihe B:
EDITIONEN**

**Herausgegeben von
KARL GUTSCHMIDT, HANS-BERND HARDER
und
HANS ROTHE**

Neue Folge Band 7 (22)

NEUE RUSSISCHE LITERATUR UND KULTUR

Band I

N. A. L'VOV
AUSGEWÄHLTE
WERKE

Mit einem Geleitwort von

D. S. Lichacev

Herausgegeben und kommentiert von

K. Ju. Lappo-Danilevskij

Zur architektonischen Tätigkeit von

A. V. Tatarinov

1994

BÖHLAU VERLAG KÖLN WEIMAR WIEN

PUSCHKINHAUS
INSTITUTIO ROSSICA CHRISTIANA
«ACROPOLIS»
ST.-PETERSBURG

НОВАЯ РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ И КУЛЬТУРА

Том I

Н. А. ЛЬВОВ
ИЗБРАННЫЕ
СОЧИНЕНИЯ

Предисловие

Д. С. Лихачева

Вступительная статья, составление,
подготовка текста и комментарии

К. Ю. Лаппо-Данилевского

Перечень архитектурных работ подготовлен

А. В. Татариновым

1994

БЁЛАУ-ФЕРЛАГ КЁЛЬН ВЕЙМАР ВЕНА

ПУШКИНСКИЙ ДОМ

РУССКИЙ ХРИСТИАНСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ИНСТИТУТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АКРОПОЛЬ»

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Die Deutsche Bibliothek — CIP-Einheitsaufnahme

L'vov, Nikolaj A.

Izbrannye sočinenija / N A L'vov. [Vstupit. stat'ja, sostavlenie, podgot. texta, kommentarii K Ju. Lappo-Danilevskogo]. — Köln; Weimar, Wien: Böhlau; Sankt-Petersburg: Puschkinhaus, RCHGI, Acropolis, 1994

(Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe B
Editionen: N. F., Bd. 7—22)

Parallelsacht. Ausgewählte Werke

ISBN 3-412-06894-2

NE. Lappo-Danilevskij, Konstantin J [Hrsg.]; L'vov, Nikolaj A. [Sammlung],

Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte / B

© Д С Лихачев, предисловие, 1994

© К Ю Лаппо-Данилевский, вступительная статья,
составление, подготовка текста, комментарии, 1994

© А В Татаринов, перечень архитектурных
работ Н А Львова, 1994

© А В Татаринов, подбор иллюстраций,
при участии Н И Глинки (Никулиной), 1994

Copyright © 1994 by Böhlau Verlag GmbH & Cie, Köln

Copyright © 1994 by Puschkinhaus,
Institutio Rossica Christiana, Acropolis

Alle Rechte vorbehalten

Printed in Russia
ISBN 3-412-06894-2

Вместо предисловия

Бывают эпохи, которые нуждаются в талантах. И именно в эти эпохи появляются таланты, которые нуждаются в эпохе, — эпохе, способной воспринять все то, что они могут дать своему времени.

Н. А. Львов — явление исключительное для России конца XVIII века своею способностью откликаться на все возможные требования, с которыми страна обращалась к людям творчества: ученым, поэтам, инженерам, архитекторам, садоводам, фольклористам, создателям книг.

Н. А. Львов — один мог удержать в своих руках быстро развивающуюся культуру эпохи во всем ее разнообразии. И при этом он не был «однодум» в любом из своих талантов. Как архитектор он никогда не повторялся: каждое его творение ново не только для заказчиков, но и для него самого, ибо работал он в самых разнообразных жанрах — от храмов до оранжерей.

Он строил из кирпича, дерева, мрамора и... просто земли, формируя из нее самые прочные кирпичи.

Таким же разнообразным он был в паркостроении или стихосложении, «доделывая» стихи Капниста и даже Державина, схватывая дух их речи.

Он первым оценил достоинства русского фольклора и понял необходимость его собирания, сохранения и обнародования.

Рубеж XVIII и XIX вв. был исключительно важен для русской культуры. Перемены совершались во всех ее гранях. И люди, подобные Н. А. Львову, не только отражались в этих гранях своими энциклопедическими интересами, но и сами формировали эти грани, объединяя их единым стилем эпохи, который можно назвать стилем предромантизма.

Д. С. Лихачев

Николай Александрович Львов
Силуэт. Гравюра Ф.-Д. Сидо. 1782—1783 гг.
Публикуется впервые

О литературном наследии Н. А. Львова

*Памяти Г. Н. Моисеевой
посвящает составитель
эту книгу*

Пожалуй, для всякого, кто в какой-либо мере интересовался историей русской культуры XVIII столетия, имя Николая Александровича Львова связано в первую очередь с архитектурой. Действительно, именно эта область стала главным, хотя отнюдь не единственным объектом приложения его дарований. По достоинству оценен вклад Н. А. Львова в историю оформления книги, собирания фольклора, издания летописей, искусства гравирования, угольных и торфяных разработок и т. д., и лишь его литературная деятельность не оценена в полной мере, ибо большая часть произведений поэта и архитектора не опубликована, рукописи же, рассеянные в архивах, доступны малому числу исследователей. Каждая антология русской поэзии включает некоторое число стихотворений Н. А. Львова, однако их отбор порой случаен, порой пристрастен, а из его комических опер напечатана всего лишь одна, да и та при жизни писателя. При создавшемся положении загадочными остаются такие факты, как правка Н. А. Львовым стихов его друзей, крупнейших поэтов XVIII столетия (Г. Р. Державина, В. В. Капниста, И. И. Хемницера), признание мемуаристами его исключительного авторитета в литературных вопросах. Впервые собранные в этой книге произведения позволяют говорить о наследии Н. А. Львова как об оригинальном художественном явлении, без знания которого наше представление об одном из интереснейших периодов развития русской культуры было бы неполным. Творчество любого поэта неотделимо от истории его жизни, от тех, с кем сводила его судьба, что побуждает с особым вниманием отнестись к разрозненным биографическим свидетельствам, дошедшим до нашего времени.

Николай Александрович Львов родился в 1751 году в селе Черенчицы Новоторжского уезда Тверской губернии в семье небогатого помещика. В детстве он отличался необычайной живостью и озорством, оставшимися надолго памятными его родным.

Восемнадцать лет от роду юноша покидает поместье, чтобы начать действительную службу в Преображенском полку, в котором он числился с детства. Видно, уже тогда из числа сверстников, дворянских недорослей, будущего поэта выделяли прекрасное знание французского языка, начитанность, деятельный и цепкий ум. Во всяком случае, попав вскоре в число учеников кадетской школы для солдат гвардейских полков, Н. А. Львов становится центром небольшого кружка, объединенного общностью литературных интересов. Его участники перемешают стихотворством изучение фортификации, иностранных языков, артиллерии, черчения, математики и других наук. Вскоре они начинают составлять рукописный журнал «Труды четырех общников». Из его издателей, помимо Н. А. Львова, известен со временем стал лишь Николай Осипов, автор многочисленных переводов и компилятивных сочинений в 1780—1790-е годы.

«Труды четырех общников» составлялись в марте-июле 1771 года; причиной прекращения журнала стало выступление Петра Ермолаева с резкой эпиграммой, направленной против Н. А. Львова. На всем предприятии молодых людей лежит печать литературного ученичества — размеры «хромают», рифмы неточны, большая часть произведений — переводы и т. д. Тем интереснее вклад в общее дело Н. А. Львова, ибо подавляющее число его стихотворений, помещенных в журнале, оригинально: в них, несмотря на общую классицистическую ориентацию, ярко проявилась индивидуальность молодого поэта, ставшего «душою» «Трудов четырех общников». Особенно следует отметить стихотворение «Хочу писать стихи, а что писать, не знаю...»; в нем содержится описание одного дня из жизни автора, его шалостей, из-за которых он к вечеру оказался под арестом.

Столичная гвардия в России XVIII века была той силой, от которой в значительной мере зависело, кому из претендентов будет принадлежать власть в стране. Гвардейцы, выходцы по большей части из влиятельных и родовитых семей, были в курсе последних политических новостей, первыми узнавали о переменах при дворе. Несомненно, среди дворянской молодежи заходила речь о событиях июньского переворота 1762 года и о последовавшей затем смерти Петра III, мужа воцарившейся Екатерины II.

В столице еще не умолкли разговоры о Комиссии по составлению Нового уложения, пробудившей общественное мнение и поселившей в сердцах многих несбывшиеся надежды. Вспыхнувшая в 1771 году в Москве чума, последовавшие за ней бунты, их подавление фаворитом императрицы Григорием Орловым и его скорое удаление от двора — все это не могло остаться неизвестным юному поэту. Лишь в одной из его басен, написанной 23 апреля 1773 года («На рынке было то иль на дворе гостином...»), есть упоминание о русско-турецкой войне 1769—1774 годов; о том же, какова была его реакция на эти события, как и на начавшуюся вскоре пугачевщину, остается только догадываться.

Представить интересы юного Н. А. Львова в значительной мере позволяет его окружение. В первую очередь нужно назвать Михаила Федоровича Соимонова (1730—1804), видного химика и геолога, возглавлявшего Горное ведомство, двоюродного дядю поэта. В его доме молодой человек подолгу жил, здесь же состоялась встреча с Иваном Ивановичем Хемницером, сближению с которым способствовала общность литературных вкусов. В 1774 году Хемницер издает перевод героиды К. Ж. Дора «Письмо Барнвеля к Труману из темницы», который посвящает Н. А. Львову.

Не менее влиятельным был другой родственник юного поэта — Петр Васильевич Бакунин Меньшой, занимавший видное положение в Коллегии иностранных дел. По его протекции Н. А. Львов состоял с 29 марта 1773 года курьером при этом ведомстве, известно о доставлении им пакетов в Германию, Данию, Польшу. 12 июня 1775 года Н. А. Львов покидает службу в гвардии в чине армии капитана и через год поступает в Коллегию иностранных дел, как значилось в аттестате, «в рассуждении знания его италианского, французского и немецкого языков... для употребления его на оных языках в переводах и других делах». В конце октября 1776 года поэт был послан с депешами в Лондон, Мадрид и Париж. На обратном пути во французской столице в феврале 1777 года он встретился с М. Ф. Соимоновым, отправленным Екатериной II за границу на лечение, и сопровождавшим его И. И. Хемницером. Совместное пребывание русских путешественников в Париже по май 1777 года было в высшей степени богато впечатлениями. Париж эпохи энциклопедистов переживал культурный расцвет, став Меккой интеллектуалов XVIII столетия. Среди друзей долго бытовали рассказы о курьезах, вызванных рассеянностью Хемницера, о его попытках встретиться с Ж.-Ж. Руссо. Из кратких путевых заметок Хемницера явствует, что редкий вечер обходился без посещения театра — сегодня друзья присутствуют на представлении патетических классици-

стических трагедий П. Корнеля, Ж. Расина, Вольтера в «Комеди франсез»; завтра — на оперных спектаклях Х.-В. Глюка в «Гранд Опера», в другие дни — на столь полюбившихся им комических операх А.-М. Гретри, Э.-Р. Дуни, П.-А. Монсиньи, А. Саккини, Ф.-А. Филидора в «Комеди итаьлен». С увлечением следили они за игрой актеров, снискавших всеевропейскую славу, — Лекена, Ла Рива, Бризара, Ле Гра, Клерваля и др.

Театральные впечатления этих месяцев не были мимолетными. Возвратившись в Петербург, Н. А. Львов стал вскоре инициатором возникновения любительского театра в доме Петра Васильевича Бакунина Меньшого. Наряду с любителями в нем принимали участие профессионалы — из писем М. Н. Муравьева к родным известно, что И. А. Дмитриевский, лучший актер русского театра того времени, играл Ярба в трагедии Я. Б. Княжнина «Дидона» (преьера этой пьесы на любительской сцене состоялась в присутствии автора 7 февраля 1777 года). В декабре 1777 года несколько раз были показаны комедия Ж.-Ф. Реньяра «Игрок» и столь полюбившаяся Н. А. Львову еще в Париже комическая опера А. Саккини «Колония». Женские роли в них исполняли сестры Дьяковы, в одну из которых, Марию, влюбился Н. А. Львов, это чувство, увенчанное счастливым супружеством, стало темой многих его стихотворений. На другой Дьяковой, Александре, в 1781 году женился В. В. Капнист, а на самой младшей, Дарье, в 1794 году — Г. Р. Державин. Дружба трех замечательных русских поэтов таким образом была «подкреплена» свойством.

В мемуарах дочери В. В. Капниста Софьи, написанных в начале XIX века, содержится рассказ о женитьбе Н. А. Львова, бедность которого стала причиной отказа от дома Дьяковых. Из всех друзей только В. В. Капнист, сватавшийся к другой сестре, был посвящен в тайну несчастной любви Н. А. Львова. Именно он помогал разлученным влюбленным поддерживать переписку, а вскоре, когда ему как жениху поручили отвезти на бал сестер, он приказал кучеру повернуть к церкви, возле которой их ждал Н. А. Львов. Подкупленный священник быстро обвенчал его с Марией Дьяковой, которая после этого простилась с мужем и отправилась на бал. В течение нескольких лет события этого вечера оставались в тайне. Наконец, видя непреклонность дочери, родители сдаются — назначен день свадьбы. Однако в последний момент молодые признаются в том, что они уже обвенчаны. В церковь вместо них идут дворовые юноша и девушка, и лишь за свадебной трапезой все становится на свои места.

Рассказ С. В. Капнист в высшей степени поэтичен, но именно его некоторая литературность (недаром он чем-то напоминает

пушкинскую «Метель») свидетельствует о его позднейшем происхождении. Как все произошло в действительности, нам остается только догадываться; несомненно только то, что молодые люди смогли преодолеть все преграды, вставшие на их пути.

Конец 1770-х стал для Н. А. Львова временем напряженных размышлений, новых художественных увлечений и поисков. Все большее внимание уделяет он занятиям архитектурой, изучает образцы античного и ренессансного зодчества. Законченные им в 1780 году проекты собора святого Иосифа в Могилеве и Невских ворот Петропавловской крепости в Петербурге вызвали восхищение современников. Сама императрица отдала им предпочтение перед многими другими, а в мае 1780 года она берет с собой Н. А. Львова в составе свиты в Могилев, где поэт и архитектор в присутствии русской царицы и австрийского монарха участвует в торжественной закладке основания храма.

Видимо, в награду за удачно исполненное поручение Н. А. Львов был послан в мае 1781 года в Италию для знакомства с шедеврами живописи и архитектуры. В течение почти двух месяцев он осматривал достопримечательности Ливорно, Пизы, Флоренции, Болоньи и Венеции. На обратном пути в Вене 3 августа 1781 года Н. А. Львов познакомился с Пьетро Метастазіо, автором замечательных по своей музыкальности оперных либретто («первым нашего века драматическим стихотворцем», как его назвал русский поэт).

Последующие двадцать лет жизни Н. А. Львова необычайно интенсивны в творческом отношении. В первую очередь следует перечислить его архитектурные проекты: здание Петербургского почтамта (1782), Борисоглебский собор в Торжке (1785), усадебные постройки в окрестностях Торжка (1780—1790-е), церковь в Мурино под Петербургом (1780-е), Приорат в Гатчине (1798), дом графа А. К. Разумовского на Гороховом поле в Москве (1800—1802) и ряд других. Внес Н. А. Львов вклад и в историю усовершенствования русской отопительной техники: в своей книге «Русская пиростатика» (1795—1799) он предложил особую конструкцию печей и каминов, более экономичных, обогревавших помещения свежим воздухом. Весьма многочисленны были переводы Н. А. Львова: в 1789-м было опубликовано «Рассуждение о перспективе» Э. А. Петито, в 1798-м — первая книга трактата об архитектуре А. Палладио. В 1790-е годы им были подготовлены к печати две летописи. Наше представление о Н. А. Львове, однако, будет неполным, если мы обойдем молчанием его геологические предприятия. В конце 1780-х им были открыты месторождения камennого угля около Боровичей. Лишь после долгих лет хлопот 21 августа 1797 года императором Пав-

лом был дан указ «О разрабатывании и введении в общее употребление земляного угля»; тем не менее и теперь Н. А. Львов вынужден был действовать на свой страх и риск: когда осенью 1799 года в Петербург прибыла большая партия каменного угля, никто не согласился приобрести его. Было отказано и в месте для выгрузки — уголь был ссыпан на даче Н. А. Львова около Александро-Невской Лавры, где вскоре вспыхнул пожар. Это событие, принесшее поэту колоссальные убытки и служебные неприятности, стало тем не менее поводом для создания одного из интереснейших натурфилософских стихотворений «На угольный пожар» (1799). Его лирический герой поражен своей мощью, способностью человека поколебать гармонию природных стихий; испуг и нравственное потрясение сопутствуют познанию им тайн мироздания.

Много сил отдал Н. А. Львов другой своей идее — созданию в России школ «земляного битого строения» в целях распространения удешевленного способа возведения пожаростойких зданий. Но и эта инициатива не получила должной поддержки, учебные заведения были вскоре закрыты, и лишь построенный в Гатчине по проекту Н. А. Львова Приорат свидетельствует о нереализованных возможностях землебитного строительства.

Постоянные заботы, разъезды на перекладных и самоотверженный труд подорвали здоровье Н. А. Львова — в начале 1800-х годов он долго и тяжело болел. Едва оправившись от недуга, он отправился на Северный Кавказ и в Крым, на обратном пути откуда скоропостижно скончался в Москве 21 декабря 1803 года.

Было бы, однако, неверным предполагать, что естественнонаучные занятия Н. А. Львова, его самоотверженная деятельность на благо России в 1780—1800-е годы препятствовали широкому кругу его артистических знакомств. На протяжении многих лет дружеская и творческая близость связывала поэта с художниками Д. Г. Левицким, В. Л. Боровиковским, композиторами Д. С. Бортнянским, Д. Сарти, Е. И. Фоминим, Н. П. Яхонтовым и др. Не были отеснены на второй план и литературные интересы. Наоборот: они крепили и расширялись — жизнь Н. А. Львова неотделима от львовско-державинского кружка, история которого как бы распадается на два периода. В конце 1770-х годов его ядро составляли Г. Р. Державин, В. В. Капнист, И. И. Хемницер, Н. А. Львов и его двоюродный брат Ф. П. Львов, в течение некоторого времени М. Н. Муравьев и А. С. Хвостов. На первом плане для собиравшихся были совместное чтение стихов, их обсуждение, беседы, участие в журнале «Санкт-Петербургский вестник». Именно с дружеским обсуждением в 1799 году оды

«Успокоенное неверие» связывал Г. Р. Державин благотворный перелом в своем творчестве.

Внешние обстоятельства привели к нарушению традиции литературных собраний в 1780-е годы — лишь в начале следующего десятилетия они возобновляются. Членами кружка в это время становятся И. М. Муравьев, А. А. Мусин-Пушкин, А. М. Бакунин, А. Н. Оленин, близок к нему был и И. И. Дмитриев. На первый план выступают издательские предприятия — совместными силами готовятся к публикации «Басни и сказки И. И. Хемницера» (1799) и «Стихотворения Державина» (работа не была завершена). В этом содружестве, объединенном общностью литературных интересов и давним знакомством, ценили остроумие, талант, творческую смелость. Все мемуаристы отмечают исключительное положение Н. А. Львова при обсуждении эстетических проблем, признание его «гением вкуса». Однако понимание роли влиятельного литературного арбитра, выпавшей Н. А. Львову, невозможно без знания его собственных произведений, в первую очередь поэтических и драматических.

* * *

О характере литературных симпатий Н. А. Львова в 1770-е годы позволяет судить его «Путевая тетрадь № 1», сохранившаяся в рукописном отделе Пушкинского Дома. В тетрадь заносились выписки из книг иностранных авторов, переводы, экспромты, тексты стихотворений, эпиграмм, песен, загадок и т. д. Судя по ним, и после прекращения «Трудов четырех общников» литература французского Классицизма и Просвещения оставалась объектом тщательного изучения Н. А. Львова. Однако в центре внимания поэта были произведения, отразившие интерес их авторов к внутреннему миру человека — сонеты Ф. Петрарки, эпистолярные романы Ж.-Б. д'Аржанса, Ш.-Л. Монтескье, что прямо связано с формированием литературы русского сентиментализма. В отличие от своих предшественников классицистов, ставивших перед собой задачи общественного воспитания, подражания прекрасным образцам, максимальной точности слововыражения, писатели-сентименталисты стремились к познанию внутреннего мира человека во всей его полноте и непредсказуемости. Тончайшие оттенки чувств, рождение страстей, загадочные влечения становятся предметом изображения, тогда как литературные условности и рекомендации все более тяготят их. Н. А. Львов оказывается весьма восприимчивым к новым веяниям — большую часть

его лирических произведений 1770-х годов составляют песни. Они написаны под сильным влиянием А. П. Сумарокова, лирика которого стала провозвестницей русского сентиментализма.

В журнале «Санкт-Петербургский вестник» в 1780 году появилась без подписи песня Н. А. Львова «Цари! вы светом обладайте...», однако его подлинным литературным дебютом нужно признать публикацию в 1783 году стихотворения «Идиллия. Вечер 1780 года ноября 8» в «Собеседнике любителей российского слова», издававшемся при непосредственном участии императрицы. Стихотворение в полной мере отразило увлечение Н. А. Львова французской эротической поэзией, предвосхитив поиски К. Н. Батюшкова начала XIX века. Тем не менее этот путь, успешно начатый, не удовлетворил поэта. Постепенно он приходит к мысли о необходимости безыскусности и простоты в стихах, более активном использовании художественных средств, имеющих яркий национальный колорит.

Интенсивная дружеская переписка, которую поддерживал Н. А. Львов в течение всей жизни, стала источником оригинального поэтического стиля, нашедшего наиболее полное выражение в его посланиях 1790-х годов. Эстетика классицизма предусматривала жанр эпистолы — фактически это были отвлеченные моралистические, философские или натурфилософские трактаты, облеченные в александрийские стихи. Обращение в них к конкретному лицу было в достаточной мере условным, а задача авторского самовыражения не ставилась.

Резкий разрыв с предшествовавшей традицией происходит в эпистолярной практике Н. А. Львова и Ю. А. Нелединского-Мелецкого в 1780—1790-е годы. В значительной мере этому способствовало крайнее сужение читательской аудитории, ее ограничение ближайшими родственниками и знакомыми поэтов, позволившее ввести в письма и послания разговорные интонации, элементы пародии. Требования классицистической эстетики как бы не достигали ареала бытования этих произведений, что давало возможность свободно экспериментировать, а порой вводить в стихи рискованные шутки и галimatью. Необходимо отметить поэтому, что послания Н. А. Львова 1790-х годов, несмотря на их различные художественные достоинства, относятся несомненно к числу наиболее примечательных достижений его дарования. Фсерическая череда теснящих друг друга образов, внезапная смена фокуса авторского зрения и планов повествования, полеты причудливой фантазии, пародирование различных стилистических систем, метрические эксперименты, объединение в одном ряду высокой, низкой и диалектной лексики — все это способствует созданию неповторимого художественного мира в посланиях

Н. А. Львова, центральное место в котором занимает тема творческой личности. Осознание ценности собственного опыта позволило Н. А. Львову свободно использовать автобиографический материал, фиксировать самые неожиданные мысли и переживания. Историческая перспектива подтвердила плодотворность предпринятых поэтом поисков — в литературе начала XIX века дружеское послание, сохраняющее свою связь с экспромтом, импровизацией, заняло одно из центральных мест.

В значительной мере близки посланиям Н.А. Львова 1790-х годов его поэмы — их роднит ориентация на разговорную речь образованных людей того времени, ирония, свободное варьирование лексики. Первая из трех его поэм «Зима» вышла в 1791 году отдельным изданием столь малого тиража, что через пять лет И. И. Мартынов поместил ее в редактируемом им журнале «Муза» как литературную новинку. Оригинальность поэмы определена изяществом ее композиции: первая часть «Зимы» строится на развернутом уподоблении наступления этого времени года приезду богатой барыни, перекраивающей все по собственному желанию. С другой стороны, морозы для автора неотделимы от русского «золотого века», гармонического уклада, видеть который еще сейчас можно в «дальних русских деревнях». Однако зимняя стужа обнаруживает полную к ней неприспособленность земляков поэта, отошедших от образа жизни своих предков, утративших силу и здоровье. Наконец Солнце сжаливается над бедствующими россиянами и повелевает отослать Зиму на север. Недавняя госпожа сама оказывается в бедственном положении и становится объектом насмешливого изображения. Иерархия ценностей, защитником которой, казалось бы, выступал Н. А. Львов (превосходство патриархального состояния, никчемность изнеженных современников и т.д.), в мгновение ока опрокинута, авторская же точка зрения теряет обманчивую однозначность. Заключение поэмы, переключаясь с историсофскими воззрениями Г. Лейбница (скорее всего опосредованно, через вольтеровского «Кандида»), подчеркивает сложность позиции поэта, не претендующего на знание абсолютной истины. Происходит также смещение акцентов во всей поэме: картины святочных игр и гуляний как бы олицетворяют многообразие и пестроту жизненных явлений, а насмешливое изображение россиян, сохраняя, безусловно, свою ценность для автора, приобретает второй план, пародийный по отношению к сатирической литературе русского Просвещения, в которой обличение галломании давно стало общим местом.

Жанровая дефиниция «Зимы» весьма затруднительна — в сущности, чудесное, волшебное в ней отсутствует, нет и сюжета, поэтому определение ее как сказки весьма условно. Тематика,

персонафикация природных стихий, особенности рифмовки и ритмики, как уже отмечалось В. А. Западным, роднят «Зиму» со «Стихами на рождение в Севере порфиородного отрока» Г. Р. Державина. Возможно, именно это произведение друга Н. А. Львова стало толчком к созданию одной из наиболее оригинальных и художественно совершенных русских поэм XVIII столетия.

С разветвленной традицией шутливого описания поездок, восходящей к знаменитому «Путшествию Шапеля и Башомона» (1656), связано «Ботаническое путешествие на Дудорову гору 1792, мая 8». По-видимому, конкретная ботаническая экскурсия в сопровождении А. А. Мусина-Пушкина и И. В. Бебера на Дудергофские высоты в окрестностях Петербурга, славящиеся обилием эндемичных видов, стала толчком к созданию этого оригинального произведения. С французским предшественником его роднит шутливая манера повествования, чередование стихов и прозы, введение элементов фантастики, условная обращенность к биографически конкретному адресату (А. Н. Мусиной-Пушкиной). «Путешествие», опубликованное впервые после смерти автора, пользовалось успехом в кругу друзей Н. А. Львова, называвших его русским Шапелем.

С литературными спорами 1790-х годов о достоинствах русского героического эпоса, связано создание Н. А. Львовым поэмы «Добрыня», явившейся ответом на публикацию во II части альманаха «Аглая» в 1795 году богатырской сказки «Илья Муромец». Для Н. М. Карамзина, ее автора, в данный период разница между русскими былинами и галантным рыцарским эпосом не была существенна; поэтому он считал важным подчеркнуть, что Илья Муромец имел «сердце нежное» и «душу чувствительную». Вряд ли подобная постановка вопроса могла прийтись по вкусу Н. А. Львову, осознававшему, как никто другой, самобытность фольклора своей страны.

Публикация «Ильи Муромца», по-видимому, побудила Н. А. Львова выразить свои давно установившиеся воззрения, в силу чего главная тема вступления «Добрыни» — это апология «русского строя», соединенная с демонстрацией достоинств различных видов тонического стиха. Н. А. Львов рассматривал поэму как теоретическую декларацию, — он продемонстрировал полноту и правоту «русского склада», выступил против поверхностного восприятия былинной поэзии и, очевидно, считал свою задачу выполненной. Новые замыслы и предприятия увлекли его воображение, отодвинув окончание поэмы на неопределенный срок.

Пожалуй, нет более непохожих друг на друга произведений, вышедших из-под пера одного писателя, чем пьесы Н. А. Львова. Хотя все они принадлежат к популярнейшему в XVIII столетии жанру комической оперы, их отличает и предмет изображения, и используемые языковые средства, и выбор действующих лиц. Написанные в разные годы, в связи с различными событиями, они объединены авторским стремлением к сценическому эксперименту, поиску нетрадиционного решения актуальных эстетических проблем, свободным варьированием разностилевой лексики и сюжетных мотивов.

Поэтика первой комической оперы «Сильф, или Мечта молодой женщины» в значительной мере определена атмосферой любительских спектаклей в доме Петра Васильевича Бакунина Меньшого. Долгое время был известен лишь отрывок из первой редакции пьесы, оконченной 15 февраля 1778 года. В 1790-х она была переработана автором — он убыстрил развитие сюжета, сократив некоторые реплики, уточнил ремарки, внес некоторые стилистические поправки. Партитура этой комической оперы, музыку к которой написал Н. П. Яхонтов, в 1950-х годах была найдена А. С. Розановым в Псковском краеведческом музее. Как было впоследствии установлено Е. Д. Кукушкиной, Н. А. Львов почерпнул сюжет пьесы из повести Ж.-Ф. Мармонтеля «Муж-сильф». Однако русский поэт не следовал рабски своему предшественнику: он сжал действие до 24 часов, несколько изменил характеры главных действующих лиц, ввел второстепенных персонажей (Андрей, Торини), ускорил развязку. Если французской новелле придает особую пикантность тот факт, что молодой муж как бы испытывает верность своей жены, являясь к ней в виде сильфа, то главный герой Н. А. Львова, Нелест, искренне стремится завоевать благорасположение своей подвластной предрассудкам жены.

Бедность репертуара комических опер начала 1770-х годов позволяет прямо связать обращение Н. А. Львова к этому жанру с впечатлениями от заграничного путешествия. Талант автора проявился в первую очередь в том, что пьеса стала замечательным явлением русской драматургии — увлекательная интрига, мастерски очерченные характеры действующих лиц, психологизм, композиционное совершенство позволяют говорить об оригинальности комической оперы Н. А. Львова по отношению к ее русским и западноевропейским предшественникам.

Менее десяти лет разделяет создание «Сильфа» и следующей музыкальной пьесы Н. А. Львова. Однако именно этот срок — период наиболее интенсивного развития этого жанра. С 1778-го по 1787-й публикуются и ставятся на сцене многочисленные комические оперы Н. П. Николева, Д. П. Горчакова, А. О. Аблесимова, М. А. Матинского, Я. Б. Княжнина, Екатерины II, И. Ф. Богдановича, С. К. Вязмитинова и др. В сущности, это был недолгий расцвет комической оперы — жанр достиг своего апогея, завоевал популярность, привлек всеобщее внимание. В этом причина обращения к комической опере писателей, придерживавшихся разных эстетических воззрений, и даже самой императрицы, а также возникновения полемики вокруг отдельных пьес.

В то же время жанр в значительной мере исчерпал себя, что, на наш взгляд, способствовало появлению «Ямщиков на подставе» (премьера 8 ноября 1787 года в Петербурге, публикация в 1788 году в Тамбове), ибо она по своему художественному строю противостоит предшествующей традиции: в ней нет любовной интриги, в текст пьесы включены подлинные народные песни, речь персонажей пестрит диалектизмами, сюжет отсутствует, а действие, с точки зрения ряда исследователей, не завершено.

Все это побуждает с особым вниманием отнестись к этому произведению, попытаться глубже проникнуть в творческий замысел драматурга. Содержание пьесы Н. А. Львова на первый взгляд незначительно, однако это впечатление обманчиво. Комические оперы XVIII века были по большей части рупором философских идей эпохи Просвещения, что неоднократно подчеркивалось историками театра, в силу чего «Ямщиков на подставе» позволительно рассматривать как произведение, отразившее серьезные размышления Н. А. Львова о роли, которую должно сыграть самодержавие по отношению к многомиллионному русскому крестьянству. Пьеса поэтому, как представляется, в значительной мере выражает положительную программу поэта, который, по-видимому, считал, что гармония интересов государства в лице служащего дворянства и крестьян достижима при условии исполнения существующих законов и сохранения в неприкосновенности стихии народной жизни. Образ офицера, родственник Стародуму в «Недоросле» Фонвизина, — это воплощение идеального дворянина, каким его себе представлял Н. А. Львов. Как и Стародум, данное действующее лицо очерчено весьма схематично, о нем можно сказать лишь то, что оно способствует восстановлению справедливости, ведет себя сообразно законам чести — офицер наказывает пьяного курьера, спасает Тимофея Буракова от рекрутчины.

Представители простонародья, напротив, индивидуализированы Львовым в значительно большей степени, характер каждого из них раскрыт в пьесе (хотя мы имеем дело скорее с типами, чем с характерами): Абрам — глава патриархальной семьи, Тимофей — работающий немногословный мужик, Янька — весельчак, песенник, балагур, Вахруш — деревенский простак.

Большое значение для понимания замысла Н. А. Львова также имеет определение им «Ямщиков на подставе» как «игрища невзначай»; обычно считают, что драматург хотел подчеркнуть связь своего создания с народными представлениями. Действительно, «игрищем» в XVIII столетии называли забавы простонародья, фарсы ряженных на Святках и Масленице, против которых неоднократно выступали русские классицисты. Поэтому, как нам кажется, подобный подзаголовок был изначально полемичен. Второй частью определения Н. А. Львов подчеркивал хроникальность пьесы, максимальную точность воспроизведения жизни ямщиков.

Принципиальное значение имело избрание поэтом в качестве объекта изображения ямщиков, свободных от крепостной зависимости, что помогло драматургу показать ту часть русского народа, которая была в наименьшей степени стеснена в своем развитии (то же позднее сделал А. Н. Радищев в главе «Едрово» «Путешествия из Петербурга в Москву», руководствуясь сходными художественными задачами). Новаторство Н. А. Львова проявилось и в том, что в отличие от авторов других комических опер того времени, действующие лица которых в значительной степени сколки типажей западноевропейских пьес (крипленов, инженер, субреток и т. д.), драматург впервые в русской литературе с симпатией изобразил жизнь русских ямщиков как особый мир, подвластный своим законам и лишь соприкасающийся с монархическим государством.

Следующая комическая опера Н. А. Львова «Милет и Милета», как явствует из записи на титульном листе, была написана в 1794 году в Черенчицах. В качестве лейтмотива этой «пастушьей шутки» автором было выбрано державинское стихотворение «Мечта», связанное с историей сватовства Г. Р. Державина к Дарье Дьяковой. Как показывает анализ дошедших до нас свидетельств, именно эти биографические события стали объектом драматического изображения Н. А. Львова. Дружеская ирония пронизывает пастораль, придавая ей особенное изящество, делая одним из примечательнейших произведений львовско-державинского кружка.

Подзаголовок последней по времени написания комической оперы («героическое игрище») и подпись посвящения («Ванька

Ямшиками») подчеркивают связь «Парисова суда» (1796) с «Ямщиками на подставе», «игрищем невзначай». Действительно, их роднит свободное использование лексики русских говоров, игнорировавшихся авторами других музыкальных пьес XVIII столетия. Кроме того, «Парисов суд» — единственный, пожалуй, пример бурлеска в русской комической опере, ибо мифологические персонажи изображены подчеркнуто пародийно, они значительно русифицированы.

В решительный момент, когда простоватый Парис не знает, кому из богинь отдать предпочтение, Меркурий торопит его следующей репликой:

Ну! кому же дар вручится,
Чувствам, сердцу иль уму?

Это двустишие позволяет говорить о том, что богини в «Парисовом суде» не мифологические персонажи, а аллегорические изображения чувственности (Юнона), сердца (Венера) и разума (Минерва). В силу этого развязка комической оперы получает дополнительный, иносказательный смысл — как бы человек ни стремился следовать рациональным доводам, власть сердца в последнюю минуту все равно одержит верх.

Завершая рассмотрение драматургии Н. А. Львова, нужно отметить, что каждое из его созданий — своеобразный сценический эксперимент: «Сильф» — опыт первой в русской литературе XVIII века светской музыкальной пьесы; «Ямщики на подставе» — хроника отрезка жизни русского свободного крестьянства; «Милет и Милета» — пастораль, значительная доля прелести которой заключена в ее аллюзионности; «Парисов суд», пожалуй, единственная в русской литературе аллегорическая бурлескная комическая опера. Театр Н. А. Львова мог существовать в атмосфере доброжелательности, «повышенной информированности» аудитории, ее подготовленности к восприятию нетрадиционных сценических средств. В этом, как кажется, причина как провала «Ямщиков» на профессиональной сцене, так и камерности исполнения других музыкальных пьес Н. А. Львова.

Как и большинство русских писателей XVIII века, Н. А. Львов в своем творчестве часто обращался к произведениям европейских литератур, однако если его ранние переводческие опыты грешат буквализмом, то в 1790-х годах он выступил с оригинальной теорией переложения иноязычного текста. Наиболее полно она была выражена во вступительной статье к опубликованному поэтом в 1794 году переводу стихов древнегреческого лирика Анакреона. Создавая идеализированный образ античного стихо-

творца, Н. А. Львов касается в своем предисловии важнейших эстетических проблем: место писателя в обществе, отношение к древним и новым, сущность художественного творчества. Именно с Анакреоном связывает Н. А. Львов идеальное соотношение между частной жизнью и произведениями писателя, во многом предваряющее знаменитую пушкинскую формулу «слова поэта суть уже дела его»: «Желательно было бы, чтобы мнения, в книге обнаружены, были всегда действительные правила частной жизни автора ее; библиотеки тогда сделались бы сокровищем сердец, книги — зеркалом истины, познанием человека вдруг и по собственной расписке, короче бы и надежнее был путь к благоденствию его». Поэтому главное достоинство поэзии Анакреона в «приятной философии, каждого человека состоянии улаждающей», в «пленительной истине и простоте мыслей», «волшебном языке, который останется предметом отчаяния для всех подражателей его». Искренность античного поэта, чувствительность, чистота сердца и помыслов, нежность души становятся причиной безыскусности произведений Анакреона, выгодно отличающихся от «пухлого витийства» новой европейской литературы.

Описывая античного поэта, каким он его себе представлял, Н. А. Львов попутно характеризует свои теоретические взгляды на роль переводчика, который должен ориентироваться на восприятие текста в иных исторических условиях, перед иной аудиторией, что делает необходимым некоторую «акклиматизацию» подлинника (сходные мысли выражены в письме В. В. Капнисту от 2 сентября 1795 года). Согласно замыслу Н. А. Львова, стихи и примечания к ним должны составить оригинальное художественное единство, способствовать установлению «почти личного знакомства» между автором, переводчиком и читателем. Поэтому русский поэт вносит в комментарий элементы игры, оценочные суждения о достоинстве той или иной оды, делает автобиографические отступления; он свободно обращается к читателю, с лукавством пишет о своих оппонентах, когда они, как ему кажется, неправы. На первый план, таким образом, выступает спонтанное самовыражение творческой личности, игра воображения, ясный, стремящийся к гармонической полноте восприятия взгляд на мир.

Основные положения статьи «Жизнь Анакреона Тийского» позволяют рассматривать ее как оригинальную декларацию львовско-державинского кружка, дающую возможность по-новому оценить переводы из древних поэтов, принадлежащие перу Г. Р. Державина и В. В. Капниста: с другой стороны, они приводят к выводу о необходимости признать наследие Н. А. Львова оригинальным художественным единством, центральное положение в котором занимает тема творческой личности. Хотя предис-

ловие к переводам из Анакреона убеждает в том, что поэт и в зрелом возрасте с симпатией относился к основным положениям доктрины классицизма, однако понимание сущности творческого акта не как подражания прекрасным образцам, а как спонтанного самораскрытия личности позволяет охарактеризовать его позицию как предромантическую в широком смысле, сблизить с воззрениями Г. Р. Державина и М. Н. Муравьева.

Таким образом, поражающее в первый момент своей «пестротой» наследие Н. А. Львова оказывается теснейшим образом связано с борьбой эстетических идей его времени, в силу чего предлагаемые в данном сборнике вниманию читателя произведения, значительная часть которых публикуется впервые, не только обогащают наши знания о литературном процессе в России на исходе XVIII столетия, но и приоткрывают тайну глубоко индивидуального мировосприятия замечательного русского поэта, архитектора, ученого.

К. Ю. Лаппо-Данилевский

СТИХОТВОРЕНИЯ

СТИХИ ИЗ РУКОПИСНОГО ЖУРНАЛА «ТРУДЫ ЧЕТЫРЕХ ОБЩНИКОВ»

* * *

Во что труды употребить,
Писать желанье коль имею?
О Муза! тщишь в том пособить,
Люблю тебя, сказать то смею,
Знать хочешь делать то на что?
Увидишь с слов начальных то.

* * *

Хочу писать стихи, а что писать, не знаю,
На что же знать сие? перу себя вручаю.
Любезное перо! полезное пиши
И слабый замысл мой читателю внуши.
Перо, преславное оружие писцам,
И предпочтенное копью, ружью, щитам,
И острому мечу, и бритве изощренной,
И грозныя стреле, в яд злейший обмоченной.
Тобою Цицерон врагов своих сразил,
Тобою и Ликург законы положил,
Тобою Гиппоас насмешку отсмеял,
Ей-богу; что же мне, и как, и что писать?
Не лучше ли, покой мне взявши, перестать?
И так севодни день немало я трудился;
На острове я был, в полку теперь явился.
И в школе пошалил; ландшафтик сделал я;

Харламова побил; праздна ль рука моя?
 Я Сумарокова сегодня ж посстил,
 Что каменным избам фасад мне начертил.
 И Навакшнонову вслел портрет отдать,
 У Ермолаева что брал я срисовать.
 Еще ж я вам скажу, скажу, право, без лени,
 Что Аплечесва поставил на колени.
 Немало сделал я, чего же еще боле;
 А хочется еще сидеть-таки в неволе;
 Да, хочется, сидев и что-нибудь писать.
 Ну полно, черт с тобой; пора уж перестать.

* * *

В письме хоть лучше ты, как Цицерон, в сто крат.
 В словах же навсегда останься Гарпократ.

ЗАГАДКИ

1

Ходить я не могу, однако ж не лежу;
 Согнутым я ногам подпорою служу.
 Мя часто носят все, стою же весь свой век;
 А пользую тогда, устал коль человек.
 Равно как с женщиной, с мужчиной я ласкаюсь
 И только лишь к одной спине их прилепляюсь.
 Устанешь как когда, кричишь: меня подайте,
 А как меня зовут, вы сами отгадайте.

Стул

2

Какой-то бриллиант меж камушков лежит,
 Но схватит кто его, лишь только отбежит
 И плюнет на него с болезнью и тоской;
 Нельзя, зная, бриллиант взять голою рукой?
 Часа три полежав, он весь вдруг почернсет;
 И всякий уж его тогда брать в руки смест.

Уголь

3

Несчастнейшее мы на свете сем творенье,
И, зная, сотворены другим на вспоможеньс:
Трудимся мы для ног, для рук, для головы;
Но что в том пользы нам? скажите сами вы;
Готовим пищу мы, а сами не глотаем,
И сыты от трудов своих мы не бываем;
Мы тверды, но что в том? Хоть камням мы подобны,
Но мы в работе век, они лежат покойны.

Зубы

4

Как злейший крокодил, я рот свой разеваю
И, что ни бросят мне, все надвое терзаю.
Пять мальчнков меня к тому злу побуждают,
А без того мои и члсны не владают.

Ножницы

5

Кузнец меня родил; ему должна рожденьем;
Первейшим же служу портному вспоможеньем.

Ножницы

6

Я вам пылиночку горою покажу;
И небо на плечах я ваших положу.
А меня доколе нет,
То один видите свет.

Микроскоп

7

Что? Десять работают,
А двое надзирают;
Ничего ж никто не знает,
Как один не управляет.

Руки, глаза, разум

8

Ничто меня на свете не прельщает;
Водою я живу, вода меня питает;
И воду я люблю. А дневное светило
Уж очень-то мне, уж очень не мило;
Как скоро лишь лучам его я виден стал,
С большою трусостью свой колпачишко снял.

Гриб

9

Мною астроном гуляет по пространным небесам;
Географ дорогу знает по горам, долам, лесам;
Корабельщик без меня
Стоит на море, стенья.
Коль меня скоро найдет,
То немного мной шагнет;
Тогда он якоря оставит
И парусы направит;
Я живу без рук, без брюха, но имею две ноги;
Все разумны меня любят, ненавидят дураки.

Циркуль

10

Хоть бумажка я простая, но имею много глаз;
И из Крезуса я нищим превратить могу тотчас.
Я спасение от скуки,
Мне все люди говорят;
Я целую у всех руки,
Все меня хоть въявь бранят.

Карты

СТАРИК И СМЕРТЬ

Прискучил мужику свой век;
Коль несчастен человек!
О! Несчастливая судьбина!
Злое счастье он бранил.

«Я в работе, как скотина, —
Он себе так говорил, —
Как был молод, без роптанья
Целый день в поле пашу;
Теперь детям в послушанья,
Я дрова с гумна ношу».
И ничем в сем состоянии он себя не утешал,
Только к небу он усердную молитву воссыдал:
«Смерть, несчастливый отрада!
В бедну жизнь мою войди,
Будь мученьям ты награда
И меня не пощади».
Смерть свой страшный вид явила,
И сго так спросила:
«Ты зачсч меня призвал?
Я то сделаю нсложно».
Он на то ей отвечал:
«Снеси дров, если возможно».

ЭПИГРАММА К КЛИМЕНЕ

Несчастливая премеиа!
Во мне горит уж кровь;
Я чувствую любовь
Великую, Климена!
Но что ж, свирепая? За что бранишь меня?
То правда, я люблю; да только не тебя.

САТИРА НА ГОСПОДИНА П. Е <РМОЛАЕВА >

Елиметей весь век трудился лица в поте,
Но прожил он его в горшечной лишь работе;
Употребление он глины показал,
Искусством мало сим он свету славен стал.
Когда и сам творец не сделал прославлснья,
Так славу может ли иметь его творсье?
Он, видя, глина что земля совсем негодна
И к прозябанию плодов что неспособна,
То зачал он из ней, что сделать, помышлять.
И стал сперва горшки и чашки составлять.

Употребил он их на стол, на пищи нам.
Еще я сделаю сосуд потребный вам,
Чтоб деготь и смолу в него бы вы сливали
И благородных тем горшков бы не марали;
Вот так он о горшках и чашках говорил;
Для дегтя ж и смолы кубышку сотворил.
Прмерзкая ты тварь, Кубышка бесполезна!
В тебе великая сокрыта дегтя бездна;
Молчи! И перестань, Кубышка ты зловредна!
Всяк знает, сколько ты в здоровье своем бренна;
Ни вкус ты из себя, ни дух не испущаешь,
Но масло лишь одно и деготь проливаешь
И думаешь, что тем других людей ругаешь,
Но, напротив того, сама себя марашь.
Молчи! Кубышка, безмозгла голова!
Кто о тебе твердит, теряет лишь слова.

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

КАК МЫ БУРИ ИСПУГАЛИСЬ

Из тонких южных туч
Блеснул со страхом луч
В потемки гордой ночи,
И мрачну ночи мочь
Прогнал сияньем прочь,
И ослепил нам очи,
Так что ночная тень
Стала нам в страхе день.

ИДИЛЛИЯ

Вечер 1780 года ноября 8

Под тенью миртовых кустов
В прохладе тихого зефира,
Промежду розовых цветов
В траве покоилась Елмира...
Покоилась, и быстрый ток,
И шумный востр в лесу замолк,
Листочки неподвижны стали,
Свирель утихла на лугах,
Не смели птички петь в кустах
И сон Елмиры почитали.

Приятные мечты любовь
Во сне Елмире представляла,
Волнуя ими жарку кровь,
Румянцем щки украшала;
Улыбкой розы на устах
Пастушковых изображала.
Лилей прятались в кустах.

Любовной зыблема мечтою,
Прекрасна грудь пастушки сей,
Казалось, будто белизною
Старалась их стыдить своей;
Из-под косынки вырываясь
И с скучным полотном сражаясь,
Стремилась выйтить из пелен;
Но сил еще недоставало,
И полотно торжествовало.

Зефиры, сей приметя плен,
К свободе красоты приспели,
Свились цепью, зашумели,
Спустились, вокруг Елмиры сели
И начали в косынку дуть
Так сильно, что ее сорвали,
Свертели, скомкали, помчали,
Взвились, победу засвистали
И в первый раз открыли грудь.
Увидя, солнце удивилось
Собранию таких красот,
Покрыв стыдом небесный свод,
Свой пламень утушить стремилось
От зависти в прохладе вод,
И темно становиться стало.

Меналк в прохладный этот час
Вблизи Елмиры стадо пас,
И стадо в роще отдыхало;
А он задумчиво стоял,
Спокойству вечера внимая,
На стадо и на дол взирая,
Молчанье вздохом он прервал
И, смутный взор омыв слезою:
«О! как вы счастливы! — вещал, —
Мои овечки, предо мною!
Вы неповинны... я влюблен,
Я вас пасу и вас покою,
А сам спокойствия лишен».
Сказал, и в роще раздалася
Уныло жалоба сия.

Собачка, трепетно лестяся
Вокруг хозяина ея,

Как будто грусть с ним разделяла
И, как могла, так утешала,
Когда он горестно стenal:
Глядела на него, визжала,
Ложилась перед ним, играла,
Каталась, лаяла, ласкала.
Меналк сей ласке не внимал,
Он грубо прочь собачку гнал
И только страстью занимался.

Елмирой сей пастух горел,
Он много раз ей покушался,
Открыть любовь, но все не смел.
Елмира так же ощущала:
Но что? того сама не знала.
Когда она ложилась спать,
Тогда в ней сердце трепетало,
Покойно не могла лежать,
Чего-то ей недоставало...
Чего-то сердце то искало...
Льзя ль, кажется, не зная, желать?
Но сердце нимфы сей желало...
Потом, как сон ее объял,
Любовь во сне ей толковала
Ту тайну, чем душа страдала.
Меналк ее растолковал;
И вот как это с ним случилось.

Уж солнце за лес закатилось,
И свет сквозь ветвей чуть блистал,
Меналк, объятый темнотою,
Одумался... и для покою
Овец своих домой погнал;
Собачка путь им пролагала
И тихо перед стадом шла,
Вдруг взлаяла и побежала
Туда, Елмира где спала:
Она следы пастушки знала.
Собака, верности символ,
Она вослед любви бежала,
Меналк за ней поспешно шел.

К кустам, где белое блистало,
Меналк, пришед, оцепенел;

Меналк увидел, что лежало!
Увидел он, что развсвало
И с ветром всячески играло
То освященно покрывало,
Которо он вскрывать не смел.
Вся кровь его... Но я напрасно
Стремлюсь восторг сей описать,
Умел я в жизни ощущать
В молчании движенье страстно;
Но не умел никак сказать.
Тому вообразится живо,
Меналк что, видя, ощутил.
Несчастно, а потом счастливо
Кто горду красоту любил.

Пастух сей робкими стопами
Поближе к нимфе подошел
И между теми же кустами
Тихонько подле сонной сел.
Но чем пастух сей занимался?
Он ветви удалять старался,
Чтоб не прервали сладкий сон,
Которым дух его прельщался,
Которым восхищался он.
Ничто от взора не скрывалось!..
Но вдруг Меналку показалось,
На грудь как нимфы он взирал,
Что розы там пучок лежал,
«Уколется она», — сказал
И снять цветочек покусился,
Тронул, цветочек не свалился.
Меналк пастушкин сон прервал,
Прелестный взор ее открылся,
Меналк, а не цветок упал.

Упал к ногам пастушки страстной
Влюбленный молодой пастух.
Он описал ей жар несчастной...
Он вспомнил множество заслуг,
Которы нимфа презирала.
Елмира пастуха внимала,
Глядела вокруг себя... молчала...
И голос пастуха затих.
Елмира, слышалось, вздыхала,
И мраком ночь покрыла их.

СТИХИ НА РОЗУ,
сорванную зимою 1796 года
и посланную в рисунке к Доралисе

Сковали землю уж морозы,
И снег покрыл лице полей:
А я в жару любви моей,
Царицы меж цветов, красы природы всей,
Искал цветущей розы;
Но скоро ль кто красу с невинностью нашел?
Эрот тогда веленьем властным,
Дыханием небесным, страстным
В долине, на снегу вдруг розу произвел.
«Пускай, — сказал, — тобой познает
Утехи сей цветок молодой;
Он для тебя рожден и расцветет тобой;
Пускай пожертвует красой
Любви и нежности одной.
От грубости пусть терн колючий защищает
Его красы, его покой».
Эрот сказал — цветок открылся,
Светильник страсти вспламенился;
Эрот тотчас... Эрот потом
На блюдичке златом
Несет и с стебельком
Ту розу, коей вид здесь сам изобразился,
Как я листок поцеловал,
Как вспомнил, как вздохнул: «Лети ты к ней», —
сказал.

К ДОРАЛИЗЕ

*Мне скучно без тебя, пре-
красная Дорализа, и я по-
хож на тот Леонардов
ручеек, который течет по
камням; а вот как он течет.*

Пастух, лишившись подружки,
Тому, кто утешал его,
Послушай, говорил, ты горя моего:
Два ручейка, между собою дружки,

В один и общий ход
 Стеклися,
 В один поток слились,
 Одной чертой в лугу вились
 И целью общею неслись
 В пучину неизмерных вод.
 Вдруг страшная гора им путь перелегает
 И разлучает
 Взаимный их счастливый ток,
 Один из них в долине,
 Другой порывисто меж камешков потек,
 Сердьясь на берега кремнисты,
 На корни, на древа ветвисты,
 Шумел, журчал, свой ток мутил.
 Прохожий, ручейку пеняя, говорил:
 «Ручей! ты скучен... и порою
 Ты мог бы течь и не шумя».
 «Постой, послушай: за горою, —
 Ответствовал ручей, стена, —
 Перекликается со мною
 Другая часть меня».
 О странник! пусть благословится
 Судьбою твой житейский путь,
 И дух твой ввек не оскорбится
 Утратой, кто ему был мил когда-нибудь.

ОТПУСКНАЯ ДВУМ ЧИЖИКАМ
 при отъезде в деревню
 к М<арии> А<лексеевне>

Что такое вы поете,
 Птички маленькие, мне?
 Или вы меня зовете
 В гости к радостной весне?

Полно вам сидеть в неволе!
 Полетите счастье петь!
 След любви за вами в поле;
 Вслед и я пушусь лететь.

Уж на ветви зыблясь, нежный
 В поле Флору ждет Зефир;

Некой радостью мятежной
Ожил весь любовный мир.

Уж спешит пастушка страстна
Встретить вёсну в мягкий луг:
Ах! постой, весна прекрасна!
Ждет меня мой милый друг.

Сердце трепетным биеньем
Измеряет каждый миг
И с сердечным восхищеньем
Ждет с тобой нас обоих.

МУЗЫКА, ИЛИ СЕМИТОНΙΑ

Глагол таинственный небес!
Тебя лишь сердце разумеет;
Событию твоих чудес
Едва рассудок верить смеет.
Музыка властная! пролей
Твой бальзам сладкий и священный
На дни мои уединенны,
На пламенных моих друзей.

Как огонь, влечет, как гром, разит
Закон твоей всесильной власти;
Он чувства нежные родит,
Жестоки умягчает страсти.
Гармония! не глас ли твой
К добру счастливых убеждает,
Несчастливых душу облегчает
Отрадной, теплою слезой?

Когда б подобить смертный мог
Невидимый и несравненный,
Спокойный сладостный восторг,
Чем души в горних упоены —
Он строй согласный звучных тел
И нежных гласов восклицанье
На душу, на сердца влиянье
Небесным чувством бы почел.

Не ты ль с небес к нам в век златой,
Богиня нежных душ, спустилась?
Принесшая волшебства строй,
Жизнь смертных услаждать склонилась?
Ударил в воздух голос твой
Размером хитрым, неизвестным,
И тем же трепетом небесным
Сердца отозвались на строй.

Как роза в вешни времена
Хранит красы свои бесценны,
Так часто счастья семена,
В сердцах любовью насажденны,
Скрывает живость юных лет.
Как солнцем роза расцветает,
Твой глас так сердце растворяет,
И огонь любви слезой блеснет.

Да будет мне неведом век,
Жестокий, строгий, злополучной,
Несчастный, хладный человек,
Противник власти стройной, звучной,
Утехи не познает он!
Не встретит друга с восхищеньем,
Сердечным не почтит биеньем
Ни счастья плеск, ни скорби стон.

О сладкогласно божество!
На крыльях радости взвивайся,
Греми победы торжество,
В разящих звуках раздавайся,
Сердца и души восхищай!
Но к нам свирелью ниспустися,
Умильной, нежною явися
И к счастью смертных увещай.

НОЧЬ В ЧУХОНСКОЙ ИЗБЕ НА ПУСТЫРЕ

Волки воют... ночь осенняя,
Окружая мглою темною
Ветхой хижины моей покров,

Посреди пустыни мертвья
Множит ужасы — и я один!
Проводя в трудах ненастный день,
И в постели одиноческой
Я надеялся покой найти;
Но покой бежит от хижины,
Где унынье прерывается
Только свистом ветра бурного!
Отворю, взгляну еще в окно —
Не мерещится ль заря вдали?
Не слышать ли птицы бодрственной,
Возбуждающей людей на труд?
Не поет ли вестник утренний?
Воют волки... ночь ненастная
Обложила все лице земли
Хладом-ужасом — и я один!

Холод, ужас и уныние,
Дети люты одиночества,
Обвилися, как холодный змей,
И в объятиях мучительных
Держат грудь мою стесненную;
Ленно в жилах протекает кровь,
Бьется сердце, хочет выскочить,
Ищет, кажется, товарища,
С кем напасть бы разделить могло.

Кто жестокий жребий бедственный
Посреди степей живущего
В тесной падающей хижине,
Где витает бедность вечная,
И ненастну ночь холодную
Разделить с тобой отважится?
Ты одна, о мой душевный друг!
Дух спасительный судьбы моей,
Ты одна б со мной решила
С чистой радостью сердечною,
Как блаженство, и напасть делить.
О, когда б ты здесь была со мной,
Не посмело бы уныние
При тебе, мой друг, коснуться нам!
Буря, мрак, пустыня, хижина

В тесных пламенных объятиях,
Под крылом любви испытанной
Умножила б наше счастье.

Но мой друг уж далеко отсель,
Вслед за нею покаталися
Красны дни мои и радости.
Холод, ужас и уныние,
Вы теперь мне собеседники,
Незнакомые товарищи!
Ваши хладны узы грудь мою
Наполняют неким бедственным,
Смертоносным едким холодом...
Ах, давно ли в узах счастья
Я утехи не видал конца
И не знал числа забав моих?
Мне горячность друга милого
Удовольствий неописанных
Бесконечный круг готовила.

Бесконечной ночи бурный визг,
Умножаясь, продолжается...
Что за страшный громовой удар
Потряхнул пустыню спящую?
Отдался в лесу, и лес завыл?
Выйду, встречу ночь лицом в лицо,
Посмотрю на брань природных сил...
Вихрь изринул с корня старый дуб,
Опроверглась кровля хижины,
Буря мрачная спасла мне жизнь,
Знать, из утлого пристанища,
Знать, затем меня и вызвала.

Но что, что ты мне, несчастный ветер,
Что принес на крыльях трепетных?
Жар исполнил хладну грудь мою,
Из источника сердечного
Разлилася кровь кипящая...
Голос... имя... но послушаем...
Ах, я слышу голос девичий,
Умирающий, растерзанный;
Стае хищной, злобной, воющей
Жертва юная досталась!

И последние слова ее,
Чувства нежного свидетели,
Излетели из прекрасных уст
Вместе с именем любезного...

О! несчастные отец и мать!
Окончав свой обиденный труд,
В ваши нежные объятия
Одинокая, любимая
Дочь любезна торопилася...
Уже скатерть белобраная
На столе дубовом постлана,
Уж стояли яствы сладкие,
И в восторге мать злосчастная
Суежилася, готовила
Для дитяти ложу мягкую,
Где бы юная работница
Отдохнула, освежилася.
За воротами отец стоял;
В темноте ему мечталось,
Что несется в светлом облаке,
Облеченна в ризу белую,
В небеса душа прекрасная.
«Умерла моя любезна дочь,
И печаль вошла в мой горький дом», —
Он сказал, и бледность смертная
Облекла его унылый взор.
Ноги горестью подсеклися...
Но далёко и давно уже
Вышел встретить за околицу
Нину милую сердечный друг.
Для любви его пылающей
Нет ни вихрю, нет ни мрачности.
Терн ему и камни кажутся
Путь, травой душистой устланный.
Он летит вперед, надеясь
Встретить ангела любви его.
Воротися, добрый молодец,
Для тебя уж ночь не кончится,
Не придет уж на заре к тебе
За ушко любовь будить тебя,
Далеко уж твой сердечный гость,
И часы твои счастливые

Погрузились в бездну вечности...
Вся деревня завтра празднует
День веселый, день рождения
Красоты, доброты, прелестей —
День, в который мир украсила,
Как взглянула первый раз на свет
Нежный друг твоей горячности;
На восходе солнца красного
Придут с пляской, придут с песнями
Все ее подруги верные
К дому юноши печального
Спросят — где? куда девалась
Коноводка дней их праздничных,
Где душа игры, веселости?
Где румяная, где розова
Их подруга голосистая?

На устах твоих спеклася кровь,
И на веждах тяжких, горестных
Замерла слеза горячая.
Ты покажешь мановением
Члены нежные растерзанной,
И потерю вашу общую
Обличит черта кровавая...

Не всходи ты, солнце красное,
Продолжися, ночь ужасная...
Может, ветра свист в ущелинах
Мне в пустынном одиночестве
Показался голос девичий.

НА УГОЛЬНЫЙ ПОЖАР

Послушай, мать сыра земля,
Ты целый век ничком лежала,
Теперь стеной к звездам восстала,
Но кто тебя воздвигнул? — Я!

Не тронь хоть ты меня, покуда
Заправлю я свои беды,

Посланные от чуда-юда:
От воздуха, огня, воды.

Вода огонь не потушает,
И десять дней горит пожар,
Огонь воды не осушает,
А воздух раздувает жар.

СТЕРНОВ ЧИЖИК

Бабочка летает в поле
Со цветочка на цветок;
Скучно, скучно жить в неволе,
О! мой миленький дружок!

Так-то в клетке птичка пела
И подругу так звала:
Ах! куда ты улетела
И утехи унесла?
Скучно, скучно жить в неволе,
О! мой миленький дружок:
Бабочка летает в поле
Со цветочка на цветок.

Неужели изменяла
Сельска бабочка? Нет, нет.
Бабочка цветка искала,
Где любовь ее живет.
Бабочка летает в поле
Со цветочка на цветок;
Скучно, скучно жить в неволе,
О! мой миленький дружок!

О когда б ты воротилась
В клетку маленьку мою,
Для тебя б я потеснилась
И жила бы, как в раю.
Бабочку пускай бы в поле
Каждый привлекал цветок,
Нам не скучно б и в неволе
Было, миленький дружок.

ПТИЧКА

Что, зачем ты прилетала,
Птичка, к Лизе под окно?
Лепетала, лепетала,
А все так, как я, одно.
Про любовь свою словечко
Что ль хотела ты сказать?
Как и впрямь, что лжет сердечко,
Нам про то не поболтать?
Иль ты, птичка голосиста,
Прислана к нам голубком
Посмотреть: голубка чиста
Не тоскует ли по нем?
Не тревожит ли разлука
Грустью дух, болезнью кровь?
Как приятить к ней смеет скука?
На часах при ней любовь,
Строим игры вокруг и смехи,
А под крылышком у ней,
Посмотри... сидят утечи,
Дети нежной птички сей.
Бог любви ее лелеет,
А она лелеет нас,
Что с любовью ни затеет,
Все выходит в добрый час.
Полети, скажи! Но страстной
Что твой голос так уныл?
Иль орел тебя ужасной
Счастья и гнезда лишил?
Лишь остался б друг твой милой,
С ним несчастья в жизни нет.
Освежи свой взгляд унылой,
Птичка, не горюй, мой свет.
Я сама, как ты, страдала,
Злой гонимая судьбой;
Но здесь рай, свой свет сыскала,
Здесь и ты найдешь покой.
К нам лети, когтям орлиным
Не опасен счастья дом,
Мы под мягким, голубиным
Спрячемся у ней крылом,
Утренней тебя, душистой

Буду я поить росой
И кормить из уст зернистой,
Белоярою крупой.
Если, чувством восхищенну,
Я пролью слезу из глаз,
То и каплю ту священну,
Птичка, разделим меж нас.
Я цепочкой золотою
К счастью привяжу тебя,
Дом тебе из роз построю,
Пой, люби, живи, как я.
Но в сей жизни безмятежной
Помни слово ты мое:
«Не порви цепочки нежной,
Счастье перервешь свое».

НОВЫЙ XIX ВЕК В РОССИИ

Отколе, исполин спокойный,
Отколь, блестящий новый век,
Отколь, сын вечности достойный,
В короне звездной к нам притек
И воцарился между нами?
По снежным, блещущим коврам
Российским радостным сынам
Послал пути ко всем странам,
Усыпал пухом и звездами.

Успех венчал столетний бег,
Пролег знакомый путь блестящий,
И холод, всё досель мертвящий,
На труп подвижника возжег.
Огнем ланиты воспалились,
Сверкнула искра на очах,
Стопы на подвиг окрились,
Засела сила в раменах.

Сплеснули витязи руками,
Глухой раздался некий гром,
Друг другу молвили глазами:
«Путь к славе нам пролег звездами!
Прости и мать, жена и дом!»

Напрасно мать, жена и дети
Терзают их слезами грудь.
Где зрят опаснее им сети,
Там к славе краткий видят путь.
Трещат стези под их стопами,
Объемлет холод их крылами,
Борей взвивает снег столпами;
Но русская кипяща кровь
Огнем их жилы напоет,
Герой летит... Останавливает
Его единая любовь.

Природы все чины страдают
Под бременем лдяных оков;
Одни сердца не замерзают
Российских огненных сынов.
Герой в борьбе с любовью, с славой,
Опасность видит он... но стыд
Любовны узы разрешает,
И узник сетует, вздыхает,
Взирает в поприще и всё позабывает;
Любовью воспален, ко славе он летит:
«В пристанище, — он мнит, — спокоен,
Когда б я дожил до конца,
Любовь! То был бы недостоин
Из роз сплетенного венца!»

Былинки вкруг деревьев вьются,
И розы с лаврами плетутся
Для пользы общей — общих сил.
Коль роза прелестию цвета
Здесь долу украшает свет,
Под сенью лавра в знойно лето
Надежнее она цветет.
Объемлет мягкими ветвями
И облекает красотами
Своей надежды твердой дом;
Уж покровенную листвами
Не устршит красу стрелами
Ни молния, ни град, ни гром.

Ты лавр сей непоколебимый,
Надежен, тверд, неустрашимый,
Избранно племя! храбрый росс!

Стремися в путь благословенный,
В путь, славой предков освященный,
Превыше всех племен вселенной
Твой бог главу твою вознес.
Твой жребий — жребий вождельный!
Отважный подвиг — подвиг твой!
И труд твой славен и покой.
Дух мужества — твои все правы,
Стези твои — путь чести, славы:
Везде велик! везде герой!
И в нужде, в роскоши, в покое,
В играх твоих и в ратном строе
Единым сердцем говоря:
«Везде с венцем побед явлюся!
Везде, коль праведно, сражуся
За землю, церковь, за царя».

Исследуй кто россиян свойство,
Труды их, игры, торжества,
Увидит всяк: везде геройство
Под русским титулом удалства.

НАРОДНОЕ ВОСКЛИКНОВЕНИЕ НА ВСТУПЛЕНИЕ НОВОГО ВЕКА

К нам новый век
Притек.

Не явно ль русский бог изрек:
«Я к счастью путь вам не пресек,
На ново поприще подвижника извлек;
Да силой духа обновится,
Надеждой, верой укрепитя,
Любовью правды воспалится
И счастлив будет человек».
В безмерном эхе повторится
Геройский, благодарный лик,
Да каждый в правде убедится,
Что русский бог велик! велик!

В отечестве моем златые
Восставь, зиждитель, времена

И распрости на нас святые
Твоей победы знамена.

Да мир со правдой утвердится,
Да помрачится буйных ков,
И, яко феникс, обновится
Блаженство, мужество сынов.

Обильем нивы оросятся,
Прострется новый к славе путь,
И мир с любовью водворятся
В геройскую россиян грудь.

Бог русский и творец вселенной!
И меч и щит твой искони
Услышал глас твой вдохновенный,
Он век послал благословенный
Восстановить золотые дни.

СТИХИ, ПРЕДНАЗНАЧАВШИЕСЯ ДЛЯ ВОКАЛЬНОГО ИСПОЛНЕНИЯ

* * *

Увы! что в свете есть злая муки,
Любя, в неведенье вздыхать,
Ночь в плаче, день в ужасной скуке,
Пылая страстью, провождать.

Таить уж более нет силы
В груди мне нежну страсть мою,
Взгляни на взоры те унылы
И зри победу в них твою.

Они тебе ту страсть являют,
Котора мне вспалила кровь,
Они ту верность обещают
Тебе, что требует любовь.

Того в награду лишь желая,
Чтобы, колико ты мне мил,
Взаимной страстию пылая,
Как я тебя, меня любил.

* * *

Дух мой томный ободрился,
Сладка мне надежда льстит,
Та краса, кем я пленился,
Нежный жар со мной делит.
Уж я больше не желаю,
На берегу здесь обретаю
Я любви моей предмет,

И, любя, любим сердечно,
Вот что счастье конечно,
Счастья в свете больше нет.

* * *

За что, жестокий, осуждаешь,
Невинну, мучиться меня?
Утехи в горести прменяешь
И оставляешь ты меня
Несчастной жертвой нежной страсти,
Чтоб мучиться и слезы лить,
Тобой узнала я напасти,
Ты научил меня любить.

Я горести не ощущала,
Когда ты был передо мной.
В тебе едином заключала
Утеку, радость и покой.
Но коль с тобою разлучуся,
Во что мя свергнет страсть моя?
Всего на свете я лишуся,
Когда тебя лишуся я.

Забавы, пиршества и смехи,
Все станет страстный дух терзать,
Лишь мысля о тебе, утехи,
Смущенна, буду я искать.
Когда судьбой уж осужденна
Разлуки бремя я нести,
Прости, сказать я принужденна,
Любезный мой, прости... прости.

* * *

Протекли те дни прекрасны,
Как я был всегда с тобой,
Когда зрели взоры страстны
Повсечастно образ твой,
Как уста твои вещали
Мне приятнейших тьмы слов
И улыбкой распаяли
Нежную к тебе любовь.

Но познай, сколь я страдаю,
Разлучен с тобой, мой свет,
Я томлюся, увядаю,
Как от жару вянет цвет;
И утечи, что прельщали
При тебе дух страстный мой,
Те источником печали
Стали мне в разлуке злой.

Все мне в горечь обратилось,
Пуст и тягостен стал свет,
Все печалию покрылось,
Нет утечи... тебя нет.
Жалким, кажется, стенаньем
Тебя кличет соловей,
Ропщет тихим журчаньем,
Не зря образ твой, ручей.

С моей жалобой мешает
Горлиц свой печальный глас,
Эхо всюду повторяет:
Куда скрылася от нас
Та, которая прельщала
Сладким гласом, красота,
И собою украшала
Горестны сии места?

* * *

Уж не может никакая
Красота меня прельстить,
Тобой одной пылая,
Лишь тебя, лишь тебя
Жажду видеть и любить.

Твою нежность ощущая,
Утешаюсь счастьем сим
И, любя тебя, драгая,
Вспоминаю, вспоминаю,
Что тобою я любим.

Нет, не можно в свете боле
Счастья и утех найти,

Как в сладкой быть неволе
И, любя, и любя,
И любя, любиму быть.

* * *

Мне и воздух грудь стесняет,
Вид утех смущает дух,
И приятных песен слух
Тяготит, не утешает,
Мне несносен целый свет,
*** со мною нет.

Воздух кажется свежее,
Все милее в тех местах,
Вид живее на цветах,
Пенье птичек веселее
И приятен шум ручья
Там, где *** моя.

Как она со мной простится,
То на свете все прости,
Вам, цветы, хоть не цвести,
Птички, вам хоть не трудиться,
Для меня несносен свет,
*** со мною нет.

Если б век я был с тобою,
Ничего б я не просил,
Я бы всем везде твердил,
Счастье мое со мною,
Всех вас, всех счастливей я,
*** со мной моя.

* * *

Цари! вы светом обладайте,
Мне незавидна ваша часть,
Сто крат мне лестнее, вы знайте,
Над нежным сердцем сладка власть;
Деритесь, славьтесь, устрашайте,

А я под тенью мирт стою
И Катеньку мою пою.

Герои, жизнь пренебрегая,
Старайтесь лавры заслужить,
Я, миртою себя венчая,
Хочу жить мирно и любить;
Но вашей славы не желая,
Я честь вам должну отдаю,
А Катеньку мою пою.

Богатство в поте собирая
И не живя, кончает век,
Дрожит, нажиток сохраняя,
Богатый, бедный человек!
А я, сей страстью не страдаю,
Моих сокровищ не таю,
Я Катеньку мою пою.

* * *

Уж любовью оживился,
Обновлен весною, мир,
И ко Флоре возвратился
Ветренный ее Зефир.

Он не любит и не в скуке...
Справедлив ли жребий сей:
Я влюблен и я в разлуке
С милою женой моей?

Красотою привлекают
Ветреность одну цветы,
И они ж изображают
Страстной связи красоты.

Их любовь живет весною,
С ветром улетит она,
А для нас, мой друг, с тобою
Будет целый век весна.

ДУЭТЫ НА МУЗЫКУ ЖИРДИНИ,
В ЛОНДОНЕ ПЕЧАТАННУЮ

1

ВЕСНА

Цветами уж покрылись
И луг, и поле вновь,
С весною воротились
И радость, и любовь.
Счастливый веселится,
Он видит рай земной;
А мой лишь дух томится,
Жестокая, тобой.

2

ЛЕТО

Красно лето воротилось,
Зреет счастье на полях,
И с надеждой вкоренилось
И на нивах, и в сердцах.

Приди, о мой любезной!
Спокой тревожну грудь
Под тению древесной,
Приди со мной вздохнуть.

3

ОСЕНЬ

Куколка, куколка,
Ты мала, я мала,
Где ты тогда была?
Как я, глупенька,
Встала раненько,
Встала раненько,
В поле ушла.
Там между розами
Мальчик стал с крыльями,
Я приголубила
Мальчика сонного,

Он лишь проснулся —
Взглядом сразил.
Я приуныла,
Куклу забыла,
Мальчик мне мил.

4

ЗИМА

Пойдем на улицу,
Красны девицы,
Уж молодцы мороз
Бьют в рукавицы.
Мы только к ним придем,
Лихой мороз уьем
Из-под ресницы.

5

УТРО

Хоть уж утро благовонно
Освежило все места,
На руке моей покойно
Спит любовь и красота.

Ах, во поле не блистает
Взор красавицы моей,
Солнце мир не освещает,
Петь не смеет соловей.

СЛОВА ПОД ГОТОВУЮ МУЗЫКУ
ЗЕЙДЕЛЬМАНА

ДУЭТ

Сердце, счастьем растворенно,
Изливайся откровенно
в стройной песне двух друзей;

Слава, слава русской груди,
Слава русскому уму!
Исполать вам русски люди,
Что послушны вы ему!

Буйну голову шершаву
Кто клокотил, кто трепал?
Русский выступил на славу,
Взял Варшаву, расчесал.
Слава, слава русской груди...

Русский бог Россию славит,
Белый свет он в ней вместит;
Русский ум полсветом правит,
Русска грудь — булатный щит.
Слава, слава русской груди...

Как на дело где сойдутся
Русский ум да русский бог,
Горы треснут, раздадутся —
Царствы целые у ног.
Слава, слава русской груди...

* * *

Как, бывало, ты в темной осени,
Красно солнышко, побежишь от нас,
По тебе мы все сокрушаемся,
Тужим, плачем мы по лучам твоим.

А теперь беги, солнце красное,
На четыре ты на все стороны,
Мы без скуки все рады ждать тебя
До самой весны до зеленя.

Ведь другое к нам солнце катится,
Солнце красное, наше родное,
Неизменный наш тих светел месяц
На крылах любви поспешает к нам.

Ты спеши, спеши к нам, наш милый друг,
Наше родное солнце красное,

Неизменный наш тих светел месяц,
Опускайся к нам, своим детушкам.

Без тебя мы все стосковались,
Насмотреться дай на лицо твое,
Дай послушаться нам речей твоих
Всем от старого и до малого.

СНЕГИРЬ

Осенне времечко настало.
Не пой, унылый снегирек!
Не пой, как ты певал бывало,
Не пой, мой добренький дружок!

Пускай павлин, хвостом пушистый,
Своею славится трубой!
Петух и ночью голосистый,
А ты, мой друг снегирь, не пой.

Их песни и сердца железны
Почувствуют огромный глас!
Души твоей напевы нежны...
Не пой, мой друг снегирь, на час.

Осенне времечко настало.
Не пой, унылый снегирёк!
Не пой, как ты певал бывало,
Не пой, мой добренький дружок!

Зима недолго уж продлится,
С тобой тогда затынем вновь,
Весна ведь петухов боится,
Твой голос призовет любовь.

А с нею всё, всё встрепенется,
Земля растает и моря,
И роза к васильку прижмется,
Придут послушать снегиря.

Осенне времечко настало.
Не пой, унылый снегирек!
Не пой, как ты певал бывало,
Не пой, мой добренький дружок!

ЗИМА

Ах, зима, зима лихая,
Кто тебя так рано звал, —
Головой снегирь качая,
Зауныло припевал. —

Лишь цветочки ароматны
Нам успели плод принести.
Где девались дни приятны?
Что в плодах, как не с кем есть?

Нежны птички улетали...
С ними я, бывало, пел,
Песни клетку позлащали,
В ней с любовью я сидел!

Ах, зима, зима лихая,
Кто тебя так рано звал, —
Головой снегирь качая,
Зауныло припевал. —

В ней с подругою прелестной
Мы пеняли на простор.
Есть ли угол темный, тесной,
Где любимый светит взор!

Всё с тобой, зима лихая,
Помирюсь я как-нибудь,
Коль, любви не остужая,
Нежности даешь соснуть.

Ах, зима, зима лихая,
Кто тебя так рано звал, —
Головой снегирь качая,
Зауныло припевал.

* * *

Солнышко садится,
Меркнет, меркнет день,
С гор цветов ложится
Мне на сердце тень.

Лестною мечтою
Сон меня прельстил,
Утренней росой
Путь я освежил.

Нина мне казалась
Лестным только сном,
Будто дожидалась
Там за ручейком.

Силой что ль какую
Чрез горы и лес
Как-то подо мною
Трудный путь исчез.

Тень и шум, движеньи
Ниной я считал,
В каждом ощущеньи
Нину я встречал.

Но и ждать коль мило,
Так можно ль пенять?
Лишь бы только было,
Кого было ждать.

ПЕСНЯ ДЛЯ ЦЫГАНСКОЙ ПЛЯСКИ
(на голос «Вдоль по улице молодец идет...»)

Чок, чок,
Чок, чок,
Чеботок,
Ты зачем не звончат, не легок? (2 раза)

Стебелек,
Что прилет
Твой цветок,
Иль сидел на тебе мотылек?
Чок, чок, чок, чок, чеботок,
Иль сидел на тебе мотылек?
Иль сидел на тебе мотылек,
Иль пришел мой дружок
На лужок?
Чок, чок и проч.

На лужке был лесок
Невысок,
А в нем тек
Ручеек
Крутоберег.
Чок, чок и проч.

Недалек, недалек
Вечерок:
Я урвусь на часок,
Где дружок.
Чок, чок и проч.

Я возьму уголек
В плетешок
И пойду на лужок
Поперек.
Чок, чок и проч.

Вдруг махнул ветерок
В уголек,
Огонек
Мой зажег
Плетешок.
Чок, чок и проч.

Потемнел, потемнел вечерок,
Потерялся следок
На лужок.
Чок, чок и проч.

Потерялся следок
На лужок,
Не дождался цыганку
Дружок.

Чок, чок *и проч.*

Мне денек этот был
Не легок,
Осердился мой миленький дружок.

Чок, чок *и проч.*

ПЕСНЯ МОЕЙ ПАШЕНЬКЕ

Тише, громкий соловей!
Чу... там в хижине моей
Раздается
И несется
Зефиром, сквозь сей лесок
Моей Паши голосок.

Как малиновка весной
Перед утренней зарей
Распеваает
И пленяет
Всех мелодией своей;
Так он мил душе моей!

* * *

Кто б ни был такой,
Ни слова, ни ногой,
Стойте, стой!
Иль слушай, или пой,
Смотри, над головой
Твоею вьется рой,
Стойте, стой!
Иль слушай, или пой.
Напев у нас простой.
Смотри над головой *и проч.*

ПОСЛАНИЯ

ГАВ <РИЛЕ> РОМАНОВИЧУ ОТВЕТ

Домашний зодчий ваш
Не мелет ералаш,
Что любит жить он с мужиками.
В совете с правыми душами

Жить

Пришлось как-то мне по нраву,
Двенадцать лет я пил отраву,
Которую тебе советую не пить
В том месте, где она все чувства отравляет.
Счастлив, кто этого хмельного не вкушает,
А я, бывало, пей, хоть морщися, да пей,
Блаженны при дворе Фингалы хладнокровны,
Что должность помнят и друзей;
Как дела нет, они спокойны,
А дело есть, так без затей
Откуда что возьмется;
На столике кое-каком,
На лоскутке кривым пером
Одною правдою прямое сладят дело.

Потом,

Святительско чело покрывши колпаком,
В чулан от людства ускользнувшись,
В тулупе с музой завернувшись,
И там с Кирсаною своей
Да два-три искренних друзей,
Схватя перо, настроя лиру,
В досаду мудрому безграмотному миру,
И с Богом, в добрый час,
Полезли на Парнас;
Но все без судорог, спокойно, равнодушно.
Нет, сердце моему

уму

не так послушно.
 Не мог я согласить двух недругов моих,
 Мне добрые дела рассудок восхищали,
 Дурные и покой, и нрав мой отравляли,
 И выходило, что из них,
 Ни первых, ни других
 Окончить так, как должно,
 Мне было невозможно,
 Для должности мне день всегда казался мал,
 А если я его не проводил с друзьями,
 Для счастья моего я день тот потерял.
 А здесь меж мужиками,
 Не знаю отчего, я как-то стал умен,
 Спокоен мыслями и нравом стал равен,
 С надеждою ложусь, с утехой просыпаюсь,
 С любовью выхожу, с весельем возвращаюсь,
 Благословляючи на встречу стократ
 Станицу шумную троих моих ребят,
 Которые растут здоровы, сильны, стройны;
 Но были ль бы и здесь так дни мои спокойны,
 Когда бы не был я на счастья женат?

ГОРЯЧКА¹

Двадцать градусов морозу...
 Я в горячке третий день...
 В ноябре живую розу
 На Сенной родил Олень,
 И безрогий, неказистой,
 Доказать зверек сей мог
 То своей голубке чистой,
 Что он муж ей, хоть без рог.
 Но без рог! о друг, ты свету
 Станешь странный шиш казать,
 Мужнюю не зря примету,
 Кто нас мужем станет звать?
 Что такое есть венчаться?
 Украшать венцом чело,

¹ Елизавете Марковне Олениной на рождение первого сына ее Николая

Чем же мужу отличаться,
Как чело у нас голо?
 Как венец сей налагают
Честна камня в страстный час,
Тут под титлом намекают
То, чем Бог обидел нас:
Знаменитыми мужами
Он нас быть не осудил,
Но камолыми скотами
В угол счастья заключил,
Дал свободу веселиться,
Скромно и покойно жить,
Целый круглый век любить,
О пустом не суетиться,
 Да проходит уж и век,
Где рогами в знать втесниться
Может честный человек.
И тебе, знать, не удастся
Гербом, имя, величаться,
Шлемом знатности блеснить,
Как тебе не подмощаться,
Как Лениным не зваться,
Но Оленем век не быть.

Приношение

Когда я был здоров,
Ты, Лизанька, меня просила
Прислать к тебе смешных стишков,
Но с тех пор жжет меня нечиста, адска сила,
Ты вдруг морозного Николу нам дала
И силу адскую немножко утушила,
Другая вральная меня ошаломила
 и понесла...
Куда ты, Лизанька, мила,
Ты разрешаешься сама и разрешась,
И, может, в скромности своей сама не знаешь
 Талантов всех твоих.
Двоишься, лечишься и лечишь и других.

ДЕРЖАВИНУ

О друг отечества и мой,
Друг истины святой,
Глагол полуночных колоссов
Еще тебе, еще венец
Доблественных, надежных россов,
Внушенный силою певец!
Что древни барды и друиды,
Где вашей томной лиры честь?
У нас пером орла Алкиды
Монархам говорят нелесь,
Но, духом грома воспалая
И словом молнии вращая,
Предвечной истины закон
Любви отечества стрелою,
На сердце огненной чертою
Изобразив, несут пред трон,
Блаженством общим упоенну,
Народным мужеством внушенну
Раскаянья, ни страху нет;
Слова его суть правды стрелы,
А щит — отечества пределы,
Убежище его — весь свет;
Где только солнца луч блистает,
Везде сын истины витает,
Везде с ним счастье живет.
Но кто, кто витязь сей венчанный?
Кто дела смелого творец,
Кто сей России сын избранный,
Стяжавший вечности венец?
Единым вздохом оскорбленных
Кто гром небесный воспалил
И каплей слез сердец смиренных
Удар на милость обратил;
Кто благодарных душ слезою,
Как розу, горнею россою
Порфиру царску окропил?
Любимого царя покою
Поставил твердою стеною
Сердец незыблемый оплот;
Любовь народную священну
На стражу верную бессменну

У царских утвердил ворот?
Кто словом душу возвышает,
Пленяет ум и слух прельщает,
Тому пролег и звездный путь...
Он душу Пиндара вмещает
В российскую алмазную грудь.

ОТРЫВОК ИЗ ПИСЬМА

К А.М. Б <АКУНИНУ > ,

который к сочинителю прислал из деревни стихи
на зависть, на скуку, на воображение,
на праздность

...И лист еще не распустился,
И снег не весь сошел с полей
В счастливой родине моей,
На талой ветке воцарился
Певец весенний соловей.
Напевом новым и приятным,
Равно уму и сердцу внятным,
Остановил меня — останавливал людей.
И чудо! в песне он своей
Так человеческим языком изъяснялся,
Как птичка та, что на беду
В Армидином саду
Ринальду пела: «Глуп, что там ты не остался,
Где мог беспощинно гулять, любить и спать,
А ты поехал воевать
И бросил красоту, и царство, и кровать».
Но соловей, сосед мой, в песне отзывался
Не так-то, чтобы только спать;
Он песни петь велит, велит любить, пахать,
Однако ж столько лишь трудиться
Он учит нас,
Чтоб с Дашей порезвиться
Всегда остался добрый час,
С пороков он снимает маску,
Косым страстям острастку
Таковую дал сосед,
Что ни одна пред ним ни тайно, ни в параде,

Ни просто, ни в наряде
 Не смеет нос поднять. О нет!
 Он внятно зависти, хотя языком новым
 Сказал: «Тебя я не прошу,
 Придешь — то я цепом вязовым...
 И кости в землю запашу...»
 Так просим милости, поди ж кто покажися:
 Он в злых не милует ни звания, ни лет,
 А добрым говорит: «О смертный! не крушися,
 Люби, работай, веселися;
 Престол блаженства весь сей свет».
 Приятным голосом слова препровожденны
 В лесу на эхах разнеслись;
 Приятной истиной внушенны,
 Отрадою в душе моей отозвались,
 Сильнее сердце биться стало
 И теплою чертой,
 Как молния стрелой,
 Состав проникнув мой,
 Стремительно всю кровь в концы его послало,
 Огонь в лицо, в глаза вступил,
 Казалось, до того я в свете был не был.
 Приятели! не я ли с вами
 О том же все шумел и прозой и стихами?
 Теперь с певцом скажу вам вновь,
 Ханжам, брюзгам, хрычам к досаде,
Что счастье везде, что счастья нет лишь в аде,
 И то, что не пришла туда еще Любовь;
 Она ведь с нами здесь осталась,
 А если б Дашинька, героиня твоя,
 Красавица, умна, певица, плеся,
 И к Вельзевулу показала
 Во всей красе своей —
 Вся стая адская смиренно бы пред ней
 Помостом подостлалась,
 И там бы для утех открылся новый трон;
 На нем бы Дашинька запела, заплясала,
 Лучом веселости прогнала б вечну ночь.
 Любовь торжественно курносу, адску дочь,
 Чахотливую Смерть цветами б обратала,
 Нагнула, оседлала
 И выехала бы верхом из ада вон.

ИВАНУ МАТВЕЕВИЧУ МУРАВЬЕВУ,
едущему в Етин министром, в ответ на письмо его
из Москвы от 15 генваря 1797

Пусть крутят в крючки темно-русые
И с просединой волоса мои,
А слова мои, слуги быстрые
Духа жаркого, сердца русского,
Пусть запишет нам парень грамотной.

Каково же мне титулярному¹,
Что нет времени и к друзьям своим
Самому писнуть: «Не прогневайтесь,
Что спасибо вам опоздал сказать
За жадобную ладу грамотку».
Любо было мне получить ее,
Прочитав ее, я задумался,
А задумавшись, слово вымолвил:
«Рано, рано ты, млад ясен сокол,
Со тепла гнезда подымаешься,
Оставляешь ты дом отеческой
И родимую нашу сторону.
Покидаешь ты верных слуг твоих,
С другом пламенным разлучаешься.
Ах! не с ним ли ты тайну речь держал?
Чтобы вместе жить неразлучно век,
Чтобы пищу есть с одного стола,
А платие носить с одного плеча,
А теперь, сокол, птичка острая,
Не простяся с ним, возвиваешься...»

Залетел сокол уж за облако...
Что за облако лучезарное,
Лучезарное, иноземное,
Любо там тебе? В молодых летах
На заморский край мы в раск глядим,
Блеском радужным я прельщался сам;

¹ «Ангел мой титулярный» вместо обыкновенного титула в письме было написано

Но из-за моря все домой глядел,
Нет утех прямых, мне казалось, там,
Где нельзя ими поделиться с кем!
Где пролить нельзя животворный дух
Счастья русского в недры русские,
С кем поддержишь там богатырскую речь?
С кем отважную грянешь песенку?
Исполинский дух наших отчичей
Во чужих землях людям кажется
Сверхъестественным иступлением!
Да и как ему не казаться так?
Во чужих землях все по ниточке,
На безмен слова, на аршин шаги.
Там сидят, сидят да подумают,
А подумавши, отдохнуть пойдут,
Отдохнувши уж, трубку выкурят
И, задумавшись, работать начнут,
Нет ни песенки, нет ни шуточки,
А у нашего, православного,
Дело всякое между рук горит,
Разговор его — громовой удар,
От речей его искры сыплются,
По следам за ним коромыслом пыль!

Уже в горести мне мечтается,
Что смотря на твой восхищенный взгляд,
Слыша быструю речь российскую,
Иноземец мой белмы вытращил
И веревками запасается...

Горько стало мне, удаленному,
Представлять тебя в пеленах таких,
Поднялась было грудь... Я вздох сдержал,
Но живой слезы капля теплая
Из-под вежд моих вырывается,
Оживленная чистой радостью,
Скоро катится вдоль по грамотке,
Ищет местечка успокоиться
И на том самом стала трепетно,
Где написано было: «Счастлив я».

Растворенное счастье радостью
Сообщением умножается!
Не смывается слово милое
Каплей теплою слез приятельских,

Но черты его увеличились,
Распростерся их цвет торжественный¹.
Вдруг прозрачная и блестящая,
Прибравшая к слову капелька,
Встрепенувшись, облачилась
В ризу счастья, в пурпур дружества
И с торжественным шумом некаким
За собой влечет свой безмерный шлейф...

Тут меня уж как пронял смех такой!
Пошла... Ишь, барыня, поди, ну Бог с тобой.
И что за шлейф! Что за покрой!

Ведь мне пора

С двора

Долой:

В Кремле поставить трон златой,
На нем несладимой чертой
Везде я напишу «Л...»,
Которой будет к нам весной,
Так я обязан головой
С моей отеческой страной
Исправным в срок явиться,
Чтоб счастьем русскому чин чином о Святой
Где было воцариться.

ЭПИСТОЛА К А.М. БАКУНИНУ
ИЗ ПАВЛОВСКОГО,
ИЮНЯ 14, 1797

1

ФОРТУНА

Слепой очима, духом зрячий,
Любитель сельской красоты,
Друг истине и мне горячий,
Зачем меня опрыснул ты
Кастальской чистою водою,
Идущего мечты тропюю

¹ А просто сказать, расплылись чернила орешковые.

Лишаешь нужной слепоты,
В которой леший слух прельщает,
Червяк дорогу освещает
До самой поприща меты?

Меня было ошаломило...
Ударясь в стену головой
И став, как надобно, шальной,
Какой-то скользкою тропой
Я шел и долом и горой;
И так было мне любо было
В чаду, в тумане колесить!
За что ни попадя ловить
Ту непосредную, благоую
Мадам летучую, нагую,
Пред коей жабой и ужом
Премудрый мир наш суетится;
А зелье перед ним вертится
Без оси беглым колесом
И к сотому остановится, —
И то на час прямым лицом.

Зовет Фортуной свет ученый
Сию мадам; но тут не тот
(Прости, Господь) у них расчет:
Они морочат мир крещеный!
Поверь мне, друг мой, это черт...
Помилуй, целый век вертится,
А голова не закружится,
Не поведет ей клином рот,
Всё хороша и всех прельщает,
Полсвета в обод загибает,
Полсветом улицу мостит,
И вихрем мир кутит, мутит,
И величает, и срамит,
Народ и грабит, и дарит.
Вчера кто к солнцу возносился,
По милости ж ее явился
Повержен в лужу и лежит;
Лежит и, изумлен, зевает,
Как в грязь попал, не понимает
И думает еще, что спит.
Сторонний умница дивится,
Знакомого узнать боится,

От маранных друзей странится,
И думает: не черт их нес;
А завтра там же очутится.
Кольцом и умница кружится,
Затем, что ум и наг и бос.

«Фортуны для богатства жаждут,
В богатстве счастье видит свет.
От счастья бегут и страждут
И ищут там, его где нет», —
Я так подумал и очнулся,
Из Талыжни черпнул воды,
Умылся, проглянул, встряхнулся,
Ай, батюшки, беды, беды!
Куда меня нелегка сила
В чаду обманом затащила?
Отколь молитвой, ни крестом
Никто не может отбожиться,
Лежать в грязи или кружиться
Обязан каждый колесом.

Зачем? да мне зачем метаться?
Мне шаркать, гнуться и ломаться!
Ты, право, сослепу не в лад определил;
Лишь был бы я здоров и волен,
Я всем богат и всем доволен,
Меня всем Бог благословил:
Женил и дал мне всё благое.
Я счастье прочное, прямое
В себе иль дома находил
И с ним расстаться не намерен!

Я истинно, мой друг, уверен,
Что ежели на нас Фортуны фаворит
(В котором сердце бы не вовсе зачерствело)
В Никольском поглядит,
Как, песенкой свое дневное кончив дело,
Сберемся отдохнуть мы в летний вечерок
Под липку на лужок,
Домашним бытом окруженны,
Здоровой кучкою детей,
Веселой шайкою нас любящих людей,
Он скажет: «Как они блаженны,
А их удача не кружит!»

Мое вертится всё, их счастье лежит.
У счастья своего с заботами моими
Стоять я должен на часах;
Как Лыска добрая, их счастье за ними
Гоняется во всех местах,
Усталости не знает,
Работает и припеваает,
А в праздник пляшет как велят,
Не дремлет, как оне и спят!
Ну если б я вздремал, Фортуна бы заснула,
Нет, видно, ты меня, удача, обманула,
Ведь я для счастья тебя, мадам, искал;
А ты меня пустым набатом оглушила,
Дурманом окормила,
Гнилушкой осветила.
Я счастья не вкусил, а сед и дряхл уж стал,
На воина того похож я стал с тобою,
Что трудным ремеслом, войною,
Под старость нажил хлеб;
Но есть его пришел без зуб, без рук и слеп.
И я всё приобрел (признаться),
Чем можно счастливим, довольным показаться;
Но чувство потерял, которым наслаждаться
И в неимуществе умеет человек.
Что был мой век?
Туман. Что счастье? Мечта.
Что должность первая из важных? Суета.
Она опасностью мой разум обуяла
И радости прямой к душе не допускала;
Восторг ни каплей слез любви не оросил,
Ни искрой дружба кровь мою не согрела,
Меня всё на всё, я сердце износил,
А к добродетели я потерял и веру.
Холодность до того мне сердце облегла,
Что делал только по примеру
Без удовольствия и добрые дела.
Но добрым я рожден и счастливым быть стою.
О православные! я заклинаю вас
Сей добродетелью святою,
Которой вам не чужд, конечно, сладкий глас.
Возьмите, что хотите,
Но к человечеству меня вы приютите
И, чувство отворя,

Мне душу отведите,
 С природой помиря.
 Быть может, как весна с любовью возвратится,
 Чувствительность и я опять приобрету,
 Мой дух унылый оживится
 И сердцу сообщит природну теплоту,
 Которой прелести поднесь я вспоминаю!
 Я впечатления еще не потерял,
 Как в сельской простоте с любовью одною
 Я радости обнять не мог моей душою.
 Мой голос, взгляд и шаг изображал,
 Что в сердце, не в уме я счастье питаю.
 Теперь хочу вздохнуть; но, напротив, зеваю
 Средь почестей, забав, как будто век не спал».

Но я разнежился — язык сей непритворный
 И в штат не положен придворный;
 Там глупость значится под титлом простоты,
 Там сеном кормят тех, кто зелень да цветы
 Паркетам травчатым предпочитает.
 Придворный вне двора и счастья не знает!
 И если б улещать меня он эдак стал,
 Вельможа сей шпынем бы, право, показался.
 В ответ бы я ему ту басню прочитал,
 Которой смысл давно в душе мне начертался:
 «В игольное ушко верблюду не пройтись,
 Фортуны детищу с природою не жить»;

 И счастья не вкусить прямого,
 Затем что матушка чрезмерно бестолкова,
 По матушке пошел и весь их знатный род,
 И кто из них счастлив, тот в их семье урод.
 Прочти в сей басенке (не говоря дурного),
 Как зелье и тогда дела
 Свои вела,
 Как с счастьем она на пустоши жила.

2

СЧАСТЬЕ И ФОРТУНА

Когда-то с Счастьем жить Фортуна согласилась
 И вместе с ним переселилась
 В шалаш на бережок реки,
 В долину мирную, где воздух ароматный

Одушевляет край обильный, благодатный.

И толкам вопреки

Живут они одни

Не месяц и не год, живут они два дни,

На третий день зевать Фортуна зачинает,

Ко Счастью обратясь, зевая, примечает

И говорит: «Смотри, как тесен наш шалаш,

Ни с чем нельзя расположиться,

С моим приданым поместиться

Места нет;

Богатство любит свет,

А знатность любит жить просторно,

Ведь их не в шкаф же положить». —

«Неспорно, —

Счастье говорит, — но жить,

Мне кажется, без них бы можно было.

Смотри, как солнышко долину осветило.

Что блеск всей знатности пред ним?

Взгляни ты, как щедра природа к нам дарами:

Для глаз покрыла луг цветами,

Для вкуса клонится к нам целый лес плодами;

На что богатство там, где с нами

Дышат все счастьем одним?

Утехи и покой постель нам постилают

Из роз, и розы обновляют

Всечасно цвет и аромат!»

Фортуна слушала и, слушая, зевала,

Хотелось неотменно ей

Иметь стада людей,

Которых бы она гоняла

Для наполнения пустых больших палат.

Ей блеск и шум служили

И Счастье всякий день будили

Безвременно и без пути.

Хоть им оно и говорило,

Что время есть на всё: плясать,

Гулять, работать и поспать, —

Как слушать истину? не тут-то было.

Грем <ели> так, что Счастье уйтить

Принудили решиться,

Чтоб тем раздоры прекратить.

Чему другому быть?

Мне действие сие нечудно:

Фортуне с Счастьем тесно жить,

А Счастию с Фортуной трудно.
Фортуна любит шум, а Счастье покой.
«Я вижу, мне пора с тобой, —
Сказало Счастье, — Фортуна, разлучиться,
Нет, Счастью только лъзя ужиться
В семье с Любовию одной».
Тут, взяв котомочку и подкрепя оборки,
Тихонько Счастье от пышности по горке
Пошло домой...

* * *

Любезный друг! нас сани
Довезли лишь только до Рязани,
А тут растаял снег,
И невозможно хуже,
Свершился бег
Наш в луже!
Пожалуй, поспевай
Туда, где дело.
Нет, дух, как ты ни погоняй,
Да тело
Ведь с тобой
Какою-то судьбой
Везти
Необходимо.
А как же везть, как нет пути?
Без тела б можно мимо,
Для духа путь всегда готов,
Везде ямские на подставе
Его не держат на заставе,
Не спросят: «Чин ваш? Кто таков?»
Да как уж к месту доберется,
С делами кой-как разберется,
Тогда что взять?
Так тут и нужны руки, ноги,
Чтоб было кончить чем, что он умел начать,
А без того в делах житейских выйдут роги;
Не скажешь: «Бросил я в дороге
Мужичью силу и припас,
Я просветить стремился вас!»

Мужик потребует лучины,
 А мудрый скажет, где лампад?
 И жизни будешь ты не рад,
 Без языка ж сказать не можно и причины:
 Что тело — кошелек, а дух — бессмертный клад,
 И дело не пойдет на лад.

* * *

Помилуй, граф,
 Что это за устав,
 Что делать мне с тобою,
 Что никакой порою
 И как блистает свет,
 Ни в дни работны, ни в святые
 Твои личарды, часовые,
 Твердят все: дома нет?
 Я, право, рассержуся
 И, чтоб тебя узнать,
 Совсем к тебе переберуся:
 Поставлю средь двора кровать,
 Ночную учрежу сторожу,
 Хоть нос вдругорядь отморожу,
 Но уж тебя подстерегу,
 А днем покорного слугу
 Найдете там, где не искали,
 Не думали и не гадали.
 Я видел там, заключены,
 Стоят тузы рядами,
 Набиты старыми умами.

И ЖЕ ВО БЛАГИХ ТОМУ ЖЕ ОТЦУ ЕГОРОВУ

С другого света я пришел на костылях.
 Сказали за Невою,
 Увидеться с тобою,
 Живущим впопыхах,
 Мне будет в облегченье,
 И для того, как на спасенье,
 Приплыл я в Петербург!
 И стал было к тебе, как должно, снаряжаться,
 Но до превыспренных добраться,

С талантом повидаться
 Для слабых ног коса! для головы обух!
 А потому я и решился
 Просить тебя к себе на час,
 Чтоб чудо-юдо облегчился,
 Что носит пьяных на Парнас,
 Тобой на время нагрузился
 И перенес тебя как раз.
 И тут Егоров очутился.

ТРИ «НЕТ»

у Николы в Воробине после смертельной
 моей болезни послание начерно
 к А.М. <Бакунину> 1801 октября 1-го

Слуга твой хвилой Львов
 Услышать звон колоколов,
 Увидеть пузыри и плоски,
 Москву-тетеху впопыхах
 По тюфильской дорожке
 Приплыл на костылях
 И у Николы поселился
 В Воробине, на тех горах,
 Где дом светлейшего затмился,
 Живущего в благих делах!
 В пустынных, но досель торжественных
 местах

Унылый некий дух возлег и водворился;
 На падших я прилег листах,
 На хладный камень облактился,
 Глазами спрашивал, и общий был ответ:
 «Нет!»

Сожитель пустоты нечистой,
 В развалинах бродящий прах
 Вещал мне едкостью речистой
 Ничто прошедшего и в умственных глазах!
 Зачем не он, а я остался?..

Без титла и заслуг
 Опять на новый круг
 Вдругорядь в тот же свет забрался?
 И как в знакомых мне местах
 Не вижу много лиц знакомых?

Что это все? Все прах да прах!
 Все кучи камней... насекомых!
 Иль стал могильник общий... Свет?

«Нет, —

Надежда в сердце отвечала, —
 Неведом и конец нам вечности начала;
 Доколь сестра моя Любовь
 Блаженство смертных согревает,
 Не разрушается ничто, не исчезает!
 А старшая сестра дорогу освещает,
 Где тлен одушевленный вновь,

Смирненным светом облеченной
 И в вечность блага обрученной,

Красы неизреченной,
 Бессмертные объемлет он,

Но распростерты длани.

Берет с дел добрых вечны дани

И повергает их Единому пред трон
 Неколебимый,

Неописуемый, непостижимый,

Начало вещества и всех веществ конец.

Источник вечных благ и вечности венец

Сияет

И тебе как непреложный свет,
 Ступай...» Так как-то сам собой,

Не знаю, мой

Или чужой

Сам выскочил ответ:

«Душа моя туда желает,

А телом бьют челом и говорят, что “нет”,

Что дальняя, дескать, дорога,

Что здесь кое-какая дружба есть,

Любви и много, много.

Там как-то будущая честь

Добро наличное теперь не заменяет.

Не можно ли повременить

И кой-как ниточки ссучить?

Постой, дай здесь поосмотрюся,

Дай, кой-что сделаю, поправлю, разочтуса,

Иному заплачу, другому дам взаймы.

(Сам только не возьму и ни из чьей суммы.)

А там, как делом надорвуся,

Устану... вдоволь налюблюся,

Поставлю жизни я чертой:

“Как скучно будет мне и дома,

Тогда мне этот свет худой”.
 Постой,
 Дорога и в другой
 Знакома.
 Вечернею порой
 Я в путь расположуся,
 Сберусь и с силой и с умом,
 Да к командиру всех челом
 И в чистую отсель отставку попрошуся.
 Потом
 Раненько пробудясь,
 Оденусь налегке и, Богу помоляся,
 С любимыми прощусь
 И только что с одной
 Женой
 Не разлучусь,
 Но узел проглочу сердечной...
 “Ребятушки, и здесь уж не гожусь!” —
 Скажу, да сам и уплетусь,
 Встряхнуся, встрепещусь,
 К Любви превыспренней и вечной
 На крыльях радостных взовьюсь
 И, легок тем, что не боюсь,
 Пovyше, чем летал, пушусь,
 Взыграю, закружусь
 И сверху засмеюсь.
 И пред Христом не усмирюсь —
 Приелись, чай, и там уж пресных душ витушки.
 Он видит так же мой порок,
 Как душ смиренных. Прок не прок,
 Так, кажется, на что мне четок побрякушки?
 Тетехам-студеням в досаду,
 В досаду деревяшкам, аду
 В том мире поселюсь
 И так в век века залюблюсь.
 Аминь».

* * *

Вот тебе, мой д<руг>, de la galimathia double¹.
 Прочитай

¹ Неточно du galimatias double (франц.) — двойная чушь

Да замарай,
Чтобы тетехи не видали,
Чтоб шелаганы не читали
И чтоб меня не проклинали
В соборе свах и кощунов.
 Дай мне пожить еще немного,
 Ведь всякому своя дорога,
Чужой за тысячу рублѐв
 Я перебить не соглашуся
И для того-то не крушуся,
 Что право, не боюся
И строгих и ревизских стай.
 Пожалуй, лай!
 Слуга ваш Николай
 И Львов Никольской
Прошел уже, прошел путь скользкой,
И минуло ему давно пятнадцать лет,
Теперь он дряхл и сед,
Отец пяти детей и диво-т, коль не дед!

ШУТЛИВЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

ЕГО СИЯТЕЛЬНОМУ ГРАФУ
АЛЕКСАНДРУ АНДРЕЕВИЧУ БЕЗБОРОДКЕ

С тех пор парнасские уроды
В пять пуд писать пустились оды
Продажным и тупым пером,
Как словом поразбогатели,
А напротив, пооскудели
Рассудком, вымыслом, умом.
В старинны времена, бывало,
В восторге оду пел певец,
Восторгом украшал начало,
Восторгом он венчал конец,
На оду бы в пять пуд и духу не достало.
Но оду в три строфы не так-то трудно спеть,
Вот что и завлекло меня в дурацку сеть,
О коей некогда мне толковал Рылеев,
Когда он браковал ученье без затеев,
 Рассудку вопреки
Умно доказывал, что точно дураки
И те, что книги сочиняют,
И те, что их читают.
Я с глупа умного совета не приял,
 Слеп будучи глазами,
Я счел, что я Гомер, и оду написал,
Чрез два, и в третий, и скачками;
Сегодня диктовал стихами,
А писарь чудну тварь сию образовал.

ОДА ВО ВКУСЕ АРХИЛОКА НА 1795-Й ГОД,
 во время взятия Варшавы при письме посланная
 во дворец к графу Бе<збородко> и между городской
 и придворной обеднею, во время глазной моей болезни
 сочиненная

Strophe

О если б долу возвратился
 Стяжавший вечности венец
 И в славе сущим нам явился
 Бессмертный, пламенный певец,
 Бренчавший во звончату лиру,
 Как он воспел бы миру
 В торжественный сей новый год
 В царях царицу несравненну,
 Россию в славе и блаженну
 И витязей славянских род.

Antistrophe

Катитесь счастливо, светила ¹,
 Сказал бы северный Орфей,
 Судьба нас числить научила
 Победой царств течение дней;
 Делами исполнять пространство,
 Блаженством измерять подданство
 И опытом стремление сил.
 Слезой пиита орошенна,
 Смягчилась лира восхищенна,
 К царице глас он обратил.

Erodon

Владычеству ея морями
 Да будет положен предел!

¹ Ломоносов в XIX оде стих 311

Да будут ей часы годами
И вечность веком славных дел!
Мое отечество драгое
Восставит время золотое;
Пиит бы здесь возвысил тон,
Под кедром лавры зеленеют,
Ахиллы новые в нем зреют,
Пал Троев град! — но я не он.

ВЗДОХ НАМЕСТНИЧЕСКОГО МУНДИРА
Ф<ельд> М<аршала>, единого при дворе сущего,
к едущим кавалерам 1799 сентяб<ря> 20-го в Гатчине

Блаженны людие с крючками,
Что могут полы застегнуть
И в дождь негрязными стопами
Свершить на конях грязный путь,
В одежду красну облеченны,
Пером блестящим осененны;
Знак рыцарский их красит грудь.
А я в наместнической рясе
Меж красноперых птиц один
Шатаюсь, как при смертном часе,
От инфантерии павлин.
И хоть не брызгаю ногами,
Чрез лужи делаю прыжки,
Кафтан мараю сапогами,
Кафтаном пачкаю чулки.
О всадники! взгляните книзу,
Помилуйте хоть раз меня:
Иль красную мне дайте ризу,
Иль посадите на коня.

* * *

«Приятель, как пройти поближе?» —
«Да, — встречный отвечал, — пониже».
Пошел туда один и, идучи, упал,
Куда другой послать не думал, не гадал,

Чего было и ожидать другого —
Слепой шел по следам глухого.

* * *

Когда безграмотны мы были,
В заслугу ставили и то,
Что обезьянами служили
Мы тем, которые ничто.
Теперь мы пишем и читаем,
На сей гитаре заставляем
Плясать и самых плясунов,
Срацин крестил в Чесме Орлов,
Румянцев толковал им веру
И доказал, что нет примеру,
Где б так сильна была купель.
Там русского не дожидала,
Непобедимая, бежала,
Не встретила, не провожала
Пушиста шубная артель.

Э К И П А Ж

В кибитку запрежем домашних
Отборных троечку коней:
В корню надежда не споткнется,
На левой вихрем понесется
Любовь игренька без узды;
А мерность в правую пристяжку,
Ефим сядет нарастопашку,
Рассудок... Ну изволь, куды?

* * *

Скрыпучий с приписью подьячий
В счастливый наш развратный век,
Забыв свой сан и род собачий,
Быть вздумал также человек.
По моде и со вкусом

Рожден подлячкою и трусом,
Недолго писчик размышлял,
Какую к счастью взять дорогу,
Обуться на босую ногу —
Кратчайшую избрал,
По коей, криво поступая,
Уклонной идучи, хромая,
Доходит очень скоро впрям
Во светский счастья братна храм.

НАДПИСЬ К ВЯЗУ ¹

Я суеверием был черту оглашен,
Пугалищем стоять средь поля осужден.
Убивственная сила
От тени пагубной моей издалека
Покой прохожего навеки удалила.
Но смелая рука
Плен робкого ума, мой узел, разрешила,
Секирою простой меня благословила
И жизни тем моей очарованну нить
Со пнем моим перерубила,
Перевезла меня и здесь определила
Благочестивому убежищем служить.

* * *

Но знатности его был батюшко причина:
Октавой он ревел полковничьего чина,
И невместимый глас
Унизил контрабас,
Затмил и заглушил и бубны и цимбалы,
За что и жалован от баса в генералы.

¹ Вяз сей никто срубить не смел. Мужики уверяли, что он заколдован и первый ударивший его топором смертью поражен быть должен. Отец и хозяин села дал ему сей первый удар, сын его употребил пень, как сказано, — и оба адравствуют.

УДАЧА

Удачу провели на сени в барский дом.
 — Смотри-ка, кум, содом
 Какой за ней толпится...
 Смотри-ка, как она ломается, вертится,
 А люди-то ее и зовом, и толчком,
 И силой, и умом
 Прельщают.

К ЛЕНИ

Богиня тучная! смиренна,
 Престол твой — пух, а храм — вселенна,
 Зевоты — жертва и фимьям!
 Коль я тебе не преклонялся,
 Во счастье не валялся,
 Карапкался все к небесам;
 Я свет еще не знал поближе,
 Не знал, что счастье есть пониже,
 Не знал еще себя и сам.

* * *

Партесу не учен,
 По службе оглашен,
 В стихарь не посвящен,
 Приходом обойден,
 Гремящих благ лишен,
 В годах несовершен,
 Что дать возможен он?
 На место благ мирских
 И сытных и драгих
 Он даст тебе трезвон.
 А я посужу,
 Сочтуть, погляжу,
 Скажу,
 Издержу,
 В парчу наряжу,
 В кутью посажу,
 Сытой угожу.

БАСНИ

* * *

На рынке ль было то иль на дворе гостином,
Не знаю. Молодец сошелся с господином,
Которого он знал,
И, встретившись, кричал:
«Прости, любезный друг, я еду воевать,
А ты живи спокойно.
Намерен я усы султану оборвать.
Такое действие моей руки достойно», —
Ему, пошед, сказал.
Оставший помышлял,
Что он уж проскакал
И Киев, и Хотин, к Стамбулу приближался.
Но он, нигде не быв, опять с ним повстречался.
Приятель витязя с восторгом вопрошал:
«С успехом ли, мой друг любезный, возвратился?»
А он ему в ответ:
«Нет.
Султан обрился».

ЛЬВИНЫЙ УКАЗ

«Такое-то число и год,
По силе данного веленья,
Рогатый крупный, мелкий скот
Имеет изгнан быть из львиного владенья.
И должен выходить тотчас».

Такой от льва зверям объявлен был указ;
И все повиновались:
Отправился козел, бараны в путь собирались,

Олень, и вол, и все рогатые скоты.
 И заяц по следам вдогонку их. «А ты,
 Косой! куда?» —
 Кричит ему лиса. «Ах! кумушка! беды! —
 Трусливый зайчик так лисице отзывался,
 А сам совался
 и метался, —
 Я видел тень ушей моих;
 Боюсь, сочтут рогами их.
 Охти! зачем я здесь остался?
 Опаснейшими их рогами обнесут». —
 «Ума в тебе, косой! не стало: это уши», —
 Лисица говорит. «Рогами назовут —
 Пойдут и уши тпруши».

МАРТЫШКА, ОБОЙДЕННАЯ ПРИ ПРОИЗВОЖДЕНИИ

Случилось у Льва в чины произвожденье.
 За службу должно награждать;
 Но я хочу сказать,
 Что злоупотребленье
 И в скотской службе есть.
 «Ну как без огорченья
 Возможно службу несть,
 Когда достоинство всегда без награжденья? —
 Мартышка говорит,
 На Льва рассержена.
 Обижена была она
 И обойденною считалась. —
 Перед лицом служа, Мартышкой я осталась!
 Медведь стал господин,
 И Волка наградили;
 Лисицу через чин
 Судьею посадили
 В курятнике рядить —
 Случится же судью так кстати посадить!
 А где они служили?
 Край света, на войне; и то
 Не ведает еще никто,
 Что били ли они или самих их били.
 А я

Хотя не воин,
Хотя и не судья,
Известна служба Льву моя;
Известно, кто чего достоин». —
«Да где ж служила ты?» — Барсук ее спросил.
«Перед самим царем два года с половиной
Шутила всякий день, а он меня сравнил
Теперь с другой скотиной,
Котора ничего не делала нигде!» —
«Шутила ты везде,
И чином наградить тебя бы было должно;
Твой также труд не мал! —
Барсук ей отвечал. —
Но произвесть тебя по службе невозможно:
Ты знаешь ведь, мой свет,
Что обер-шутов в службе нет».

БОГАТСТВА РАЗУМНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ

Мужик разбогател,
Под печью клад нашел.
Мужик, пострел,
Хоть сер, да смел,
Богатым став, свой ум не съел
И за предел
Не залетел,
Мужик ведь не орел!
Став силен, предупел
И на земле наделать дел,
Мужик с тех пор не пил, не ел.
Он деньги перечел,
На деньги сел,
Мешок надел,
Сидел, сидел...
И сидя уж, седой, на деньгах околел!

НЕ ЧАС

Час не всегда один,
И часу доброму не всякий господин.

Две птички вместе пели,
 И обе захотели
 Цветочек поклевать;
 Вмиг обе согласились
 Лететь и рвать,
 Да вдруг остановились:
 И завтра мы сорвем,
 До завтра не умрем,
 «Прощай, прости», — расстались;
 Назавтре не видались.
 А ветер между тем
 Ну с розой забавляться,
 Коверкать и ломать,
 И стебли гнуть, и листья рвать.
 Назавтре птички прилетели,
 К кусточку сторожоко подсели;
 Да розы не нашли и случай потеряли,
 Взглянулись... смолчали
 И взглядом друг другу сказали,
 Что час не всё один
 И часу доброму не всякий господин,
 А только тот, кто не зевает,
 Час добрый за хохол хватает
 И в праздный день и между дел,
 Чтоб он без пошщины куда не улетел.

* * *

Дурак привык купаться в луже.
 «Дурак, поди в реку...» — «Там хуже,
 Там течет,
 Светла, мешает,
 Да студена, как лед», —
 Дурында отвечает.
 Дурак наш так считает:
 «Где смирно, хоть черно,
 Но тихая вода,
 То там и золотое дно».
 О дурень! Там беда.

ЭПИГРАММЫ, ЭПИТАФИИ, НАДПИСИ

К МОЕМУ ПОРТРЕТУ, ПИСАННОМУ г. ЛЕВИЦКИМ

Скажите, что умен так Л<ьвов> изображен?
В него с искусством ум Левицкого вложен.

ЭПИГРАММА НА МЕНЯ, то, что мне голову вскружить может

Что Л<ьвов> умен,
То правда так,
Но Л<ьвов> влюблен,
То Л<ьвов> дурак.

* * *

Краской каждого своею
Ты, Хвостов, нас трех списал,
А чрез то ты нам сказал:
«Вот как кистью я владею,
Я за трех за вас умею
Означать и свет и тень,
Это видите вы сами,
И могу тремя быть вами,
да лень».

ЭПИГРАММА ЗАВИСТНИКАМ НАШЕГО СЧАСТЬЯ

Нет, не дожидаться вам конца,
Чтоб мы друг друга не любили.

Вы говорить нам запретили,
Но, знать, вы это позабыли,
Что наши говорят сердца.

**ЭПИГРАММА СОЧ<ИНИТЕЛЮ> БАСЕН
И СКАЗОК NN НОЯБ<РЯ> 26-ГО**

По мыслям я и языку узнала,
Кто «Басни» новые и «Сказки» сочинял.
Их истина располагала,
Природа рассказала,
NN написал.

* * *

Родился,
Влюбился,
Женился
И жил,
Пока любил.

* * *

Короток званьем был, умом и телом я —
Вот эпитафия моя.

**НАДПИСЬ К ПОРТРЕТУ ПОКОЙНИЦЫ
ЕКАТЕРИНЫ ЯКОВЛЕВНЫ ДЕРЖАВИНОЙ,
ИСТИННОЙ ПРИЯТЕЛЬНИЦЫ МНЕ
И СЕМЬЕ МОЕЙ,
14 СЕНТЯБРЯ 1797**

В сем мире красотой, любовью оживлялась,
К любви и красоте предвечно призвана,
Скончалась;
Но жива в душах друзей осталась
И с ними лишь умрет она.

**ЭПИТАФИЯ ТРУДОЛЮБИВОМУ В АРПАКАСИ
21-ГО СЕНТЯБ<РЯ> 1797**

Здесь тот лежит в земле, который не лежал,
Как по земле свой путь трудами протекал.
Прохожий, он тебе счастливый путь желает,
Не тронь его, поди... Теперь он отдыхает.

**НАДПИСЬ СТАТУЕ ФАЛЬКОНЕТОВОЙ,
ЭРОТА ИЛИ ЛЕЛЯ ПРЕДСТАВЛЯЮЩЕЙ**

Остались имена, упали ваши троны,
Властители сердец досель,
Эроты, Купидоны,
Когда зажег светильник Лель.

ЭПИТАФИЯ Ж.-Ж. РУССО В АРПАКАСИ

Он утверждал, что аз и буки
Началом были в свете злу,
И умер наконец от скуки,
Что не поверили ему.

Я весьма согласен с тобою, что неудача Жан-Жакова уверить вселенную о гибели ее, от наук и художеств происходящей, была действительно некоторою частию причина меланхолии его и жизнь его преждевременно сократившей; но успех и Вольтерова учения, прыжками всю Европу пробежавший и во всём правилам его противный, не продолжил дни Руссоны, так не сказать ли для богатой рифмы, которой требует второй стих:

Он утверждал, что аз и буки
Причиной были в свете злу,
И умер наконец от скуки,
Что свет передался ко злу.

* * *

Чем больше стареюсь, тем больше молодею,
Я обманываю всех и правдою моею.

* * *

Рассудку вопреки и вечности в обиду,
А умницам на смех
Построил, *да его забвен не будет грех,*
Из пыли пирамиду.

ЭПИТАФИЯ
ВЕРНОМУ,
МОГУЧЕМУ, БЕСКОРЫСТНОМУ
ЧЕРНОМУ БРЮНУ

Ценить твоих заслуг,
Как я, не может всякой.
Я человеком был тебе настолько друг,
Как ты мне был собакой.

САМ НА СЕБЯ
И
НА РЕБЯТ МОИХ

Всегда был мал,
Всегда был скверен,
Теперь стар стал,
А все уверен,
Что хоть уйти, хоть ополчиться,
Хоть пошалить иль потрудиться,
Переменю я обоих
Ребят моих.

*

Хотя бы ты на верх горы
Ко храму восходил святому,

Явится Майков из норы
И выживет тебя из дому.

*

Дела мои так в мире громки,
Что их ни предки, ни потомки
Ни на земле, ни в облаках
Читать не будут... в колпаках.

*

И доброе во мне пострелом,
В тебе казалось тишиной;
Я должен был уломан делом,
Ты приголублен быть судьбой.

ЭКСПРОМТЫ, НАБРОСКИ, СЕНТЕНЦИИ

КАТЕРИНЕ АЛ<ЕКСЕЕВНЕ> ДЬЯКОВОЙ

Катерина,
Ты причина,
Что лишен мужчина
чина,
Был детина,
Стал скотина.
О! Судьбина!

*

Ты, Капнист, меня просил,
Чтоб в бессмертие стихом тебя вместил,
Но всех на то не станет сил,
Ты был
И будешь мил.

*

Со взором бешеным, неистовым языком —
Так гонит бегуна возжсй, кнутом и криком
Бегущий на санях в зеленой шубе хват
За розовым платком услужливой девицы,
Которую пред ним на паре резвой мчат,
Когда извозчики, ударив в рукавицы,
Приметя травлю, вслед «Вазы-вазы!» кричат.

*

Осень темна наступает,
Уж пора бы и скучать,
Лес поблеклый лист роняет,
А с тобой, мой милый друг,
Поскучать нам недосуг.

*

Поставим на часах мы пест и колотушку,
В дверях — Федосью, аки пушку,
А Брюн возляжет впереди,
И просим милости, пройди.

*

Лопарь одет в кутну лохмату,
Но кафр копченый голопят,
Но чтоб кафтан был по климату,
По человечеству климат.

*

Но витязь, в вечности живущий,
Скажи мне истину, не скрой,
Сей лавр блестящий и цветущий,
Который лоб геройский твой
Бессмертной славой осеняет,
Ужель и вправду затеняет
В унылой мудрости твоей
Потерю милостей, любви и красных дней?

*

Души в бездельстве не марай,
Фортуны с счастьем различай
И уклонись от знатных племя,
Считай с рожденья время,

Но время и любви на дело не желей,
Солдатам кланяйся, а ерихонцев бей!

*

Вперед... Сцепился он с ягою
Руками в руки, ликом в лик
И, в брюхо упершись ногою,
Поймал зубами за язык.

*

Пустыня только устрашает,
Где сердцу пищи нет,
Но дружба иногда и в ссылке заключает
Свет.

ПЕРЕВОДЫ

ВОЛЬТЕР

* * *

О Боже, о Тебе хотя гласит вся тварь,
Не всеми познан Ты, земли и неба Царь.
Последни уст моих внемли слова меж стона,
Коль я обманут, то в искании закона,
Хоть сердцем заблужден, но полон я Тобой,
Без страха вечность зрю, расставшись с суетой,
И мыслить не могу, чтоб Бог, меня создавший,
Чтоб Бог, на дни мои щедроты пролилавший,
Как кончутся они, Себя ожесточил
И мучиться меня навеки осудил.

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

ПОЦЕЛУЙ

Пылающей души когда я в утешенье
Тебя, красавица, с восторгом целовал,
Коли поступок сей хоть мало огорченье
Тебе, прекрасная, невинно приключал,
Карай меня за то и дерзость отомсти,
Что сделал я тебе, мне тем же заплати.

*

Счастлив, прекрасная, кто на тебя взирает,
Но тот счастливее, тобой кто воздыхает,
Счастливейшим из всех того должно назвать,
Вздыхая, кто тебя заставил воздыхать.

Ж. РАСИН

* * *

Блажен, кто счастьем посредственным доволен,
Свободен бремени, чем знатный отягщен;
В степени мрачном быв спокоен, здоров и волен,
Где к счастью живет, судьбой он сокровен.

Ж.-Б. РУССО

ОДА ГО<СПОДИНА> РУССО НА НАЧАТИЕ
НОВОГО ГОДА, А СΙΑ НА ОКОНЧАНИЕ
ОСЬМНАДЦАТИЛЕТИЯ МОЕГО

1

Светило, мир что освещает
И бренну смертных жизнь делит,
И круг воздушный свой кончает,
И новый бег зачать спешит.

2

С какою скоростью незнатно
Окончился прошедший тот,
Равно с такою невозвратно
Пройдет и наступивший год.

3

Все кончится, всем управляет
Едино время, бег премен,
И часом, что другой сменяет,
В ничто час каждый обращен.

4

Лучшайший день, день лета ясна,
Проходит, к нам не возвратясь.
Година хлебна и прекрасна,
Чтобы скончаться, началась.

5

Коль тщетно смертный помышляет,
Чрез зданье стен бессмертным стать.
Та тщетность, их что созидает,
Не может вечность им придать.

6

Природы царь, что быть гордится,
Не может рок сей избежать,
Здесь мигу начинать родиться,
Ничто, как умирать зачать.

7

Почто же в жизни толь кратчайшей
Заботами себя тягщить,
Почто терять день проходящий
Для должного равно пройтить?

8

Коль смертных может рок плачевной
Вмиг свет затмить твоим очам,
Употребим сей миг, толь брэнной,
Он больше не придет уж к нам.

9

Достойна плача часть такая!
Блаженство в жизни кто алкал,
И, счастье в поте созидая,
Сам чрез себя несчастным стал.

10

В надеждах льстительных теряет
Лучшайшу в жизни часть своей,
Надежде мнимой посвящает
Именье настоящих дней.

11

Безумный! ты определяешь
Себе сам бедственный предмет,
Ведя жизнь, в бедстве умираешь,
Жить часу в жизни не нашед.

12

Не стану я так мыслить ложно,
Не льстит мя прелесть вся сия,
Не тот мой час, где жить мне должно,
Но жизнь мне тот, в котором я.

13

О днях прошедших помышляю,
Не ропщу, не жалею сих,
Вперед которых ожидаю,
Без страха жду и просьбы их.

14

Употребим свое стяжанье,
Которо верно чтим своим,
Чтоб то вкушати ожиданье,
Владеть нас не лишало им.

15

Прошедший час ничто уж боле,
Ты рок имеешь с ним один,
Но настоящий в нашей воле —
Ему лишь смертный господин.

Н. ПРАДОН

ПРАДОН К МАДЕМУАЗЕЛЬ БЕРНАР

Вы пишете, лишь чтоб писать,
Забавою сие считая;
Но я пишу, вас обожая,
На то, чтоб вам лишь то сказать.

Ф. ПЕТРАРКА

* * *

Ее власы тогда приятно развивали,
Зефир, играя, их прекрасно завивал,
И в взоре нежности тогда ее сияли,
В том взоре, что днесь уж одним и взглядом стал.

Не знаю, зрел ли я, или то зреть мне мнилось,
Я нежность на лице ее красящу зрел,
И дивно ль, что мое вдруг сердце вспламенилось,
Все пламя я любви в душе моей имел.

Ее походка, стан божественны казались,
Не смертного слова мне в слух мой ударялись,
Я зрел небесный дух иль солнцем был прельщен.

И коль не такова она, как мне явилась,
Не можно оттого, чтоб рана исцелилась,
Хоть бросивый стрелу лук был бы опущен.

САПФО

ПЕРЕВОД ИЗ САПФО 26 МАРТА 1778

Счастлив, кто, быв с тобой, тобою воздыхает,
Кто слушает слова прекрасных уст твоих,
Кого улыбкою твой нежный взор прельщает,
Тот счастливей богов стократ в очах моих.

Вот сей-то прелестью мой страстный дух мутится
Тогда, когда я зрю тебя перед собой.
Из жилы в жилу кровь кипящая стремится,
Теряются слова, язык немеет мой;

Не вижу ничего и вокруг себя внимаю
Один смятенный шум... Я слышу и мятусь,
Дрожу, бледнею, рвусь, хладею, упадаю
И, кажется, с душой моею расстаюсь.

ПЕСНЬ НОРВЕЖСКОГО ВИТЯЗЯ ГАРАЛЬДА ХРАБРОГО,

из древней исландской летописи Книтлинга сага,
господином Маллетом выписанная и в «Датской истории» помещенная,
переложена на русский язык образом древнего стихотворения
с примеру «Не звезда блестит далече в чистом поле..»

Корабли мои объехали Сицилию,
И тогда-то были славны, были громки мы.
Нагруженный мой черный корабль дружиною
Быстро плавал по синю морю, как я хотел.
Так, любя войну, я плавать помышлял всегда;
А меня ни во что ставит девка русская¹.

Я во младости с дронтгеймцами в сражение был,
Превосходнее числом их было воинство.
О! куда как был ужасен наш кровавый бой!
Тут рукой моею сильной, молодецкою
Положен на ратном поле молодой их царь;
А меня ни во что ставит девка русская.

Нас шестнадцать только было в корабле одном.
Поднялась тогда на море буря сильная,
Нагруженный наш корабль водой наполнился,
Но мы дружно и поспешно воду вылили,
И я с той поры удачи стал надеяться;
А меня ни во что ставит девка русская.

Не досуж ли, не горазд ли я на восемь рук?
Я умею храбро драться и копьем бросать,
Я веслом владеть умею и добрым конем,
По водам глубоким плавать я навек давно;
По снегам на лыжах бегать аль не мастер я?
А меня ни во что ставит девка русская.

Неужель та девка красная подумает,
Что тогда я сбруей ратной не умел владеть,

¹ Можно бы сказать, как в подлиннике «а меня всё презирает девка русская», но «презирает», мне показалось, не будет отвечать слогу богатырских лет

Как стоял в земле полуденной под городом,
И в тот день, как с супостатом битву выдержал,
Не поставил богатырской славе памятник?
А меня ни во что ставит девка русская.

Я рожден в земле высокой, во Норвегии,
Там, где из лука стрелять досужи жители;
Но чего мужик боится, я за то взялся:
Корабли водить меж камней по синю морю,
От жилой страны далеко по чужим водам;
А меня ни во что ставит девка русская.

СТИХОТВОРЕНИЕ АНАКРЕОНА ТИЙСКОГО

ЖИЗНЬ АНАКРЕОНА ТИЙСКОГО

Анакреон процветал во время Поликрата, тирана Самосского¹ в 72 Олимпиаде, т.е. за 500 лет до Р.Х. Следовательно, был современник Солону, Эзопу, Киру, Крезу и Пизистрату. Родился он в приморском городе Теосе². Отец его назывался Скифин³. По мнению же некоторых — Эвмел, Парфений, Аристокрит⁴.

Если бы не был Анакреон стихотворец отменный, проповедник толь утешительной и толь приятной философии, то не знали бы и того, что он не токмо благородный человек был, но еще и от царского поколения Кодров, в родстве Солону; мать же его с Пизистратовою матерью были дочери двух родных сестер⁵. Гиппарх, сын Пизистрата, толь великое имел уважение к Анакреону, что посылал за ним некогда в Теос пятидесятивесельный корабль с письмом весьма приветливым для убеждения сего стихотворца переплыть Эгейское море и побывать в Афинах, уверяя, что добродетели его найдут там почитателей, знающих цену вещам изящным и умеющих отдавать справедливость людям редкого, как его было, достоинства.

И подлинно должно заключить, что Анакреон имел добродетели, и стихотворству его превосходному, и философии не усту-

¹ Гиппарх был в тесном сношении с Анакреоном, которого брат (Гиппий) подвигнул на войну Дария Гистаспа против афинян. А сие происходило в 72 Олимпиаде, т.е. около 500 лет до Р.Х.

² Теос — город и гавань в Ионии.

³ Suidas.

⁴ Еецию названа мать его в переводе французском, г. Мутоннетом де Клерфон в 1773 году напечатанном; но я не нашел на сие французское предание никакого древнего свидетельства, и не очень уверен, нужно ли было искать оно.

⁵ Платон.

пающие, потому что он не только составлял частную беседу Поликрата Самосского, участвовал в его забавах, но и в делах тирану¹ смел советовать.

Из сего выходит, что наследное свое благородство умел Анакреон поддержать силою своего таланта, поведением своим, добродетелью, твердостью.

Обыкновенное мнение о свойстве и поведении Анакреона состоит в том только, что он во всю жизнь свою любил, пел вино и пил.

Хотя и сие служит некоторою верною порукою за доброе его сердце и веселый нрав, но сего мало, и, конечно бы, не довело составить славу бессмертному сему певцу, ежели бы в сочинениях его рассеянная повсюду приятная философия, каждого человека состояние услаждающая, не утвердила оную противу толиких веков в памяти племян различных.

До нас дошли некоторые его оды и несколько эпиграмм, ценою жизни Гейнриха Стефана спасенные и в первый раз на латинском языке изданные; но известно, впрочем, что Анакреоном сочинены были две еще поэмы:

- 1) «Любовь Улисса и Пенелопы»,
- 2) «Сон и несколько стихов на врачебную науку».

Следовательно, мы знаем только Анакреона по некоторым остаткам, но и в тех находим такую пленительную истину и простоту мыслей, такой чистый и волшебный язык², который навсегда останется предметом отчаяния для всех подражателей его.

Стихи плавны, свободны; картины и рассуждение его (если таковыми можно назвать действительное убеждение сердца) суть не что иное, как самое живое и нежное впечатление природы, кроме которой не имел он другого примера и кроме сердца своего другого наставника. Вся душа Анакреонова, говорит аглинский историк³, была толь мягкого и нежного свойства, что, кроме любви и утех, ничего петь ему не внушала. Венера, Купидон и хариты были божества, предпочтительно им противу других обожаемые, и никакой еще смертный не приносил им толь приятных жертв! Потому что Анакреон не только наблюдал наружные богослужения обряды, но доказывал на самом деле, что душа его исполнена была действительным смыслом их таинств; без того и стихи его не были

¹ Геродот об Анакреоне.

² Гиллис в «Истории» Том 1, стр. 98.

³ Гиллис в «Греческой истории», перевод г-на Карра. Том 1, стр. 98.

бы глагол нежных ощущений, идущий кратким и простым путем прямо к сердцу, источнику всякого пленительного изречения.

Но что отменного, что хорошего в Анакреоне? Все безделки... читая много раз Анакреона, спрашивал я сам у себя, будучи заражен пухлостями какого-нибудь Томаса или пряного Дората, до самых тех пор, покуда учение древних авторов, очистя вкус мой от фальшивых блесток французских лириков, не открыло глазам моим важную и простую красоту истины; тогда только ощутил я разницу, увидя, что витийственные красоты новых писателей блистают в памяти, как искра в воздухе; древние же, постоянным примечанием человеческих дел красоты истинны в чистом источнике природы почерпавшие, умели в коротких сочинениях своих¹ так оживотворить действием, что, проходя без усилия память, начертаются они в сердце приятным и утешительным впечатлением, и такова сила истины, что между писателем и мною, читавшим оного, остается какая-то взаимная уверенность, знакомство хотя не личное, но такое, по которому можешь себе иногда сказать: «он этого бы не подумал», или: «он бы в сем случае так не поступил». Потому что они сообщали свету только то, в чем сами убеждены были опытом; и Анакреон, мне кажется, искусив ощущение природы, открыл мне² оное в душевной своей откровенности с тем, что его стихами чаще я могу к добру своему руководствоваться, нежели пощеголять, повторяя оные в беседе...

Впрочем, безделки Анакреоновы для больших людей служили примерами подражания... и подражания еще не всегда удачного. Он был не только пример лучшего стихотворства, но и изобретатель оного. Просвещенный и остроумный Гаспар Вартий³ утверждает, что размеры греческих стихов выдумал Анакреон⁴ и что не все его сочинения составлены из трибрахия, ямба и брахия⁵, но что он сочинял и элегии, по мнению Свида и Эфестиона Александрийского⁶.

Анакреоновы стихи твердили всегда как коренной закон, потому что все черты его ума, все изречения души принадлежат его собственному ощущению. Пиндар, Эсхил после его уже писали.

¹ См. LXV оду, начинающую III книгу перевода сего.

² И всякому читателю, который не одни только вязанки слов любит.

³ Записок кн. 36.

⁴ Изобретатель стихов анакреонтических, какими писал он, которыми потом писали многие; но до него никто не писал.

⁵ Бодоний в письме к Азаре, «Труды Анакреоновы», печатан<ные> в Парме 1791 года.

⁶ В книге «О стопах», печатан<ной> во Флоренции 1526 года у Юнтово.

От сего корня процвели Шольо, Геснеры, Петрарки, и разбавленные, но те же самые красоты кажутся только понежнее бледности своею для глаз наших; но они не что иное, как полутени того же света, которого обретенне требовало сверхъестественного дарования приметить красоты природы, тонкой остроты, чувствительности ощутить, таланта и вкуса изящного изобразить оные языком, действию свойственным, кратким и красивым.

Положим на час, что род стихотворения Анакреонова легок, неважен, что он какою-то незаслуженною судьбою сыскал бессмертие, о котором не думал. Искателям славы как любезен должен показаться старик сей любивый и веселый, пролагающий толь легкий путь подражателям своим! Но по сию пору не было еще Анакреона ни в каком народе.

Анакреон, будучи уже 44 лет¹, возвратился в свое отечество и в загородном доме своем на берегу моря Эгейского² весело для себя, приятно для других кончил жизнь свою, чем продолжал утеху оной.

Говорят, что на 85 году от роду подавился он³ виноградным семечком⁴.

В Теосе воздвигнута была гробница Анакреону. Образ на древних медалях отечества его изображен был, и во время Павзания видима еще была статуя⁵ сего лирика в крепости афинской, между Ксантиппа и Перикла поставленная.

¹ Moutonnet de Clairfons, vie d'Anacréon, page II.

² Тот же автор. Но Бодоний в письме своем к Азаре (труды Анакреоновы, печатан<ные> в Парме 1791 года) говорит, что сделанный Гистием бунт в Теосе принудил жителей оного оставить отечество и переселиться в фракийский город Авдере, отечество Демокрита, Анаксагора и Протагора, что и Анакреон был в числе переселившихся теосцев, что привлечен он был туда хорошим климатом, веселым нравом жителей, которые пели и читали стихи по перекресткам и улицам, и что он в Авдере должен был и дни свои кончить.

³ Валерий Максим, о необычайной смерти гл. 12. Плиний. Натуральной истории кн. VII. Гл. 7. Издание Ардуина.

⁴ Эней Силвий Пиколоминский в «Истории Всесветной». См. Меньшая Азия, гл. 77.

Гиралд Феррарский в «Истории Пиит» приводит двустиише Целия Калканина: «И тебя, почтенный старик, семя виноградное, затворив путь приятнейшего твоего гласа, послало во ад».

⁵ Павзаний в кн. I, гл. 25, издан<ной> в Лейпциге 1696 года, повествуя об Аттике, говорит: «Анакреон Тийский, после Сафы Митиленской, был первый, который большую часть стихов своих употребил на выражение любви, изображен в положении человека, в упоении поющего». Многие переводят «пьяным и поющим». Но не видно, чтобы в древности кому-нибудь на стыд ставили статую; и то, что упоением называется, не изображает ли восторга?

Платон называет мудрым Анакреона¹. Элиан по прозвищу Сладкоязычный² в истории своей говорит: «Да не осмелится кто-либо порочить Тийского стихотворца, называя его невоздержным». Но ни свидетельство учителя благонравия и добродетели, ни важность историка не защитили память Анакреонову от хулы, из собственных его стихов почерпнутой.

Я не намерен, подражая Иосифу Патригану³, быть поведения Анакреонова стряпчим ябедником, если знатность рода его, монархов просвещенных обращение при жизни, памятники по смерти, пленяющий талант, а более всего тонкий вкус⁴ не защитят память знаменитого стихотворца; но удален и от того, чтобы, основав мнение мое на стихах застольных, на песнях веселых и любовных, заключить, что сочинитель оных был развратный пьяница.

Желательно было бы, чтоб мнения, в книге обнародованы, были всегда действительные правила частной жизни автора ее; библиотеки тогда сделались бы сокровищем сердец, книги — зеркалом истины, познанием человека вдруг и по собственной расписке, короче бы и надежнее был путь к благоденствию его. Но сколько плутов проповедовали добродетель! Сколько Арпагонов писали противу скупости! Сколько ябедников защищали истину! А между тем Эпикур⁵, учитель роскоши, жил воздержно. Гораций вина не пил

В древних медалях виден Анакреон человеком уже старым, но лица приятного, черты порядочные, взгляд веселый, открытое чело, про которое он и сам упоминает в XI оде.

Бодонием напечатанный его профиль, с древнего камня заимствованный, почитается лучшим. Мне весьма желалось украсить оным и мой перевод; но таланту приятелей моих недостало

¹ В разговоре о умеренности он выводит Сократа, который выхваляя Хармида, между прочим говорит: не только красотами тела, но и добродетелями отличаешься ты, уподобляясь предкам твоим со стороны отца твоего Дропиду, Анакреону, Сегону и проч.

² Кн. IX. Том IV, перев<од> Юста Бултеа, в Лейдене печат<ан> 1731 года.

³ Которого благочестивые намерения до того простирались, что он приятнейшие Анакреоновы стихи старался обратить к Иисусу Христу младенцу. Бодоний в письме к Азаре.

⁴ Не один раз примечено, что люди изящного и тонкого вкуса редко бывают подвержены порокам грубым, каково пьянство или разврат... Природа, одарив их разборчивостью положила оную преграду между страсти и порока гнусного; и там, где многих только один стыд, человека со вкусом и отвращение спасает.

⁵ Анакреон. Sapho et Bion, à Paris par M. de C., page 8. Vie d'Anacréon.

времени, а мне терпения, потому что как переводить и печатать начал я по милости новых литер, от Дидота привезенных, так и кончить печатание принужден был по желанию типографов, погонявших меня корректурными листами.

Скорая работа не извиняет, однако, неудачный труд, и для того, может быть, позволено мне будет здесь в извинение себя сказать нечто о переводе своем.

Анакреон переведен на русский язык с греческого, которого я не знаю; но лет пять-шесть назад не труднее бы мне, может быть, было выучиться языку, нежели перевести вместо одной книги по крайней мере десять с разных языков; а сие вот каким образом:

Человек добровольный и греческий язык хорошо знающий, взял на себя труд подписать мне каждое слово в подлиннике. <...>

Под руководством снисходительного, в знании греческого языка несравненного, просвещенного и почтенного мужа¹ взял я на себя педантические вериги не выпустить никакой речи и перевести оные в стихах греческой же меры, не теряя, сколько возможно, плавности и свободы, красоту Анакреоновых мыслей возвышающих, и для сего должен был при всяком почти стихе справляться в море здесь приложенных переводчиков, свидетельствующих достоинство автора, из числа которых следовал я более тем, кои отмечены звездочками.

Для осуждения меня прошу (тех, кои греческого языка не знают) сличить перевод мой с другими и наказать за то, где я отдалился от смыслу подлинника, а для того и следуют здесь

Анакреоновы переводчики.

Первое издание Анакреона сделано было Генрихом Стефаном и напечатано 1554 году в Париже; повторено Робертом Стефаном в 1556 году. <...> Сей Генрих Стефан перевел Анакреона на латинский язык стихами. <...>

Перевод Анны Дасье на французском языке напечатан в Париже 1681 года и в Амстердаме 1716 года с примечаниями г-на Ле-Февра.

В 1682 году Бернард Лонжепьер перевел сочинения Анакреона, Сафы, Теокрита, Биона и Мосха на французский язык.

В 1706 году перевел Анакреона Антоний ла Фос и напечатал в Париже.

¹ Которого нескромная благодарность моя заставила меня без спросу в некоторых примечаниях напечатать имя.

В 1713 году напечатан в Роттердаме перевод Анакреонов на французском языке Гаконом. <...>

Перевод Анакреона, Сафы, Биона, Мосха и Теокрита с прибавлением некоторых Горациевых и Катулловых сочинений, трудов г-на Мутоннета де Клерфона. Один из самых новейших переводов в прозе; напечатан в Париже 1773 году.

На немецкий язык переводил Анакреона профессор Фишер, и перевод его почитается весьма ученым.

На том же языке переведен Анакреон безымянным переводчиком, напечатан в Лейпциге 1776 году, и перевод сей на немецком языке считается лучшим.

В 1695 году издан в Лондоне Вильгельмом Бакстером на аглинском языке. Сей, почитающийся лучшим переводом, в доказательство доброты своей вновь напечатан был в 1710 году, сей не токмо у агличан, но и в Германии многим предпочтен переводчик, ибо профессор Фридрих Фишер труды же Бакстеровы, с некоторою только прибавкою, перепечатал в Лейпциге 1774 года. <...>

Весьма славится на италианском языке перевод, сделанный французом аббатом Ренье. Славный сей перевод напечатан в Париже 1696 года. <...>

Павел Ролли в Лондоне 1740 года. <...>

В наши же времена прославился переводом Анакреона, в Риме изданным, Иосиф Спалетти, который, исправя погрешности текста, перевел оды Анакреоновы тем же ударением стихов, как и в греческом подлиннике.

На испанский язык Анакреона перевел дон Стефан Мануил де Вельгас, печатан в Мадриде 1774 года.

Последний переводчик Анакреона, по мнению Бодония, коего трудом собрана большая часть оных, есть Клавий де Рогати, родом тосканец.

Многие еще другие, в переводе Анакреона трудившиеся, мне неизвестны, особливо на аглинском, на немецком и русском¹ языках.

Во многих изданиях Анакреона напечатано под именем сумнительных число од Анакреоновых более переведенного мною; но как многие спорят о подлинности оных по некоторым наречиям, Анакреону несвойственным и таланта его недостойным, то я и не захотел на счет славы его сделать брюхатую книгу.

¹ Кроме Ломоносова, о котором в примечаниях упоминается.

КНИГА ПЕРВАЯ

Ода I
К ЛИРЕ

Я петь хочу Атридов,
Хочу о Кадме петь,
Но струны лиры только
Одну любовь звучат.
Я лиру перестроил,
Вновь струны натянул,
Хотел на ней Иракла
Я подвиги воспеть,
Но лира возглашала
Единую любовь.
Простите впредь, ирои!
Коль лира уж моя
Одну любовь бряцает.

Ода II
К ЖЕНЩИНАМ

Зевес быкам дал роги,
Копыты лошадям;
Он скорый бег дал зайцу,
Льву — полный зев зубов,
Способность плавать — рыбам,
Он птицам дал полет,
А мужество — мужчинам.
Немного что для жен
Осталось в награжденье.
Что ж дал им? Красоту
В замену копий, шлемов:
И щит, и огонь, и меч
Красавица сражает.

Ода III
ЛЮБОВЬ

В час полуночный недавно,
Как Воота под рукой
Знак Арктоса обращался,
Как все звания людей
Сна спокойствие вкушали,
Отягченные трудом,
У дверей моих внезапно
Постучал Эрот кольцом.
«Кто, — спросил я, — в дверь стучится
И тревожит сладкий сон?..»
«Отвори, — любовь сказала, —
Я ребенок, не страшись;
В ночь безмесячную сбился
Я с пути и весь обмок...»
Жаль мне стало, отзыв слыша,
Встав, светильник я зажег;
Отворив же дверь, увидел
Я крылатое дитя,
А при нем и лук и стрелы.
Я к огню его подвел,
Оттирал ладонью руки,
Мокры кудри выжимал;
Он лишь только обогрелся:
«Ну, посмотрим-ко, — сказал, —
В чем испортилась в погоду
Тетива моя?» И лук
Вдруг напряг, стрелой ударил
Прямо в сердце он меня;
Сам, вскочив, с улыбкой молвил:
«Веселись, хозяин мой!
Лук еще мой не испорчен,
Сердце он пронзил твое».

Ода IV
НА САМОГО СЕБЯ

Я на лотовых листах
И на ветвях мирты лежа,
На здоровье пить хочу.
Пусть сама любовь на рамо
Лентой подобрал хитон,

Цельным мне вином услужит.
 Наша жизнь, как колесо,
 Обращаясь, утекает;
 А по смерти прах костей
 Лишь единый остается.
 Мне не нужен фимиам,
 Ни над гробом возлиянье,
 Лучше ароматы мне
 Воскурите вы при жизни,
 Розой увенчав чело,
 И подругу позовите.
 Прежде нежели отсель
 К вечным мертвых хорородам
 Я отправлюсь навсегда,
 Разогнать хочу я скуку.

Ода V
 НА РОЗУ

Посвященную любви
 Розу окропим вином
 И румяною сей розой
 Увенчаем мы чело;
 Будем пить с усмешкой нежной.
 Роза — самый лучший цвет,
 Роза — плод весенней неги,
 Утешает и богов.
 Мяжки кудри украшает
 Розами Кипридин сын,
 Как с харитами он пляшет.
 Увенчайте же меня,
 И в твоих, о Бахус! храмах
 Воспою на лире я.
 С девою высокогрудой
 Ж под песни воспляшу,
 В розовом венке красуясь.

Ода VI
 ТОРЖЕСТВО ЛЮБВИ, ИЛИ КОМ

Увенчаемся венками,
 Соплетенными из роз,
 Будем пить и веселиться.
 Пусть под лирный звук легко

Юная воспляшет дева,
Тирс носящая, обвит
Вкруг зеленой повилицей.
Пусть тут отрок кудреватый,
Сладкий дышущ аромат,
Воспоет под струны лирны
И прольет приятный глас.
Златовласый бог любви
И прекрасный бог вина
Со прелестною Кипридой
Комоса да посетят,
Толь приятного для старых!

Ода VII
НА ЛЮБОВЬ

Гиацинтовой лозою
За собою вслед Эрот
Сильно гнал меня по дебрям,
По стремнинам, по рекам.
Путь сей трудный пробегая,
Я ужален был змеей,
И душа моя тревожна
От усталости из уст
С жизнью моей мгновенно
Чуть не вылетела вон;
Но приятными крилами
Встрепенулася любовь;
Мановеньем освежая
Томное мое чело,
Покачав главой, сказала:
«А! Не можешь ты любить».

Ода VIII
ВИДЕНИЕ

Вакхом сладко угощенный,
Я недавно ночью спал
На коврах на пурпуровых,
И во сне мечталось мне:
Будто скорою походкой
Потихоньку на перстах
К девушкам играть я крался;

Молодцы ж прекрасней Вакха
Издевались надо мной,
И девицам насмехались
В поругание мое.
Но как скоро я, достигнув,
Целовать девиц хотел,
Все сокрылося с мечтою;
Я, несчастный, став один,
Поскорей заснуть старался.

О да IX
к ГОЛУБКЕ

Любезная голубка!
Отколь, отколь летишь?
Отколе ты на воздух
Толь сладкий аромат
Несешь и разливаешь?
Кто, с чем тебя послал?
Голубка
Анакреон к Вафиллу
С письмом послал меня;
К красавцу молодому,
Что ныне всех сердец,
Им пленных, стал владыка.
За песню отдала
Меня ему Венера.
И я служу ему
Усердно, сколь возможно,
И письма разношу
Его теперь, как видишь,
А он свободу дать
За то мне обещает.
Хоть пустит он меня,
Но все я с ним останусь.
Какая польза мне,
Одной меж гор летая,
Садиться на кустах
И дикими плодами
Кормиться по полям?
Из рук Анакреона
Питаюсь хлебом я,
А жажду утоляю
Вином, что сам он пьет;
Напьюся, вострепенуся,

И легиньким крылом
Его я отеняю.
На лире я его
Вседневно засыпаю.
Прости, о человек!
Ты виновен, что с тобою
Сегодня я была
Болтливее вороны.

Ода X
НА ВОСКОВОГО КУПИДОНА

У юноши недавно,
Который продавал
Эрота воскового,
Спросил я, что цена
Продажной этой вещи?
А он мне отвечал
Дорическим языком:
— Возьми за что ни есть;
Но знай, что я не мастер
Работы восковой.
С Эротом прихотливым
Жить больше не хочу.
— Так мне продай за драхму;
Пусть будет жить со мной
Прекрасный сопостельник.
А ты меня, Эрот,
Воспламени мгновенно,
Иль тотчас будешь сам
Ты в пламени растоплен.

Ода XI
НА СЕБЯ САМОГО

Мне девушки сказали:
Ты стар, Анакреон,
Вот зеркало, смотрися:
Уж нет ни волоска
На лбе твоём плешивом.
Есть волосы иль нет,
Я этого не знаю;
Но то мне лишь известно,

Веселость старику
Тем более прилична,
Чем к гробу ближе он.

Ода XII
НА ЛАСТОЧКУ

О ласточка болтлива!
Чего ты от меня
Желаешь в наказанье,
Чтоб крылья я остриг
Или язык обрезал
Тебе я, как Терей?
Зачем ты ранним пеньем
С прелестною мечтой
Вафилла похищаешь?

Ода XIII
НА САМОГО СЕБЯ

Женородный Атис,
Предание твердит,
Был так влюблен в Цивиллу,
Что бегал по горам,
Рыдая в иступленьи.
Кто так же, говорят,
На берегах Клароса,
Присвоенной реки
Лавроносящу Фебу,
Болтливую воду пил,
Неиствуя, бесился.
Обильно угощен
Напитками, духами,
В объятиях любви
Я рад, я рад беситься.

Ода XIV
НА ЛЮБОВЬ

Любить, любить я буду,
Мне это сам Эрот
Советовал недавно;

Безумный! я в упрямстве
Ослушался его.
Тут лук подняв незапно
И свой золотой колчан,
Он звал меня сражаться;
А я, как Ахиллес,
Надел на плечи латы,
Взяв щит свой и копье,
Шел с ним на поединок.
Он выстрелил, а я
Ушел от поражения;
Но как уж больше стрел
В колчане не осталось,
Разгневался Эрот
И бросился сам прямо
На место копья,
Меня обезоружил,
Проникнув в сердце мне.
Теперь мне щит не нужен...
Не нужно мне стрелой
Снаружи защищаться,
Когда в середине враг.

Ода XV
НА САМОГО СЕБЯ

Что нужды мне до Гига
Сардийского царя;
Богатством не завидны
Мне сами короли.
Я только в то стараюсь,
Чтоб нежный аромат
Браду мою умастил,
Чтоб розами глава
Венчанна красовалась.
Сегодняшний день мой;
Чей завтрашний, кто знает?
Удобно время есть:
Пей, в кости забавляйся
И Бахусу служи,
Доколь болезнь какая,
Пришед, не возвестит,
Что пить нельзя уж боле.

О да XVI
НА СЕБЯ САМОГО

Ты брань поешь Фивийску,
Тот — фригский ратный вопль,
А я пою добычи,
Взятые над собой.
Ни флотом, ни пехотой,
Ни конницей сражен,
Но силой особливой:
Я взглядом побежден.

О да XVII
НА СЕРЕБРЯНЫЙ БОКАЛ

Вулкан! серебро чеканя,
Не броню делай мне;
Что делать мне на брани?
Но сделай мне бокал
Глубокий, сколь возможно.
Медведицы ни звезд,
Ни бурна Ориона
На нем не изваяй.
Мне что до звезд Воота
И что Плеяды мне;
Но листья виноградны
И грозды вырежь вокруг,
Чтоб жал вино сам Бахус
И лепой с ним Вафилл.

О да XVIII
НА ТОТ ЖЕ СЛУЧАЙ

Прекрасное искусство,
Ты вычекани мне
Весны приятну чашу.
На ней изобрази:
Веселый месяц ранний,
Носящий розы нам;
И так серебро обделай,
Сдобряло чтоб питье.
Но жертвоприношенья

Чтоб не было на ней,
Печальных мне обрядов
Не делай, я прошу;
Пускай представлен будет
Зевесов сын Эвий,
Что подал виноградный
Живительный нам сок.
Или представь Венеру
И пляшущих при ней
В веселье новобрачных,
Чтоб тут же был Эрот;
Но был неворуженный.
Харит на ней представь
С улыбкою приятной;
Под сенью винных лоз
Густою краснолистной,
Под сенью красных грозд,
Прибавь еще прекрасных,
Художник, молодцов,
Играющего с ними
Ты Феба извайя.

Ода XIX
ДОЛЖНО ПИТЬ

Воду черна пьет земля,
А деревья землю пьют;
Океан все реки пьет,
Солнце пьет и Океан;
А луна и солнце пьет,
То зачем же, о друзья!
Мне мешать, как пить хочу?

Ода XX
К ДЕВУШКЕ СВОЕЙ

Некогда в стране Фригийской
Дочь Танталова была
В горный камень превращенна.
Птицей Пандиона летала.
В виде ласточки летала.
Я же в зеркало твое

Пожелал бы превратиться,
Чтобы взор твой на меня
Беспрестанно обращался;
Иль одеждой быть твоей,
Чтобы ты меня касалась,
Или, в воду претворясь,
Омывать прекрасно тело;
Иль во благовонну мазь,
Красоты твои умастить;
Иль повязкой на груди,
Иль на шее жемчугами,
Иль твоими б я желал
Быть сандалами, о дева!
Чтоб хоть нежною своей
Жала ты меня ногою.

Ода XXI
НА САМОГО СЕБЯ

Дайте пить вы мне, девицы,
Дайте вдоволь мне вина;
Я от жару умираю.
Дайте Вакховых цветов...
На челе моем горящем
Вянут, сохнут все венки;
Но любовный жар я крою
С неким мужеством в себе.

Ода XXII
К ВАФИЛЛУ

Сядь, Вафилл, о! сядь под тенью,
Под прекрасным дровом сим,
Что по нежным ветвям стелет
Кудри мягкие свои.
Близ его ручей текущий
Убеждением журчит.
Льзя ли место для покоя
Толь прохладное пройтить?

ПРИМЕЧАНИЯ НА ПЕРВУЮ КНИГУ
ОД АНАКРЕОНОВЫХ

Ода I
к ЛИРЕ

Сия и следующая за оною ода переведены были мною точным числом стоп и ударением греческого подлинника, тем же самым метром хотел я продолжать перевод всего Анакреона. Хотя сие гораздо бы легче было исполнить по причине одинаких женских стихов, но мне показалось, что единообразие оных на русском языке делает какую-то неприятную звучность для слуха, привыкшего не токмо к разнообразному ударению стихов, но еще и к рифме. А потому и принужденным нашелся перевести те же самые оды вторично, перемешать женские стихи с мужескими и в краткий стих поместить тот же смысл, какой в длинном женском стихе греческого подлинника находится.

Для желающих знать точную гармонию стихов Анакреоновых я внесу здесь первых двух од переводы, которые я отменил.

Ода I
к ЛИРЕ

Греческим метром

Я петь хочу Атридов,
Хочу я петь о Кадме,
Но струны лиры только
Одну любовь бряцают.
Я лиру перестроил
И новые взял струны,
Хотел на ней Иракла
Воспеть дела военны;
Но лира все упорно
Одну любовь звучала.
Простите ж впредь, ирои!
Когда моя уж лира
Любовь одну вещает.

Я петь хочу Атридов. Ст. 1. Агамемнон и Менелай именовались Атридами. Гомер почитал их сынами Атрея; но Эсхил, Порфирий и Аполлодор считают их сынами Плисфена, сына Атреева. Как бы то, впрочем, ни было, но Менелай и Агамемнон

тем не менее Атриды, а под именем их Анакреон разумеет войну Троянскую.

Хочу о Кадме петь. Ст. 2. Кадм, сын Агенора, брат Европы, жил во времена Иисуса Навина, изобретатель литья меди. Г-жа Дасье замечает, что потому, может быть, в Крете называют щиты, шелома и прочие кадмами. Анакреон же здесь, по мнению многих, разумеет войну фивскую или же, быть может, собственную повесть Кадма, в баснословии столь знаменитую.

Ода II К ЖЕНЩИНАМ

А мужество — мужчинам. Ст. 7. Сей стих в лучшем немецком переводе, напечатанном в Лейпциге 1776 году bei Weidmanns Erben und Reich переведен *φρόνημα* — «die Männer Waffen Künste» или «die Männer Waffen führen», то есть «мужчинам ратоборство». Г-н же Мутоннет де Клерфон переводит оный: *et le courage aux hommes.*

Но Преосвященный Евгений, коего пространным и глубоким сведением греческого языка руководствовался я в переводе моем, под именем *φρόνημα* разумеет чисто «благоразумие». Если немец из учтивости к полу, толь любимому Анакреоном, не посмел поставить такой хулы (которую, верно, он разумел), то как русскому объявить войну лучшей части света, отказав ей (суровой, однако) дар благоразумия! А для того и перевел я *φρόνημα* ни «ратоборство», ни «благоразумие», но «мужество мужчинам», уповая, что противоположением оно, т. е. «нежностию», прекрасный пол не оскорбится...

Здесь следует та же самая ода, греческим метром переведенная, где следовал я немецкому переводу в критическом стихе.

Ода II К ЖЕНЩИНАМ

Греческим метром

Зевес быкам дал роги,
Коням он дал копыты,
А зайцам бег дал скорый,
Льву — зев, зубами полный,
Проворство плавать — рыбам,
Летать способность — птицам,

Мужчинам — *ратоборство*;
 Немного, что для женщин
 Оставил он, в замену
 Щитов, шоломов, копий
 Зевес им красоту дал.
 Щиты, и меч, и пламень
 Красавица сражает.

О да III
 ЛЮБОВЬ

Как Воота под рукой. Ст. 2.

Знак Арктоса обращался. Ст. 3.

Северного полюса созвездие Большая Медведица называлась у греков Арктос; последующее за оным именовалось: Воот и Арктофилас, то есть Страж Медведицы. Анакреон не мог лучше ознаменовать Полуночи, как обращением Арктоса; поелику созвездие сие начинает обращаться около Арктического полюса, по окончании половины течения своего, т.е. в полночь. Г-жа Дасье, стр. 8, примеч. 2.

К тому же Сомез примечает, что в древние времена Анакреоновы слово «час» употребляли только в значении годового времени, как бы у нас, напр., «пора».

Прямо в сердце он меня. Ст. 28. В греческом сказано: прямо в печенку. Древние полагали, что престол любви должен быть в печенке.

В последующие времена переместили оный в сердце.

А в наш просвещенный век многие думают, что любовь в уме...

Лук еще мой не испорчен.

Сердце он пронзил твоё. Ст. послед. Редкому грамотному не известен славный красотами своими перевод г. Ломоносова оды сей, после которого не надобно бы, кажется, никому с высоким его талантом входить в поприще; но он, переводя в стихах с рифмами (которых в греческом нет), принужден был для того во многих иногда местах отступить от подлинника. Я же, не будучи рифмою одержим, должен был сделать верный только перевод мыслей Анакреоновых, стараясь ничего не пропустить и не смея ничего прибавить. Последние два стиха переведены у г. Ломоносова:

Мой лук еще годится,
 И цел, и с тетивой,

Ты будешь век крушиться
Отнынь, хозяин мой.

Дурно заплатил за ночлег!..

<...> В подлиннике, однако, о сем поражении точнее сказано; там гость, как будто бы для опыту выстрелив, и в торжестве, что лук его не испорчен, говорит с ребяческой радостью хозяину доказательство: «Сердце он пронзил твое». Как обыкновенную его цель.

Ода IV НА САМОГО СЕБЯ

<...> *К вечным мертвых хоровадам.* Ст. 18. Анакреон здесь разумеет про хороводы блаженных душ в полях Елисейских. В Плутархе есть отрывок оды Пиндаровой, в которой сказано, «что в полях Елисейских иные забавляются верховою ездою, другие — игрою в шашки, а третьи на музыкайских орудиях». То веселому стихотворцу простительно было покойников и танцевать заставить.

Ода V НА РОЗУ

Как с харитами он пляшет. Ст. 11. С французского языка привыкли мы писать и называть грациями спутниц прелестей и красоты, которые харитами у греков именовались; но у французов «les graces» и в языке принято за прелести. У них и прилагательное есть «gracieux»; а по-русски грации, мне кажется, столько же значат, сколько и хариты, которые, впрочем, к нам соседственнее.

Я под песни воспляшу. Ст. 16. Плясание составляло часть духовного обряда языческого богослужения. Мужчины и женщины плясали вокруг священных истуканов. Г-жа Дасье <...>.

Ода VIII ВИДЕНИЕ

Потихоньку на перстах. Ст. 6. Г-жа Дасье перевела сей стих: «Я бежал что есть силы», прибавляя в примечании, что это то же значит, что и красться на цыпочках, потому что кто бежит изо всей силы, тому будто нет времени целою ногою до земли касаться. Прежде сего и французы так не бегали.

О да IX
К ГОЛУБКЕ

Сей небольшой поэмы цены не поставляют ученые. Между прочими отец г-жи Дасье говаривал, что Анакреон не один ее делал, но музы и хариты с ним сочиняли оную. <...>

Кто, с чем тебя послал? Ст. 6. Древние употребляли голубей вместо почты, привязав им письмо на шею или к ноге, отпускали их с дороги или из другого какого чужого места домой с известием, так как в мою бытность еще в Ишпании посылали оных из мадритского амфитеатра с уведомлением в уезд, быка ли убил торер, или бык ишпанца, где сельские Донкишоты за искусство быка и человека равные держат заклады.

Анакреон к Вафиллу. Ст. 7.

К красавцу молодому. Ст. 9.

Вафилл был прекрасный юноша, родом из Самоса, по свидетельству Горация. Насчет его есть кое-какие повести, которых женщины его времени ни ему, ни Анакреону не прощали...

Болтливые вороны. Ст. послед. У греков, так же как и у латинов, была пословица «garrula cogit»*.

В те времена черные птицы, видно, болтливые были перепелесых, потому что мы говорим «болтлива, как сорока».

О да XII
НА ЛАСТОЧКУ

Или язык обрезал.

Тебе я, как Терей. Ст. 6. По свидетельству Овидия, Прогна превращена в ласточку, а Филомела в соловья; но древнее мнение Аполлодора, которому Анакреон последовал, состоит в том, что в ласточку превращена Филомела и потому будто ласточки убегают жилища Тереева. Плиний говорит: «Чертогов королей Фракийских ненавидят ласточки со времени злодеяния Тереева».

О да XIII
НА САМОГО СЕБЯ

На берегах Клароса. Ст. 7. Источник Кларос, по мнению г-на де ла Фоса, был в Ионии близ местечка Кларийон, неподалеку от

* Болтливая ворона (лат.)

города Колофана. Испившие воды его одержимы были прорицательным исступлением. Аполлон, которому источник сей был посвящен, по имени его назывался Аполлон Кларийский; иные думают, что источник сей был на острове Кларосе.

Ода XV
НА САМОГО СЕБЯ

Что нужды мне до Гига

Сардийского царя. Ст. 2. Суид примечает, что стихотворец под именем Гига разумел Креза, одного из потомков Гиговых. Сардис был королевства Лидийского главный город, богатствы оною и в пословицах известны были.

Ода XVII
НА СЕРЕБРЯНЫЙ БОКАЛ

Медведицы ни звезд. Ст. 6. Смотри в примечаниях к оде III на ст. 2 и 3.

И что Плеяды мне. Ст. 10. Плеяды — семизвездное созвездие, имеющее вид грозда виноградного. Латины называли оною Vergiliae.

Ода XIX
ДОЛЖНО ПИТЬ

Солнце пьет и Океан. Ст. 4. Немецкий переводчик написал: «Солнце пьет пары». Он, конечно, перевел значение стиха, которое Анакреон подразумевать оставил, именуя общим словом «море» или «Океан», солнцем испаряющийся.

Ода XX
К ДЕВУШКЕ СВОЕЙ

Иль твоими б я желал

Быть сандалами, о дева! Ст. 19. Сандалии были древняя обувь, состоявшая из одной подошвы, лентами, наподобие наших обор, к ноге прикрепляемая.

Чтоб хоть нежною своей

Жала ты меня ногою. Ст. 21. Хотя г-н Риголей де Жувигни два сии стиха переводит таким образом:

Иль сандалами твоими
 Я желал бы, дева, быть,
 Чтоб ноги твоей прекрасной
 Впечатление носить;

но в греческом именно сказано: «Или желал бы я быть сандалами твоими, о дева! чтоб хоть ногою твоею быть попираему», — то и принужден я был пожертвовать некоторыми красотами истине держаться смыслу подлинника, выкинув только один нелепый страдательный глагол.

Ода XXI
 НА САМОГО СЕБЯ

Дайте Вакховых цветов. Ст. 4. В подлиннике написано: «Дайте мне цветов того». Здесь стихотворец понимает цветов Вакховых, поелику во 2 стихе вместо вина в греческом написано: «дайте мне Вакха», то слово «того» и сказано в относительном смысле к Вакху. Я, принужден будучи по свойству нашего языка вместо Вакха поставить вино, должен уже был написать вместо «цветов того» — «дайте Вакховых цветов». Может, от жару, на который Анакреон жалуется, хотел он прохладить голову свою или повилищею, или зеленью виноградною; неизвестно, впрочем, по мифологии, чтобы какие-нибудь цветы в особенности Вакховыми назывались. <...>

Ода XXII
 К ВАФИЛЛУ

Кудри мягкие свои. Ст. 4. Я не знаю, простят ли мне сию вольность, в языке нашем употребленную, но Анакреон кудрями именно называет листья, которые так же бы наполнить стих могли, если бы смел я отступить от греческой метафоры.

Близ его ручей текущий

Убедением журчит. Ст. 6. В греческом сказано: «ток течет убеждением», или «ручей катит воды убеждения». Я принужден был прибавить «журчит убеждением», чтоб не потерять совсем мысли Анакреоновой; а без того на русском было бы немое убеждение, которое мы более привыкли находить в языке, нежели в каких-нибудь видимых знаках.

КНИГА ВТОРАЯ

Ода XXIII
НА БОГАТСТВО

Когда бы Плутус златом
Мог смертных жизнь продлить,
Рачительно б старался
Я золото копить
На то, чтоб откупиться
Тогда, как смерть явится;
Но жизни искупить
Не можем мы казною.
На что вздыхать, тужить,
Сбирать добро, хранить,
Коль данну смерть Судьбою
Ценой не отвратить?
Мне жребий вышел пить
И в питии приятном
В пирах с друзьями жить,
На ложе ароматном
Венере послужить.

Ода XXIV
НА САМОГО СЕБЯ

Если смертным я родился
Краткой жизни путь пройти,
Время знаю лишь прошедше,
О предбудущем узнать
Я искусства не имею.
Попеченье, суеты,
Вас прошу я удалиться,
Что за нужда мне до вас.
Смерть покуда не подкралась,

Пошучу я, посмеюсь,
Попляшу с прекрасным Вакхом.

Ода XXV
НА САМОГО СЕБЯ

Как пью я винны соки,
Печаль на ум нейдет.
На что искать заботы,
Хлопот, сует, работы,
Желаешь или нет,
А все конец придет.
Почто ж нам суетиться?
Мы Вакха позовем:
Не смеет к нам явиться
Печаль, когда мы пьем.

Ода XXVI
НА САМОГО СЕБЯ

Хмель как в голову ударит,
То заботы все заснут;
Я богат тогда, как Крезус,
И хочу лишь сладко петь.
Лежа, плющем увенчанный,
Ни во что я ставлю все.
Пусть кто хочет, тот сражайся,
Я куда буду пить.
Мальчик!.. Полную мне чашу
Поскорей вели подать:
Лучше мне гораздо пьяным,
Чем покойником лежать.

Ода XXVII
К ВАКХУ

Юпитерово чадо,
Избавитель забот,
Дражайший винодатель,
О ты, прекрасный Вакх!
Ты в пляске мне наставник.
Как полон я тобой,

Тогда-то я ликую!
Люблю, люблю попить
И пляской веселиться;
Венере послужа,
Опять плясать пуститься.

О да XXVIII
К СВОЕЙ ДЕВУШКЕ

Царь в художестве изящном,
Коим Родос процветал,
Напиши ты мне в разлуке
Дорогую по словам:
Напиши сперва, художник,
Нежны русые власы;
И когда то воск позволит,
То представь, чтобы они
Обоняние прельщали,
Испуская аромат.
Чтоб под русыми власами
Выше полных щек ее
Так бело, как кость слонова,
Возвышалось чело.
Брови черными дугами
Кистью смелою накинь,
Не расставь их и не сблизь,
Но так точно, как у ней,
Нечувствительно окончи.
Напиши ее глаза,
Чтобы пламенем блистали,
Чтобы их лазурный цвет
Представлял Паллады взоры;
Но чтоб тут же в них сверкал
Страстно-влажный взгляд Венеры.
Нос и щеки напиши
С розами млеком смешенным
И приветствием уста,
Страстный поцелуй зовущи.
Чтоб ее прекрасну грудь
И двойчатый подбородок
Облетал харит собор.
Так ты ризой пурпуровой
Стройный стан ее одень,

Чтоб и те красы сквозили...
 Полно... Вижу я ее;
 Скоро, образ! ты промолвишь.

О да ХХІХ
 О ВАФИЛЛЕ

Друга моего Вафилла
 Напиши мне по словам:
 Чтобы кудри черно-русы
 Отливали светлый цвет,
 И небрежно завивались,
 Распущенны по плечам.
 Напиши, чтобы прекрасно
 Умашенное чело
 Украшалось черной бровью,
 Темной, как дракона цвет.
 Чтобы глаз имел он черный,
 Быстрый и приятный взгляд,
 Взор и Марса и Венеры
 Закрывающий в себе:
 Так, чтоб тот страшил собою,
 Сей надежду питал.
 Розовы его ланиты
 Нежным пухом облеки,
 Пигвы мшистыя подобно;
 Чтоб румянец в них играл,
 Как стыдливостью рожденный,
 Но прекрасные уста,
 Как напишешь ты, не знаю...
 Должны полны быть они
 Убеждения... приятства...
 Сделай так, чтобы твоей
 Нежной кистью оживленный,
 Образ молча говорил.
 Шея чтоб его прекрасней
 Адонидовой была:
 Так бела, как кость слонова;
 Руки же ему и грудь
 Ты Гермесовы приделай.
 Стегна Полукса...

.

.

 Но завистливым искусством
 Ты почто закрыл плеча?
 Лучшее произведенье!
 Как ты должен написать
 Ноги, говорить не нужно.
 Что, скажи, возьмешь за труд?
 Переделай ты в Вафилла
 Образ Аполлонов мне;
 А когда в Самос приедешь,
 Можешь Феба ты списать
 С начертания Вафилла.

О да ХХХ
ЛЮБОВЬ

Цветною вязью музы
 Опутали любовь,
 И связанну вручили
 В хранение красоте.
 Теперь Венера, искуп
 Носящая с собой,
 Везде прилежно ищет
 Эроса искупить;
 Но пусть ему свободу,
 Кто хочет, возвратит.
 Он сладкую неволю
 Свободе предпочтет.

О да ХХХІ
НА САМОГО СЕБЯ

Для бога! пить пустите,
 Пить дайте через край;
 Хочу, хочу взбеситься.
 Убийцы матерей
 Бесились в иступленье
 Орест и Алкмеон.
 Убивству не причастен,
 Пив красно я вино,
 Хочу, хочу беситься.
 Бесяся, Геркулес

Ифитьев лук и стрелы
Ужасно потрясал.
Когда Аякс бесился,
Гекторов меч и щит
В руках его звучали;
Но я, покрыв чело
Прекрасными цветами,
И с чашею в руках,
Не быв вооруженный
Ни луком, ни мечом;
Хочу, хочу беситься.

Ода XXXII
О ЛЮБВИ СВОЕЙ

Когда ты счесть сможешь
Все листья на деревьях,
Иль счислить ты умешь
Морские волны все,
Ты можешь и любовниц
Моих пересчитать.
Пиши афинских двадцать,
Пятнадцать к ним других;
Полками из Коринфы
Несметными считай;
Прекрасными женами
Во всей Элладе сей
Ахейский город славен.
Родосских положи...
Ионских и Карийских,
Лесбинок, итого
Две тысячи невступно...
Но что ты удивлен,
Что много так любовниц?
Тебе еще не счел
Ни сирских, ни кановских,
Из Крита ни одной,
Где таинства свершает
Свой Венерин сын.
Но как из Бактрияны,
Из Индии сочешь,
Из Кадикса и дале
Души моей другинь...

О да XXXIII
К ЛАСТОЧКЕ

О ласточка любезна!
Ты всякую весну
Гнездо себе свиваешь:
Но к зѣме иль на Нил,
Иль к Мемфису летишь;
В моем же сердце вечно
Любовь гнездо свила,
И в нем с тех пор выводит
По всякий час детей.
Иные оперились,
Другие в скорлупе;
Наклонутся лишь только,
То голос и дают.
Там старшие питают
Молоденьких птенцов;
А те лишь возмужают,
Рожают вновь детей.
Что делать? Я не знаю,
Но много так любви
В моем едином сердце
Не можно поместить.

О да XXXIV
К ЛЮБОВНИЦЕ

Красавица! не бегай
Седых моих волос
И, юностью блистая,
Не презри страсть мою.
Приятно розы вьются
С лилеями в венке.

О да XXXV
ПОХИЩЕНИЕ ЕВРОПЫ

О юноша! сей бык
Мне кажется Юпитер:
Несет он на спине
Своей жену сидонску,

Преходит Океан
И волны разделяет
Копытами в пути.
Другому бы из стада
Ушедшему быку
Не переплыть пучины.
Но то Юпитер сам!

Ода XXXVI
НА УДОВОЛЬСТВИЕ ЖИЗНИ

На что витиев правил
Вы учите меня?
К чему мне бесполезны
Годятся речи их?
Меня учите лучше
Пить сладкий Вакхов сок;
Учите с Афродитой
Прекрасною играть,
Когда мои седины
Увенчаны венком.
Поддай воды мне, мальчик!
Налей ты мне вина
И усыпи мой разум.
Ты скоро уж меня
Умершего схоронишь.
А в гробе уже нет,
Уж больше нет желаний.

Ода XXXVII
ВЕСНА

Посмотри при возвращеньи
К нам приятныя весны,
Как хариты усыпают
Розами повсюду дуг!
Посмотри, как тихо море,
Как сровнялася волна!
Утка плещется водою,
И летят к нам журавли.
Ясно солнце просияло,
Мрачны тучи разогнав;
Процветают злачны нивы

Земледельческим трудом.
Уж земля травой покрылась,
И оливна ветвь растет;
Увенчался пышным листом
Виноградный сочный грозд.
Под листом на ветвях мягких
Появился юный плод.

Ода XXXVIII
НА САМОГО СЕБЯ

Я стар, и в том не спору,
Но пью, как молодой.
Не с тирсом, но с бутылкой
Пляшу, когда хочу.
На посох опираться
Нет нужды мне отнюдь.
Кто хочет, тот сражайся,
А мне ты, мальчик, дай
Наполненную чашу
Хорошего вина.
Я стар, и в том не спору,
Но с прочими плясать,
Силену подражая,
Я в силах и теперь.

Ода XXXIX
НА САМОГО СЕБЯ

Если пью вино я *сладко*,
Веселящийся мой дух
Чистых муз воспеть стремится.
Если пью вино я *сладко*,
Мысль заботну, скуки, грусть
Отвергаю я шумящим
На морских зыбях ветрам.
Как вино я пью *священно*,
Бахус, веселящий дух,
Радостью меня исполня,
В ароматны облака
Некой силой восхищает.
Как я *сладко* пью вино,
И чело венком венчаю:

Жизни я спокойство пью.
 Если пью вино я *сладко*,
 Благовоньми окропясь
 И в объятиях имея
 Я любезную свою,
 Славословлю Афродиту.
 Пью как *сладко* я вино,
 И в широкой полной чаше
 Растворяю разум свой:
 С молодцами я ликую.
 Как вино я *сладко* пью:
 В нем одном все наше благо;
 Благом сим я наслажусь.
 Умереть ведь всем нам должно.

Ода XL

ЭРОТ

Купидон, не видя спящей
 В розовом кусте пчелы,
 В палец ею был ужален;
 Вскрикнул, вспорхнул, побежал
 Он к прекрасной Цитереи,
 Плача и крича: «Пропал,
 Матушка! пропал; до смерти,
 Ах! ужалила меня
 С крылышками небольшая
 И летучая змея,
 Та, которую пчелою
 Землепахари зовут».
 Тут богиня отвечала:
 «Если маленькой пчелы
 Больно так терзает жало,
 То суди ты сам теперь,
 Сколько те должны терзаться,
 Коих ты разишь, Эрот?»

Ода XLІ

НА ПИРШЕСТВО

Веселяся пить мы станем,
 Станем Вакха воспевать,
 Он плясания наставник,

Любит хороводну песнь.
Он приятель с Купидоном
И Венерою любим.
Он начало в свете пьянства,
Он харитам был отец.
Он печали прогоняет,
Услаждает скорбны дни.
Как подносят винну чашу
Юноши прекрасны мне,
То печали улетают
С сильной бурей от меня.
Возьмем, возьмем чашу в руки
И прогоним скуку прочь.
Что за польза сокрушаться,
Кто известен, долго ль жить?
Мы о будущем не знаем.
Я, вином подвеселясь
И опрыскавшись духами,
Рад под лютню поплясать
С молодыми красотами.
Кто охотник, тот горюй;
Мы попьем, повеселимся
И воскликнем Вакху песнь.

Ода XLII
НА САМОГО СЕБЯ

Под веселу песню Вакха
Я люблю, люблю плясать.
Подле юного детины,
Что в беседе смело пьет,
Я люблю играть на лютне.
Но, покрыв чело венком,
Из яцинтов соплетенным,
Больше я всего люблю
Порезвиться с красотами.
Чужды сердцу моему
И убивственная зависть,
И ревнивость низких душ.
Убегаю я повсюду
Клеветы летучих стрел,
Ненавижу приключенных
Пьянством распрей на пиру.

Там одной утехе место.
Под приятный лютни строй
С молодыми красотою
Станем, станем мы плясать!
Жизнь спокойну и приятно
Станем мирно провождать.

Ода XLIII
НА КУЗНЕЧИКА

Счастлив, счастлив ты, кузнечик!
Выпив капельку росы,
На высоких ты деревьях
Так поешь, как господин!
Все твое, что видишь в поле,
Что приносят времена.
Земледельцам ты приятель,
Не обидишь их ничем.
Сладкий вестник лета красна,
Ты приятен смертным всем.
Все тебя и музы любят,
Любит сам и Аполлон:
Он тебе дал звучный голос.
Старости не знаешь ты.
О премудрый песнолюбец!
О бескровный сын земли!
Ты болезням не подвержен,
Равен ты почти богам.

Ода XLIV
СНОВИДЕНИЕ

Видел я во сне, что крылья
У меня и я бегу,
А любовь гналась за мною
И поймала уж меня,
Несмотря что на прекрасных
Был ее ногах свинец.
Что б такое сон сей значил?
То, что я хоть много раз
Красотою был пойман,
От хлопот любви ушел,
Сей единою останусь
Красотою я пленен.

ПРИМЕЧАНИЯ НА ВТОРУЮ КНИГУ
ОД АНАКРЕОНОВЫХ

Ода XXIII
НА БОГАТСТВО

На что вздыхать, тужить. Ст. 9.

В греческом сказано:

Зачем же заблуждаться в сей жизни.

Литтеральный перевод на русском языке сего наречия не изобразил бы, мне кажется, мысли Анакреоновой, клонящейся к тому, по смыслу автора, что, зачем нам и заниматься делами, которые, по мнению его, для того только бесполезны, что жизни продолжить не могут.

Ода XXV
НА САМОГО СЕБЯ

Не смеет к нам явиться

Печаль, когда мы пьем. Ст. 9 и 10.

В греческом сказано:

Когда мы пьем, заботы спят.

Гораздо лучше! Но я это проронил, и ода была уже напечатана.

Ода XXVII
К ВАКХУ

Дражайший винодатель. Ст. 3. В подлиннике на дорическом языке сказано *μενδοτάς*, то есть «винодатель»; и слово сие не могло, к сожалению г-жи Дасье, на французском языке ее переведено быть без метафоры. Русский язык наш имеет, так же как и греческий, преимущество словосложения, дающего толь сильные и краткие изображения вещам, когда только во зло не употреблено оное.

Ода XXVIII
К СВОЕЙ ДЕВУШКЕ

Коим Родос процветал. Ст. 2. Родиане так славны были художествами, что Пиндар в 7-й оде олимпийской говорит: «Минерва одарила их художеством производить всякого рода

прекрасные работы и превзойти искусством рук своих всех человеков». Улицы их наполнены были статуями почти одушевленными, и кои, казалось, ходили. Смотри о сем Павзания и Плиния.

Напиши ты мне в разлуке. Ст. 3. Об этом между многими переводчиками происходили многие толки и споры. Анакреон говорит «напиши», следовательно, к живописцу. А после:

И когда то воск позволит. Ст. 7. Следовательно, говорит к лепщику: то споры и состояли в том только, живописный ли был портрет или восковое изображение. Возобновленная в наши времена графом Кайлюсом восковая живопись, известная древним, могла бы помирить воюющих, если бы она была им столько же, сколько потомкам их стала, известна.

Сию прекрасную оду, служившую в разных языках подлинником для множества неудачных подражаний, переведил и наш Северный Орфей Ломоносов с отменными и его только таланту свойственными красотами, делающими и подражательные его творения действительным подлинником. Он во многих местах отступил, инде прибавил по причине той, что писал стихами с рифмами; и между его и моим переводом выходит только та, по мнению моему, разница, что мой перевод к подлиннику ближе, а его лучше.

Ода XXX ЛЮБОВЬ

Маленькая сия ода почитается у знатоков алмазом. По замыслу блестящему, коим непостоянного любви мальчишку отдал Анакреон под стражу красоте, единой только могущей останавливать полет его. Но сию самую стражу дурно стережет время: узы слабеют, и побег узника извиняется, если он, кроме красоты, ничем не был привязан.

Из сей оды на разных языках разные писаны были поэмы, песни и комедии. <...>

Ода XXXI НА САМОГО СЕБЯ

Сия испуганная ода теряет очень много в преложении. Я сравнивал с моим семь разных переводов и не могу сказать, чтобы в котором-нибудь нашел я те поразительные красоты, которыми Анакреон пред всеми стихотворцами отличается; в моем же переводе и искать я оных не покушался. Красоты сей оды состоят

в изречениях языке свойственных, в противуположениях исторических и жестоких уподоблениях с кротким желанием из ума выпиться. Пожелая Анакреону счастливого похмелья, комментариев на хмель его делать я не обязан.

О да XXXII
О ЛЮБВИ СВОЕЙ

Здесь Анакреон на розовом листе Эротоваго стрелюю более, кажется, означить хотел свои в разных странах путешествия, нежели любовные победы, которые он искуснее во всех других местах изобразить умел.

О да XXXIII
К ЛАСТОЧКЕ

Анакреон в сей оде, завидуя ласточке, весьма замысловато любовь, постоянную и единственную его страсть, помещает в сердце своем и тонкою аллегориею изображает, что постоянен он к одной только страсти, а не к предметам оной.

О да XXXIV
К ЛЮБОВНИЦЕ

<...> В греческом подлиннике сказано: «Посмотри в венках, как приятно белые лилеи с розами сплетены!»

Стих последний я перевел:

Приятно розы вьются

С лилеями в венке.

И кажется, что хуже; но читатель может поправить и читать так:

Приятно розы видеть

С лилеями в венке.

Я же сего исполнить потому не мог, что и сия ода была уже напечатана.

О да XXXV
ПОХИЩЕНИЕ ЕВРОПЫ

Г-н де ла Фос думает, что ода сия есть не что иное, как описание картины, древнюю басню Европы изображающей. Ана-

креон толкует значение сей картины молодому человеку, которую подробно и гораздо после описал Овидий в 6-й книге «Превращений» его. Впрочем, и тут есть такие коренные красоты, которые не блещут замыслом противоположений или острым словом, но никогда из моды не выходят: красоты простой истины, которые древние видеть и ценить умели. Анакреон как живописец по одежде в женщине видит жену сидонскую, как стихотворец — важность быка, по действию его называет божественною, и, наконец, как Теогон, решит, что бык сей есть действительно Юпитер.

Ода XXXVII
ВЕСНА

Сия маленькая ода естественными красотами своими и простою весенних явлений превосходит, по мнению ученых людей, все прочие картины весны, которым она служила примером.

Утка плещется водою.

Журавли летят.

Какие ребяческие, кажется, черты! Но спроси всякий у своего сердца, к принятию весенних впечатлений еще удобного, не производит ли действительно вид сих мелочных предметов то ребяческое ощущение природы, по милости которого и в важнейших начертаниях находим мы красоты, и без чего и «хариты, усыпающие розами луг», и «злачные нивы, трудом земледельческим процветающие» были бы изображения мертвые для ушей, а не для мысленных наших глаз, не для сердца нашего картины.

Ода XXXVIII
НА САМОГО СЕБЯ

Не с тирсом, но с бутылкой

Пляшу, когда хочу. Ст. 3 и 4.

В подлиннике сказано:

Вместо тирса держу я мех винный.

Я взял смелость убавить оный и дать бутылку, чтобы пляшущего под русскую песню не обезобразить Анакреона. <...>

Ода XXXIX
НА САМОГО СЕБЯ

Если пью вино я сладко. Ст. 1. Сей несколько раз в продолжение оды повторенный стих везде сказан просто и одинаково:

«Когда я пью вино» и проч.

Ни в которой оде не был я столько принужден отступить от подлинника, как здесь, будучи обязан повторять тот же стих то женским, то мужским стихом, прибавлял по необходимости ненужные и незначущие эпитеты: «сладко» и прочее, которые напечатал нарочно косыми буквами для того, чтобы читатель видел, что лишнее и дурное принадлежит мне, а не Анакреону.

Г-н ле Февр сомневается, чтобы сия ода было произведение Анакреоновой музы; но аббат Ренье и г-н де ла Фос, коим Анакреон не меньше знаком был, признают оную неоспоримо за Анакреонову и находят тем же животворным духом исполненную, которым отличаются творения его.

Ода XL ЭРОТ

Вскрикнул, вспорхнул, побежал. Ст. 4.

Казалось бы, нельзя бежать телу летящему, которое вспорхнуло; но, мне кажется, есть тут некоторая местная красота, изображающая, во-первых, близость находящейся от Купидона матери его и ребяческий страх самого Купидона, бегущего и машущего крылами, подобно тяжелой птице, небольшое расстояние пробегающей.

Ода сия столько почтена не токмо учеными людьми нынешнего века, но и древними, что и самый замыслами обильный Теокрит из некоторых частных ее красот составил идиллию. Г-н де Клерфон, сравнивая Анакреона с Теокритом, в первом находит природу, в другом — искусство и Теокритову идиллию переводит так:

«Некогда раздраженная пчела ужалила в палец Купидона, таскающего мед из ульев ее. Сей бог чувствует боль, рука его пухнет, бьет он в землю ногами, бежит к своей матери и, показывая свою рану, жалуется ей, что такое маленькое насекомое, какова пчела, толь несносную боль ему причиняет. “Эрот! — отвечает ему, усмехнувшись, Венера, — не похож ли ты и сам на пчелу, будучи невелик, но какие ты делаешь язвы?”»

Гакон про сию оду так отзывается: «Можно ли, — говорит он, — такой сухой смысл превратить в басню, во всех частях ее толикими красотоми обильствующую? Какая ребяческая простота! какой естественный язык в устах маленького Купидона! какая красота в тонкой насмешке матери прелести!»

В немецком переводе поставлено, как Купидон и кричал; но я не осмелился в переводе моем написать того, чего нет в подлиннике. Притом для действительного означения ребяческого крика

должно бы было положить восклицания на ноты и определить оным свойственный музыкальный ключ; а без того легко бы было обезобразить Эрота, заставя его кричать хрипучею октавою какого-нибудь басистого чтеца.

Ода ХLI
НА ПИРШЕСТВО

Как подносят винну чашу. Ст. 11. В греческом сказано:
Чашу вина смешанного.

И г-жа Дасье примечает, что у греков было в употреблении при начале стола пить вино, с водою смешанное; а Генрих Стефан в переводе своем называет оное смешанное питьё: *rosulum quietum**.

Все сие, как вы сами видите, дело немаловажное; а у меня вино с водою в стих не поместилось. Я просто написал вино; и ежели заболит голова у трезвого моего читателя оттого, что я не разбавил оное водою, в том прошу прощения.

Ода ХLII
НА САМОГО СЕБЯ

*Подле юного детины,
Что в беседе смело пьет,
Я люблю играть на лютне.* Ст. 3-5.

Анакреон говорит: подле молодого «питуха»; а слово «питуха» весьма близко на нашем языке к петуху; и для того поставил я:

*Подле юного детины,
Что в беседе смело пьет,*
чтобы ошибкою чтеца не зайтить в курятник.

Ода ХLIII
НА КУЗНЕЧИКА

<...> *Ты почти богам равён.* Ст. посл. Для того, что теогоны почитали не кровь, в жилах языческих их богов лиюшущая, но некоторую прозрачную влажность, которую они *ixōr*** именовали, и Анакреон потому только кузнечика с богами сравнивает, что выше назвал его бескровным земли сыном.

* Успокаивающий напиток (лат.).

** Ихор, нетленная кровь (греч.).

Александр Великий, будучи ранен, в ответе своим ласкателям, производившим рождение его от богов, согласно с Гомером подтверждает мнение сие о бескровности богов: «Вы видите, — отвечал он им, — друзья мои, что из раны моей течет действительная кровь, а не влажность некая, свойственная богам единым». Впрочем, сколько бы ни прославляли стихотворцы пение кузнечиков, в самом деле, однако, кузнечики не поют. Реомюр, анатомивши кузнечика, доказал, что пение его, или, лучше сказать, крик, происходит от тонинькой перелонки, под ляжкою его находящейся и скорым движением ноги его надувающейся и ударяющей в воздух. Сие-то механическое его сложение — причина музыкального его дарования, сколько, впрочем, неоднозвучного, доставило ему равное с соловьем титуло «весеннего песпевца».

Никто, однако (сколько мне известно), столь пленительно не умел возвысить его талант, такие любезные приписать ему свойства, как Тийский наш стихотворец, и маленьким вещам толь важное значение давать умеющий.

Ода сия всегда мне в мысли представляет чувствительного человека, обрадованного новым голосом весны, которой впечатления умел он ощутить и свойственным действию языком изобразить сердце, отверстое на прелести природы.

Ода XLIV СНОВИДЕНИЕ

Сия ода, говорит г-жа Дасье, есть самая прекрасная и самая вежливая из всех древних произведений; если красавица, к которой она писана, столько же хороша была, как сделанные для ней стихи, то во всей Греции не было ее прекраснее. Тут я на колени пред г-жею Дасье и руки вверх... прошу французского ее прощения за то, что, как ни вертел, сколько мне любимую ее оду ни толковали, как ни читал я переводчиков, не мог дорыться сих таинственных красот, которые бы равняли ее со многими прочими одами Анакреона. Тут, кроме тонкого замысла, которым сей стихотворец толкует событие своего сна, ничего я не вижу; и так-то, что сделанная семнадцатилетнею девушкою, Потар дю Лю называемою, песенка, под именем «*Songe Anacréontique*»* известная, к стыду моему, мне лучшею кажется. Ее почти все знают. Она начинается: «*A l'ombre d'une myrthe assise*»** и проч.

* Анакреонтическое сновидение (франц.)

** Сидя в тени мирта (франц.)

Свинцовые колодки на купидоне, ни для живописца, ни для аллегии, ничего мне не представляют. Мы привыкли видеть любовь с крыльями и легкую, а не людей влюбленных, которые на крыльях от любви бегут. Но г-жа Дасье заставила меня коснуться ковчега священного...

КНИГА ТРЕТИЯ

Ода XLV
СТРЕЛЫ ЛЮБОВНЫЕ

Муж прекрасной Афродиты
В лёмносских горнах ковал
Для любви стальные стрелы,
А Венера их концы
В сладком меде закаляла;
Но примешивал тут желчь
Купидон в состав приятный.
Мартс, со брани возвратясь,
Презирал стрелу Эрота,
Тяжким оружен копьем.
«Не легка, — промолвил Мартсу, —
И сия стрела, — Эрот, —
Испытай, так ты узнаешь».
Принимает Мартс стрелу,
Улыбнулась Венера.
«Тяжела... возьми назад», —
Воздохнувши, Мартс вещает.
«Нет, оставь ее себе», —
Бог любви отвечает.

Ода XLVI
К ЭРОТУ

Тяжело жить без любви,
Нелегко же и любить;
Но всего еще тяжеле
Быть несчастно влюблену.
Знатность рода и ученость
Бесполезны нам в любви;
Презирают добродетель,

Важны деньги лишь одни.
О! погибни тот, кто первый
Начал золото любить.
Меж родителей и братьев
Золото — причина ссор,
Распрей и убивств причина,
А что более всего?
Мы, влюбленные, всеместно
Погибаем от него.

Ода XLVII
НА СТАРИКОВ

Мне мил старик веселый;
Мне мил младый плясун;
А если старый пляшет,
Он стар лишь сединой,
Но юноша он духом.

Ода XLVIII
НА ПРАЗДНИК

Подай Гомерову мне лиру,
Но только ту сними струну,
Котора брани воспевала.
Священны чаши те подай,
Из коих пить закон поставлен;
Поддай мне жребии смешать;
Подвеселясь, плясать я стану;
Умеря разумом восторг,
Не пощажу я слов забавных,
Мешая с гласом лютни звук.

Ода XLIX
БАКХАНАЛИИ

Послушай, изограф изящный,
Лирической ты музы звук,
И напиши мне ту картину,
О коей я тебе скажу:
Представь сначала оживленны
Весельем, смехом города;

Представь веселых ты бакханок,
Играющих во двусвирель;
И если воск тебе позволит,
Представь законы для гуляк.

О да L
БАХУСУ

Божество, что подкрепляет
Молодость в любви, в трудах!
Бог прекрасный ей наставник
В легкой пляске на пирах:
Сок несет нам животворный,
Отгоняющий печаль;
Сок еще в гроздах сокрытый,
Виноградное дитя,
Потечет приятным током,
Силою исполнит всех;
Удалит от нас болезни,
Наши укрепит тела,
Дух веселостью возвысит
До предбудущей поры,
Как опять к нам возвратится.

О да LI
НА ВЕНЕРУ, ИЗОБРАЖЕННУЮ НА ДИСКЕ

Кто художник сей изящный,
Что на блюде хитро так
Бурное представил море,
Пролил волны по кружку?
И к богам возвысь духом,
Ясно так изобразил
Мать бессмертных Афродиту?
Но, явив нагую нам,
Те закрыл красы волною,
Что не должен видеть глаз.
По струям морским стремясь
В разны стороны, она
Разделяет тихи воды
Грудью белой и плечом
И, блестя, меж них сияет,
Как лилея меж цветов.
Сей художник, на дельфинов

Купидонов посады,
 Их заставил насмехаться
 Тонкости людских умов.
 Рыб играющих представил
 Пред Венерою в водах
 И с улыбкою богиню,
 Зрящую забавы их.

Ода LII
 СОБИРАНИЕ ВИНОГРАДА

Младые юноши и девы
 Несут в корзинах на плечах
 Созрелые румяны грозды
 И сыплют в виноградный гнет.
 Одни лишь мужи совершенны
 Из ягод жмут приятный сок.
 Поют веселы песни Вакху,
 Ликуют, новый сей нектар
 В сосудах полных зря бродящий.
 Хотя дрожащею ногой
 Старик, испив, плясать пустился,
 Кудрями белыми трясет.
 К девице молодой, прекрасной,
 Обремененной сладким сном,
 Небрежно на листах лежащей,
 Раскинувшись в густой тени,
 Испивши, льнет влюбленный отрок.
 Пожертвовать любви его
 Эрот девицу убеждает,
 Доколь еще не воспален
 Светильник брака Гименеем;
 Но видя, что словами он
 Успеть в намеренье не может,
 Он силой жертвует любви.
 Нередко юностью нетрезвой
 Развратно веселится Вакх.

Ода LIII
 НА РОЗУ

Воспою весну цветущу,
 Нежну розу воспою!
 Песнь мою, о друг мой милой!

Гласом ты сопровождай.
Роза — аромат бессмертных,
Утешение людей,
Лучшее харит убранство
В дни цветущия любви
И Венеры утешенье.
Роза восхищает муз,
Розу ищут философы,
Всем утешно розу рвать,
Несмотря на колкость стебля.
Розовый румяный лист
На руке согрет прекрасной,
Как приятно нам в любви,
Разреша сомненье звуком,
Счастье и успех сулить.
Роза — в пиршествах утеха,
В праздник Бахусов краса.
Что прекрасно есть без розы?
Розовой Авроры перст
Стихотворцы воспевают;
Розовый имеют цвет
Руки нимф, лице Венеры.
Розовый полезен дух
И в болезни и по смерти.
Ароматом юных дней
Роза в старости прельщая
И течение времен
Пережить одна удобна.
Скажем про начало роз:
Море синее из пены
В свет когда произвело
Мать утехи и любви,
Как Зевес вооруженну
Произвел из головы
Любящую шум Минерву —
Свет украсился тогда
Дивным роз произрастеньем.
Чистым нектаром кропил
Сонм богов, лелея розу,
И красот изящных куст,
В жертву Вакху посвященный,
Из среды травы густой
На высоком колком стебле
В велелепии возрос.

Ода LIV
НА СТАРОСТЬ

Я, на юношей взирая,
Становлюся молодцом.
И хоть стар, но поспеваю
В хороводе их плясать.
Подыми меня, Кивелла!
Я иду... подай венок!
Старость прочь!... плясать я буду
С молодцами молодцом.
Кто подаст мне чару полную
Соку Вакховых плодов,
Тот увидит старикову
Бодрость в пении, играх
Из речей его забавных
И как пьет еще старик!

Ода LV
О ЛЮБОВНИКАХ

На бедре, прижженном сталью,
Знают лошадь по тавру,
А парфянина по шапке.
Я ж влюбленного тотчас
По сердечной легкой метке
И на взгляд могу узнать.

Ода LVI
НА СТАРОСТЬ

И виски уж поседели,
Голова моя бела:
Протекла приятна юность,
Старость по зубам видна.
Мало, мало сладкой жизни
Остается протекать!
Я стоною беспрестанно,
Тартара боюсь, дрожу...
Сколь сия ужасна пропасть
Страшной, мрачной глубины!
Зев ее открыт входящим,
Но из ней исходу нет.

Ода LVII
НА ОРГИИ

Скорей подай мне чару!
Дай, мальчик! мне хлебнуть.
Разбавь хотя однажды
Кипящее вино
Воды четвертой долей.
Ну! дай же без хлопот.
Не станем в шуме скифам
При чарах подражать;
Но, сладко попивая,
Веселье припевать.

Ода LVIII
ОСТАТОК ПЕСЕНКИ К ЭРОТУ

Пою Эрота украшенна
Венцами многими цветов!
Пою... Эрот — богов властитель;
Он смертных роды покорил...

Ода LIX
К ДИАНЕ

Оленей хитрая ловица,
Юпитера прекрасна дочь,
Владычица зверей Диана!
Молю тебя, сойди, сойди
На берег быстрого Лифея
И милосердый взор прости
На город, на людей унылых.
Не чужды благодарных чувств
Тобой народы покровенны.

Ода LX
НА ФРАКИЙСКУЮ КОБЫЛИЦУ

Фракийска юна кобылица,
Что косо смотришь на меня?
И так поспешно убегаешь
Иль мнишь, что не проворен я?

Так знай, что я весьма искусно
 Бразды и повод наложу
 И под собою обращаться
 Заставлю в поприще тебя.
 Теперь, резва, как лань младая,
 На пастве скачешь ты легко,
 Затем еще, что не нашелся,
 Искусный знающий ездок.

О да LXI
 ЭПИТАЛАМА, ИЛИ БРАЧНАЯ ПЕСНЬ

Богинь царица Афродита!
 Могущий властелин Эрот!
 Гимен, источник жизни нашей!
 Я славлю вас в стихах моих,
 Я вас, Амур, Гимен, Венера,
 Пою. О юноша! взгляни,
 Взгляни ты на свою любезну;
 Восстань, Стратокл, Венеры друг!
 Мириллы муж, Стратокл счастливый!
 Зри юность милоя жены.
 Какая красота, приятность!
 Царица роза меж цветов,
 Мирилла, роза меж подружек.
 Блаженствуй, счастливый супруг
 В объятиях Гимена чистых,
 Доколе не осветит Фив
 И самые места тенисты.
 Да кипарис в саду твоём
 Произрастет в коротко время!

НЕКОТОРЫЕ ОТРЫВКИ
 АНАКРЕОНОВЫХ ОД

О да LXII
 К ЮНОШЕ

Дитя прекрасно, взор девичий!
 Не внемлешь?... Я ищу тебя,

Иль ты еще того не знаешь,
Что властвуешь в душе моей?

Ода LXIII
ЗНАТНОСТЬ И БОГАТСТВО
АНАКРЕОН НИ ВО ЧТО СТАВИЛ

Не нужен рог мне Амалфеи.
В Тартезе полтораста лет
Я царствовать не пожелаю...

Ода LXIV
ЗИМА

Пришел генварь!.. водою полны,
Висят седые облака.
Повсюду страшно раздается
Ужасный шум жестоких бурь...

Ода LXV
НА КАСТРОДОРУ

О не шуми! своим болтаньем
Водам морским не подражай.
И с говоруньей Кастродорой
Так много время не теряй,
Оставя дом свой в беспорядке.

Ода LXVI
ВЕНКИ

Каждый три венка имел
Два из роз, один из лота...

Ода LXVII
БОЯЗНЬ ДЕВУШКИ

На еленицу грудную
Схожа в страхе ты своем,
Мать, которую в дубраве
Впервые бросила одну...

Ода LXVIII
 НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ АНАКРЕОНУ,
 ИУЛИАНОМ СДЕЛАННАЯ

Я вам из гроба повторяю,
 Что часто пел в моих стихах.
 Друзья! я пить вас заклинаю,
 Доколь не обратитесь в прах.

НЕСКОЛЬКО ЭПИГРАММ АНАКРЕОНОВЫХ

I
 НА ТИМОКРАТА

Здесь храбрый Тимократ лежит.
 Трусливым Марс мирволит,
 Он храбрых не щадит.

II
 НА АГАТОНА

Зря мертвым Агатона,
 Лежаща на костре,
 Умершего в сраженье
 Защитника Авдеры,
 Весь город возрыдал.
 Марс юноша толь славна
 Поднесь не закалал!

III
 НА КЛЕОНОРИДА

В отечество свое Клеонорид спешивший
 На смерть свою спешил.
 И в зиму южный ветр,
 На путь его прельстивший,
 В цветущей юности волною поглотил.

IV
НА ВАКХАНОК

Что с тирсом, то Корида,
Ксантиппа подле ней,
Главсея вслед за ними.
Оне идут с горы
И Бахусу приносят
Козленка, виноград и плющ.

V
НА МЕДНУЮ ТЕЛИЦУ РАБОТЫ МИРОНА

Пастух! паси коров подале.
Не утони еще с собой
Мироновой телицы вместе.

VI
НА ТУ ЖЕ

Нет! не литая то телица,
Но, старость обратя в металл,
В меди живую сохраняет.
Мирон напрасно уверяет,
Что он телицу изваял.

VII
НА ШУМНЫХ РАССКАЗЧИКОВ РАТНЫХ ДЕЛ

Неприятны мне в беседе
Шумные говоруны
О кровавых бранях, ссорах;
Но того мой разум чтит,
Кто, приятность муз вкушая
И с любовью их мешая,
О весельи говорит.

ПРИМЕЧАНИЯ НА ТРЕТИЮ КНИГУ
ОД АНАКРЕОНОВЫХ

Ода XLV
СТРЕЛЫ ЛЮБОВНЫЕ

<...> Г-н Гакон находит оду сию по разнообразности предметов, толь искусно изображенных, одною из лучших и в творениях Анакреоновых. И подлинно она имеет красоты необыкновенные, красоты, одушевленные действием лиц. Читатель видит не токмо самого Марса, Венеру, Купидона, но, так сказать, и характер каждого. Видит героя простодушного, влюбленного, видит в улыбке Венериной торжество женщины тщеславной, видит плутовство Купидона, до стрелы которого и коснуться нельзя, чтобы не почувствовать уязвления оной.

Ода XLVIII
НА ПРАЗДНИК

Священны чаши те подай,

Из коих пить закон поставлен. Ст. 4 и 5. У древних греков был обычай избирать на пирах царя, который определял величину кубков, распределял порядок в питье и во время стола председательствовал, исполняя законы, при случае избрания его с общего согласия постановленные. Сей царь выбирался по жеребью, которые мешали и вынимали наудачу, как видно из ст. 6:

Подай мне жребии смешать.

Ода LI
НА ВЕНЕРУ, ИЗОБРАЖЕННУЮ НА ДИСКЕ

Сия ода почти вся на дорическом языке написана, и потому г-н Дасье считал оную не Анакреоновым произведением, но красоты ее многим другим ученым людям мнение г-на Дасье за справедливое принять не позволили.

Ода LIV
НА СТАРОСТЬ

Становлюся молодцом. Ст. 2.

Читай:

Становлюся молод сам.

Подыми меня, Кивелла. Ст. 5.

Кивелла, по примечанию Корнелия Павва, была одна из приятельниц Анакреоновых, а не Кивелла — щедрая земли богиня; ту Анакреон не вызвал бы, кажется, на пляску. Хотя в греческом имя сие писано Кувива, но я следовал переводчикам.

Ода LV
О ЛЮБОВНИКАХ

По сердечному ж клейму. Ст. 5. Анакреон ни мало ни много как горячим железом и только с тою разницею противу лошадей, что не на ляжке, а на сердце заклеил любовников. Это немножко грубовато бы, казалось, для Анакреона, да и больно, но он носил до 85 лет сие тавро. Степень жару впечатления сего ему должна быть известна, и спорить против него кто осмелится?

Ода LVII
НА ОРГИИ

Дай, мальчик! мне хлебнуть. Ст. 2. Хлебнуть у нас иногда не то одно значит, чтобы отведать, но хлебнуть через край, так, как Анакреон и просит; потому что он говорит по-своему:
Я пить хочу глотками.

Ода LVIII
ОСТАТОК ПЕСЕНКИ К ЭРОТУ

Мы везде, кажется, эту песенку и читали и знаем, кроме подлинника, которым она служила знакомым нашим; и я согласно с Пироном, подняв колпак, их милости кланяюсь.

Вольтер читал Пирону свои трагедии. Во время чтения Пирон часто, подымая свой колпак, кланялся. «Кому вы кланяетесь?» — спросил Вольтер. «Знакомым старикам, которых в сочинении вашем встречаю», — отвечал Пирон, потому что Вольтер много заимствовал из древних авторов.

ПРИМЕЧАНИЯ НА ЭПИГРАММЫ АНАКРЕОНОВЫ

II
НА АГАТОНА

Защитника Авдеры. Ст. 4. Два города сим именем назывались, один в Испании, а другой в Фракии.

IV
НА ВАКХАНОК

Считают сей фрагмент надписью какой-нибудь картины и примечают из оною:

1. Что вакханки не всегда вооружены были тирсом.
2. Что празднества Бакусовы отправлялись на горах. Г-жа Дасье, стр. 222.

V
НА МЕДНУЮ ТЕЛИЦУ РАБОТЫ МИРОНОВОЙ

Мирон был весьма славный изваятель, и между многими его работами была сделана сия телица, которую почитали живою по совершенству работы художника.

ПОЭМЫ

РУССКИЙ 1791 ГОД

Милостивая государыня!

Не так нам мил тот цвет,
Который для себя в пустыне
В печальном сиротстве цветет
И в бедственной судьбине
Листок пригожий свой
Единым ветрам он вверяет.
Не величался он между людей собой,
Не послужа ни пользой, ни красой,
В забвенье увядает,
Засох... и праха нет.
Не так нам мил сей цвет,
Как тот, что раннею порою
От искренной души
Усердной похищен рукою
В неведомой какой глуши
И отдан дружбе в угожденье,
К забаве в лестное служенье,
Тот горд своей судьбой;
Он обращается в беседах с красотой,
Умы его ценят, искусство поправляет,
Хозяин собственность безмолвну защищает,
В его глазах он свеж, румян,
Хотя цветет порою
Он только красотою,
Которой в службу дан.
Не так бы величался
И стих весенний мой,
Когда б не красовался
Твоей он похвалой.
Пороков злых гонитель

И истины ревнитель,
 Природы друг простой,
 Хемницер дорогой,
 Талант свой дружбы в дар священный
 Залогом положил,
 Светильник истины возжженный
 Тебе в покров он посвятил;
 А я, стезей его ступая,
 Не те хотя цветы срывая,
 Не тем усердьем вдохновен,
 Твоею лаской ободрен,
 С восторгом жертвую трудами.
 Не храмами, не олтарями,
 Не ароматными травами
 Велика жертва и славна:
 Усердием горит она.

З и м а

На подостланном фарфоре
 И на лыжах костяных,
 Весь в серебряном уборе
 И в камнях дорогих,
 Развевая бородою
 И сверкая сединою,
 Во сафьянных сапожках,
 Между облаков коральных
 Резвый вестник второпях
 Едет из светлиц кристалльных,
 Вынимая из сумы
 Объявленье от Зимы:
 «Чтобы все приготавлились,
 Одевались, убирались
 К ней самой на маскарад;
 Кто же в том отговорится,
 Будет жизни тот не рад:
 Или пальцев он лишится,
 Или носа, или пят».
 Все тут вестника встречают,
 Кто с усмешкой, кто с слезой,
 Резвых бегунов впрягают,
 Одеваются лисой,
 Наряжаются волками,

Иль медведем, иль бобрами —
Всяк согласно с кошельком.
Вестник тут же для приманы,
Занимаясь торжеством,
Даром раздает румяны
И бурмицким жемчугом
Нишет бороды широки;
И на теремы высоки
Вкруг покрывок тесовых
Цепит бахромы алмазны;
А на улицах больших
Ставит фонари топазны
Вместо фонарей простых.

Едет барыня большая,
Свистом ветры погоняя,
К дорогим своим гостям;
Распустила косы белы
По блистающим плечам;
Красоты богини зрелы
Волновали кровь во всех,
И румянец — вид утех,
Щиплющий рукою алой, —
На щеках и стар и малый
С восхищеньем ощущал
И движеньем оживлял
Дух унылый, непроторный.
Но заразы благотворны,
Хоть равно ко всем лились
И ласкали одинако,
Не подумайте, однако,
Чтоб нескромные вились
Круг ее неосторожно:
Было дело невозможно —
Подойти к зиме слегка;
Кто же так и похрабрился,
Нелегко тот расплатился,
Став пред ней без языка.

Тут боярыня гуляла
Меж топазных фонарей
И различно забавляла
Разны сборища людей.
На окошко ль взор возводит? —

Вдоль стекла растут цветы.
Ко реке ль она подходит? —
Стлались зёркальны мосты.
Лишь к деревьям обратился
Чудной сей богини взор —
Красно-желтый лист свалился;
В бриллиантовый убор
Облеклись сады несметны,
И огонь их разноцветный
Украшал весь зимний двор;
А притом чтоб общий хор
По черте забав катился,
Чтоб от шуму он не сбился —
Пух блистающий ложился
Вдоль по улицам, как сор.

Как с утехами такими
Всем веселыми не быть!
Мы и с скрипками простыми
Часто любим позабыть
Нашу должность и присягу,
Недописанну бумагу.
Можно ль всё в порядке жить?
А таким денькам приятным,
Маскерадам благодатным,
Как порядка не вскружить?

По домам уже блистают
И по улицам огни;
Все в нарядах разъезжают,
Пляшут в горницах одни,
А на улицах другие
Без музы́ки, где иные
В рукавицы золотые
Бьют во славу зимних дней.
Между пряничных сластей
Сладки вины ароматны
Сквозь упитанных очей
Кажут жребий благодатный.
Посреди утех, отрад
Старый с временем смирился
Сквозь туманный винный чад;
Он и годы забывает,
Нову бодрость изъявляет,

Теплой шубою укрыт,
И проворною походкой
За румяною молодкой,
Подрумянившись, спешит.

В празднествах таких богатых
Как любви не побывать?
Иль служанок ей крылатых
Как гулять тут не послать?

Полетели в харях разных
По следам путей алмазных
На залетных бегунах
Общи красоты в санях;
Лишь крутили за собою
Снег блистающий столбом,
И стези золотой чертою
Означались потом.
В разном виде все наряде
Суетились в маскараде,
Как весеннею порой
На цветах пчелиный рой.
Но что лучшего тут было
И к блаженству что клонило,
Право, мудрено сказать;
Как так, кажется, прельщать?
Вместо стрел любовных страстных
У предметов сих прекрасных
Были стрелы без огня,
Как простая головня;
Они головни бросали,
Как могли, так и пятнали
С ними празднующу знать.
Я, однако, не дерзаю
Всё сие подобить раю
И в картине начертать
Заразительниц сих страстных.
Хладных стрел, следов опасных
Не могу я описать.
Должно быть перу золотому,
Чтобы случаю простому
Вид достойный словом дать.
Да нельзя же и смолчать,
Как одетый хват зефиром

Стал смешон пред целым миром;
Он был строен и казист
И от стрел, как трубочист,
Страстной почернел чахоткой,
Журавлиною походкой
Он летел за красотой
И монетой золотой
Вид приманивал прекрасной.
Вдруг потом бедняк несчастной
Средь приятной речи страстной
Совершенно стал немой.
Он наказан был зимой
За проступок, что портной
Бедному сему зефиру
Штофный домино скроил
По зефирову мундиру,
Что в Париже он носил.

Между тем любовь, гуляя
По узорчатым коврам,
Только кудри завивая
Искусительным красам,
Стрел, однако, не пускала:
Она стрелы сберегала
И готовила для тех,
Кто для истинных утех,
Во светлице небогатой
Сидя в дружестве кружком
С истинным прямым лицом,
Страстна сердца дух крылатой
Отдавал судьбе в залог.
Иль гадали где порою,
Чьею быть кому женою;
Там любви хитрый бог
Толковал в ушко уборно,
Будет кто кому жених;
Иль опять в забаву их,
Возлетя в луну проворно,
Сходство в ней изображал
Жениха девице красной;
Иль предмет навстречу страстной
К красоте он высылал;
Но и сам, быв в детских летах,
Занимался он в приметах:

В изголовьях пышных он,
На которых сладкий сон
Красоту ласкал, покоил,
Из золотых лучинок строил
Предсказательны мостки,
Через которые женихи
Зреть невесту приходили
И во сне бы ей твердили
Благодать замужних дней.
Или жаром оживленный
Ароматный воск священный
Лил он в воду перед ней
И в чудесных там узорах
Мысли девичьи водил,
Что с ней сбудется, твердил
В бессловесных разговорах;
Иль крылатый коновод
Занимал собой народ,
Ходя с блюдом в громких хорах,
В блюде кольцами гремел
И припев старинный пел,
Где российские забавы
Не кончались без славы
У затейных стариков:
В именах их помещенну
Славу искони веков
И делами впечатленну
В песнях всякий величал;
Всяк преемник быть желал,
Внемя пению священну,
Славных званий, славных дел,
Кто и слышал, кто и пел.

Ну, теперь, мой друг читатель!
Сам признайся ты со мной:
Не ошибся ль тот писатель,
Кто сказал, что век золотой
На бессменных вешних крыльях
Сверх молочных рек летал?
И не сам ли ты видал,
Как в России, на копыльях
Стоя, век золотой ездил
И вожжами управлял
Он судьбы своей гуляньи?

Как во сером одеянии,
С кудреватой бородой,
Грудью твердой и нагой
В зимни резкие сияньи
С ног лихой мороз сшибал
И природу удивлял,
Крепким здоровьем блистая,
В честь которого пылая
Кровь играла на щеках;
Как еще и ныне видно
Счастье сие завидно
В дальних русских деревнях.
Что ж теперь у нас в краях?
Все зимою уstraшенны
И в зверей переряженны,
Мерзлым духом перед ней,
Как лисица-кознодей
Трусся, нехотя толкуются,
Ропщут, корчатся, мнутяся —
Не дивись, читатель мой.

Сверх того, что и судьбой,
Общей и необходимой,
Должен всякий век златой,
Роскошью везде крушимой,
В старых летах умирать —
Наш пришел нам не под стать
Средь годов его молочных.
Мы без правил здравых, прочных
Стали нежить век, ласкать
И его лишь изнурять;
Не желая укреплять
Здравые младенца члены,
Для работы сотворенны,
Мы его прервали дни.
Сами ж, роскошью плененны,
Побросались в западни:
Поскакали в дальни страны,
Побросали там кафтаны,
Наши мужественны станы
Обтянули пеленой;
Детски головы вскруженны,
Преждевременной порой
Скрасив ложной сединой,

Возмечтали, что вселенны
Овладели мы красой.
Разумом чужим надулись;
Как былинка под сосной,
Не росли, но лишь тянулись.
Что же русский стал потом?

В истощенном теле бледном
Русский стал с чужим умом,
Как бродяга в платье бедном
С обезьяниным лицом;
Он в чужих краях учился
Таять телом, будто льдом;
Он там роскошью прельстился
И умел совсем забыть,
Что не таять научиться
Должно было там стараться,
А с морозами сражаться
И сражением мужаться
В крепости природных сил.
Счастья тот лишь цену знает,
Кто трудом его купил, —
Прямо тот его вкушает;
Но приятный солнца лик
Лишь в любимый край проник,
Удивляясь, что такая
Сделалась премена злая
В русских северных сынах,
Дал приказ свой в небесах:
«Что понеже невозможно
Вдруг расслабшим силы дать,
То по крайней мере должно
Зиму в ссылку отослать».
В тот же час, как по наряду,
Русским в некую отраду
Что-то случилось в облаках!
В превеликих попыках
Сев на северном сиянье
И в престранном одеянье,
Козерог слетел с лучом¹.

¹ Знак месяца, в котором солнце на лето поворачивается

Искосившись декабрем,
Вдруг на барыню седую
Напустил беду такую,
Что ни вздумать, ни взгадать
И пером не написать.
Бриллианты побледнели,
Зачал трескаться фарфор,
Бахромы с домов слетели,
Приходил зиме позор.

Белокосая царица,
Чтоб помочь таким бедам,
Умудрилась, как лисица,
Приказала по водам
Из алмазов стать горам,
Собрала мужчин и дам
Шлифовать их поскорей,
Чтоб хоть с гору тут алмаз
Искусил претящий глаз
Козерога ей злодея;
Но сей был еще мудрея:
Лишь лучом ударил раз —
Тотчас горы растопились
И водой простой катились
С грозным шумом мимо нас.

Тающа зима несчастна
Потеряла разум весь,
Потеряла прежню спесь,
Грусть и скука ежечасна
Гнали зиму от людей:
Без пустых тогда затей
И без дальних прежних сборов
И без дальних разговоров,
Подобрав свой мокрый хвост
И расправив важный рост,
О владычестве вздохнула,
Поднялась было, вспорхнула
И лететь хотела прочь:
Но и крылья опустились.
Что тут делать? Чем помочь?
Все над ней смеяться стали,
Все мундир ее бросали.
Чтоб сокрыть конечно зло,

Прятаться зиме пришло:
Прежде подле стенки кралась,
Опасаяся лучей,
А потом с стыда скрывалась
От лучей и от людей
То под мост, то за горою,
Под забором, под сосною, —
Но предел ей наш был мал.
Где ни взялся камчадал,
Бывший в славном маскараде;
Зиму видя там в параде,
В нищете ее узнал;
Он ни слова не сказал,
Посадил ее на санки
И из здешних стран споранки
На оленях укатил —
Благодарен, видно, был!
Только всех тут удивляло,
Что никто из нас нимало
Об отъезжих не тужил.

Не подумай ты, однако,
Мой читатель дорогой!
Чтобы счастье одинако
Составляло век златой.
Бриллиант перед глазами
Оттого и льстит красой,
Что он с разными огнями.
И о зимних красотах
Потому мы не жалели,
Что красы иные зрели
В русских радостных краях.
Теплое лучей влиянье
Нам давало обещанье,
Что алмазов голый вид
В изумруды пременит.
Благотворная их сила
Нам сулила новый свет,
Переменной научила,
Что всё к лучшему идет.

**БОТАНИЧЕСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ
НА ДУДОРОВУ ГОРУ
1792 ГОДА МАЯ 8-ГО ДНЯ**

Мне кажется, графиня! что я вам должен описанием нашего похода. Вы так беспокоились, отпуская супруга вашего с г-м Бебером в ботаническую экспедицию, что должно было бы предать все сожжению и карандаши мои и бумагу, с которыми я (в качестве репейника, приставшего к ботанической ряссе) приглашен был, если бы я не посвятил оных на удовольствие ваше и описанием важного путешествия нашего не заставил бы вас усмехнуться. Если же, напротив, заставлю я вас зевать, читая мое маранье, то:

Да будет вашею рукою
Из океана всех чернил
Все то ж учинено со мною,
Что я с бумагой учинил.

Впрочем, я писать начал на Дудоровой горе по необходимости, графиня!.. по сущей необходимости. Приметья, что нечувствительно влекла нас ботаническая прелесть из царства животных в постоянное бытие растений, на всякий случай считал я нужным оставить по себе по крайней мере повесть о нашем укоренении. Мы еще движемся — но движемся, как полипы, от усталости. Не видно еще ни малых следов к нашему возвращению. Если мы чрез четыре часа не возвратимся, милостивая графиня! присылайте с лопатками, увы! мы будем тогда уже редьками и по колено в земле.

Между тем поспешу сказать вам, что... да что? ... я, право, не очень и знаю. Предмет пути нашего вам известен — успехи оного? ... Извольте. Но будет ли заплочено внимание ваше, когда вы узнаете наперед, что мы нашли травку, у которой корень волоконцами, стебелек чешуйчатый, цветочек, кориофиле имеющий, столько-то лепесточков, что лепесточки сидят в чашечке, а между ими стоят столько-то усиков, между усиков столько-то пестиков и пыль... что имя сего чудесного растения по-латыни (ни на каком другом языке ботанический язык не ворочается)...

я позабыл, да хотя бы и вспомнил, все сии *Aconitum napellum*,
taghасum * и проч.:

Для вас бы скучный был то шум,
Как с корня мы латынь копали
И к каждой травке прибавляли
Великолепно «ус» и «ум»¹.
Се тако непреложной²
Закон велит в науке сей,
Что дал для ясности вещей
Возможной
Ростовец шведских стран Лией.
Припав лицом к земному лику,
В крапиве подлой и простой
Мы славословили *уртику*,
Грибной пленялись красотой.
Жуков и бабочек травили
И две подводы нагрузили
Латинской свежее трупой.

Сердце ваше, впрочем нежное, не пощадит в сем случае сердец,
ботаникой прельщенных, и вы, может быть, справедливо скажете:

Латынь в конюшню отнесите,
Латынью лошадей кормите,
А мне скажите: что мой граф?
Я буду перед вами прав.
И графом зачинаю,
И графом окончаю,
Дабы без милости его
Мне не досталось чего.

¹ Большая часть латинских ботанических наименований кончается на «us» или «um»; да если бы и не кончились, то надобно, чтобы кончились, потому что по таком крещении приобретают вещи и мужественнейший вид и знаменитейшее свойство

² Се тако... Одно «се тако» дает уже важность слогу, хотя бы он в прочем был и плясошный: на это есть примеры... Смотри, но лучше не смотри, увидим, что и без того можно бы было обойтись.

* Аконит реповидный, одуванчик (*лат.*).

Вы еще на крыльце стояли, сударыня! и собственными глазами видели, как мы садились и пересаживались на некую плоскую раздрогу, которая только четырьмя своими колесами напоминала нам, что она не галера. Первая наша тревога сделалась от того, что граф наш, седши с г-м Бебером на правый борт, чуть было меня, на левом сидящего, не поднял на 9-е небо, если бы я, убоявшись близкого кораблекрушения, не успел закричать: «Равновесие нарушено». Граф, газетный глагол не забывающий, подумал, что равновесие Европы нарушено успехами отечественного оружия, с торжеством скочил с места; но, увидя, что дело не о том, посадил меня с г-м Бебером вместе, а сам один сел; иначе бы наш путь окончился бедой.

Пускай бы только головой,
 Пускай бы делом;
 Но нежный ваш супруг
 И телом
 Противувесил двух
 Покорных ваших слуг.
 Сударыня! вы это знали,
 Но нам и не сказали,
 Смолчали,
 А скромностью кого
 Вы больше б наказали?
 Того же самого,
 Которому желали,
 Чтоб он соломинкой ноги не изломил,
 Чтобы пылиночкой он не ушиблен был;
 А нас во осторожность
 Сочли за невозможность
 И словом просветить,
 Бедам бы быть, бедам бы быть.

Слава Богу, что скоро заметили неустройство, а, предвидя опасность, отвратили оную уравнением веса.

И то же солнце нам, что на дворе светило,
 Доброжелательным нас взором проводило,
 Как видеть далеко могло.
 Кое-как шестерней ямскою запряженно,
 Носило мудрости, скрыпящее, смиренно,
 Под тяжестью ее мгновенно
 Тронулось, охнуло и по-плы-ло.

Городом и мостовую мы все ехали, как ехали; но

Пренебрегаючи прямой, обычный путь,
 И к славе по прямой, где шествуют немноги,
 Лишь только вздумали свернуть ¹,
 То чуть было свои и головы, и ноги
 В отважной сей стези
 Мы не оставили к бессмертию в грязи.
 По счастью, что граф,
 Припомня ваш устав
 В опасность не вдаваться,
 Дал добрый нам совет
 Сгружаться
 И по-апостольски путь трудный перетечь.
 На речь
 Премудрую мы тотчас подалися,
 И так как с головы до ног
 Ваш граф себя для вас берег
 И мы для наших береглися,
 Как ходят кулики,
 Философы и арлекины,
 Сложив плащи и сертуки,
 Пустились мерить мы и ямы и равнины
 Обутым циркулем тупых и грязных ног.
 Ступали в лужи мы глубоко
 Или шагали так высоко,
 Елико кто шагнуть возмог.
 Но, шуткой горе покрывая,
 И будто бы *rag gout* * гуляя,
 Иной свистал
 Да травки рвал,
 Кто палочкой играл;
 И смехом, хоть сухим, мы кой-как скрыть старались,
 Чтоб нужда не была видна,
 Когда нам встречу попадались
 Чухонки иль чухна.

Г-н Бебер, приметя, что дорога нам становится лучше, что мы должны побережь ноги свои на труд славнейший и тягчайший,

¹ Сей поворот находится на 10-й версте по Петергофской дороге

* Для удовольствия (*франц.*)

советовал нам садиться, а мы, вопреки придворного бытия предпочтя толчки шаганью, безмолвно взмоштилися опять на багару нашу — поехали — между товарищей моих зачался горячий ботанический разговор; но от шума колес доходили ко мне только одни «ус» и «ум», от которых стал я ни важнее, ни умнее. Вы простите ли мне, сударыня! если я пощажу внимание ваше, не описав того, чего я не слышал?

Несколько верст проехав, «стой, стой!» закричали единогласно граф и г-н Бебер, увидя кладбище: «Тут есть весьма любопытные растения». Встали, пошли — я дал им волю, а сам издали за ними пошел, не зная сам зачем. Пришед на место, обошел я несколько могил, постучал тросточкой, как водится, по камням, которые покрывают прах покойных поселян, и увидел на одной плите, несколько лучше других сделанной, высеченную сию надпись:

Под камнем сим
Лежит Богатырев.

«Вот имя, коего начало
От дел, мне кажется, свой титул восприяло», —
В себе я сам проговорил.
Когда бы тут вельможа
Схоронен был,
То, словом действие помножа,
Пришлец бы и обман за истину почтил.
Могло б богатство иль порода,
Иль лесь Адонидом — урода,
Ираклом — Трусова назвать.
И путники в грядущи роды
С священным чувствием читали б тут,
 Как знатные уроды,
В противность всех вещей природы
Под камнем, как сверх камня, лгут;
Но пахарь сей трудолюбивый,
Которого язык правдивый
Витийством дел не украшал,
При смерти то сказал,
Чем в жизни отличался...
Пиита род его солгать не подкупал,
И может быть, что он богатырем назвался
По крепости природных сил
Или по твердости, с которою сносил
Он счастья обороты,
Как нищету трудом, а песенкой — заботы

Он от семейства отвращал,
 Иль от товарищей название стяжал,
 Каков в ребячестве бывал,
 Как всех борол, как всех ломал,
 Его богатырем дразнили,
 Потом, когда он возмужал,
 То так работал, как играл,
 И прозвище его в названье обратили
 Иль, может быть, затем... но кончим песнь
 печали,

Чтобы не горести слеза
 Проникла чтущие глаза;
 Пусть смехом бы они слезились и сверкали,
 Иль, может быть, затем
 Уездный мир богатырем
 Его прославил,
 Что он десятков семь
 Сынов оставил.

Пойдемте с кладбища, пойдемте, пойдемте. Сударыня! тут крапива такая. Весьма кстати, о, весьма кстати. После печального позорища встретились нам три комические преогромные воза. Вы представить не можете, графиня! чем они нагружены, весьма чисто облупленными белинькими прутиками. Да на что это? на что? спрашивали мы друг друга, и потом я у везущих:

— На чтой-то, мужички!

У вас их покупают?

— А, это голички,

Чем сливки при дворе пузырят, аль болтают.

— Да эдакой беды и для Европы всей

Лет на пять стало бы, как ни пузырь, ни бей,

На что ж их столько запасают?

— Да, барин! при дворе, смотри-ка, пузырей

Несметно надувают.

Ты, видно, боярчук, в приспешной не бывал,

Иного пенят там, а первый уж опал,

Лишь лопнул тот, другой надулся по наряду,

Подстегнут голичком, он, как бы ни был мал,

Посмотрим, экой стал!

А мы, лишь голички поставим по подряду,

Ведь наш и хлеб-соль тут,

Ну, пусть их сливки бьют.

Пожалуй, до насаду,

Ведь это не беда.
 Час добрый, господа.
 — Ну, с Богом, мужички!
 Коль нужны пузыри, полезны голички.
 Полезно все, что есть на свете;
 Так, видно уж, устроил Бог
 В его спасительном совете,
 Чтоб прихотью моей другой питаться мог;
 Но размышление исторгнуло сей вздох.
 О неизмерима премудрости пучина!
 Тобой от пузырей
 Бывает для людей
 Дурна и счастлива судьбина.
 Но будь не столько пузырей,
 Промыслить было б хлеб трудней
 Рабочей твари сей.

При сем философско-политическом размышлении долго я не хотел верить мужичьему о голичках ответу, но граф меня уверил, сказав, что самовидец бывал сей истины — любимый разговор скоро потом заступил место философии, и товарищи мои стали опять допрашивать огородника Линея; а я, их не слыша, слушал, и в сем расположении доехали мы до Красного Села. Тут, спускаясь с горы пешком, заходили мы в знаменитый неогороженный огород смотреть «*тогус*» * и т. д., так называется ежевика, которая тут по примечанию г-на Бебера прошлого года здравствовала, а нынеча мы нашли одни только ее мощи.

Великолепная Дудорова гора стала уже нам во всей славе представлять треярусное чело свое, зелеными кудрями кой-где еще только украшенное. Позорище сие воспалило и души, и взоры моих путеводителей. Глазами жадными мерили они высоту дерзкого предприятия и, взглядывая друг на друга, казалось, каждый говорил: я первый буду на вершине. А потому едва только приблизились мы к подножию, то граф и предложил нам... завтракать. Магистер, сперва удивленный предложением, не устоял в намерении своем, как скоро увидел тучное ополчение жарких, пирожных и прочего, сдался, сел с нами на зеленой весенней и благовонной скатерти и ни слова о ботанике...

Завтракали мы так, как едят люди на воздухе, всякий за троих и всякий втрое слаще, тут видел я на деле, что опасность будущего предприятия не всегда за стол пускает управлять голодом чело-

* Ежевика (лат.)

веческую умеренность; на лишний кусок нужен лишний стакан, а лишний стакан заставит съесть лишний кусок, и настоящая тягость позабыла нам напомнить о надобности будущей легкости. Вы увидите, сударыня! как мы от того близко были к опасности... «Ну что ж?... пойдём... пойдём...» — «Полезём», — сказал граф. «Полезём, ваше сиятельство», — зачали вставать:

И Богу помолясь,
Лопатками и посошками,
Корзиной, книгою, горшками
Кой-как вооружась,
Полезли новы исполины
На дудоровские вершины.
Отважный, но нелепый строй,
Забыв труды и презря страхи,
Летел на верх горы крутой,
Подобно черепахе;

Иной

(Считая посошок) на трех ногах лепился,
Другой,

Догадливый, и четверней
Наверх шагал, а вниз катился
И ходом раковым нам в лицах представлял
Троянского коня, что нянюшка купила
Забавить баловня и на гору втащила,
А баловень его в руках не удержал,
И няня, руки вверх, голодным волком выла,
Увидя, что коня тяжеловесна сила
Не к Трое головой, а задом вниз тащила,

И град Приамов не упал.

Чужим примером свет немного научился;
Но тут один из нас, политик, умудрился.
«Тяжел, знать, путь прямой, — сказал, — сообразя,
Что не всегда путь чести строгой
Ведет прямою нас дорогой;
Но часто косвенна стезя,
Минуя трудные пороги
И освященна пузырем,
Ведет любимцев не путем
Ко славе в светлые чертоги,
Где вшедший, как стекло, бывает виден сквозь».
Товарищ наш по сей причине,
Надеясь первый быть у храма на вершине,
Вильками кое-как и вкось,

Тропинкой темною, кривою
 Впопад и невпопад
 Ступал нетвердою ногою,
 Что шаг вперед, то три назад;
 А мы, политику сему не подражая
 И силы к силам прилагая,
 Покрылись пылью так, как мхом.
 Но, пыль мы потом обмывая,
 Шаги шагами удвояя
 И укрепляясь трудом,
 Достигли наконец равнины,
 Откуда малая уж часть
 Труда вручила нам цветущие вершины
 В самодержавну власть.

И весьма обрадовались и тому, что можно отдохнуть, и тому, что на хорошем, на прекрасном месте, откуда еще лучшие видны были. Граф, лежа почти, нашел тут свой любимый *цедум* и, несмотря на усталость, чуть было не вскочил с радости. Знаете ли, сударыня! вы этот *цедум*? Малинькое, тучное и пресмыкающееся творение без виду, без духу и без цвету почти, травка каракалястая. Граф его любит за «ум», которым кончится имя его. Г. Бебер нашел *ganunculus sceleratus, lathyris* *, us, us, us и прочее сему подобное, меня же судьба навела на

Смиренные сии лазоревы цветки,
 Которые Парнас, как чудо, воспевае¹,
 Из коих вьет любовь весенние венки,
 Лишь только снег растает.
 И если не совсем зимой сей жар погас,
 Цветок сей пламень возрождает,
 Когда весной его любовник обоняет,
 Среди поля чистого увидя в первый раз.

В городе цветков сей не имеет той силы; кому нужна есть его понюхать, просим милости в поле, на горку, в лесок, на чистый

¹ Между древними Вергилий первый говорит: *Pallentes violas et summa paravera sagrens* [Срываая бледные фиалки и верхушки мака (лат.). — Прим. ред.] (Бог знает что такое), про фиалки упоминает Теокрит в первой идиллии. Опиен говорит, что смиренный сей цветок между зелени бы спрятался, если бы не изменял аромат его. Отец Рапин между новейших превратил его в нимфу по милости Дианы, чтоб обмануть влюбленного Аполлона.

* Лютик смертельно ядовитый, молочай (лат.).

воздух... Пришедши к нам г-н Бебер и увидя, что мы собираемся цветки наши, выкопав в горшки, везти в город, «напрасно вы трудитесь, — сказал нам, — цветы сии не имеют здесь духу, лучшего их достоинства». «Вы ошибаетесь, г-н профессор, оне пахнут и там, как везде... понюхайте». — «О чуде! О радости! — возопил на гальском языке удивленный первосвященник Флоры. — Как это? что это? я, и по Волге путешествуя, много их нюхал, нигде они не пахли, а здесь на Дудоровой горе, отчего это?» Вот отчего, г-н профессор:

Шесть месяцев Зефир со Флорой не видался,
 Но в зиму к красоте весенней не простыл,
 На этом месте он со Флорой повстречался,
 Я этому свидетель был.
 На этом месте, здесь их первое свиданье
 Так землю тронуло, что радостной слезой
 Покрылася она и пролилася рекой,
 На этом же лужке горячее лобзанье
 Четы прекрасной, молодой
 Согрело воздух весь любовным дуновеньем,
 Исполнило всю тварь и жизнью и движеньем.
 Природа облеклась во младость красоты,
 И первые вокруг любовников цветы,
 Сии фиалки распустились;
 На них они тогда резвились;
 На них встречая вешни дни,
 Они венки любви связали;
 Так, может быть, они
 Цветочки поизмяли...
 С тех пор фиалки пахнуть стали,
 Как жар любви оживил,
 Украсил и согрел долину...
 «От жару их любви я трубку раскурил», —
 Вприбавок ко всему чухна проговорил,
 Нашедши аромат неведому причину.

А, может быть, на Дудоровой горе и не оттого хорошо запахло, случается, что в изыскании тайных причин природы слепо верить и чухне не можно:

Не вы ли, может быть, о графе вспомняли
 И, в скромности своей
 Укрывшись от людей,
 О страннике вздохнули;

А постоянный брака бог,
 Супружний сей почтенный вздох
 Осыпав вешними цветами,
 Растущими вокруг нас кустами,
 К супругу мимо нас пронес...
 Я верую еще явлению сих чудес
 И в слабости моей тихонько вам признаюсь,
 Что, как язычник, я грешу,
 Я божеству сему сам тайно поклоняюсь,
 Уж третий люстр ношу
 Я цепь его священну,
 Цепь, из одних цветов приятных соплетенну,
 Как драгоценнейший спокойствия залог.
 Я чту ее, как вязь святую,
 Которой утвердил мое блаженство Бог;
 И, пленник счастья, победу я чужую
 С восторгом искренним пою и торжествую.

Но г-н Бебер...

Но мудрости титан,
 Под мышкою кафтан,
 Лучам противясь Феба,
 Полез уж до второго неба.
 Пойдем и мы за ним
 Карапкаться, лепиться,
 Неужели святым
 Ему
 Быть одному,
 А нам ему отсель молиться?

Сколько нас ни растопило жаром, сколько ни размягчила
 нежность размышления о Флоре и проч., полезли и мы за г-м
 Бебером повыше. Примечено, что чаще мы спотыкались во второй
 части земного неба. Как несвойственно лишнее возвышение для
 человеческих ненадежных ног! На пути находили мы разные
 предлоги останавливаться, прикрывая находками, ничего не зна-
 чущими, нашу значущую усталость, например:

Увидел я, что гриб не гриб
 Какой-то к пенышку прилип;
 Поганка красная и красная такая,
 Что ни к чему ее нельзя и применить,
 Такая чудная — благая.

Никто нигде найти
 Чудесное растенье
 Не удостоился, и для того крещенье
 Его не свершено,
 Латинским титулом не почтено
 Оно,
 Пришло мне искушенье
 В грибном бессмертии пожить.
 И так как мной сие сокровище найдено,
 Чтоб именем моим осталось наречено,
 Я стал товарищей просить.
 Тут чудо красное, доселе небылица,
 В статью бессмертия торжественно внеслось,
 В порфиру кармина и вохры облеклось
 И по-латыни назвалось: A Lwoff invenita pizza *.

Изволите видеть, сударыня! что вечность купить меньше мне стоило, нежели взойти на Дудорову гору, куда лень и усталость, не допусая меня, как и прочих, утвердили в грибном монументе на будущие веки незабвенным имя мое. И сей минуте остался я обязан философским моим спокойствием, обеспечив бессмертие мое, не забываясь я уже более о житейских способах прибавить ноту к трубному голосу славы, смотреть с сожалением на тщету политических отличностей и вместе с Горацием кричал что есть силы:

Non omnis moriar, multa que pars mei **
 В грибе останется...¹

Боже мой! я бы очень был счастлив, если бы совершенное сие торжество честолюбия моего не уменьшалось в глазах моих размышлением докучным: ты не первый и не последний одолжен бессмертием своим случаю слепому!..

Отправив крещение пиццы во всей целостности ботанических обрядов, не отстали мы, однако, от смелого намерения нашего взойти на гору, несмотря и на трудное оно исполнение. Граф, сударыня! взшел первый, первый и закричал «ура!».

¹ Смотри Горация книга 3, ода XXX.

* Львовым открытый гриб (лат.).

** Весь я не умру, большая часть меня... (лат.).

Но, чудо из чудес,
Лишь только граф наш влез,
Взмогился,
Не знаю, как-то оступился,
И вдруг с земных небес
Как будто кто его понес,
Чрез пеня, камни и чрез лес
Шагал наш новый Геркулес.
Ломал кусты, кустам встречаясь,
Земли ногами не касаясь,
Руками в воздух опираясь,
Ни он бежал, ни он летел,
Тут все стремленье уступало,
Румянцем, как зарей, лице его сияло,
И взор его оцепенел.
Граф что-то вымолвить старался,
Кивал головой, рукой махал;
Но голос воли ослушался,
Летучим шагом граф неволею шагал
И долу воскрился,
Как в выпренный предел...
Летучему помочь никак мы не умели,
Чем он скорей летел,
Мы больше столбенели,
А дело вышло оттого,
Что вы нам ничего
Про легкость графску не сказали,
И мы причины сей не знали
До той поры,
Как графа отыскали
Внизу горы,
Где нам и порастолковали
Причину чуда из чудес,
Что сей неведомый нам вес,
Который графа вниз тащил и вел, и нес
Чрез камни, ямы, пеня, лес,
Над графом одержал победу;
Но к счастью нашему Зевес
Прямехонько его принес
К обеду.

Не опасайтесь, ваше сиятельство! дело кончилось по милости вашей весьма сытно, весьма весело и живописно... Вы читали, конечно, путешествие Вальяна в Африке, припомните ли вы Папуэн Крааль?

Место, где наш обед приготовлен был между лесу на равнине, похоже было на стан африканского путешественника: распряженные и обороченные к корму лошади, телеги, горшки, куча людей у огня, лопатки, в землю воткнутые, на них шляпы наши, неопишущая багара, и

Хоть не было у нас ни Киса, ни Нерины;
Но сытный был обед, вино и апельсины.
Столовой нашею весенний воздух был;
На сковородке скороспелке¹
Горячих блюда два граф вмиг нам сотворил.
Ах! чуть было я о безделке

Одной не позабыл:

Граф на земле лежал,
Пред ним огонь мы клали,
Огонь зажег траву, по травке побежал...

А сзади графа припекали

Полуденны лучи

Всемирныя свечи,

Как Архимедово зеркало.

Граф, встретя пред собой огня бегущий вид
(Хоть пламя не к нему, а от него бежало),
Подумал, что уже затлелась и горит
Та часть, что солнце припекало,
Схватился, закричал: «Горю», и в тот же час
Вскочил в пирог ногой, другой к огню чрез нас,
Разбил источник вин, и Волга пролилась...
Жаркое и десерт под графом застонали.
Опомнясь потом, мы много хохотали,
Что граф наш, как строптивый конь,
От солнечных лучей попал было в огонь.

Счастливы равнодушные домоседы, приятные сны после умеренного труда удвоят сладость покоя их, а путешественник, заботливый, беспокоящийся и беспокойный, разгоряча воображение разными предметами и вскипятив движением кровь свою, похищает сам у себя и сна приятности ужасными мечтами, видениями, грозными и грозящими; он просыпается трепетно, воспаленному его взору представляются предметы сомнительные, боится он и разбудившей его руки неприятельской, которая ему

¹ Новоприобретенная аглинская жестяная сковородка, в которой на бумаге в 5 или 6 минут можно сделать горячее блюдо.

Все с нами бывшие британски,
Сибирски и американски
Древесны, злачны семена
С благоговением грядой мы посадили
И славы фундамент растущий заложили,
Где наши имена
Цветами возрастут на вечны времена.

Конец

Да и полно, если не слишком, уже пять часов пополуночи, а я еще не заснул; сегодня же Николин день. Поздравляю, ваше сиятельство, с моими именинами, а я с образом веселого нашего путешествия, вашими проводами украшенного, ложуся спать.

ДОБРЫНЯ Богатырская песнь

Глава I Оглавление

Автор, ходя по лесу ночью, струсил: от страху затянул песню; призывает русский дух к себе на подкрепление, сей не узнает его, исчезает и оставляет гудок ему. Певец просит помощи у своих товарищей, которые жеманятся, слыша стихи его. Наконец встречается он с Богуслаевичем, за ним вслед идет, и о прочем, без чего бы и обойтись можно было.

О, темна, темна ночь осенняя!
Не видать в небе ни одной звезды,
На сырой земле ни тропиночки;
Как хребет горы, тихо лес стоит,
И ничто в лесу не шелохнется;
Гул шагов моих мне наводит страх.
О, темна, темна ночь осенняя!
Страшен в темну ночь и дремучий лес.
Выйду, выйду я в поле чистое
И, поклон отдав на все стороны,
Слово вымолвлю богатырское.

«Ох ты гой еси, русский твердый дух!
Сын природных сил, брат веселости,
Неразлучный друг наших прадедов!
Ты без сказочки не ложишься спать,
Ты без песенки не пробудишься.
За работою и на поседке,
В тучу грозную и в лихой мороз
Звонкий голос твой гонит горе прочь.
Покажися мне, помоги ты спеть
Песню длинную, да нескучную,
Да нескучную, богатырскую!
А чтоб со смеху люди плакали,

Ты явись ко мне с побрякушками,
С приговорками, с прибаsenками:
С прибаsenками старики наши
Жили долгие веки весело».

Посреди поля, среди чистого
Не туман густой развивается,
Не с небес сошло черно облако —
От земли восстал, как столетний дуб,
Станом силен муж, взором Светов¹ сын,
Богатырский дух русских витязей,
И дуброва вся поклонилася.

«О! почто прервал ты мой крепкий сон?» —
Громогласно мне витязь вымолвил.
Раздался в лесу грозный глас его
Громовыми вдаль отголосками.
Тучей вспорхнули мелки пташечки,
И холодный пот окропил меня.
«О! почто прервал ты мой крепкий сон?»
Ты призвал меня первый к радости
Старорусским петь мерным голосом;
Да не время, нет — не пора теперь,
Недосуг с тобой прохладатися.
Было время мне... но теперь не то:
Как носился я каленой стрелой
С поля чистого во высок терем,
Я был первый гость на пирах везде;
Я дела решал, дружбу связывал;
От меня нигде тесно не было,
Хотя правду я говорил в глаза.
А теперь кому, где я надобен?
Из бесед меня карты выжили;
Табакoм кого клуб не выкурит?
Уж семейных нет вечерин теперь,
Хлебосольства дух роскошь вывела,
Из честных домов по шинкам стоят;
Без билета иль без рубля нигде

¹ Свет, Светой, Световид, Славянский Фив, или Аполлои Русских нерусские историки всегда белокуроыми описывали, то пусть они будут дети светлого, но скупого к ним отеческою любовью батюшки, который, по доказательству друга моего N, и сам в Тентелевой деревне в Гипербореях родился.

Не услышишь ты: „Просим милости“.
Нет хозяина для незваного.

Поклонился я приворотникам,
Поселился жить в чистом воздухе,
Посреди поля с православными...
Я прижал к сердцу молодецкому
Землю русскую, мне родимую,
И пашу ее припеваючи;
Позовут меня — я откликнуся,
Оглянуся, но — не знаком никто
Ни одеждою, ни поступками.

Да ты сам скажи мне, что за зверь?
Разнополый прынтик с мельницы¹
На мороз колени выставил
Так, как лыс бес перед завтреной,
Что ты этак жмешься, шаркаешь,
В три погибели ломаешься?
Я таких только на ярмонках
Обезьян видал на сворочке,
Как для смеху за три денежки
Накрест плеткой их плясать учил».

«Право, русский!» — я сказать хотел,
Но уж солнце показалось,
И виденье работáть пошло,
Покачавши головой своей.
Тут на месте, где герой стоял,
Я нашел с смычком некрашенный,
На разлад гудок настроенный.
Я гудок взял, не знаю как,
Задерябил на чудной лад,
Как телега немазана;
На колене играючи,
Поплелся ковыляючи...

¹ Je révenois de Paris, j'étais en frac et poudré au blanc, le rustre n'avait aucune idée de tout cela et prenait mes atours et mes politesses pour des contorsions d'un singe de boulevard.

[Я вернулся из Парижа, я был во фраке и с напудренной головой, деревенщина ничего в этом не понимала и принимала мой наряд и мою вежливость за кривлянья уличной обезьяны. — *Ред.*]

Как ворона на застрехе,
Затянул было песенку...
Затянул, а неведь кому.
Не бессудьте, пожалуйста,
Люди добрые, русский строй.
Ведь не лира — гудок гудит,
Не Алцей — новотор поет.
Не покиньте товарища,
Скоморохи различных мер!
Научите, кому мне петь
И кому поклониться.
Кто мне будет подтягивать,
Украшать делом речь мою?
Дайте, дайте мне пестуна,
Дайте русского витязя!
Я Бову-королевича¹
Не хочу петь, не русский он.

Он из города Антона²
Сын какого-то Гвидона,
Макаронного царя.
О пустом не говоря,
Хлеб ему наш полюбился,
Так он к нам переселился
И давно в Москве учился
Щи варить и хлебы печь.
Тут он взял и русску речь...

Кривой политики прямые невыгоды,
Протухлый горизонт, гнилые мертвы воды
Покрыты тучею бродящею гробов.
Нахальства явные и тайная управа,
Язык и мысль в тисках, за всё про всё отравя
Принудили давно как Францову любовь,
Так и царевны Ренцывены³
Оставить плесенью цветущи мокры стены
И уголок пригреть у нас,

¹ Кто таков Бова-королевич, во всякой передней можно осведомиться.

² Анкона, город в Италии, сделался у переписчиков Антоном

³ «Франц и королевна Ренцывена» — венецианский роман, при царе Алексее Михайловиче переведенный; после складов и я его переписывал и помню, что в нем есть Жени-дух и Старец Пилигрим.

Но, витязи мои, я петь не буду вас
И никого, кто там родился,
Где лицемерием и гаер заразился.

Нет, такого мне дайте витязя,
Как в чудесный век Володимира
Был принизистый сын Ременников¹,²
Как Полкан бывал, иль как Лазарич²,
Иль Потаня³. — Но что, товарищи!
Что уста ваши ужимаете?
Чем вы сахарны запечатали?
Вниз потупили очи ясные;
Знать, низка для вас богатырска речь?
Иль неместно вам слово русское?
На хорях вы подмостились,
Без экзаметра, как босой ногой,
Вам своей стопой больно выступить.
Но приятели! в языке нашем
Много нужных слов поместить нельзя
В иноземские рамки тесные.

Анапест, спондей и дактили
Не аршином нашим мерены,
Не по свойству слова русского
Были за морем заказаны;
И глагол славян обильнейший,
Звучный, сильный, плавный, значущий,

Чтоб в заморску рамку втискаться,
Принужден ежом жаться, корчиться
И, лишась красот, жару, вольности,
Соразмерного силе поприща,

¹ Иван Усмович, сын киевского кожевника, решивший поединком победу над печенегами, назывался, по мнению Нестора, Переяслав, и по имени его построен будто город Переяславль на том самом месте, где он убил печенега Шалапая, роста безмерного. В русском Летописце, или, лучше, в Летописце Ефимиевского монастыря, скажется, будто бы он сам, Усмович, назван был после победы Переяславлем, в знаменование, что переял славу у печенегов

² Еруслан Лазарич, русский богатырь, не знаю, удостоился ли тиснения, но за цензурой не могли предстать ни политические, ни нравственные затруднения

³ Один из богатырей, при Владимире служивших Смотри Владимир в «Записках касательно российской истории».

Где природою суждено ему
Исполинский путь течь со славою,
Там калекою он щетинится.
От увечного еще требуют
Слова мягкого, внешность бархата.

Правда, был у нас сын усилия,
Он и трудности пересиливал
Дарованием сверхъестественным,
Легким дельвал невозможное
Властью русского славословия.
Он ногами бил землю бурными¹;
Под его пятой богатырскою
И Ливан кремнист, как тростник трещал²;
Упоял росой гром и молнию³,
Кораблем дерзал⁴ без глагола в путь;
Развивал он мрак и пески крутил⁵;
Но не так-то, чтоб (правду вымолвить)
Дело кончилось без увечия
И кроителю и кроеному⁶.
То зачем же нам надседаться так,
Биться палицей с ахинеєю?
Дело русское — грудью город взять,
Силой разума царствы целые;
А стихи писать — дело праздности.
Надрываясь из добра ума,
Никому в труде не понравишься!
И на что при том горы каменны

1 «И топчет буриными ногами». Ломонос<ова> ода 10.

2 «Затрещал Ливан кремнист». Ломонос<ова> ода 2.

3 «Упейся, молния, росую». [Ломоносова ода 2. — *Ред.*]

4 «Сокровищ полиы корабли
Дерзают в море за тобою». Ломонос<ова> ода 8.

5 «Не мрак ли в облаках развился». [Ломоносова ода 18 — *Ред.*]

6 *Кроеному*. Для произведения созвучности сильная Россия заставила Азию называться *Азия*, греческий ветерок *зефир* нарекал *зэфир*, вместо *рая* явилось слово *прекраснее рай*. Все сии увечности талаитами и любовью к отечественному языку, исполинскому богатырю русской словесности, были, конечно, болезненны, но нечего было делать. Надобно было ему ломать и ломаться, а без того вышла бы вместо од одиа, по милости которой о других бы еще мы и не жалели.

Для забав плечом опрокидывать,
 Когда можно нам по лицу тех гор,
 По муравому дерну мягкому,
 Нараспашку дух, на босу ногу,
 И гуляючи и валяясь,
 Делом в праздности потешаясь,
 Рвать свои цветы, нам природные,
 Разноцветные и душистые,
 Сердцу русскому толь приятные.

Так и впрям нельзя ль придержаться нам
 Поля отческа, толь пространного,
 Где трудом веков насажденные
 Еще новые красоты цветут?
 Оглашенных перст не коснулся им.
 Сват Квинтинович, метры гречески ¹
 Перестроивши на латинский лад,
 Как Кистрин будто, взял бессмертие.
 Духу русскому еще лучшие
 Предлежат венцы, но не мне только.
 Мне, женатому, толь шершавое
 Украшение на челе носить!
 Нет, помилуйте! лучше попросту
 Изношу я так свой комолый лоб
 Под защитою гривы русья,
 Чем Господь его осенил сполна.

Но не чудо ли, люди добрые,
 Что давно уже и по сю пору
 Русский дух в Руси не мерещился,
 А теперь уже русский дух у нас
 Наяву в очах совершается.
 Среди Питера, в Новгороде,
 Видел я вчерась Богуславича ²,
 Как, дубиною управляясь,
 Смирно жить учил новгородцев он.

¹ Non omnis moriar, multaue pars mei vitabit libitinam... за то, что я Aeolium carmen ad italos Deduxisse modos *видишь какой* (?) Q. Horatii, lib III, oda XXX.

[Не весь я умру, бóльшая часть меня избежит смерти, за то, что я перевел эолийскую песню на италийский лад К Горация кн III, ода XXX. — *Ред.*]

² «Василий Богуслаевич», драма на музыке дана была на театре, и русских витязей в первый раз еще там увидели.

Дай пойду я вслед добру молодцу!
И не тесно мне вслед его идти:
Он где раз махнет — то там улица,
Где повернется — площадь целая.

Очищай мне путь, Богуслаевич, —
Я с гудком моим белый свет пройду.
Кто нам трудный путь перелечь может?
Нет ни спорника, ни поборника,
Где гудок идет вслед за силою;
Для упрямых ты, я для вежливых.
Устоит ли что в поднебесности
Перед силою, пред согласиём?
Из конца в конец пройдем славному Русь,
От Новаграда впрям до Киева, —
Бью челом тебе, славный Киев-град!

Да куда ж это вас непутная
Вдруг от Сидора в стену бросила?
От Ильменских вод на Бористенес?
Широки шаги богатырские,
Но не так-то уж, чтоб из веры вон;
Без чудесного наваждения,
Без шептания чернокнижника
За тобой, рассказ, не угонишься.

Успокойся, мой... — Но ты кто таков,
Мне вчиняющий и допрос и суд?
Если старый муж, ты мне дедушка,
Или дядюшка, если средних лет;
Если ж ровня мне, то будь брат родной!
Любопытный мой пестун грамотный!
Кто просил тебя не свое дитя,
Не родимое нянчить, пестовать?
Без тебя бы я в мягкой праздности,
Растягиваясь лежал под лавкою;
А со мной тебя и на лавочке
Проняла никак непоседная!
Кто с аршином здесь посадил тебя
Измерять прыжки моего смычка?
Иль боится спесь грамотейная
Не по правилам распотешиться?
Смейся попросту... и спокоен будь.
Не встревожу я важность книжника,

Не тронú тебя с места теплого.
Слава ратных дел, доблесть русская,
Володимир — князь солнце Киевский!
Чрез Торжок меня принесли на Днепр
Познакомиться с знатным витязем,
С храбрым рыцарем со Добрынею,
Со Никитичем добродетельным,
О котором здесь наша речь идет;
А нигде еще не помянуто,
Да не вдруг еще и помянется.

Бью челом тебе, Киев! Что еще?
Бить челом теперь обычья нет,
Можно просто бы поклон отдать,
Побережь столицу разума
Для другого дела, лучшего.

Люди грамотны, люди умные!
Я пою вам ведь песню старую
И пою на строй тех времен простых,
Когда были лбы сильно крепкие;
Пред тогдашним лбом не могли стоять
Стены каменные, сила вражия,
Ни двуличневый щит коварных душ.
Если б песнь моя обращалась
К вам, дражайшие современники,
Лбы хлопчатые холостых людей,
Иль женатые, увенчанные,
Подостлал бы я вашей нежности
Из весенних роз хитротканую,
Привезенную из далеких стран
Гладку, мякинью подушечку,
Чтоб нельзя было вам, почтенны лбы,
Зацепиться иль оцарапиться.

Но давно уж мы Бровари прошли
И пред Киевом, как под Троею,
Подпершись стоим и ни с места... А!
Уж пора бы нам и во град взойти.

Месяц светел, млад по лицу Днепра
Пролагает нам путь серебряный;
Бьется лодочка возле берега,
На корме сидит стар матерый муж.

Седока старик дожидается.
«Здравствуй, дедушка». — «Просим милости!»
Встрепенулся наш парус. Северный
Ветр поставил нас вдруг к полденному
Брегу Киева. Ну! порядочно ль
Мы подъехали к городским стенам?
Бью челом тебе, славный Киев-град,
Златокованны твои маковки,
Звезды частые, поднебесные,
Со крутой горы со песчанья
В глубины Днепра помагаючи,
Красоте своей удивляются,
Что в воде горят и на воздухе.
Что в тебе такое дется!

Пыль столбом,
Коромыслом дым,
В улицах теснятся,
В полночь не спят,
На горах огни,
На полях шатры;
Разные народы
Кашу разную варят.

Соловья не кормят басни,
А душок съестной
Сельских блюд не без приязни
Нос подвигнул мой,
Чтоб за песней полуумной
Не пропеть семейный, шумный
Мне обед простой!
Простите.

ПЬЕСЫ

СИЛЬФ, ИЛИ МЕЧТА МОЛОДОЙ ЖЕНЩИНЫ

Комедия с песнями в двух действиях

Действующие лица

Нелест

Мира, жена его

Нина, горничная девушка.

Торини, учитель на арфе.

Андрей, дворник деревенского дома, в котором происходит действие.

Хор певчих, которые представляют сильфов.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Театр, покрытый темнотою ночи, представляет дикий сад, посредине которого беседка из плетеных дерев, в ней софа из дерна. На правой стороне виден простой деревянный мостик чрез ручей и часть деревенского дома.

Увертюра оканчивается в минориом тоне образом финала, изображающего конец петой вдали песни:

И эхо повторяет
Жалобы мои одне...

ЯВЛЕНИЕ 1-е

Нелест один.

(Конец песни, вдали петой)

И эхо повторяет
Жалобы мои одне.

Нелест
Речитатив

Все любовь изображает,
Все к покою призывает
В сей прекрасной стороне.
Тишиной сопровождаемый,
Голос ручейка смиренный,
К счастью призывает всех.
О места уединенны!
О убежища священные!
Для любви и для утех.

Ария

Отпустите мне, что рушу
Я приятный ваш покой
Сей нескромною тоской!
День и ночь стесненну душу
Рвет несчастный жребий мой.
Отпустите мне, что рушу
Я приятный ваш покой
Сей нескромною тоской.

Или нет уж для меня отрады никакой? Ужасное состояние!.. Женясь на любви достойной и чувствительной девице, мученья ли я в жизни найти надеялся!

ЯВЛЕНИЕ 2-е

Нелест и Андрей с епанчею.

Нелест. Что ты, Андрей?

Андрей. Я твоей милости епанчу принес.

Нелест. Хорошо, положи здесь и поди.

Андрей. А твоя милость, скоро ль же пойдешь опочивать?

Нелест (*с нетерпеливостью*). Еще рано!

Андрей. Где рано! Давно уж за полночь.

Нелест (*с огорчением*). Мне что-то спать не хочется. Поди!..
О Боже мой!

Андрей (*в сторону*). Что-то он больно невесел? Знать, он грустит? Никак и впрямь барыня-то его не любит? (*К Нелесту.*) Есть, кормилец, что-то у тебя на уме! Воля твоя!

- Нелест (*с огорченною шуткою*). Есть, Андрей, и на сердце.
 Андрей. А! родимый, это не доведи, Господи, срежет человека!..
 Сердце человеку вещь! Кручина человека не красит.
- Нелест. Да разве вам меня жаль?
- Андрей. Да как же не жалеть господ своих.
- Нелест. Теперь у вас молодая барыня, которая также вас любит.
- Андрей. Дай Бог ей, матушке, здоровье; слышно, что она... Да куда-таки, то ли дело как свое-то родное. Так надолго ли вы, наши кормильцы, к нам пожаловали?
- Нелест. Мы у вас проживем до осени.
- Андрей. Слава Богу! Вы наши дорогие гости. За что ж вы так одни только приехали? А люди-то где ж?
- Нелест. Они завтра будут с обозом.
- Андрей. Такое дело, далеко ли тут, час езды.
- Нелест. Теперь поди, Андрей, ложись спать.
- Андрей. Ахти, барин, да годится ли мне прежде твоей милости спать ложиться? Так поэтому и Кузьмич завтра будет?
- Нелест (*с нетерпением*). Будет.
- Андрей. Так поэтому и Иван портной с ним же будет?
- Нелест (*с досадою*). С ним же!
- Андрей. Так поэтому...
- Нелест (*прервав*). Ох!.. Поди спать!
- Андрей. Ну, барин! Хоть глаз выколю, а уж мне прежде твоей милости не заснуть.
- Нелест. О! Какое скучное усердие! Ну, так поди ж, дожидай меня в моей комнате!
- Андрей. Так поэтому, милость твоя, один изволишь прийти?
- Нелест (*с крайним нетерпением*). Один!
- Андрей (*важно в сторону*). Нет, да один-то здесь не очень ночной-то порой.

Ария

Нет, совсем стал не такой,
 Как, бывало, холостой,
 Слышишь, не наговорится,
 Нынче слова не добиться.
 Охти мне! Кормилец мой!
 Недобры здесь слухи были,
 Знать, уж впрямь тебя женили,
 Охти мне! Кормилец мой!

Нелест (*ходя по театру*). Что ж, ты все еще здесь?
Андрей. Ну, пойду, пойду. (*Поспешно уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ 3-е

Нелест один.

Нелест. Какая прекрасная ночь! Какая тишина. Всё, кроме меня, покоится в природе! Всё! А несчастные нигде покоя не имеют.

Ария

Ветры, кажется, не смеют
Дуть в покойных сих местах,
Как бы разбудить жалеют
Спящих птичек на кустах.
Днем любовь их утешает,
Ночь утех не прерывает.
Кто приятно утомлен,
С удовольствием ложится
И не сладко ль пробудится,
Кто любовью возбужден?
Я утех и сна лишен.

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

Нелест и Нина.

Нелест. Скажи мне, Нина, что твоя барыня?

Нина. Что барыня, по обыкновению все вздыхает. Во втором часу насилу заснула.

Нелест. Да о чем же она грустит?

Нина. Я не знаю, вам это лучше надобно знать.

Нелест (*с нетерпением*). А я меньше всех знаю.

Нина. Да кто ж виноват?

Нелест. Да могу ль я заставить ее сказать мне то, чего она сказать не хочет? Когда я начну ее расспрашивать о причине ее грусти, она начнет плакать и не отвечает мне ни слова.

Нина. Это за то, что вы с нею так важны, так повелительны. Она говорит: он хочет, чтобы я ему была раба, а не жена.

Нелест. Нет! Нина, я желаю иметь друга в жене, а не рабу.

Я же употреблял все старания, чтоб приобрести ее любовь, но, видя, что искания мои ее тяготят, я...

Нина (*прервав с насмешкою*). Так вы и перестали? Резон! И впрямь, зачем она так скромна?

Нелест. Скромность от холодности я различить умею.

Нина. То-то мне кажется, умеете различить, только не в жене, которая, по мнению вашему или, лучше сказать, по мнению всех вас мужчин, должна угадывать мысли и желания своего мужа.

Нелест. Она может угадывать, только не мои.

Нина. Так и ревновать? Куда хорошо!

Нелест. Ревновать бесполезно, но и тяготить ее моими ласками я более не смею.

Нина (*с насмешкою*). Не смею! Какая жалкая робость! Нет, сударь, вы не хотите из гордости и властолюбия, а хотите лучше ревновать, упрекать, подсматривать. Дура только наша сестра, которая, видя, что муж несправедливо ее подозревает, не постарается его за то проучить. Жаль только, что вы не на такую жену напали.

Нелест. О! Пожалуй!

Нина. Что пожалуй? Да знаете ли вы, что она, может быть, против воли своей вас любить боится, так вы с ней обходитесь. Бедненькая! Такая хорошенькая, молоденькая! А вы...

Нелест (*прервав*). Да что я?

Нина. И!! Как вам не стыдно! Довели ее до того, что одни только сны ее утешают.

Нелест. Как сны?

Нина. Да, сударь, сны, одни только сны. Вчера ранехонько вдруг проснулась; кричит мне: «Нина! Нина!» Я бросилась: «Чего изволите, матушка?» «Ах, Нина! — говорит мне, — какой приятный сон я видела. Посмотри, у меня еще и теперь сердце бьется. Боже мой, я только во сне счастлива!»

Нелест. Да что же это был за сон?

Нина. Она видела какого-то... какого-то сильфа, который в нее влюбился. А что это за сильфы, сударь?

Нелест. Сильфами называют воздушных обитателей или духов, которые имеют одни только душевные качества.

Нина. Нет, сударь, барыня говорит, что они красавцы и телом, по крайней мере тот, в которого она влюблена.

Нелест. Так она в сильфа влюблена?

Н и н а . Да видно, что так.

Н е л е с т . В с и л ь ф а ? (*В сторону.*) Так не этот ли сильф причиною ее ко мне холодности? (*Сумневаясь.*) Однако, Нина... ты... я думаю... никакого сильфа в лицах у нее не видела?... (*С беспокойством.*) Их ведь тоже нет на свете.

Н и н а . Нет, сударь, не видала, да и барыня-то его не иначе видела, как только во сне. Она говорит, что тот сильф, в которого она влюблена, прекрасный мальчик лет пятнадцати. В нем что-то воздушное. Он и с крыльями. И что будто бы эти прекрасные сильфы сперва являются во сне, а там и наяву. Я, право, этого не знаю.

Н е л е с т . Ничего этого нет. Она начиталась о сильфах. Предубеждение ее о пороках мужчнн и властолюбии мужей произвело в ней отвращение к нашему полу, а чувствительность ее души, не будучи занята существенным предметом, представила ей мечту, которую воображение украсило. Да часто ли ей такие сны видятся?

Н и н а . Беспрестанно, сударь. Только от ней и слышишь, что про сильфов. И читает и говорит все про них. Поутру проснется, уж рассказывает! Рассказывает!

Н е л е с т (*в сторону*). После этого неудивительно, что счастливый сильф всякую ночь ей снится. (*К Нине.*) Послушай, Нина, знаешь ли, что я думаю? Употребим заблуждение ее в пользу. Я стану представлять ей сильфа; и так как она этого не ожидает, то нетрудно будет ее уверить, что сильф ее и наяву сходит на землю. Если только ты мне помогать возьмешься?

Н и н а . Пожалуй, я готова помогать. Да только как же вас сделать невидимкою?

Н е л е с т . Я стану скрываться за ее гардинами, говорить с нею притворным голосом и, узнав ее желания, стану стараться их исполнять.

Н и н а . Да что ж из этого выйдет?

Н е л е с т . Мира, узнав, что услужливый сильф есть муж ее, от воздушного любовника к земному супругу обратит свою любовь.

Н и н а . Да для чего ж вы не хотите ее уверить, что сильфов нет на свете?

Н е л е с т . Зачем обличать ее заблуждение? Оскорбленное самолюбие может произвести в ней недоверчивость ко мне и отвращение. Мне кажется, шуткою скорее можно женщину

исправить. Я постараюсь, чтоб Мира, полюбя мечту своего воображения, нашла бы наконец во мне предмет сей мечты.
 Н и н а . Ну хорошо. Подите ж теперь к ней, спрячьтесь тихонько за гардинами ее кровати. Она, я думаю, еще не заснула. Свеча погашена. Подите, а я вас здесь подожду.

(Нелест уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 5-е

Н и н а *(одна)*. Какие чудесники! Жена проказит да воздушных любовников выдумывает. Муж бежит от земной жены да по ночам звезды считает, а нам, право, нет покою!

Ария

О, когда бы мне женою
 Удалось твоею быть,
 То ночной бы ты порою
 Этак позабыл ходить.
 Нет, уж не учить бы Нину,
 Как супругу, господину,
 Приказать себя любить.
 Так бы, право, не вздыхала
 Я, как барыня моя!
 Ввечеру бы не стонала,
 Утром рано не вставала,
 Но покойно б почивала,
 Почивала ночи я!

Однако что-то холодно становится: пойти хоть в беседку.
(Увидя епанчу.) Ах! как это кстати *(Надевает.)* Ну! теперь Бог с вами, я рада ждать хоть до света.

Театр покрыт темнотою ночи.

А н д р е й *(кличет за кулисами)*. Барин!
 Н и н а . Кто это? Кажется, наш дворник?
 А н д р е й . А барин!
 Н и н а . Так. Это он.

ЯВЛЕНИЕ 6-е

Нина в беседке, закутавшись в плаще. Андрей выходит на сцену со свечой.

Андрей (*заботливо и дрожащим голосом*). Ба-арин! Тьфу, пропасть! Да куда он девался! Неужли и впрямь?.. То чего доброго! Этта мужичек баил: эй! Робята! в саду у нас нетихо! Водится нечистый!

Нина (*в беседке про себя*). Вот я его.

Андрей (*думая, что ему говорят*). А? Не. Эво и намнясь возня, слышь, такая! Я... что за пропасть? Пошел посмотреть, и духу нету. (*Робко.*) Ба-арин!

Нина (*издалека протяжно*). Ау!!!

Андрей (*горестно вслушиваясь*). А? Да где твоя милость?

Нина. О трус!

Андрей. А? Нет, ничего не слышать. Эка провал местечко!.. Вчера Нина баит: Андрей, к барыне всякую ночь Змей летает. (*Сделав восклицание руками, уронил свечу.*) Госу-дари! Светы! Уж не водит ли-то и барина-то лешай!

(*Поет с трусостью.*)

Здесь не очень уши вешай!..

Здесь не очень уши вешай!..

(*Ободряя себя.*)

Ну! Да пусть хоть бы и лешай;

Ну! Да пусть хоть бы и лешай...

(*Осмелясь.*)

Не боюсь я и того;

(*Замахнулся.*)

То я з^араз бы его...

(*Нина подскочила и ударила его по губам.*)

Не, да что! я ничего,

О-о-о-о!

(*Тянет последнее «о», потому несколько ободрясь.*)

Здесь не очень уши вешай.

(Отважно.)

Не, да я и самого...

(Нина больно его ударила, он упал на колени.)

А! помилуй, сударь лешай...

Не! я, право, ничего!

Н и н а

(покрывает его платком и говорит странным голосом)

Как смел ты предо мною

Так дерзко говорить?

Тебе живым не быть.

Простися с сей страною,

Ступай за сатаною

Теперь ты прямо в ад.

А н д р е й

(стоя на коленях, кланяется Нине)

Безвинно виноват, кормилец, пред тобой.

Н и н а

(прервав)

Нет! Ты меня ругал!

А н д р е й

(торопливо оправдывается)

Да, милости твоей

Я, право, не узнал.

Ну как! ночной порою...

Н и н а

(прервав)

Нет!

(Берет его за ворот.)

Ты ругался мною,
Так знай...

Нина и Андрей
(одновременно)

Ай, ай, ай, ай!..

Нина

Что жизнь твоя...

Андрей
(оправдываясь)

Да я...

Нина

В моей всеильной воле.

Андрей

Да я не буду боле!
Храни Бог!
Сатану ругать не вот те!
Ну! не вот те!
Ну! не вот те ну!..

Нина
(прервав грозно)

Постой! и не божися
Ты век пред сатаной!

Андрей
(на коленях кланяется)

Не стану, родный мой!
Не, право, не дерися!
А! а! а! а! а!

Н и н а
(*скоро*)

Но ты еще сказал,
Еще ты побожился
И больше провинился...

А н д р е й

Да ты, вишь, испугал...
(*Хочет побожиться.*)

Я про...

(*скоро*)

проговорился!

Н и н а
(*прерывая*)

Заврался!

А н д р е й

Да ты... вишь, испугал!

Н и н а

Так поздно здесь в саду
Зачем один шатался?

А н д р е й
(*жалостно*)

Уж знать-то на беду!
Не в час я взбузыкался,
Я барина искал.
Он вышел и пропал!
Так, ведашь, я кричал:
Куда-де ты девался?

Когда ж я это знал,
Провал бы те побрал!

Н и н а
(*прервав грозно*)

Заврался!

А н д р е й
(*опомнясь*)

Не, не, не про тебя!..
Хотел было сказать.

(*Продолжая непрерывно.*)

Ну как же не искать,
Помилуй, господина?

Н и н а
(*сняв платок*)

Андрей! Не черт, я Нина.
Ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха!

Дуэт

Чай, ты устал?
Встань, о бедненький Андрюха.

А н д р е й
(*встает и рассматривает*)

А! так это ты, воструха?
Ты до смерти испугала.

Н и н а

Ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха!
Я до смерти хохотала!

А н д р е й

О! провал бы те побрал!
Ты до смерти испугала!

Н и н а

Я до смерти хохотала,
Нину с чертом не узнал!

А н д р е й

Вас нескоро распознаешь
И в полудни с сатаной!

Н и н а

Эй, молчи, в другой раз станешь
На колени предо мной.

А н д р е й

Вас нескоро распознаешь
И в полудни с сатаной!

ЯВЛЕНИЕ 7-е

Прежние и Нелест.

Нелест (*с восторгом*). О, Нина! какое благополучие!

Андрей. Уф! Проклятая!

Нина. Что, сударь?

Нелест. Я еще могу быть счастлив. Какой ангел! Какое сердце!

Нина (*лукаво*). Да одно ли, сударь, сердце!

Нелест. Послушай, я вне себя от радости. Вошел тихонько в спальню, спрятался за гардинами, она еще не спала. Скоро потом услышал ее вздохи, она призывала своего сильфа самыми ласковыми словами, упрекала ему с нежностью, что не хочет с ней видаться. Я притворным голосом отвечал ей, что сильф ее давно уж у ней, но без ее воли не смел он открыться.

Нина. Что ж она?

Нелест. Сперва было испугалась, хотела тебя кликать, но я ей сказал, что присутствие третьего принудит сильфа удалиться. Скромность ее была несколько встревожена, однако ж я ее успокоил, уверя, что сильф, будучи дух, для добродетели ее неопасен. Она спросила мое имя, я назвал себя Нейсом.

Андрей (*с любопытством*). Кого ж это, Нина?

Нина. А лешай-то, помнишь?

Андрей (*рассердясь*). Слушай же ты!

Нина. Что ж, вы еще с ней поговорили?

Нелест. О! Много, много. Просил ее учиться играть на арфе и обещал ей силою воздушного духа прислать учителя. Она не соглашалась без воли мужа своего. Я обещал мужа ее к тому принудить. Нет, отвечала она, ты не должен делать ему ни малейшей неприятности.

Нина. Видите ли, сударь!

Нелест. Я вижу, что предрассудок о властолюбии мужей и робость не допускают ее обнаружить ко мне чувствительность ее души. Но я надеюсь...

Нина. То-то, сударь!

Андрей (*прервав решительно*). Есть то так!

Нина (*смеясь*). Вот, слышите? И он то же утверждает.

Нелест. Андрей, поезжай в город и зови сюда учителя господина Торини с арфою сегодня после обеда. Слышишь ли?

Андрей. Слышу, сударь! Звать обеих сегодня после обеда.

Нелест. Да как вы приедете, то вели меня вызвать, а сами подождите здесь в саду, чтоб барыня не знала, что я тебя посылал. (*К Нине.*) Она сочтет, что Торини приехал вдохновением ее сильфа. (*К Андрею.*) Смотрите ж, чтоб она не знала.

Андрей. Ведаю. (*Нине.*) Я, знаешь, невзначай с ними и к ней да и нагряну.

Нина и Нелест (*вместе*). Зачем к ней?

Андрей. Не к ней. Я говорю, к нему.

Нина и Нелест (*вместе*). К кому?

Андрей. К барину-то. (*К Нине, указывая на Нелеста.*) Вон к нему. (*К Нелесту.*) К мастеру-то... я ему скажу... Уж я знаю. (*Пошел было.*)

Нина. О! Дурак!

Нелест. Постой, что ты скажешь?

Андрей (*воротился*). Я скажу... Да Бог вас ведает, что вы такое толкуете!

Нелест. Экой болван! Зови сюда учителя Торини с арфою.

Андрей. Ну ладно! (*Пошел, потом, воротясь, спрашивает.*)
А где она живет?

Нелест и Нина. Кто?

Андрей. А Марфа-то.

Нелест и Нина. Какая Марфа?

Андрей. Да что вы велели звать.

Нина. Ха, ха, ха!

Нелест. С арфой, шут, а не с Марфой. Скажи только, учителю, чтоб он приезжал сюда с арфою, слышишь, с арфою. Он уж знает. Арфа — инструмент, как, например, скрипка.

Нина. Знаешь скрипку?

Андрей. А я думал, звать какую барыню.

Нина. Ха! ха! ха! Экая бестолковая голова. Арфа, арфа, да помни ж, арфа.

Андрей. Ну, теперь ведаю. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ 8-е

Нина и Нелест. На театре рассветает.

Нина. Однако пора мне идти. Барыня моя скоро, я думаю, проснется.

Нелест. Да, Нина, я позабыл тебе сказать: платье, которое Мира так желала иметь, уже готово.

Нина. Как! Вы уже успели велеть его сшить?

Нелест. Ты его найдешь в моем кабинете. Когда барыня будет одеваться, подай ей это платье, не сказывай однако ж...

Нина. Уж я знаю. (*Взошел на мостик.*) Не бойтесь ничего.

Эхо. Чего.

Нина (*оборотясь*). Ась?

Эхо. Ась.

Нелест. Я тебе ничего не говорил.

Нина (*сошел с мостика*). Фу! Пропасть! Я, право, думала, что вы меня кличете. Ан это отголоски. Здесь, на мостике, точно как человек отвечает.

Нелест. Над водою отголоски всегда слышнее; теперь же заря.

Нина. Вот здесь не отдается. Прощайте, сударь, господин сильф. Правё, если они все так любезны, как вы, то опасны духи для молодых женщин. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ 9-е

Нелест (*один*). Ты шутишь, Нина, а я еще не совсем спокоен. Хоть и узнал, что имею мечтательного совместника, однако ж не знаю, как и от того избавиться. Обманывать жену, которую обожаю, представлять влюбленного и счастливого духа и быть скучным мужем — все это не делает меня довольным! (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ 10-е

Слышна тихая музыка, изображающая восхождение солнца и пение птичек. Мира в спальном платье выходит по сю сторону мостика.

Ария

Уж настал несносный день,
Я утех моих лишилась!
С мраком ночи удалилась
И дражайшая мне тень!
Не престань ты мне казаться,
Мой любезный, хоть во сне,
Если истиною мне
Невозможно утешаться
И нельзя счастливой быть!
Стану хоть в мечтах стараться
Я блаженство находить.

Музыка повторяет последние тоны образом отголосков.
Мира приближается к мостику, опирается на поручь
и поет печально.

Мира

Сколько дух во мне страдает,
То едино только знает
Страждущая грудь сия.

Э х о

И я!

М и р а

(отходит от мостика с удивлением)

Я слышу в воздухе
Мне кто-то отвечает...
Неужели меня
Неис драгой внимает?

(Взошел на мостик.)

О! как была бы рада я.

Э х о

Да я.

М и р а

(отошел от мостика)

Ты здесь? Но где? Где ты?
Мне это непонятно. Ты
Неис?.. Иль это сон...
Но я не сплю... Нет! Это он;
Спрошу еще его:

(Подошел к мостику.)

Или тебе приятно
Со мной быть иногда?

Э х о

Да.

М и р а

(отошел от мостика)

Возможет ли считаться
И это все мечтой?

Нет! В истине такой
Неможно сомневаться.

(Просит сильфа показаться.)

Ты должен показаться,
Неис мой дорогой!
Вот все мое желанье.
Иль зреть тебя, Неис,
Приятно упованье

(Подошел к мостику.)

С сим голосом минет.

Э х о

Нет.

М и р а
(с восторгом)

И я тогда Сильфидой нарекуся,
На воздух вознесуся
На крыльях легеньких с тобой.
Да нет... постой!..

(Как будто догоняя кого.)

Не шутишь ли ты мною?

(Подошел к мостику.)

Мне все невероятно.

Э х о

Верно.

М и р а
(с восторгом)

Счастливее меня
Теперь на свете нет!..

(Слышно, что кто-то идет.)

Но кто-то к нам идет.
Мне долее нельзя остаться.
Я вечеру тебя здесь буду дожидаться.
Прости! Но верен слову будь!
Прости, Неис! Но не забудь
Прийти.

(Подошел к мостику.)

А я не позабуду.

При последних словах Миры выходит Нина и слушает с удивлением

Э х о

Буду.

ЯВЛЕНИЕ 11-е

М и р а и Н и н а .

Н и н а *(про себя)*. Что это она проказит?

М и р а . Ах! Нина, ты все тут была?

Н и н а . Нет, сударыня, я теперь только пришла. Да с кем это вы так изволили разговаривать?

М и р а *(в сторону)*. Боже мой! Она все слышала. *(К Нине.)* Ни с кем... Я так... Я... Я пела... С кем мне говорить? *(Про себя.)* Я так встревожена... и радость, и...

Н и н а . Что вы, сударыня? Вы беспокоитесь о чем-то?

М и р а *(притворно)*. Нет, ничего. Я так... Я... *(Про себя.)* Возможно ли!.. Да зачем ты пришла, Нина?

Н и н а . Я выйду, сударыня! Если прикажете.

М и р а *(садится в беседку, потом говорит с задумчивостью)*. Поди, Нина. *(Нина хочет идти)*. Нет, постой! Куда ж ты? *(Про себя.)* Скажу я ей.

Н и н а *(к партеру)*. Я, право, боюсь, чтоб она с ума не сошла.

М и р а . Послушай, поди сюда. *(Наклоняясь к ней в руки.)* Ты станешь надо мною смеяться?

Н и н а *(тронутым голосом)*. Чего, матушка, смеяться? Я только что не плачу. Да скажите, что с вами случилось?

М и р а *(глядя на нее с примечанием)*. Подумай, Нина, мои сны...

Н и н а *(с любопытством)*. Что ж? Конечно, наяву видятся?

М и р а *(встает с досадою)*. Так ты этому не веришь?

Н и н а. Как вам не верить? Да что такое?

М и р а *(прервав)*. Ну, что ты скажешь, если вот теперь, на этом месте Неис, мой сильф, говорил со мною и обещал мне.

Н и н а *(иронически)*. И! Сударыня!

М и р а *(досадуя)*. Так! Она не верит.

Н и н а *(с лукавым притворством)*. Верю, сударыня! Я вам верю. Ведь нам, темным людям, где уж все знать, что вы знаете. Может быть, для господ и в воздухе-то есть то, чего мы, люди слепые, и на земле насилу видим.

М и р а. Конечно, есть в воздухе. Когда он уверял меня о любви своей. Когда...

Н и н а *(с притворным удивлением)*. И!

М и р а. Право, Нина. Какой голос! Мне казалось, что и воздух тронут был его приятностью, всякое его слово наполняло мою душу восхищением.

Н и н а. И! что вы говорите!

М и р а *(Чем больше Нина притворяется, что всему верит, тем свободнее Мира ей вверяется.)* Я сегодня еще ночью слышала его голос. Точно слышала. Он мне отвечал на мои слова. Только я постыдилась тебе о том сказать, и так была восхищена счастьем моим, что и самую истину посчитала за сон. Подлинно, представляла ли я себе, чтоб могла понравиться. Кому ж! Ангелу! Но теперь я не сплю. Теперь я уверена в моем счастье. Боже мой! Каким приятным голосом клялся он меня любить. А теперь уверял меня, что ему приятно быть со мною.

Н и н а. Да где ж вы его видели?

М и р а. Я его еще не видала, но вот здесь *(указывая на мостик)*, на этом мостике я слышала его голос.

Н и н а. А! Теперь понимаю. *(Про себя.)* Ну! этого сильфа и я слышала сегодня.

М и р а. Ведь ты знаешь, Нина, что они виду не имеют, обитая в воздухе. Однако ж мой любезный Неис сегодня вечером обещал мне показаться. Не самое ль это верное доказательство его ко мне любви?

Н и н а *(с ироническим уверением)*. Конечно, сударыня, и я уверена, что он к вам будет. *(Смеется.)*

М и р а . Кто-то приехал.

Н и н а . Это, верно, наши люди.

М и р а . Ах! Как бы это было кстати. Посмотри, Нина, если это они, то вынь мое розовое платье и принеси ко мне.

Н и н а . Слышу, сударыня. (*Отходит.*)

ЯВЛЕНИЕ 12-е

М и р а (*одна, с ребяческой радостью*). Как я наряжусь вечеру!
Какой праздник!

А р и я

Хоть любовники твердят,
Что наряды бесполезны,
Что мы и без них любезны;
Но всегда влюбленный взгляд
Видит с вежливым признаньем
И считает наш наряд
Нравиться ему желаньем.

ЯВЛЕНИЕ 13-е

М и р а и Н и н а (*с узлом платья*).

Н и н а . Вот, сударыня, извольте.

М и р а . Покажи. Хорошо, обернись тут кружевом. Как бы мне хотелось иметь то платье, которое, помнишь, мы видели.

Н и н а . А! Помню... это (*называет цвет*).

М и р а . Изготовь хоть к этому прибор. А оно еще недурно?

Н и н а . И очень недурно, да к тому ж воздушному вкусу розочкой и нравится надобно.

М и р а . О! Нина, я бы сегодня так довольна была, если бы не одно.

Н и н а . А что ж?

М и р а . Мне хочется играть на арфе и иметь учителя, а этого, ты знаешь, без согласия Нелеста я иметь не могу. Надобно его просить...

Н и н а . Ну так что ж? Попросите.

М и р а . О, нет! Он сочтет, может быть, себе за долг меня потешить, а я не хочу никому быть в тягость, а меньше всех ему.

Нина. Так, хотите ли, я ему скажу?

Мира. Скажи, пожалуйста! Да только так, что будто ты от меня невзначай об этом услышала... Нет! Нина, не говори, я не люблю хитростей. Я лучше сама скажу.

ЯВЛЕНИЕ 14-е

Прежние и Нелест.

Нелест (*подошел к руке*). Здравствуйте, сударыня! Как вы почивали после дороги?

Мира (*сухо*). Очень хорошо.

Нелест. Вы так рано встали, не обеспокоили ль вас приезжие мои люди своим стуком?

Мира. О, нет.

Нина. Мы, сударь, давно уж были здесь в саду, когда они приехали. (*К Мире, тихонько.*) Что ж вы об арфе-то?

Мира. После... (*Робея.*) Я... хотела вас просить...

Нелест. Скажите, что такое? Я с большим удовольствием исполню желание ваше.

Мира (*застенчиво*). Мне бы хотелось... Да полно, это такой вздор.

Нелест. Если вам так много стоит сказать мне ваше желание, так позвольте мне вас попросить об одной вещи.

Мира. Мне долг велит вам во всем повиноваться.

Нелест. Долг! О, как он тягостен без любви!

Мира. Скажите, что я могу сделать в угодность вашу?

Нелест. Вы имеете приятный голос, к совершенству этого таланта надобно сопровождать его каким-нибудь инструментом. Арфа теперь в большом употреблении, и мне бы очень хотелось, чтоб вы на ней играли.

Нина (*к Мире с притворным удивлением*). Какое чудо!

Мира (*удивленная*). Что это! (*К Нелесту.*) Я об этом только и просить вас хотела.

Нелест. Я очень рад, что мое желание встретилось сходно с вашим. Желал бы и всегда угадывать ваши мысли, чтоб угождать вашей воле.

Мира (*с отвращением*). О! пожалуйста, оставьте! (*К Нине.*) Как несносны притворные ласки! (*Уходит поспешно, и Нина за ней.*)

ЯВЛЕНИЕ 15-е

Те же без М и р ы .

Нелест (*к уходящей Нине*). Нина, Нина! Постой!

Нина. Тотчас. (*Проводит Миру за кулисы и потом возвращается.*)

Нелест. Скажи, пожалуй! Какое действие произвела над нею ночная ее беседа с сильфом?

Нина. Она от него без памяти.

Нелест. Я не знаю, только мне кажется, она действительно лучше гораздо сегодня расположена?

Нина. Чего, сударь, да знаете ли, что она мне сегодня сказывала?

Нелест (*с любопытством*). Что?

Нина. Она мне сказывала, что сильф ее не только что с нею ночью разговаривал, но что сегодня поутру обещал вечеру прийти к ней и здесь с нею видеться.

Нелест (*с удивлением*). Вечеру?

Нина (*лукаво*). Да, сегодня вечеру.

Нелест (*сумнительно*). Да кто ж это?

Нина. А это, я думаю, тот же самый сильф, который и меня, помните, обманул сегодня на заре, вот на этом мостике.

Нелест (*успокоясь*). О, дитя! Да как же он обещал прийти?

Нина. Уж этого не знаю, только могу вас уверить, что она с нетерпением его дожидает сегодня вечеру.

Нелест (*с размышлением*). Сегодня вечеру!.. Хорошо! Поди ж теперь к ней, продолжай свое притворство. (*Про себя.*) Торини скоро будет, он мне поможет сделать веселым праздником конец шутки моей, а может быть, и начало моего благополучия.

А р и я

Если шуткою я сею,
Помирясь с женой моею,
Окончаю всю напасть,
То велика шутки власть;
Больше разума, терпенья,
Более влюбленных глаз,
Больше слез и угожденья
Шутка действует на вас.
И тогда, скажу неложно,
С вами, женщины, возможно

Счастливо весь век прожить,
Если целый век шутить.

В продолжении сей арии Нина, крадучись, подслушивает и к последним трем стихам делает дуэт. Нелест, не видя Нины, повторяет.

Н и н а

И, конечно, с нами должно
Власть и грубость отложить,
Чтобы век счастливо жить.

Н е л е с т

С вами, женщины, возможно
Счастливо весь век прожить,
Если целый век шутить.

Конец первого действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1-е

Т о р и н и выбежал с сердцем и вырвался из рук А н д р е я , который хватает его за полу.

Т о р и н и

Ты мене не разумею,

(сердясь)

Ты мене не разумею.

А н д р е й за ним бегают, хватая его за полу.

А н д р е й

Воля милости твоей,
Я пустить тебя не смею.

Торини

Злово я, мужик лакей,
Суда буду дожидает

Андрей
(догадался)

Да постой... я знаю,
Дай по-ихнему скажу,
Авось я его убаю.

(Толкует)

Мой пошел, так доложу,
Твой маршир, так бачка знает.

Торини

Нет маршир твой, нет!
Я знает, нет

Андрей

Мой пошел, так доложу,
Твой маршир, так бачка знает.

Торини

Нет! Нет! Нет! Нет! маршир твой,
Нет, я знает, нет.
Злого я под караул,
Злого русска мужик бул,
Суда буду дожидает!

Андрей
(отчаянно)

Хоть ты что — не понимает.

Торини

Мне пускаит барин все.

А н д р е й

Нет, ты бачка, ты мусё

(Еще толкует)

На мой сказалн, нет маршир,
Чтоб мы дожидали.

Т о р и н и

(хочет идти)

Не качу такой скатин!

А н д р е й

Ты, мусё, не господин .

Т о р и н и

(хочет бить Андрея)

Знаю, сто такой дубин!

А н д р е й

(струся)

Эй! За что, за что немчин!
Да пусти, пожалуй, полно.

Т о р и н и

Знаю, сто такой дубин!

А н д р е й

Ну пускай ты господин

Т о р и н и

Господин э я!

Доказывает перед носом у Андрея, что все равно, что он,
что господин его

Сурано один персон,
Нет двук,
Одина персон, нет двук.

А н д р е й
(выставя два пальца)

Не, мусё, это два шгук.

ЯВЛЕНИЕ 2-е

Прежние, Нелест и Нина.

А н д р е й
(в сторону)

Это так, небось смекает.

Н и н а

Что за шум такой, о чем?

А н д р е й

Сладь-ка ты, поди, с мусьём!
Он свое себе болтает!

Т о р и н и
(жалуясь)

Не позволи мне пустить!
Я кошу монсу видеть!

Н и н а
(уговаривая Торини)

Надобно ему простить,
Он мосьё не смел пустить!

А н д р е й

Ну! да что с ним говорить,
Знает, только лезет бить.

Квартет

Нелест

Ты завел еще шум новой,
Долго ли, Андрей, шалить?

Андрей
(оправдываясь)

Он какой-то бестолковой,
Знает, только лезет бить.

Торини
(жалуясь)

А! Монсу пожали бить!
Не позволи мне пустить!

Нина

Надобно ему простить,
Он мосье не смел пустить.

Андрей

Ну да что с ним говорить!
Знает только лезет бить.

Торини

Нет монсу надобно бить,
Нет монсу пожали бить.

Андрей

Только бы тебе все бить.

Нелест (к Нине). Да о чем они шумят?

Нина. Его милость (указывая на Торини), хотел было прямо к вам идти. А он его не пустил, да, видно, по-своему.

Нелест. Прости ему, господин Торини, я ему приказал меня наперед уведомить и скажу тебе тотчас для чего...

Андрей (*дразня Торини*). Что? Не говорил ли я тебе, что по барскому приказу?

Торини (*жалуясь*). Види, монсу! Какой дурак!

Нелест (*к Торини*). Оставь его. Я имею нечто важное с тобою переговорить. А теперь прошу тебя положить на музыку вот эти стихи. Мне хочется, чтоб Нина выучила их петь. (*В сторону.*) Об Андрее я уж и сказать ему не смею. (*К Торини.*) Но только чтоб об этом не знала жена моя. (*Читает громко*):

Их любовью став счастливы,
Будем весело мы жить... и проч.

Торини. Carisco, signore! Benissimo! In un attimo! *

Нина. Так вы мне и пожелуете, как готово будет?

Торини. Да, мамизель, скоро готов будит. (*Нина уходит.*)

Нелест. А ты, Андрей, вымети сад, прибери беседку, повесь наверху венки, которые уже готовы, и что тебе ни прикажет господин Торини, чтоб все было сделано.

Андрей (*рассердясь*). Воля ваша! Только, право! за вашими уборами там все на грядах разве бросить! По мне, пожалуй! Ведь не мое добро!

Нелест. Ты великий дурак! Я тебе говорю: брось свою капусту и огурцы и делай, что велют.

Андрей (*махнув рукой*). По мне хоть все пропади! (*Уходит с сердцем.*)

ЯВЛЕНИЕ 3-е

Нелест и Торини

Нелест. Я теперь пойду сказать жене моей о твоём приезде.

Торини. Я буду не множь подумать компанировать тот жас. (*Нелест уходит.*)

Во время риторнеля Торини придумывает свою композицию и, ходя по театру, в движении читает наугад стихи.

* Понял, синьор! Прекрасно! В одно мгновение! (*итал.*)

Торини

И к любви стат часливы
Будет веселой живет.

Вынимает из кармана нотную бумагу и пишет.

Violini così va! *
La, la, la, la, la, la, la!
И к любви стат часливы...

(Пишет.)

Oh, no! Tral, ral, ral, ral, ral, ral!
Bravo! forte! **
Будет веселой живет.
Clarineti, e oboi.

(Пишет.)

Non solo, oboi due ***.
Будет веселой живет.
Corni, componero, trum, trum!
Oh, no! Corni sono dissonanti!
Flauti! La, la, la, la, la, la, la!
Bravo! Bravo! ****
Будет веселой живет.
Violini! ***** La, la, la, la, la, la, la!
Будет веселой живет!
Bravo! Tutti! forte!
Bravo! Sior Torini! *****

С восторгом припрыгивая, уходит; Андрей, слушая, тихонько смеется.

* Скрипки играют так! (итал.)

** О, нет! Траль, раль, раль, раль, раль, раль! Bravo! Громко! (итал.)

*** Кларнеты и гобои. Не один, два гобоя (итал.).

**** Валторны, я вставлю, трум, трум! О, нет! Валторны не подходят! Флейты!
Ла, ла, ла, ла, ла, ла, ла! Bravo! Bravo! (итал.)

***** Скрипки (итал.).

***** Bravo! Все! Громко! Bravo! Синьор Торини! (итал.)

ЯВЛЕНИЕ 4-е

Андрей с метлою и корзиною, в фартуке.

Андрей. Ха! ха! ха! Эх его нелегкая возит. Ха! ха! ха! Ох вы нам комедианщики! Вот, смотри, коли да это не все его затей? А наш брат гни спину! *(Поставил лестницу и вешает венок с вензелевым именем.)* Так ли то будет! Не вверх ли ногами? Да полно, все равно. *(Прибывает.)*

ЯВЛЕНИЕ 5-е

Андрей и Нина.

Нина. Андрей.

Андрей. Ну! что там?

Нина. Еще не сдал погреба Кузьмичу?

Андрей. Есть мне когда!

Нина. Ну так дай же ключи мне, да поди...

Андрей. Вот вас!..

Нина. Кузьмич тебя зовет.

Андрей *(сходя с лестницы бросает ключи; Нина, подхватя, уходит.)* Провал вас побори!

ЯВЛЕНИЕ 6-е

Андрей
(один)

Ария

Право, я не ради свету!
Ну да что, житья мне нету!
Уж от ваших прихотей!
Будь и кучер и лакей,
Конюх, дворник, казначей.
Все исправь, везде поспей,
Да ведь я один Андрей!
Я и дворник, и садовник,
Я и кучер, и лакей,
Конюх, дворник, казначей.

Все исправь, везде поспей,
Да ведь я один Андрей!

В стороне метет сад, потом уходит.

ЯВЛЕНИЕ 7-е

Мира и Нина.

Нина. Да скажите, пожалуйста, каков он нынче?

Мира. С того времени, как Неис душою его управляет, он стал гораздо добрее и ласковее. Однако ж со всем тем я его как мужчины остерегаюсь, как всегдашнего неприятеля нашего пола.

Нина. Да помилуйте! Что ж из этого будет?

Мира. Что ж мне делать! Меня за него выдали против воли. Я повиновалась долгу, а не склонности, он уверял меня в своей страсти, то есть хотел склонить к себе мою любовь и через свою хитрость получить надо мною совершенную власть. Но так как ему не удалось в том успеть, то он сделался холоден, задумчив и...

Нина. Слава Богу, что он по крайней мере хоть учтив.

Мира (*вспыльчиво*). Учтив! О если бы он осмелился употребить против меня власть, то увидел бы, что может оскорбленная чувствительность. Теперь я в молчании сношу его гордость, и никто, конечно, не услышит моих жалоб, а тогда б...

Нина. Да что вам тужить. Если бы он вздумал сделаться против вас неучтив, вы бы пожаловались вашему сильфу, так он бы его проучил.

Мира. Нет, Нина, что бы между нами ни было, я никогда никого не допущу делать зло моему.

Нина. Я, право, вас не понимаю. Вы, кажется, о нем жалеете, а когда он к вам ласкается, то вы его чуждаетесь. Он станет вам говорить, а вы отворачиваетесь.

Мира. Потому что наружная учтивость и притворные ласки для меня отвратительны.

Нина. И! Сударыня! Он так услужлив, так ласков.

Мира. О! Как ты дурно мужчин знаешь. Знаешь ли, что услуги и ласки их не что иное есть, как цветы, которыми они крашают цепи нашего невольничества.

Ария

Нас мужчины обожают,
Служат нам и угождают
До того, пока не знают,
Верно ль отвечают им!
Сим неведеньем одним
Гордость их любовь сугубит,
А кто истинно их любит,
Редко истинно любим!
Нас мужчины обожают,
Служат нам и угождают
До того, пока не знают,
Верно ль отвечают им!

Нина. Да ведь не все ж они таковы? Ну, право, сударыня, мне кажется, что ваш муж искренно вас любит.

Мира. Пожалуйста, перестань о нем говорить. Мы с ним живем по моде и друг друга не беспокоим, а если кто из нас и страждет, то уж это, конечно, не он.

ЯВЛЕНИЕ 8-е

Нелест, Торини и прежние

Нелест. Как будто небесный дух какой, любезная Мира, позавидовал мне и захотел лишить меня удовольствия исполнить желание ваше, прислав к вам учителя арфы прежде, нежели я за ним послал.

Мира. Кто бы его ни прислал, я вам не меньше благодарна. Здравствуйте, господин Торини. Скоро ли можно выучиться на арфе играть?

Торини. Скоро, сударин.

Нелест. Знаете ли, какое он чудо пересказывает? Не быв знаком ни с одним из наших стихотворцев, нашел он сегодня поутру у себя на столе арию, которую принес вам для первого урока.

Торини. Да, сударин. На мой стол злово какой жени писал и музыка, и верси.

Мира. Покажите, что за волшебная ария?

Пока Мира читает, слышен риторнель, который не перестает, когда она выговаривает громко с восклицанием.

Мира. Неис!.. Нет, я не могу петь. *(Отдает арию с робостью мужу своему.)*

Нелест. Для чего же? Она не так мудрена. Позвольте, я ее пропою. *(Рассматривает во время риторнеля.)*

Ария

Не прельщаясь небесами,
Твой Неис всегда с тобой,
Ночью сладкими мечтами
Упою твой покой.
В ветерке с тобой играя
В полдня жаркие часы,
Мягкие твои власы
С плеч на грудь твою взвеваю
И дышать перестаю!
Но прекрасну грудь сию
Лишь закрою и раскаюсь.
То взовьюсь, то опускаюсь,
Напоследок возвращаюсь
Вскрыть, вздохнуть и умереть.

Мира. Она очень хороша.

Нелест. Самая воздушная. Это надобно быть какому-нибудь влюбленному сильфу, который, превратясь в ветерок, играл со своей красавицей, если бы сильфы были стихотворцы или, лучше сказать, если бы сильфы на свете были.

Мира. Это еще не решено, может быть, они и есть.

Нелест. Может быть. Я не смею спорить.

Мира. Пожалуйста завтра, господин Торини, сегодня уже некогда брать урок.

Торини. Да, сударин, савтра, утра.

Нелест. И подлинно, лучше до завтра отложить. А сегодня я поеду с ним на охоту и покажу ему прекрасные здешние места... Простите, сударыня! Завтре и арфа, и учитель, и слушатель вас ожидают. *(Нелест и Торини уходят.)*

ЯВЛЕНИЕ 9-е

Мира и Нина.

Мира (*шутя*). Посмотри, Нина, как он стал вежлив, как учтив, услужлив. Я, право, боюсь, чтоб Неис не приревновал меня к нему, он становится опасен.

Нина (*в том же смысле*). Такой любезный!

Мира. Скажи лучше, такая любезная статуя, которую одушевляет небесный дух. Ах! Как бы я сама желала, чтоб между Нелеста и Неиса не было никакой разницы. Я бы в выборе моем не остановилась. Но какое сравнение — земной обитатель и небесный дух, который всегда с тобой, хоть ты его и не видишь. Не им ли мы наслаждаемся в чистом воздухе, не им ли любуемся в цветочках, не его ли слышим в журчании ручейка? Ну можно ли сравнять небесных сильфов с земными любовниками, а наипаче с мужьями, которые и в нежности своей имеют что-то грубое, надменное и отвратительное.

Нина. Авось-либо ваш исправится.

Мира (*сумнительно*). Не надеюсь!

Нина (*в сторону*). Полно, не мы ли исправимся. (*К Мире.*) Итак, вы наденете розовое платье?

Мира. Да, то, которое ты ко мне приносила, принеси его опять. Я хочу посмотреть, так ли ты его обшила кружевами, как я велела. (*Нина уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ 10-е

Мира (*одна*). Я уверена, что он меня не обманет, но не верно еще, чтоб он вечеру показался, им это всегда так дорого стоит. (*В задумчивости несколько времени; между тем слышен ригурнель.*)

Ария

Сердце бьется, я страдаю,
Рвусь, надеюсь, желаю
И боюсь, чтоб не пришел
Час, который ожидаю.
О любовь! я ощущаю
Всю твоих жестокость стрел!

ЯВЛЕНИЕ 11-е

Мира и Нина с узлом платья, который она кладет на софу.

Мира. Вот теперь-то хотелось бы мне иметь то платье, которое, помнишь, Нина, так мне нравилось?

Нина (*развертывая понемногу узел*). Да где, сударыня, его взять в один час? Ах! что это? Наше платье стало другого цвету! Господи, какое чудо!

Мира. Боже мой! Это точно такое платье, какое я желала иметь!

Нина (*притворно*). Подлинно такое! Ну точь-в-точь такое! Кто это сделал?..

Мира (*с восторгом*). Любовь! Вот, Нина, ты не верила, что ж ты теперь скажешь? Не думаешь ли, что нежный мой супруг догадался меня потешить? (*В сторону.*) Как я счастлива! Ты знаешь мои мысли, Неис! Подумай, Нина, как не любить его?

Нина (*с удивлением*). Как, сударыня, не любить! Посмотрите, какое платье!

Мира (*любуюсь платьем*). Разложи его на софу.

Нина (*раскладывая платье, взглянула на беседку, украшенную венками с именами Миры и Неиса*). А это что такое? Этого не было!

Мира (*с удивлением*). Мое имя вместе с Неисовым!

Нина. Ну! Подлинно, уж он старается вам угождать.

Мира. Сколь, однако ж, ни приятно мне его угождение, но не оставлю ему попенять. Подумай, Нина, когда Нелест это увидит, что я ему скажу? Я буду принуждена или обманывать его, или признаться ему в моей страсти.

Нина. И! Сударыня! Я бы обмапула.

Мира. Но я не обману.

Нина. Ну, так бы он все узнал.

Мира. Пускай бы узнал, что душа моя во власти у того, кто считает за счастье ею обладать. Добродетель ограждает обязанности мои к мужу, с этой стороны он может быть покоен, но сердце должности не знает. Пускай бы он все узнал.

Нина. И то, что вы в сильфа влюблены?

Мира. И в этом я ему готова признаться. Я не могу быть спокойна, скрывая чувствования мои, и желала бы, чтоб все знали и тайну сердца моего и счастье мое.

Нина. Я бы все утаила. Ну что! Барин бы спросил: что это за платье? Я бы сказала: мы взяли на манер.

Мира. У кого ж взять здесь в деревне?

Нина. И впрямь! Ведь я забыла, что мы не в городе.

Мира. Поверь мне, Нина, все хитрости опасны, а лучше без них. *(Про себя.)* Я без ужаса не могу вообразить. Какая неосторожность! Написать мое имя вместе с своим.

Нина. И! Сударыня! Почему еще знать, ведь любовники хитры. Бариново имя похоже на имя Неиса; и так он подумал: в случае нужды можно будет вам сказать, что вы приказали сплести имена Нелеста и Миры.

Мира. Не хотела бы я, чтоб Неис обо мне думал, что я в состоянии употребить ложь и обман к моему оправданию.

ЯВЛЕНИЕ 12-е

Прежние, Нелест и Андрей.

Нелест. Я пришел вам сказать, сударыня... *(Нина и Мира в беспокойствии.)* Какое прелестное платье! Какой вкус! Говорят, будто желание наряжаться есть почти желание нравиться. Как бы я счастлив был, если бы мог принять на свой счет это намерение.

Мира *(в смятении)*. Я... это платье...

Нина *(с притворною робостью)*. Да, сударь! Мы хотели вам...

Нелест *(взглянув на вензелевое имя на дереве)*. А это что такое! Мое имя вместе с вашим украшают любимую беседку вашу? О! Если любовь участвовала в сем восхитительном для меня изображении, то скажите, могу ль я почесть его началом моего благополучия и знаком... *(Целует у ней руку.)*

Мира. Ах! Нелест!..

Нина. Мы хотели нарочно...

Мира *(в крайнем смятении)*. Это не я сделала... Я думала, вы уехали.

Нелест *(с притворным удивлением)*. Может быть, я помешал вам совершить ваше намерение?

Мира. Я никакого не имела.

Нелест. Ваша скромность увеличивает мое восхищение! *У благодарность моя...*

Мира *(к Нине, уходя)*. Нет! Ошибка его меня терзает! Я все ему перескажу. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ 13-е

Нелест, Нина и Андрей

Нина (*шутя, к уходящей Мире*). Прости! Как не бывала!

Нелест. Как мне приятно сие смущение!

Нина. Однако, сударь! такие опыты слишком уж становятся сильны. Она уж находит вас гораздо любезнее, так будьте ж теперь и вы поснисходительнее.

Нелест. Право, Нина?! О! как бы я был счастлив, если бы и последний опыт столько же был удачен. Андрей, все ли готово?

Андрей. Куда! Еще ваш француз и Бог весть что еще затекает.

Нелест. Нина, прикажи певчим, чтоб ему помогали, а барыне скажи, что я уехал. (*Уходит.*)

Нина. Хорошо, сударь.

ЯВЛЕНИЕ 14-е

Нина и Андрей

Нина (*показывая Андрею на ноты*). Вот, Андрей, барин приказал нам эту песню выучить и петь, когда он прикажет.

Андрей. Вот те еще! Да я ни речей, ни напева не знаю!

Нина. Я уж тебе выучу и то, и другое. Только ты помни, как я стану петь: с Андреем вам служить, то ты в то же время пой: с Ниной вам служить, понимаешь ли?

Андрей. Ведаю, ведаю. Ты, слышь, про меня, а я про тебя стану. (*Продолжает прибираться сад.*)

Нина. Кажется, домашняя наша комедия приходит к развязке; и барин наш любовью, а мы покоем одной шутке будем обязаны. (*Поет, закрывая платье.*)

Ария

Шуткой, шуткой, господа,
Ваши маленькие вздоры,
Прихоти, упрямства, ссоры
Исцеляйте завсегда.
Ваша власть и грозны взоры,
Грубые слова, укоры

Вам и нам равно беда!
Мы отважны иногда.

А н д р е й

(вслушался в последнее слово и продолжает тем же напевом)

То и впрямь, что иногда
Ваши прихоти и вздоры,
Цветники, горшки, уборы,
Так уж подлинно беда!

Н и н а

(вторит Андрею, не замечая его)

Ваша власть и грозны взоры,
Грубые слова, укоры
Вам и нам равно беда!

По некотором лукавом молчании Нина уходит и уносит платье.

А н д р е й

Так уж подлинно беда.

Андрей выносит плошки и расставляет их. Несколько мальчиков певчих ему помогают.

ЯВЛЕНИЕ 15-е

М и р а и А н д р е й

Дуэт

М и р а

(не видя Андрея)

Скорей, скорей садися
Ты, солнце, за лесок.

А н д р е й
(*продолжает свою работу, не видя Миры*)

Хоть часик протянися
Ты, батюшка, денек.

М и р а

Скончай мою заботу,
Дай мне Неиса зреть!

А н д р е й

Чтобы мою работу
Окончить мне успеть.

М и р а

Несносное бремя
Ждать кого.
И время
Тогда не летит.

А н д р е й

Летит летом время,
Как дела беремья
На шее висит.

М и р а (*увидя Андрея*). Долго ли ты еще здесь пробудешь,
Андрей?

А н д р е й. Да мало ли у меня работы, сударыня?

М и р а (*в сторону*). О! Если бы он скорее ушел. (*К Андрею.*)
Слушай же, Андрей, делай поскорей. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ 16-е

А н д р е й
(*один*)

Ария

Только то и знают:
Слушай же, Андрей,

Делай поскорей,
 А то не смекают,
 Что от их затей,
 Цветников, аллея
 Стал без рук Андрей.
 Хоть ты околея,
 Не услышишь слова
 От бояр другого:
 Что, умер Андрей?
 Туда и дорога,
 Скотов таких много.

ЯВЛЕНИЕ 17-е

Мира в платье, которое она желала иметь, Нина и Андрей.

Мира (*к Андрею*). Что ж? Ты еще здесь?

Андрей. Ну! Совсем, совсем, сударыня.

Нина. Я его, сударыня, с собой уведу.

Мира (*в страхе и смятении*). Ах! Нет! Пстой!.. Пстой, Нина,
не уходи... я боюсь... нет... не оставляй меня.

Нина. Да как же? Ведь его надобно вывести. (*Указывая на Андрея.*)

Мира. Нет!.. Мне кажется, уж поздно... Он не будет.

Нина. Неужели он обманет вас? А при нем он, может быть, и не покажется.

Мира. Это правда, Нина. Так поди ж.

Нина. Пойдем, Андрей.

Андрей. Куда?

Нина шепчет ему на ухо.

Андрей. А! Ведаю, ведаю. (*Уходят.*)

ЯВЛЕНИЕ 18-е

Мира одна, оглядываясь с нетерпеливостью и страхом то в ту сторону, то в другую. Наконец с беспокойным духом садится в беседку во время ритурнеля.

Ария

Уж вечер наступил
 И травку окропил

Прохладною росою.
Драгой Неис со мною
Давно, давно бы был,
Когда б меня любил!
Он ждать себя бы не заставил,
Но он меня забыл!
Неис меня оставил!
Приди! Любезный мой,
Приди, утеху ты мою, и счастье, и покой
Единый составляешь.

Нелест

(за кулисами, подражая сильфу)

Напрасно упрекаешь,
Твой Неис всегда с тобой.

Мира

(ободряясь, с робостью)

Души моей движенье
Не лестно ли тебе?
Толь нежное сомненье
Простительно любя,
Но для чего мученье
Мое ты не прервал?

Нелест

Владыка воздуха позволил,
Чтоб, Мира, я тебе предстал.
Но он такой мне образ дал,
Какой он сам избрать изволил.
Сей образ мой тебе не мил,
Я знаю и его просил,
Чтоб он его переменял.
Но он мне в нем остаться
С угрозой повелел.
И я не смею показаться.

М и р а

Напрасно ты, Неис, несмел
И дурно Миры сердце знаешь.
Ты все любовью украшаешь,
Во всяком виде ты прельщаешь
И, духом будучи, ты мил
Ей был.

Н е л е с т

Но если образ ты увидишь
Того, кого ты ненавидишь.

М и р а

(откровенно)

Не ненавижу я на свете никого.

Н е л е с т

Которым ты скучаешь.

М и р а

Ты сердце мне пронзаешь,
Скажи...

Н е л е с т

Несчастнее того...

М и р а

Не мужа ль моего?

Н е л е с т

Его!

М и р а

(по некотором беспокойном молчании)

К чему, жестокий сильф,
Меня ты осуждаешь?
Под видом мужа я тебя, Неис, любя,
Должна обманывать и мужа и тебя.
Обманывать себя... несносное мученье!
К обману я, Неис, никак не рождена.

Нелест

Но маленький обман какое преступленье?

М и р а

Ужасен первый шаг и первая вина!

Нелест

Так должен я расстаться, жестокая, с тобой!
И воздух наполнять стенаньем и тоской!

М и р а

(прервав, в сторону)

Он будет мучиться,
Могу ль я не терзаться,
Став мук его виной.

(По некотором размышлении.)

Постой!.. Возможно ли такой
Любви сопротивляться!

(Решительно.)

Ты можешь показаться.

При последнем слове слышен за кулисами на духовых инструментах ритурнель хора, выражающий снисхождение небесных духов. Задняя часть беседки открывается, и сквозь туман виден длинный освещенный путь, по которому ведут четыре сильфа Нелеста, опутанного цепями из

цветов. Платье на нем белое, во вкусе гиния, волосы распущены и перевязаны лентами. От каждого дерева отпадает по несколько ветвей, между которыми видны сильфы, поющие хор.

Хор

Часто смертным налагает
Узы блеск пустой мечты,
Власть телесной красоты.
Лучшей славою блистает
Нежной Миры торжество —
Красота души прельщает
И само божество.

По окончании хора слышно тихое повторение последнего напева, выражающее удаление небесных духов. Нелест подходит к беседке, туман очищает ему во оную путь. А как скоро он в нее вступил, сильфы исчезли, музыка перестала, иллюминация погасла, и волшебство кончилось. Удивленная Мира, испуганная сходством своего мужа, упадает в беспамятстве.

Мира. Ах!

Нелест (*поддерживая Миру*). Успокойся, прекрасная Мира! и в сильфе, тобою любимом, познай супруга, который тебя обожает.

Мира. Нелест!.. Боже мой!

Нелест. Я, мой друг милый! Вот Нина, которая тебе перескажет, что все это волшебное действие была одна только шутка.

Нина. Виновата, сударыня, и я была в заговоре.

ЯВЛЕНИЕ 19-е

Весь сад и беседка убраны фонарями. Вензелевое имя Нелеста и Миры освещено Сквозь беседку виден освещенный путь, в конце которого изображена любовь, венчаемая Гименом. Множество людей зажигают иллюминацию и по окончании пьесы составляют балет.

Мира (*в недоумении*). Но небесные духи, которых я видела? Платье? Стихи? И тот голос, который я слышала?

Нелест. Все чудеса сии делала любовь. Платье я велел шить, узнав твоё желание. Стихи я написал...

Нина (*перебив*). А небесные духи были наши певчие.

Мира. Но голос ..

Нелест. Голос, который ты слышала, было простое эхо. Все украшения делал господин Торини.

Мира (*со стыдливостью*). Так это всем известно?

Нелест. Нет, мой друг. Мы только трое были против тебя в заговоре, для того, чтоб невинною сею хитростию любовь твою к мечте превратить в любовь к тому союзу, который вечное наше счастье устроить должен, и тем доказать тебе, что и на земле есть предмет, достойный твоей любви.

Мира. Ах! Нелест! прости моей легковерности. Предрассудок и молодость развлекали мой разум, но ты видел, чего сердце мое искало. Если ты любил меня в моем к тебе равнодушии, то люби теперь Миру как друга, как жену тобой одним счастливую.

Нелест (*целуя у Миры руку*). Позабудем, мой друг, те часы, которые взаимное наше недоразумение у любви похищало.

Нина. А я пойду теперь обрадовать наших и сказать им, что мы сильфа поймали.

ЯВЛЕНИЕ 20-е

Нелест и Мира, бросаясь в объятия мужа своего.

Дуэт

Мира

Не мечта ль еще прельщает
Восхищенный разум мой!

Нелест

Не мечта ли восхищает
Упоенный разум мой!

Мира

Нет, я истиной прельщаюсь,
Я тобою восхищаюсь
О! супруг любезный мой!

Нелест и Мира
(вместе)

Скуки все с мечтой сокрылись,
А с тобой мне возвратились
И утеха, и покой.

Мира

Можно ли, Нелест, с тобою
Мне счастливою не быть!

Нелест

Как все грусти не забыть
С милою такой женою!

Мира

Я стыжусь и вспомнать...

Нелест

Полно, друг мой, все забудь.

Нелест и Мира

И любовь и счастье с нами
Станет краткой жизни путь
Устилать цветами.

ЯВЛЕНИЕ 21-е

Прежние, Нина (с пучком цветов), Андрей (тоже).

Андрей
(подносит цветы барину)

Не во гнев твоему здоровью.

Нина его толкнула и показывает, чтоб барыне подал.

Нет, бишь, милости твоей;
Как, бишь, Нина...

(старается вспомнить)

Их любовью...

Н и н а
(одна)

Их любовью став счастливы,
Будем весело мы жить.

А н д р е й
(учась, повторяет последние слова)

...счастливы.

Н и н а

Будем верно вам служить
И, любовью став счастливы,
Будем весело мы жить
И, пока с Андреем живы,
Будем верно вам служить.

А н д р е й

Живы... служить.

М и р а и Н е л е с т

Будете и вы счастливы,
Ежели вы нас любить
Станете.

Н е л е с т

Если городские нравы,
Пышность, шумные забавы
Нас престанут веселить,
Мы в деревне будем жить,
Сельска жизнь уединенна
Веселее городской.

М и р а

Не нужна нам вся вселенна,
Если будешь ты со мной.

В с е

С городом легко расстаться
И в деревне жить любя
Для других там веселятся
И скучают для себя.

ЯВЛЕНИЕ 22-е

Т о р и н и с арфою и прежние.

Т о р и н и

Скоро музыка играла,
Тотчас догадал я сам.
Монсу друк короши стала,
Помирил себе мадам.
И пришел любви к вам
Зделать я компаньеман.

Н и н а

(к господам)

Ваш покой всего нам боле,
Мы и в низкой нашей доле
Счастливы навсегда.

А н д р е й

(с сердцем)

Да, добры, как господа.

Н и н а

Мы счастливы господами,
Наше счастье — их покой.

А н д р е й

Погляди-ка, с их цветами
Гряды заросли травой!

Т о р и н и

Эки ты какой глупой.

А н д р е й

Гряды заросли травой.

М и р а и Н е л е с т

Нет, теперь уж за грядками
Только будешь ты смотреть.

А н д р е й

Рад за них хоть умереть!

М и р а , Н е л е с т , Н и н а

Он за них рад умереть!

М и р а и Н е л е с т

Ну, Андрей, теперь ты с нами
Также песенку пропой.

А н д р е й

Он на старый, знаишь, лад.

М и р а , Н и н а и Н е л е с т

Да каков ни есть, да пой.

А н д р е й

Он такой простой, худой.

Мира, Нина, Нелест, Горини

Да пой! да пой!
Да пой же, говорят.

А н д р е й

Когда с вами зауряд
Наша просто речь годится,
Во крестьянстве говорится,
Что ненадобен и клад,
Как с женой у мужа лад.

Н е л е с т

Эта речь везде годится.

М и р а

Справедливо говорится.

Н е л е с т и М и р а

Что ненадобен и клад,
Как с женой у мужа лад.

В с е в м е с т е

Справедливо говорится,
Что ненадобен и клад,
Как с женой у мужа лад!

ЯМЩИКИ НА ПОДСТАВЕ

Игрище невзначай

ПРИНОШЕНИЕ ЕГО ВЫСОКОБЛАГОРОДИЮ С. М. М<ИТРОФАНОВУ>,
МИЛОСТИВОМУ ГОСУДАРЮ МОЕМУ

О ты! которого негладкий тучный вид
Лекеня набекрень нам вживе представляет,
В котором каждый член и мышца говорит,
Когда искусный перст твой вьюшки завивает,
Прими ямскую ты в покров мою свирель.
Как дразнишь ты других и взором и устами,
Так я вослед тебе залетными стихами
Героев крестецких, известных ямщиками,
Дразнить осмелился угарую артель.

Но на голос стихов наладить я не знаю
И для того к тебе, муж звучный, прибегаю:
Плененный звонкою я шайкою твоей,
Согласной пением, а видом на разладе,
Являющей орган с похмелья в маскараде, —
Вели ты голосом чудесной шайке сей
Дать силу, жизнь и блеск комедии моей.
Да будет не стихам, тебе и честь и слава.
Прибавь ты к пению их новы чудеса
Хрипучим голосом дрожащего баса,
Всю площадь удиви, подвигни небеса
И свету докажи, что есть твоя октава.

Я от тебя не потаю,
По нотам мерного я не причастен вою,
Доволен песенкой простою,
Ямскую, хваткой, удаюю:
Я сам по русскому покрою
Между приятелей порою
С заливцем иногда пою.

Действующие лица

Фадеевна, жена Тимофеева
 Тимофей Бураков.
 Абрам, отец его, старик седой.
 Янька, ямщик молодой
 Офицер на подставе.
 Курьер.
 Четыре ящика с словами и поющих
 Вахруш, деревенский олух
 Бобыль, ямщик же.
 Два рассыльщика.
 Два драгуна
 Хор певчих ямщиков.

Все ямщики одеты в мундиры, гербы на груди, кроме Абрама, который в обыкновенном платье и без герба в шапке степенной, прочие в шляпах.

Наставление капельмейстеру

...Нет, барин, ты начни-ка помаленьку, как ямщик будто издали едет, не поет, а тананычет, а после, чтобы дремота не взяла, пошибче, да и по-молодецки, так дело-то и с концом, ребята подхватят... Пустого тут калякать нечего!

Ямщики на подставе подле большой дороги в долине на конской сбруе близ шалаша у ручейка и под горой отдыхают, хомуты, вожжи и прочая сбруя по кустам развешаны. В середине театра большой куст, за которым хористов прятать.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1-е

Слышен издали колокольчик и песня «Как у батюшки в зеленом саду .» Ямщики вслушиваются, берутся за свою сбрую, хотят идти. А ямщикам как без песен?

Песня хором

Не у батюшки в зеленом саду
 Хорошо больно соловей поет,
 Молодой ямщик поутру рано
 Во чистом поле на заре бежит.
 Ох! вы братцы, вы товарищи,
 Вам пора вставать, коней впрягать,

И в гоньбе ямщик отдохнуть может,
На рысях ямщик доброй выпится.

В продолжение песни трое вышедших ямщиков возвращаются

Тимофей. Что такое, ребята?

1-й ямщик }
Абрам } (вместе). Кто таков там?
Кого Бог дал, ребята?

Вошедшие

2-й ямщик. Последнюю пару на подставу.

3-й ямщик }
4-й ямщик } (вместе). Трошка на паре.
Тришка Заноза офицера привез.

Абрам (сбирая сыну сбрую). Ребята, командир. Ребята... Аль вы глухи? Слышь, командир... (К сидящим.) Пристяжки-то у вас слажены?

2-й ямщик }
3-й ямщик } (вместе). Готова-ста?
Все готово, Архипьевич.

ЯВЛЕНИЕ 2-е

Офицер, за ним 1-й ямщик и прежние (кланяются офицеру, держа сбрую в руках).

Офицер. Здорово, молодежь, (поглядев вокруг) а лошади-то где у вас, ребята?

Абрам }
Тимофей } (вместе). Все здесь, ваше благородие.
Все здесь в кустарнике.

Офицер. То-то смотрите, чтоб не бегать вам за лошадьми, а мне за вами.

Тимофей (важно). Небось, барин, не введем в слово.

Абрам. Статки ль в деле, ваше благородие...

1-й ямщик }
3-й ямщик (вдруг) } (непрерывно) Да за доброго командира...
1-й ямщик } (другим). но один за Такое дело...
Я? Да я, слышь ты, за его милость сам впрягусь...

Янька (держа хомут). Прикажете, ваше высокородие, хомут примерить.

Офицер. О! да ты, видно, хват?..

Янька. Я Тришка Заноза, Вахрушкин сын, по прозванию Янька... Абрамач меня довольно знает.

Офицер. Какой Абрамач?

Абрам. Тимоха, что ты там мнешься?.. Мой парень, ваше благородие... Кланяйся.

2-й ямщик. Тимофей Абрамович... Он на первой паре, ваша милость, под царицыну повозку.

Офицер. Детина хоть куда!

Янька. Да йон таков, ваше благородие... Йон у нас везде вперед: и в песни, и в упряжке, и в гоньбе, и на посадке, выпречи, впречи... Так ли, брат Тимоха? а?

Офицер. Так ли, брат? а?

Тимофей. Пусть мир скажет, ваше благородие, про себя пустого что калякать?

Офицер. Ну да вот на деле увидим.

Тимофей	} (вместе).	Такое дело, ваше благородие.
Абрам		Такое дело.

Офицер (вынув бумагу и читая). Двадцать пар... шесть пар под карету, чьи?

Тимофей	} (вместе).	Наши животы.
Янька		Все наши, ваше благородие.

Абрам. И йоны своих без очереди выставили... Лихие кони, барин!

Офицер. Прочие под нумера, смотрите ж, ребята, кухня давно прошла, того и гляди, что нагрянет двор...

Янька. Что, барин, двор!.. нам бы матушке-то услужить.

1-й ямщик	} (непрерывно один за другим).	Милосердой ея...
2-й ямщик		Статочное ли дело... Да мы для вашего благородия и для ее милости...
3-й ямщик		Упаси, Господи... Чего изволишь... Ась?

Янька. Мы здесь, ох, животы наши прелюбезные, послужите вы только... Ступай, ребята.

Янька и ямщики уходят и поют по мере удаления тише.

Хор

Высоко сокол летает,
Повыше того белая лебедушка,
Слетался сокол с белою лебедушкой...

ЯВЛЕНИЕ 3-е

Офицер, Абрам, Тимофей.

Абрам (*в продолжение хора*). Да вашей милости не войтить ли в шалаш? Оно на росе-то, не то-то что... а там огонек.

Офицер. И впрям... Тут недалеко выбежать, а вить услышим.

Абрам. Как не услышать!.. Тимоха (*который собирает хомуты*), а ты, знашь, крикни.

Тимофей. Ладно... хорошо, бачка.

ЯВЛЕНИЕ 4-е

Тимофей (*сидя на сбруе*).*Песня*

Ретиво сердце молодецкое,
Знать, невзгодушку ты слышало,
Знать, растани с молодой женой.

ЯВЛЕНИЕ 5-е

Янька и Тимофей.

Янька. Кой те недуг стался, Тимоха? Что... Коней-то твоих волк, что ли, загонит?

Тимофей (*горестно*). Волк их зарежь...

Янька. И ведома, другие есть дома!

Тимофей. Гори он огнем...

Янька. А мы греться пойдём... А то те попритчилось, а Фадеевна изжарится.

Тимофей. Не балагурь, брат Трифон... Мне вот, слышь ты, ножом себя по горлу приходит, (*ударив рукавицами оземь*) да и все тут.

Янька. Постой, брат Тимоха! Свово на это дело я не дам. Ан, стало быть, тебе не то-то что... А? Да кой те ляд... Да чего тебе... Слава, брат, Богу, Господь-то вас всем поблагодарил... Хлеба ли? Аль живота? Аль сбруи молодецкой? Молодица у тебя, как конь добрый... Плюнь, Тимоха.

Тимофей. Нет, брат Трифон, слышь ты, как ножом, пилит (*указывая большим пальцем на сердце*). Экой беды не бывало... Ты знаешь Пролазу?

Янька. Фильку? Пролазу? Матюшкина парня? Знаю, йон в бегах.

Тимофей. Нет, йон в холопах у исправника.

Янька. Ну, так пусть его, голова, беса, теперь не по-прежнему, не отобьет Фадеевну... Ау, брат, что отдал поп, то не отымет и черт.

Тимофей. Не то йоны ладят... а намесь, слышал, на сходке похваляется...

Янька. Молодец ты горе... Филька Пролаза похваляется... а ты... э, брат, брат!..

Тимофей. Послушай, Трифон Вахрамеич, угомонил бы я и не Пролазу, да широкие бороды с ним заодно.

Янька. Перед этими плутами молодцу да уступить?

Песня

Между нами,
Ямщиками,
Испокон есть благодать,
Не поддаться,
Хоть подраться,
А за друга постоять.

Тимофей

Трифон, перестань болтать.
Зубом камня не угложешь.
Силою не переможешь
Командирского слугу.

Янька

Верь, Абрамач, не солгу,
Я у этого нахала,
Право, перерву дыхала,
Воля царская со мной.

(вместе)

Тимофей

Знать, уж на роду так пало,
Аль жена молилась мало,
Расставаться нам с тобой.

Тимофей

Полно, перестань болтать,
Против всех не устоять.

Янька
(дразня)

Молодецка ль это стать?
Им плутам да потакать.

ЯВЛЕНИЕ 6-е

В продолжение дуэта Фадеевна сходит с горы и, сошед, прячет в куст солдатский плащ и шляпу, испугавшись.
Фадеевна и прежние

Янька. Ба! Фадеевна, издалека ли?

Фадеевна. Ахти мне, пропали мы горемышные.

Тимофей. Не подобру-здорову, видно, ты, жена, прибегла к нам?

Янька. Да что у те там такое?

Фадеевна (кланяясь). Не погуби нас бедных, Вахрамеич, не дай разориться.

Янька. Ах ты моя бажоня! о своем ли ты? Что вам случилось?

Фадеевна. Абрамача ладят в некруты... Филька злодей все это закутил, а мир приговорил схватать его.

Тимофей. Вишь ты, брат... Сердце весть человеку. Да оно, знашь, (к Яньке) вишь ты, брат, ай да Филька! Ай да Пролаза... (горестно шутя) Молчи, жена! а то капральша будешь.

Фадеевна. Что ты задумал на мою голову... Не погуби меня бедную... Вахрамеич, мой батюшка, будь ты нам отец родной... Я принесла ему шляпу и епанчу солдатскую, пускай йон в него наденется, на яму нескоро поворотятся, а йон уже далеко будет.

Янька. Жадобная моя! Ну брат Тимоха... Гора с горою не сойдется, а мы с тобою свидаемся... (ударив по рукам, надевает на него плащ) С Богом!

Тимофей (сброся плащ). Кого? Куда бежать? Пустое, брат... по подоконью я не хаживал, а на разбой идтить не честь молодцу... Ступай, жена, домовь, скажи выборному, что я

здесь. А нам сподобит Бог довести милосердную гостью, так и сами придем; Тимофей Бураков от такого дела не победит... Чему быть, тому не миновать. Ступай же, ступай, говорят.

Фадеевна (*прося, останавливаясь несколько позади театра, потом выходит*). Трифон Вахрамеич.

ЯВЛЕНИЕ 7-е

Тимофей, Янька.

Янька (*с угрозой*). Так ты не слухашь!.. не слухашь? (*в бешенстве*) не родись, человек, на белый свет, (*об землю рукавицы*) аменьонный жид... Гальтепа поганая... не смеяться тебе над молодцом. Расступися, мать сыра земля... Абрам Архипьевич!.. ваше превысокородие... господин командир... Ребята наши... Кого? Тимофея Абрамача? Кто? Филька Пролаза? Нет, наши сюда, ребятушки, кланься (*пришедшему офицеру*).

ЯВЛЕНИЕ 8-е

Офицер, Абрам, ямщики и прежние.

Янька. Кланься, ребята, его благородию, кланься... Не выдайте, братцы молодцы... Кланься, Абрамач, кланься.

Абрам. Что вы, ребята, что такое?

Офицер. Что такое?

Янька. Кланься, слышь ты, кланься.

Офицер. Да что такое?

Янька. Вот какое дело, ваше благородие.

Все ямщики. Такое дело.

Янька. Стой, ребята... нишни, мир покривил душою — слышь ты... Филька Пролаза...

1-й ямщик } Сбежал от некрутчины, ваше
(*непрерывно*). милосердие.

2-й ямщик } Прошлого году после Покрова.

3-й ямщик. А то ты путашь... йон до Покрова сбежал.

4-й ямщик. А то перед Покровом, ну что ты?..

Янька. Молчи, ребята... А тут так в холопы нанялся... Командирский стал холоп. Ведашь... Нет, брат, видали мы почище... Нет, Филюшка, не удастся.

1-й ямщик. Да еракова вора и под светом нет.

3-й ямщик. Злодей, а не человек.

Янька. А тут так и остались, спасибо, выборный.

4-й ямщик	} (<i>непрерывно один за другим</i>).	Еракий, слышь ты, статуй не-
2-й ямщик		честивый...
Янька		Ай да Пролаза, ну парень, ребята. А тут Тимоху в жребий и втю-

рили... Ему, дескать, вы-
шел... О! плуты-бороды, за
вас гинут молодецкие головы.

Абрам. Как, Вахрамеич, моего Тимоху?

Янька. Кланься, Архипьевич, кланься.

Офицер. Да об чем тут дело?

1-й ямщик	} (<i>вместе</i>).	Помилуйте, ваше благородие...
2-й ямщик		Не дайте разориться...
3-й ямщик		Разоримся от напраснины...

Офицер. Да что такое?

Абрам. Не статочное дело, ваше благородие, моего парня,
слышь, в некрутский жребий положили, нет, ребята, это не
следует.

1-й ямщик. Не следует, Архипьевич, не следует...

2-й ямщик. Не следует, ваше высокородие...

Янька. Стой, ребята... не следует.

Офицер (*к Абраму*). Постойте, не шумите... У них толку не
добьешься. Поди ты со мной да расскажи мне, что такое?

Ямщики (*вместе*). Такое дело, ваше благородие... поди, Ар-
хипьевич, ступай...

ЯВЛЕНИЕ 9-е

Янька, Тимофей и прочие.

Янька. Небось, Тимоха, не выдадим молодца.

Тимофей. А мне чего бояться?.. Видали, брат, мы...

1-й ямщик	} (<i>вместе</i>).	Постоим за молодца.
2-й ямщик		За Тимофея Абрамача.
3-й ямщик		Статки ль в деле.

Слышен коровий клепаный колоколок.

4-й ямщик. Стой, ребята, кой это ляд?..

1-й ямщик. А то те. Коров гонят, аль ты глух?

4-й ямщик. Не, братцы, да что-то больно скоро.

Янька. Да вишь ты, пастух-то на радости на кульерских погнал...

Тимофей. Выбегайте-тко, ребята. *(Двое ямщиков выходят.)*
Иль впрямь кульер.

Янька. Кульер, знашь... Смотри-тко, Пронька, не твою ли он Бурену оседлал?..

Возвратившиеся два ямщика смеются.

1-й ямщик	} <i>(непрерывно).</i>	Ребята, кульер... Кульер... Гонит, слышь ты, и в хвост и в голову.
2-й ямщик		

ЯВЛЕНИЕ 10-е

Абрам и прежние.

Абрам. Что такое, ребята?.. что такое?

Ямщики. Кульер, Архипович, кульер.

ЯВЛЕНИЕ 11-е

Прежние и курьер в сюртуке, подвязан ремнем, в кортике, в руке плеть, в другой бутылка, и пьян, за ним пьяный угольник Вахруш, онучи растрепаны, в обертной шапке шишом, в руке сумка, в другой тащит по полу курьерский плащ. Ямщики сторонятся, кроме Тимофея.

Курьер *(бросаясь бить всякого, ямщики толкают его один к другому)*. Лошадей... Лошадей... Злодеи, перебью до смерти, живо человека.

1-й ямщик *(оттолкнув его к другому)*. Поди ты, господин, не я набольшой.

Курьер. Поворачивайся, мужик.

2-й ямщик *(оттолкнув его к Тимофею)*. Поворачивайся, господин кульер.

Курьер *(к Тимофею, стоявшему задумавшись)*. Лошадей, говорят... живо человека... зарезу.

Тимофей *(горестно)*. Бачка, вели ему отойтить, ушибу, право...

Курьер. Ты меня бить?.. Меня?.. Ты знаешь, а-а-а, с самонужнейшими. *(Замахнулся плетью, которую Янька, ухватя зади, перевесил пьяного навзничь.)*

Янька. Постой, барин, ныне, вить, не дерутся...

Курьер *(лежа выхватывает свой кортик без успеха)*. Зарежу, перережу...

Абрам *(подымая)*. Не кручинься, барин, ну что бьешь, поди у нас командиры есть...

Курьер. Командиры... Воры... Подай его сюда... Зарежу... Да я по милости Царя небесного душу вымучу...

Янька *(подлядась к пьяному, иронически)*. Пойдемте, ваше благородие кожаный темляк, у нас для вашей милости кони готовы.

Курьер. Готовы?.. Готовы?.. О воры... Я вас, *(к Яньке)* вот молодец, вот детина, ай да брат... *(Целует и обнимает Яньку.)*

Янька. То-то, барин!.. Вот барин-то они воры, ваше благородие... О воры! *(Выводит курьера, Вахруш тащит плащ через театр.)*

1-й ямщик. Ты куда, Ахреан?

2-й ямщик. Куда ты плывешь, сова, Трошка, Трошка... сюда Иван попался.

1-й ямщик. Посмотри, почтарь какой люзный.

Янька *(воротясь)*. Ба! это Иван, ребята... Здорово... кой черт это за чучела?.. откуда йон его добыл?..

Вахруш *(весело)*. С Холыньи, кормилец.

3-й ямщик. Здорово, брат тезка.

Вахруш *(в ноги)*. Отпуститце, ребятушки, йон меня прикарнат.

Янька. Небось, не дадим молодца в обиду. *(Согласясь, начинают над ним смеяться.)* Ахти, батюшки, да йон вор?..

Трое *(один за другим)*. Вор, мой батюшка, вор.

Вахруш. Не вотце, ну, нет... братцы, пуститце, помилуйтце.

1-й ямщик *(смотря ему в глаза)*. Йон беглой, робята.

Двое ямщиков *(вдруг)*. Слышь, беглой, ребята.

Вахруш. Заумерен, вот ну, заумерен, заумерен.

Янька. Поведем его, ребята, к командиру, ступай.

Другие. Ступай, ступай.

Вахруш *(лег на пол, и бараблясь руками и ногами)*. Заумерен, мои светы... заумерен, ай, а-а, заумерен.

ЯВЛЕНИЕ 12-е

Офицер, курьер, Абрам и прежние.

Офицер (*курьеру*). Поди сюда... Кто тебя привез?

Янька. Да вот, сударь, почтарь... Лег жохом да и не встает...

Курьер. Жохом... Жохом, ха, ха, ха (*смеясь*).

Офицер. Встань, встань, что ты валяешься, вот я тебя...

Тимофей (*подымая*). Встань, олух.

Вахруш (*вставая, тихо говорит*). Замерен, кормилец, замерен.

Тимофей (*в сторону*). Видно, что господин-то кульер ладно его замерил.

Офицер (*курьеру*). А вот за то, что ты и пьян, и дерешься, я твои депеши отправлю с другими, а тебя отошлю к команде.

Курьер. К команде, нет, не удастся... С самонужнейшими...

Офицер. Да где ты служишь?..

Курьер. Вашему бла... го... городию... чего изволите?

Офицер. У этого толку не добьешься... Поди-ко ты сюда, (*к Вахруше*) где ты его взял?

Вахруш (*когда его позовут, в ноги с твердостью*). Не, йон меня взял.

Офицер. Ну где ж он тебя взял?

Вахруш. А где взял?

Офицер. Да, где взял?

Вахруш. Где взял... Эва тута-тка, на пустоши.

Офицер. Да кто ты такой?..

Вахруш. А кто ты такой? Вахруш Холынской.

Офицер (*в нетерпеливости*). Да, ямщик, что ли, ты... дурак?

Вахруш. А? дурак? не, кормилец, я мужик.

Офицер. Я вижу, что ты не барин, да какой ты мужик?

Вахруш. А! какой мужик?.. костяной да жилиной.

Ямщики смеются.

Офицер (*к курьеру*). У этого больше не узнаешь, поди-ка ты сюда, сокол.

Курьер. В том могу ска... Сказать...

Офицер. Подай-ка ты мне свою подорожную.

Курьер (*схватил за сумку, но увидел, что ее нет*). Эва, брат, фигура, а-а-а...

Офицер. Дешеш-то где?

Курьер (*свистя*). Фи, фи, эк подъял он меня.

Офицер. Поди ж ты прочь, шалун... Да откуда они приехали?
Мужик, где ты живешь?

Вахруш. А цово!.. возле Сидора. (*Офицер смеется и другие.*)

Тимофей. Возле какого Сидора?

Вахруш. Я, эва, что поленница-то под окнами...

Янька. Вахруш, да барин-то у тебя спрашивает, ты барский,
что ли? или...

Вахруш. Барский? Не, кормилец.

Офицер. Чей же ты?

Вахруш. А чей же ты? Федулов...

Янька. А Федул-то чей?

Вахруш. Чей Федул, не ведаю.

Янька. Да что ты, барский человек или ямщик, Вахруш?

Вахруш. А? ямщик? не... не... якомоньский... якомоньский...
Обувательский.

Янька. Это, брат, и по онучам знать.

Офицер. Вот дело!.. Много узнали... и от этого...

Вахруш (*курьеру*). Такое дело, кормилец.

Офицер. Ты, где твоя сумка?

Курьер (*во время своего валянья позабыл суму на земле*). Ваше
бла... бла... с самонужнейшими.

Офицер. Где сумка?

Вахруш (*подымает*). Эва zde... zde йона.

Курьер. Молчи, слышь, молчи... убью... не давай.

Офицер (*вынув из сумки бумаги, читает*). Подержите его и
возьмите сумку... О! да он и впрямь отправлен скоро;
Абрам, позови драгуна.

Курьер. Ваше благо-ро... с самонужнейшими.

Офицер. Хорошо с самонужнейшими, да проспись наперед...
Спроси у него, заплачено ль ему за лошадей.

Абрам. Уж какая плата, сударь... он ехал на порожняке из
города, а тот его поймал да и поехал... Я его знаю, ваше
благодарие, он торгует угольем.

Вахруш (*смело*). Есть то так, ваше милосердие... Йон, вишь,
гунйт... Гунйт... А йаго кони-то и ау, йон кони-то бросил,
знашь, да меня как в макушку-то гунйт... За что?.. А йон
плетищей как цупрыснет, а сам в телегу-то ко мне мах, да
как попудит...

Офицер. О! да он что-то расколыхался.

Абрам. О, он вить балагур, ваше благородие.

Янька. Попеть, поплясать — это его дело.

Офицер. Ой ли? Ну-ка, Вахруша, покажи нам свою удаль, так мы тебе прогоны заплатим.

Трио

Вахруш
(не с другого слова)

Кабы я была пщяшка,
Кабы я была перепелка,
Я бы по полю летала,
Пшеницу зобала.

Янька

Вахруш и теперя
Бойка птаха тетеря.

Курьер

Аль тебе еще, знать, мало,
Да за мною, брат, не стало.

Янька
(к Вахруше)

Не в том дело стало,
В старину так бывало:
А у нас, брат, теперя
И иной курьер тетеря.

Офицер. Полно, полно, подерутся, (к драгуну) отвези его в город, не давай ему ни сумки, ни подорожной, а отдай их кому-нибудь там из начальников. Пусть они, как знают, или отправят, или вместо его другого.

Курьер (в ноги). С самонужнейшими... Помилосердуйте (кланяется).

Офицер. Поди... поди (курьера выводят), вот тебе за лошадей, Вахруша, а это за песню.

Вахруш в шапке, схватя деньги, побежал было.

Янька. Что ты, олух, не кланяешься, экой статуей.

Вахруш в ноги, потом что есть силы бежать.

ЯВЛЕНИЕ 13-е

Фадеевна, офицер, Абрам и прочие.

Фадеевна (*прибежав*). Приехали, приехали, отец наш, схватать приехали...

Ямщики. Стой, наши ребята.

Офицер. Это что за женщина?

Абрам. Моя молодуха, ваше благородие... (*к Фадеевне*.) Неужто в забыть, Фадеевна?

Фадеевна. Кормилец Абрамович, вот йоны... вот йоны... и рассыльщики.

Офицер. Небось, красавица, небось.

ЯВЛЕНИЕ 14-е

Бобыль, двое рассыльщиков с дубинами. Фадеевна во все продолжение явления стоит взади театра. И прежние.

Бобыль. Вот йон, вот йон, ребята...

Янька (*ухватя его за ворот*). Нет, вот йон, йон, ребята наши.

Рассыльщики замахнулись на Яньку.

Офицер. Постойте, постойте, что вы?.. Что ты за человек?

Бобыль. Ямщик.

Янька. Ты ямщик?.. Ах ты обмен заклятый!..

1-й ямщик. Ты ямщик?.. Ты холуй нечестивый, Алеша.

2-й ямщик. Знаю, мы, брат Филюшка...

Офицер (*поговоря с Абрамом*). Тебя Филиппом зовут!

Бобыль. А хоть бы и Филиппом.

Офицер. Не задорься... не задорься...

Янька (*с укорами*). Миром мутить?.. Нет, Филюшка... Видали мы, брат, почище тебя...

Офицер. Зачем ты приехал?

Бобыль. На смену Тимохи... Его мир приговорил схватать в солдаты.

Офицер (*к Абраму*). Так он-то сам за сыном твоим и приехал?

Абрам	}	(непрерывно).	Послушайте на милость, ваше благородие...
Ямщики			Не дайте разориться...
Янька			Да за Тимофея Абрамача мы все рады идти, йон наш коновой молодец...
Ямщики			Никто не откажется.
Янька			Прикажи смерть, ваше высокородие...

Офицер. До этого дело не дойдет...

Абрам. Ваше благородие... йон мне сын, да мне сторона дело, поди, Тимоха, у тебя есть и там знакомые... Прошлым годом отдал я волею двух сынов, ребята были вершков по десяти, так с кнутом-то служить прикро показалось... Йон у меня один остался. Вчера его женил... Нужды нет... Да дорога напраслина. Ну, скажите, ребяташки, аль за ним стала очередь? Аль у нас живота не стало? Али за него тянет мирская шея?

Ямщики. Нет, Архипьевич, напраслина, ваше благородие.

Офицер. Не хлопочи, старичок... Сын твой у тебя будет... когда двое у тебя служат.

1-й ямщик. Такое дело, ваше благородие.

2-й ямщик. Двоих йон вам отдал.

Янька. Ребята такие ражие. *(В сторону.)* Ванюха-то был маховая сажень разве?

Офицер *(к Бобылю)*. Это все хорошо... Поезжай же ты домой.

Бобыль. Как домой-ста, нет, подавай его сюда, нам мир велел.

Рассыльщики. Мир приговорил.

1-й ямщик. А ты от жеребью зачем утек... Эка, брат, вещь-то! ...а?

Бобыль. Пронька, не твое дело.

Офицер. Скажи же ты миру, что я его не отдаю, а я скажу после для чего, *(к Абраму)* может, предводитель того и не знает, что ты двух сыновей прошлый набор отдал... Я ему отпишу. *(К Бобылю.)* А ты за свое плутовство и шалости без наказания не уйдешь теперь.

Бобыль. Как так? да ваша милость что за командир?.. Знаем мы... Бери, ребята.

Офицер. О, так ты озорничать? Свяжите-тко его.

Ямщики распоясали большую его шубу, из-за пазухи повалились платки, шляпа офицерская, часы и прочее.

Янька. Эва... Эва... Мотри... Мотри, ребята.

1-й ямщик. Ребятюшки, исправникова шляпа это...

2-й ямщик. Экой, слышь, парень, он барина свою и обчистил.

Офицер. Вот ты накликал на себя беду-то...

Бобыль. За что, ваше благородие, у нас есть свои командиры, не тронь... не тронь...

Офицер. То-то не озорничать было... Уж ты и потому будешь теперь солдат, что тебе и прошлого году доставалось в жребий, а за то, что ты еще и барина своего обокрал, то и выборный теперя тебя не заступит... Где ты это взял?

Бобыль. Это-ста у меня купленное... Что вам-ста за дело...

Офицер. Это там все узнают... Вот я напишу обо всем предводителю.

Пишет карандашом на спине у Тимофея.

Янька. Что, брат, взял, Филюшка? а?

Бобыль. Молчи, Трифон Вахрамич, отшучу, брат, я тебе эту шутку.

Ямщики. Это, вишь, как йон капитаном-то будет, ха-ха-ха.

Тимофей (*подобрав украденные вещи*). Ваше благородие, помилуйте, заставьте и его за себя Богу молить, пусть мы скажем исправнику, что это мы все нашли... Полно с него и того, что йон за меня послужит, а я послужу миру да вашей милости, командирам... простите его для еракого времени...

Офицер. Ну, моли ты за него Богу... а то бы тебе худо... Возьми же ты, Абрам, все это и отдай исправнику... (*К драгунам.*) А вы возьмите его, да чтобы он опять не ушел, то связанного отвезите к предводителю... Слышишь, связанного...

Рассыльщики (*указывая на Тимофея*). А мы было в телеге кандалы на него привезли, ваша милость.

Ямщики. Кандалы?.. Охти, ребята...

Песня

Янька

Купить ли те, Филюшка,
Некрутскую шапочку?

Тпрунь, тпрунь, кандалы.
Тпрунь, тпрунь, кандалы.

(Хор повторяет то же.)

Тимофей

Филюшке счастливый путь,
Вить лежачего не бьют.
Вы, ребята удалы,
Плюньте, бросьте кандалы.

(Хор повторяет то же.)

Янька

Кто поводится с обманом,
Тот окончит барабаном.
Смотри, смекай, ухарский ямщикок,
Попал и Пролаза, наш бобылек.

(Хор повторяет то же.)

Тимофей

А кто правдою живет,
Так и гром того не бьет.
Смотри, смекай, ухарский и пр.

(Хор повторяет то же.)

После первого припева Бобыля уводят.

ЯВЛЕНИЕ 15-е

Прежние, кроме Бобыля.

Фадеевна

1-й ямщик
Янька

2-й ямщик
Абрам

*(непрерывно
один за другим).*

Помилует тебя, ты наш род-
ной отец...
Отец, не командир...
То-то, барин, то-то коман-
дир...
Ау, ребята.
Дай Бог вашей милости.

Тимофей. Ваше благородие, (*к своим*) а вот оно таково-то, что слеза прошибла.

Офицер. Да, я, брат, и не знал, что ты женат...

Тимофей. Да и Бог весть... Вчера была свадьба, а ночью-то сюда выгнали.

Янька. Теперь, Абрамович, поспразднуем... Смотрите ж, ребята, не выдайте... Поди-тко, Фадеевна, позабавь его милость... Поди ж, говорят.

Тащит Фадеевну, Фадеевна не идет. Между чем ящики складывают хомуты, из коих делают стул для офицера.

Фадеевна. А то-те, да ты сам горазд.

Песня

Янька

Молодка, солдатка полковая,
Ох, полно по миленьком тужити.

Фадеевна

Ох, как мне по милом не тужити,
Такого другого не нажити.

Янька и Фадеевна

Он ростом, дородством, красотою,
Своей молодецкой ухваткой.

Абрам

Эх, кабы да прежняя сила,
Я на радости такой,
Ох, калина, ох, малина.
Сам тряхнул бы стариной,
Да нет, старость подкосила.
Нет, невмочь, кормилец мой.

Абрам и Тимофей

(вместе) {
 Вирь, вирь, юшки, вьюшки, вьюшки, вьюн.
 Янька
 Вирь, вьюн, дары вьюн карманы,
 Белы снеги, горностаи.

Фадеевна

Полно, батюшка, родной.

Ямщики

Старичок наш коренной.

Хор

Кто скучает стариной!
 Кому дал Господь такого
 Тимофея удалого...

Абрам (*останавливая певцов рукавицею*). Стой, ребята...
 Стой... Тимоха, подь-ка сюда... Ну-ка, его милости...
 Фадеевна, подтяни-ка хозяину-то...

Песня

Тимофей

(*ладя балалайку на колени, в оркестре мандолина играет*)

В поле береза бушевала,
 Ой ди ди ладо.

Фадеевна

Ой ди ди ладо, не береза,
 В тереме девица тосковала.

Тимофей

О ди ди ладо, не девица,
 В тереме тужила молодница.

Я нь к а

Не сказка то, братцы, а былица.
О ди ди ладо, былица.
В тереме тужила молодица,
Ой ди ди ладо, молодица.

Ф а д е е в н а
(жалко)

Молодка с милым расставалась.

Т и м о ф е й

Молодка слезами обливалась.
Ой ди ди ладо и проч.

Ф а д е е в н а

Черные тучи миновались.

Т и м о ф е й

Добрые люди сыскались.
Ой ди ди ладо и проч.

Ф а д е е в н а и Т и м о ф е й

Красные дни воротили,
Молодку с милым солучили.
Ой ди ди ладо и проч.

Х о р

(Янька, пустьяь вприсядку, свистя и щелкая)

Молодку с милым солучили,
Добрые наши командиры.
Ой ди ди ладо, командиры.

А б р а м . Подлинно, кабы не ваше благородие.

Т и м о ф е й (привстав и скинув шляпу). Дай Бог, барин, дожить
и внучатам твоим до такого светлого дни...

В с е я м щ и к и . Давай Бог нам век ераких командиров.

Офицер. Поди-ка сюда, красавица.

Фадеевна. Что твоей милости?.. Пойдем, Абрамач.

Офицер дает им деньги.

Тимофей. На что нам, ваше благородие?..

Абрам. Мы богаты вашей милостью...

Офицер. Нет, я хочу непременно, чтобы вы взяли...

Абрам. Возьмите... А то!.. Возьмите, дети... Да денежку-то эту берегите в великий день, за здоровье его на свечку.

Слышен топот конский и шум, потом марш за театром, вышедший ямщик кричит: «Едут, едут». Ямщики, собрав сбрую, идут по горам, Фадеевна бросилась бежать, ухватя плащ и шляпу, как скоро услышала «едут».

Хор

Вы раздайтесь, расступитесь, добрые люди,
Что на все ли на четыре на сторонки,
Расстилайся ты мать скатертью дорожка,
Погости у нас, матушка, немножко.
От нас со двора никогда не пора!
Никогда не пора, ура! ура! ура! ура!

Офицер (*в продолжение хора*). Шпагу... шпагу (*драгун приносит*), смотри ж, Абрам, пожалуйста, за молодцами-то, чтобы упряжка-то была исправна, ты-таки постарее их...

Абрам. Ваше благородие! неужели мы вашу милость в слово введем... для еракова случая. (*Выходит за ним.*)

Конец

МИЛЕТ И МИЛЕТА

Пастушья шутка для двух лиц и в одном действии с песнями

Действующие лица (оба сопраны)

Милет, пастух и противу всех правил выходит первый сопрано.

Милета, пастушка, второй сопрано для того, что так уже выучены дуэты.

Действие на поле под навесом шалаша, подле которого с одной стороны лесок и цветы, а с другой — ручей, текущий под горою.

ЯВЛЕНИЕ 1-е

Милет и Милета
(сидя на траве у ручейка)

Оба вместе

Как приятно, друг мой милой,
В здешней области счастливой
Нам с тобою в дружбе жить.

Милет
(указывая на цветы)

И в цветочках расцветает

Милета

И в струях, Милет, сверкает

Оба

Удовольствие для нас.
Как приятно, друг мой милой, и проч.

Милета. Да, Милет, в цветочках! То-то, в цветочках, ты говоришь, удовольствие! Вот скоро и цветочки завянут, замерзнет наш и ручеек, приходит осень... О! грустно мне, Милет!

Милет. Какая ты смешная! ну пусть их вянут! ведь не от них весела-то ты, скажи! ежели бы не я приносил тебе цветочки-то?..

Милета. Так я бы ими овец кормила, да кабы и в ручей не нужно мне было для тебя же посмотреться, поправиться, так бы Бог с ним! хотя бы век он не растаивал.

Милет. Так, глупиенькая!

Милета. Так, глупиенький!

Вместе оба (*указывая друг на друга*). Стало быть, мне весело-то от тебя!..

Милет. А ведь мы друг с другом останемся, хотя и зима придет, да как не быть и веселу!.. чего у нас нет? Шалаш теплый, огонь светлый, и зимою как летом, батюшка тебя любит...

Милета. А матушка моя в тебе души не знает. Милет, Милет! будем ли мы всегда так счастливы, как были?

Милет. Для чего ж не быть! Разве ты дурное что сделала?

Милета. Нет, Милет! я, право... да я и не умею. Вчерась, например, ушибла я руку, ведь это ненарочно. Матушку я ничем не огорчила. С тобою мне ссориться не за что, да и невозможно: да так что-то мне грустно... как-то мне хочется дышать, а вместо того вздыхаю.

Милет. Да ты, видно, много бегала, Милета, так устала? Ты отдохни! ляг вот здесь под кустиком, а я постерегу, чтоб не набрел на тебя кто-нибудь.

Милета. Не бегала я, Милет, а устала. Сядь здесь, я и подлинно отдохну немножко. (*Милет садится, Милета ложится к нему на колени. Тут маленькая картина сельского покоя, в оркестре духовыми по большей части инструментами изображенная.*) Не уйдешь ли ты, как я засну?..

Милет. Нет! разве позовет батюшка.

Милета. Ну, а ежели позовет, так ты уйдешь?

Милет. Как же не уйти...

Милета. Так разбуди ты и меня тогда, я одна боюсь.

Милет. Да чего ж ты боишься?

Милета. Я боюсь, Милет! Боюсь, право... я сама не знаю чего. (*Между тем засыпает.*)

ЯВЛЕНИЕ 2-е

Прежние и пастухи. Тут слышен риторнель хора.

Милет (*машет руками*). Шь... шь... тише! Милета заснула!

Хор пастухов

Спи, прекрасная Милета,
Спи, невинность с красотой.
Ах! недолго поживает!
Слишком рано нарушает
Бог крылатый их покой.
Почивай, почивай!
Спи, прекрасная Милета!
Доброту твою любя,
Пусть хранитель дух тебя
В час покоя осеняет.
Почивай, почивай!

Милет. Спасибо вам, братцы, спасибо за доброжелание!

Пастухи уходят, повторяя последний хор.

Милет (*встает украдкой*). Теперь я пойду, приготовлю ужин, принесу свежего молока, зрелых ягод, нарву цветов, постелю их вместо скатерти и разбужу ее тогда, как все готово будет. Солнышко садится уже за лес. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ 3-е

Милета (*одна во сне*). Милет! Милет! (*Просыпается трепетно, ищет руками Милета и, не найдя его, бежит в шалаш свой, но увидя, что сидит в нем ребенок и сечет огонь, останавливается от страха возле двери неподвижно.*) Ах! (*Между тем слышна только музыка песенки «Вошел в шалаш мой торопливо...», вдалеке на духовых инструментах играемой.*)

ЯВЛЕНИЕ 4-е

Милета и Милет (*сужином*).

Милет. Милета!.. Милета!..

Милета (*испугавшись*). Ах! Милет, где ты! я тебя искала, если бы ты здесь был, я бы не так была несчастлива. (*Плачет.*)

Милет. Да что такое с тобою случилось? О чем ты плачешь? (*Хочет ее взять за руку.*)

Милета. Не тронь меня, Милет! не подходи ко мне...

Милет. Что такое? Да что такое? когда ты от меня что-нибудь таила? Когда ты от меня бегала?

Милета. Ах! С этого времени, мне кажется, я все от тебя таить буду...

Милет. Да скажи мне.

Милета. Я не могу успокоиться, не могу никак... Что это такое было? Что такое? Скажи мне ты, Милет!

Милет. Ничего. Ты заспала, глупенькая, поди к ручейку да умойся.

Милета (*подгорюнясь и плача*). Слезами только моими омы-вать я буду невозвратную потерю.

Милет. Да что ты потеряла?..

Милета. Оставь меня...

Милет. Скажи мне, Милета! скажи, что ты потеряла?

Милета. Мой покой...

Милет. Да как это ты!..

Милета. Я заснула. Какой-то страшный и приятный сон разбудил меня. Я искала твоей помощи, ты ушел. Искала убежища, пошла было в шалаш, прибежала к двери и вижу, вижу, что там сидит крылатый мальчик, за плечами у него лук, в руке стальная стрела и ею он из кремня высекал страшное множество искр.

Ария

Одна тут искра отделилась
И на мою упала грудь;
Мне в сердце, в душу заронились,
Не смела я дохнуть.

Стояла бездыханна, млела;
Я слова не могла найти.
Уйти хотела, не умела,
Не то ль зовут любить?

Люблю кого? Сама не знаю;
Исчез меня прельстивший сон;

Но я с тех пор, с тех пор страдаю,
Как бросил искру он.

Трепещет сердце. Дай мне руку!
Почувствуй пламень сей мечты!
Виновна ль я? Прерви мне муку!
Любезен, мил мне ты.

Милет. Ну что ж, глупињьякая! Пусть так и будет. Искорка заронилаь? Что это за беда! Погаснет, ведь это не в солому...

Милета. Я совершенно несчастлива! Вот мы друг друга и разумењь уже перестали. *(Садится на траву с горести.)*

Милет *(становит ужит и садится против ее)*. Вот тебе ягоды, свежее молоко, станем ужинать, и вот тебе цветы и...

Милета *(глядя ли на него пристально и с чувствительностью)*. Мне ничего, ничего не надобно... *(Вставши, уходит, оглядываясь на Милета.)*

ЯВЛЕНИЕ 5-е

Милет *(один)*. Ушла!.. Вот и ушла... Не сказала зачем. Не знаю, с чего! Пойду за ней, но она меня не позвала, только уходя она на меня так поглядела... что... вот и кусок в горло нейдет. Никогда она на меня так не смотрела. В глазах ее что-то блеснуло... Ну, ежели это слеза? Нет! это не слеза была. Это, конечно, та же искорка, которую ей бросил мальчик. Она, я чаю, к ней заронилаь под ресницу, а тут от нее-то да и ко мне... для того, что и у меня что-то жжет под мышкою... Я пойду, расскажу это бабушке; пойду, скажу ее матери, что Милета больна не больна, а я здоров не здоров.

Ария

Когда со мною шутит Милета,
Все счастье света } *(дважды)*
Тогда со мной. }
Все мне приятно,
Всем я прельщаюсь,
Не променяюсь
Ни с кем судьбой.

Но как Милета
 Взглянет уныло,
 Свет помрачится,
 Дух мой стеснится.
 Все мне не мило,
 Все мне постыло,
 Я сам не свой.

ЯВЛЕНИЕ 6-е

Милета и Милет. Милета, зашед сзади, захватила ему глаза.

Милет. Знаю, знаю, батюшка! уж это ты меня обнял (*щупает руки*). Ну вот это твои и ручки. А я шел к тебе жаловаться на Милету, батюшка. Она ничего не сделала, только с нею что-то сделалось и со мною.

Милета (*притворным голосом*). И с тобою? Ну что такое?.. Сказывай!

Милет. Мы с нею все были дружны, все заодно... Сегодня она от меня ушла и взглянула на меня, уходя, так, что и мне стало скучно, что же это такое значит?

Милета. Это значит, что вы оба влюблены.

Милет (*упадает на колени*). Ой! Что ж нам делать?

Милета. Любить друг друга и назад не обертываться по тех пор, пока до пятидесяти не перечтешь. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ 7-е

Милет (*один, стоя на коленях, считает.*) 48. 49. 50. Батюшка! Батюшка! теперь мне можно уже оглянуться? (*Оглядывается.*) А! Ушел! так что ж нас пужали!.. Говорили: сохрани, Бог, влюбиться! Стало быть, тут ничего нет, (*с радостью*) пойду теперь к Милете, скажу ей, что это пустое, что лекарство мне сказал батюшка... А! да вот беда... что-то я к ней не так уж смело иду, как хаживал прежде. (*Приложу руку к сердцу.*) Это верно искра. Она мне сказывала, что и с нею то же было, как она встретила в шалаше мальчика.

ЯВЛЕНИЕ 8-е

Милет и Милета.

Милет (*увидя Милету, бросился было к ней*). Милета! А Милета, (*в сторону*) что это такое! как будто меня что

связало! Тыфу пропасть! Или это от камзола, (*растегивает камзольчик*) я хотел тебе сказать, Милета...

Милета. Что такое?

Милет (*издали*). Батюшка говорит, это безделица — ведь и со мною то же сделалось, что с тобой. Он говорит, что мы влюблены...

Милета. Как? Влюблены?.. Что ж нам делать?

Милет. Да чего ты пугаешься? Он сказал, чем и лечиться надобно. Я уж все это знаю.

Милета. Чем же? Скажи, Милет, скажи, пожалуйста!

Милет (*подходит и, забываясь, важно говорит*). Тут только и надобно, он говорит, чтоб назад не оглядываться... Да вперед не глядеть — да еще что-то он сказал третье...

Милета. А! так третье-то и позабыл?

Милет. Позабыл, Милета! Да это было что-то такое, которое мы и сами вспомним...

Милета (*в сторону*). Боже мой! какая досада! Он то-то и позабыл, что одно только меня успокоить может...

Милет. Что такое ты говоришь, Милета?

Милета (*с сердцем*). Ничего! Оставь меня, беспамятный пастух! Не буду я с тобою гулять больше вместе, ни пасти стада нашего. Увидишь только ты меня за столом с батюшкой и с матушкой. Прощай.

Милет (*удерживает*). Ах! Постой! Постой, Милета! Ну за что ты меня бросаешь?

Милета (*издали отрывно*). Беспамятен...

Милет. Да постой! послушай, Милета! Я или вспомню, или пойду спрошу у батюшки...

Милета. Ах, сумасшедший! Что ты делаешь? Не ходи!..

Милет. Нет, Милета! ежели тебе это надобно так знать, я сыщу его, где бы он ни был. Пусти меня! (*Вырывается.*)

Милета (*удерживая*). Постой! (*В сторону.*) Что мне делать! (*К Милету.*) Милет! отец твой ничего об этом не знает — я тебе говорю, что...

Милет. Кто не знает? Он-то мне все и сказывал.

Милета (*по некотором молчании*). Прости меня, Милет! Я тебя в первый раз еще обманула, то не отец твой был, я, я глаза тебе закрыла и его голосом на вопросы твои тебе отвечала.

Милет (*смеется*). Ты? Ты, Милета? ну так что же ты спрашиваешь, поэтому ты и знаешь то, чего я еще не выучил. А

нам ведь это обоим знать нужно. Ну, так скажи же и мне!
Что же ты молчишь?

Милета. Да ведь это нелегко знать...

Милет. Да ведь это тебе не впервые.

Милета. Тогда я тебе говорила чужим голосом... Тогда ты меня не мог видеть...

Милет. Я и теперь отворочусь. Закрой мне опять глаза. Лишь бы нам только знать то, отчего мы опять так же дружно жить будем, друг друга не станем бояться и друг от друга бегать...

Милета. Нельзя! Нельзя мне этого никак сказать. Я не могу — тебе надобно первому.

Милет. Да я... ты с ума сошла! Я взбешусь... Разве нам пропадать без этого? Что? Ты думаешь и мне легко? Знаешь ли ты, что с того времени и у меня в глазах мерещится? Скажи! или я уйду в лес, спрячусь в пещеру, умру с голоду. Скажи, моя... да вот я уже теперь и назвать как тебя, не знаю... Милетою?.. Так кажется, как чужую, маленькою?.. Так ты, может, и рассердишься, а уж глупенькою-то? И язык не поворотится, что это такое! И впрямь лучше с голоду умереть, чем не знать пособить такой напасти, от которой все не так... Скажи, Милета! Скажи, что мне делать?..

Милета (*шутя*). Ведь ты слышал.

Милет. Да скажи же, говорят!..

Милета. Надобно... надобно...

Милет. Что надобно?

Милета. Я не знаю...

Милет. Ты не знаешь, так я знаю: надобно от тебя уйтить.

Милета (*удержав*). Нет — надобно... любить.

Оба вместе

Дуэт

Любить и утешаться
Природной простотой,
Блаженствовать, прельщаться.

Милет

Милетою одной.

М и л е т а

Милет! одним тобой.

О б а

Любить и утешаться
Природной простотой,
Блаженствовать, прельщаться... *и проч.*

М и л е т а

Посмотри, как вдруг прекрасно
Нарядилась вся страна.

М и л е т

Для сердец влюбленных страстно
Целый год и век весна.

О б а

Посмотри, как вдруг прекрасно... *и проч.*

Х о р

(образом отголоска вдали)

Для сердец влюбленных страстно
Целый год и век весна.

Конец

ПАРИСОВ СУД

Героическое игрище

Брату Василью Васильевичу
творцу «Ябеды»
рапорт и приношение

В силу вашего веленья
Учинил я исполненье
И при сем вам подношу
Обыденную проказу:
«Суд Парисов» по заказу.
Земно, государь, прошу
Помянутое творенье
Взять в свое благоволенье
И решенье учинить:
«Ябедой» своей покрыть.
А доколе не решится,
«Ябед» повинен «Суд» униженно
поклониться.

С приписью подъячий
сочинитель
Ванька Ямщик.

Лицы

Парис, фригийский пастух.
Архелай, полководец иллионский.
Меркурий
Юнона
Минерва
Венера

} с последователями.

Действие у подножия горы Иды под дубом. Военная симфония пересекается словами и песнею Парисовою, который под дубом ковыряет лапти, кнут за поясом и котомка за плечами.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1-е

П а р и с один.

П а р и с (*вслушиваясь в военную музыку*). Ори, ори, наши ребята, ори.

Песня

Ох! вы братцы дорогие,
Вы прямочи родные,
Перестаньте воевать,
Право, вам несдобровать.

(*Симфония возобновляется, трубы, литавры.*)

Все б вам бубны и цевницы,
Шишаки да палаши,
А полей хоть не паши,
Были б кони, колесницы...
Право, вам несдобровать,
Лапти лучше ковырять.

(*Симфония на рогах изображает звериную ловлю.*)

Ату его! Погнали! Спасибо, ребята, да что и впрямь поле не вытопчут для того, что не посеяно. (*Музыка подражает порску.*) Ого, ого, го, го, го, ату его! (*Ходя по театру, хлопает кнутом.*)

Ария

Изо всех троянских сил
Это, брат, погнал Троиц
За героем куцым в поле
Лавр победы пожинать.
Братец, зайца не поймать...
Неугодно вышней воле
Было псом тебя создать.

(*Минор*)

Но пусть враг твой и свалится,
Честь победы разделится

Меж нахалкой и тобой;
И по правде лавр пожала
Та поляна, что угнала,
А не братец мой, герой.

Да тут хоть говори, хоть пой, никого не собьешь с любимой дороги, никого на свою не направишь, всякий думает, моя прямая, да, заверня голову, и лезет целиком, куда Бог приведет.

(Симфония изображает бурю.)

Эге! что-то зашумела дуброва зеленая. *(Гром.)* Ого! Этот не шутит... Экая буря! что-то она нам доброго принесет? *(Увидя Меркурия, с облаков спущающегося.)* Ба! да и несет уж... *(Всматриваясь.)* Кой черт! что это за чудо подвигается? В перьях, а не сова! Лик человечесий, а без хвоста! Стало быть, не ведьма. Пускай, пускай-ка поближе придвинется. Ха, ха, ха, ха. Видно, сила-то устала, так его под конец-то и шлепнуло.

ЯВЛЕНИЕ 2-е

Меркурий и Парис.

Парис. Экий чудак! петухом нарядился, да и петухом-то оципаным. Плюньте вы мне в ипостась, если это не олимпийский какой ни есть франт: но посмотрите, люди добрые, человеческая ли на нем одежда? К бедности стана нашего не худо бы кой-что и прибавить, а он так обесчинился, что и спохнуться нельзя; если это не петух какой-нибудь особливый, то, конечно, франт. Гнев божий, гнев божий, да и только, эта туча на беду. Я слышал, что они иногда градом упадают на землю; иной год бог милует, а иногда, откуда возьмутся после грому, и поползли... вот посмотрите, вить и этот, верно, не летает, даром что с крыльями, *(подстегивает кнутом, Меркурий подпрыгивает)* что? что?

Меркурий

(останавливая его жезлом)

Речитатив на музыке

С превыспренных небес
Послал меня Зевес
К тебе, Парис прекрасной!
Он волею своей всевластной
Определил,

Чтоб ты один судил
Меж трех богинь первейших пренье
И дал свое решенье
О преимуществе бессмертных красоты.

Парис

(нараспев передразнивая)

Скажи-ка мне, кто ты?

Меркурий

Я Гермес, богов посланник,
Горних нежных дел исправник,
Зевсов тайный светомер.

(Минор)

Купцов, шишимор покровитель.
Ученой твари предводитель
И разных орденов воздушных кавалер.

Парис (вслед за басом). Тпрун, тпрун!.. тепла нога, тепла нога.
Мне все титулы пустые; в титуле его милости есть нечно такое, из чего видно, что молодчик-то себе на уме. «Купцов, шишимор покровитель, исправник нежных дел»; прошу милости (дает ему стул). Изволите вы говорить, что его превыспреннее могущество приказывает мне разобрать трех богинь, разве судом третейским?.. а в чем, смею спросить, дело?

Меркурий
(словами и в доверенность)

Вчера Пелей, фессальский дед,
Женясь на Фетиде,
Дал свадебный обед,
Куда к большой обиде
Дискордия была билетом не звана.
Ну! баба старая на злость сотворена,
Она тут шутку и сыграла,
Так что чуть-чуть огнем беседа не вспылала,
Как Геба пить давать богам уже устала,
И как божественны зарделися носы;
А буйны головы их так отяжелели,
Что с нуждой уж оне умели
Из чарок извлекать усы;
Но все братину вокруг друг другу подавали,
Богини не пили, но в шутку прикушали,
Резвились, старое друг другу вспоминали,
Друг друга попрекали...
Тут вдруг Дискорда к ним пав! яблоко с небес
И с надписью «П҃ красной»;

Зевес

Смекнул, что этот дар несчастной
Причиной будет тяжких бед,
Что ревность и вражда меж барынь возгорится,
Что могут в бороду они к нему вцепиться
И сделают комком весь божеский обед;
Чтобы окончить спор скорей между Венеры,
Паллады и жены своей,
Сказал: мы возьмем меры,
Париса вам дадим судьей.

Парис. Друг мой сердечный, да я в отставке, жалованья не получаю, так его Зевесова превыспренность по какой силе изволит меня безграмотного делать судьей, да еще и между богинь делать разбирательство в красоте. Слыхал я, что и между мирян третейские-то суды так горе, а еще пастуху, да судить госпож небесных. Упаси меня, сила парнасская, да помилуй, разве и у вас там грамотных-то не стало боле?

Меркурий

Зевесовой угодно воле,
Чтоб распрю меж богинь Парисов суд решил

И чтобы прекраснейшей вручил
Сие ты яблоко златое.

П а р и с (*смягчась*). Дело другое, дело другое. Я рад служить Его Превыспренности из чести, из одной амбиции (*весит на руке яблоко*).

Дуэт

П а р и с

Отдать иль обещать судейское то дело
Погляжу,
Кому решеньем ужогу,
За ту я вам ручаюсь смело,
Что так же услужу,
Хоть яблоко отдам я ей иль покажу.

М е р к у р и й

Прославишь в бесконечно время
Судом божественных красот
Себя и будущий свой род.

П а р и с

Да у меня расчет не тот,
Хоть есть у нас и род и племя,
А все-таки свой ближе рот.

(*Вместе*)

М е р к у р и й

П а р и с

Прославишь в бесконечно время	Да у меня расчет не тот,
Судом божественных красот	Хоть есть у нас и род и племя,
Себя и будущий свой род.	А все-таки свой ближе рот.

ЯВЛЕНИЕ 3-е

Архелай и прежние.

А р х е л а й (*униженно*). Бью челом крылатому богов посланнику, покровителю торгующей добродетели, министру чайных дел, от них же все ясное существует, растет и блаженствует.

Меркурий. Здорово, Архелай, ты, конечно, здесь неподалеку учил войски иллионские и зашел...

Архелай. Нет, Меркурий, я зашел, *(в смятении)* зашел... Но что тебе сказывать, вам ведомы и сокровеннейшие думы смертных пресмыкающихся, из коих последним считает себя Архелай...

Меркурий. Полно, полно, воевода войск троянских и пример.

Архелай. Какой пример, пример только твоего покровительства и великодушия твоего на мне нижайшем...

Меркурий. Но вспомни твой чин, лета твои, заслуги...

Архелай. Что бы я заслужил без твоего всесильного заступления? Что бы я был без Меркурия или без тех, которые от него меркуют, у меня только меч против врагов отечества, а щит мой у тебя, щит, который покрывает меченосца жизнь и славу? Я на поле, а ты в Трое, ты словом своим опрокинешь воеводу и силу его, а сила моя издалека не уязвит и слова твоего.

Меркурий. Я никогда не отказывал истинным достоинствам и заслуге должного пособия... самая справедливость.

Архелай. О всезвонкая справедливость! да не призовется хоть в первый раз втуне имя твое, Меркурий! помоги ты мне *(осматривается и становится на колени)*.

Меркурий *(подымая)*. Архелай, Архелай, помилуй. *(Парис, услыша имя Архелаево, убегает, струсая.)*

Парис *(в сторону)*. Нет, я слуга ваш...

Меркурий. Что такое? что такое?

Парис *(с доверенностью)*. Спроси-ка ты у дедушки Филимона, который прожил 90 лет, а еще ни разу солгать не умел, он тебе скажет, что этот молодец еще в колыбеле хотел было меня устосать, так прошу вас с ним беседовать *(уходит, забрав свою работу)*.

ЯВЛЕНИЕ 4-е

Архелай и Меркурий.

Меркурий. Говори теперь, Архелай, никто нас не слышит.

Архелай. Я пропал, Меркурий, пропал, как червь. Недавно на играх иллионских отличился один молодой пастух, он превзошел красотой своею всю юность троянскую, проворством и ловкостью заслужил ото всех похвалы, а, победа в борьбе и самого Гектора, удостоился почести лаврового венца, которым сам король из своих рук увенчал его, а

королева признала в нем сына своего Париса. По получении венца смешался он с народом и пропал под вечер.

Меркурий. Потом?

Архелай. Когда-то это было, правда давно уж, я имел повеление еще при рождении его лишить жизни. Гекуба видела во сне во время беременности своей, что она родит факел. Жрецы растолковали, что от рожденного сына ее возгорится война на море и на сухом пути, и Троя погибнет. Когда королева родила Париса, мне вверено было из любви к отечеству бросить сего младенца, которого я и бросил у подножия горы сей. Теперь, о превратность дел человеческих! мне же велено искать его и представить ко двору или самому туда не казаться.

Меркурий. Да каким образом пал на тебя этот жребий, толь мало званию твоему соответствующий?

Архелай. Услужливость и усердие... Окружающие королеву женщины всегда были покровительницы заслуг моих к отечеству. Оне мне сей доставили случай, от которого я не умел отказаться, рассчитывая, что тем виднее будет моя услуга, чем темнее пути ее.

Меркурий. Не за свое, генерал, взялся ты дело.

Архелай. Конечно, не за свое; но в нашем ремесле к отличности случаи редки, трудны и опасны: то кто себе недоброхот? Иногда и бросишься искать чего-нибудь полегче; ты знаешь, Меркурий, что иногда и конюх придворный при случае заступит может отсутствующего воеводу. Воля твоя, нам никак нельзя быть без покровителя, дело дальное...

Меркурий. И нечистое... Я тебе дам покровителя и не из конюхов. Будь сего вечера здесь в колеснице и со всею пышностью, с какою царского сына, победителя, должно показать у двора. Я тебе вручаю Париса, (*в сторону*) ему предстоит еще важное дело.

Архелай (*в восхищении*). Превосходительный бог! буди прославлено имя твое.

Ария

Без Меркурия на свете
Кто бы сделать что возмог?
На войне, в любви, в совете
Сильный ты, Меркурий, бог.
Скорбны дни он исцеляет,

Всех досужих защищает,
 Глупым разум отворяет,
 Сущность мира сопрягает
 И крючком мирских зараз
 Держит в сеточке Парнас.
 Свет разрушится тотчас,
 Древний хаос воцарится,
 Коль Меркурий удалится
 И одних оставит нас.

Меркурий (*в сторону*). Ба! да он и петь мастер; видно, из крылашан.

Архелай. Я и плясать умею фригийский и гиперборейский, лидийский и через ножку.

Меркурий. Весьма исправный генерал. Я сегодня же употреблю ваше превосходительство через ножку в военном балете.

ЯВЛЕНИЕ 5-е

Меркурий и Парис.

Парис (*из-за кулис которого Меркурий выводит*). Да я, сударь, не хочу, не хочу ни за что. Тебе он пел молебен, а меня ты хочешь отдать на жертву. Куда ты это меня правишь? В столицу, да еще и ко двору; нет, я благодарен за милость, посмотрелся я вдоволь третьего дни.

Меркурий. Парис, твой род и предстоящий путь почести и славы...

Парис. Пускай по нем гуляет, кто хочет, и с венцом не скоро протолкаешься, я это, брат, попробовал. Славою овладели шаркуны да форкуны, а пресмыкалы да нахалы и Фортуны взяли в крепость; так поди-тко наш брат пастух, хоть бы сто звезд во лбу, хоть бы он 500 волов упас, так и тут...

Меркурий. Тебе не волов пасть надобно, Парис, но людьми править.

Парис. Управишь ты ими!..

Меркурий. Учись, так и управишь.

Парис. А в какой бы это школе, например?

Меркурий. В школе света, нужды и терпения. Учись повиноваться, так будешь уметь повелевать, поди в службу.

Парис. В службу? а в какую, смею спросить?

Меркурий. В какую тебе угодно, всякая полезна: поди наперед в гражданскую, будь примером справедливости, будь судьейо...

П а р и с (*нараспев*). Не будешь судьей, не будешь осужден.

М е р к у р и й . Военным.

П а р и с (*так же*). Ногу потеряешь, так всяким будешь обойден.

М е р к у р и й . Послушай, Парис, на все это есть уловка, которую только не видят старожилы... Свет основан на согласии тел, а в том согласии есть одна струна, которую музыканты называют господствующая квинта, или, так сказать, самая звонкая дудка, подладь под нее, да не розни... вот и пошло и пошло...

Песня

Явится рай
 В подрядах пай,
 А для успеха
 Изволь играть.
 По картам в знать
 И ну шагать,
 Пошла потеха.
 А тут и шаркуны,
 А тут и форкуны,
 вилюны,
 говоруны,
 Верхогляды, подтакалы,
 И лестюхи, и началы,
 Картобои, объедалы
 Вдруг тебе составят двор:
 Только что не отличишься,
 С дудкой знатной соглашайся,
 Без того и барство вздор.

П а р и с

(*проиграв на дудке последний напев, поет*)

Только что не отличишься,
 С дудкой знатной соглашайся,
 Без того...
 Так точно, так, истинная правда.
 Как сказали, от меня
 Будто бы беда родится,
 Море, суша загорится
 И будто буду я

Для Трои головня.
Так вот-те из царевичей-то, да и в пастухи...

(Слышен издали хор.)

Нимфы Юнонины

Кто сравнивается с тобою
Благородством, красотой?
Украшаешь ты сей свет,
Нет тебе подобной, нет.

Меркурий. Я слышу нимф, поющих гимн Юноны, видно, она едет уже по условию нашему под этот дуб, где все три богини должны собраться. Посмотрим... (*отходят, покуда поют*) не поудалиться ли нам, покуда съедутся? С одною тебе делать нечего, да еще тут нужна и осторожность... Она знатна, богата... так как весы-то справедливости на ее сторону потянут, то не сказали бы: она наперед заехала...

Парис. Дело, дело... пожалуй, перед светом и без вины будешь виноват; этот стоголовый судья решит дело одним словом и часто без ведома судимого. А что бы он как ни есть не оправдался, так он сообщает ему приговор вместо повестки. Антон сказал Софрону, а Софрон свинье, свинья сказала борову, а боров всему городу... и когда уже бедняк побит, обрит и заперт, тогда поди, пожалуй, ищи апелляции.

Меркурий. Нет, Парис, общий суд всегда бывает справедлив.

Парис. Да тогда, как пройдет уже новость и когда судимый умер и забыт. Батюшка умер, то детям нищим скажут: отец ваш пострадал невинно, да вы для восстановления доброго о нем мнения не говорите, что он был обрит, а скажите просто, что он плешив родился. Впрочем, ежели бы почтенный старик здравствовал, великодушные жрецы Феиды не отреклись бы, право, купить на свой счет и парик ему. Я благодарен за великодушные и лучше хочу остаться при своей гриве, которую и впрямь очистят, когда не соблюдешь поверхности, поверхность! О великое дело: ею держатся во славе

И клейменный плут,
И судья, и шут.

Меркурий (*уводя сердитого*). Идут, идут...

ЯВЛЕНИЕ 6-е

Юнона в наряде богатой купчихи, кокошник с павлиными перьями, в колеснице, которую везут две нимфы, хвосты павлиньи. Хор последующих и предыдущих нимф.

Хор

Кто сравнивается с тобою
Благородством, красотою?
Украшаешь ты сей свет,
Нет тебе подобной, нет.

Партения

Ты в Аргосе пожираешь
Гекатомбы многих лет,
Старым юность возвращаешь,
Нет тебе подобной, нет.

Хор

Старым юность возвращаешь,
Нет тебе подобной, нет;
Кто сравнивается с тобою и проч.

*(Снимает с Юноны балдахин флеровый, который несли
4 нимфы.)*

Юнона

*(выходит и садится по правую руку под дубом, нимфы
становятся вполкруга)*

Речитатив

Кривуша, оботри *(нимфа обтирает пыль
на башмаках),*
Сезема, посмотри,
Порядочно ль на мне?

1-я нимфа

Юноша! Божеский твой шлык на стороне,
А что-то мне сдается,
Что больше перед сим твой взор горел, блистал...

Юнона

Подай покал (*и пьет*),
Чему она того вон там смеется?

2-я нимфа

Богиня! что-то цвет в лице твоём завял.

Юнона

Подай покал (*и пьет*),
Черны ли зубы-то?
Проклятые повесы, ни во что
Не ставят, охти мне! случай такой опасный!

3-я нимфа

Зубки? Как трубочист прекрасный;
Но что-то глянец мал.

Юнона
(*протяжно*)

Подай покал (*и пьет*).

Хор

Кто сравнивается с тобою *и проч.*

При военной музыке входит Минерва и ее военная и ученая свита, тот же стих вместе поют, потом одни.

ЯВЛЕНИЕ 7-е

Минерва, одетая в куртку, юбка коломенковая, по ней португеза, а вместо сабли циркуль, на голове шишак; за нею последователи с глобусом, с телескопами, а прочие другие с бердышами, с щитами, полукругом по другую сторону дуба.

Хор Минервиных последователей

Ты ученьем, остроюю
Удивления предмет.

Оба хора

Нет тебе подобной, нет.

Минерва садится по левую руку, средний стул пуст.

Хор Минервиных последователей

Кто сравнивается с тобою?
Ты ученьем, красотою
Удивления предмет.

Хор Юнониных последователей

Кто сравнивается с тобою
Благородством, красотою?
Ты украсила сей свет.

Оба хора

Нет тебе подобной, нет.

(Потом оба хора наперерыв.)

Кто сравнивается с тобою и проч.

ЯВЛЕНИЕ 8-е

Прежние, Меркурий и Парис

Парис *(из-за кулис выбежав, закрывая колени, садится на средний стул)*. Прошу не прогневаться — дело домашнее.

Хоры
(наперерыв)

Кто сравнивается с тобою и проч.

Между тем ставит Меркурий треножник перед Парисом, а сей кладет на него из котомки яблоко.

Меркурий
(указывая на Юнону)

Участница парнаска трона,
Сестра Зевеса и жена.

Парис

Вот те на!

Меркурий

Великолепная Юнона,
Сатурнов достохвальный плод,
Который вечности дал первое начало,
И благородство в нем блистало,
Когда отец богов вселенну созидал...

Юнона

В Можайске пращур наш уж луком торговал.

Меркурий
(в сторону, а Парис приподымает свой фригийский колпачок)

Пронал, пропал...

(к Минерве)

Юпитерова дочь! Покров афинска града,
Богиня мудрости, великая Паллада!
Известна потому, что... всех наук громада,
Чем смертный славится, чем области цветут...

Минерва
(указывая пальцем в лоб, а Парис за колпачок)

Вот тут.

Парис
(берет яблоко)

Что, двое третьего у вас не ждут
Иль ждут?

Меркурий

Венеры нет еще, отсрочь немного суд.

Минерва

Знать, у Марса просидела.

Юнона

Много этой бабе дела.

Обе вместе

Много, много без числа,
Ни на час без ремесла.

Меркурий

Скоро здесь она явится.

Парис

Видно, хочет нарядиться,
Всякому свои дела.

(Вместе)

Юнона и Минерва

Меркурий и Парис

Ни на час без ремесла.

Всякому свои дела.

ЯВЛЕНИЕ 9-е

Слышеи плясочный напев, флейты и голоса. Прежние и Венера.

Венера (*отгоняющая своих служащих нимф, перед нею и за нею бежавших*). Пошли, пошли (*поправляет растрепанные волосы и прибирается*).

Песня

Прспала я, опоздала,
Ни волос не причесала,
Не успела глаз промыть.
Да так и быть.

(к Юноне)

Недостаток украшают
Камни, золото, цветы;
Но тягчат и закрывают
Блеск природной красоты.

Прспала я, опоздала,
Ни волос не причесала,
Не успела глаз промыть.
Да так и быть.

(К Парису)

Различить знаток умеет,
Нужен ли и мне обман,
Пусть зефир в хитон повеет,
Весь означится мой стан.

Прспала я, опоздала и проч.

(К Минерве)

Я премудрость почитаю,
Издали, как божество;
Но быть мудрой не желаю,
Скучновато ремесло.

Прспала я, опоздала и проч.

Меркурий, Венера, Юнона, Минерва
(вместе)

Да так и быть.
Да так и быть.

Парис
(горестно)

Изволь судить... (салятся.)

Юнона (видя, что Венере стула нет). Садись, голубушка, ведь
и ты наша сестра богиня.

Венера. Не угодно ли и тебе встать, Юнона, да показаться,
ведь и ты наша сестра богиня.

Минерва
(после общего аккорда)

Песня

Парис! Я ссоры презираю,
Молчание — Минервин бог,
Слова кто сыплет, как горох,
Я тех торговками считаю.
И, скромности модель,
С размером я ступаю,
По градусам мигаю,
Стихами вышиваю,
А плюю в цель.
Что светом я не управляю,
Хоть править им могу одна,
Его, а не моя вина,
Затем, что не смеюсь... стоною,
Поверь, саженьями вздыхаю,
Что им владеет сатана.

Юнона
(которой начало, как конец предыдущей)

Песня

А я, мой батька, управляю
Богами, погребом, столом,
Заедет кто на чашку чаю,

Найдет, что благодатный дом.
Реденьки ныне хлебосолы,
У нас наливки и рассолы,
Солены рыжечки, меды и красный квас;
Богов мы знатных угощаем,
Поверь, иных назвать не знаем;
Да и они не знают нас.
А сверх того, я обещаю
Парису за правдивый суд...

Минерва

(перебила, а та повторяет)

Даю и словом укрепляю
Парису за правдивый суд
Премудрости сосуд,
Высоких мыслей превосходство...

Юнона

Я — сытой знатности дородство...

Минерва

А я — всех сведений талант,
За них трофеи,obeliski...

Юнона

А я всех почестей пронизки
И туго твой набью карман...

Венера

А я, Парис, не обещаю,
Но правый суд любя,

Судье гречанку посвящаю,
В жену ему вручаю
Попригожее себя.

Минерва

Всех художеств превосходство...

Юнона

Сытой знатности дородство.

Обе вместе

И тебе и всем твоим.

Венера

Будешь счастлив и любим.

(Вместе)

Юнона и Минерва

Венера

И тебе и всем твоим.

Будешь счастлив и любим.

Вместе и Меркурий

О Парис, Парис! решился.

(Поодиночке)

Юнона

На меня ты положишься,
У тебя в кармане клад.

Минерва

На меня ты положишься,
Мудрый сам собой богат.

Венера

На меня ты положишься
Для людей и для проклад.

Меркурий

Что ж? на чем остановился
Твой, Парис, судейский взгляд?

Парис
(с доверенностью)

Ум за разум закатился,
Так что я житья не рад.

Юнона

На меня ты положишься.

Парис

Отцепися.

Минерва

На меня ты положишься.

Парис

Отцепися.

Все
(кроме Меркурия)

Юнона

У тебя в кармане клад.

Минерва

Мудрый сам собой богат.

Венера

Для любви и для проклад.

Парис

Так, что я житья не рад.

(Финал и перемена тону.)

(вместе)

Юнона

У тебя в кармане клад.

Минерва

Мудрый сам собой богат.

Венера

Для любви и для проклад.

Парис

Право, я житья не рад.

Три богини
(из коих две садятся)

На кого-то он решится,
Повинуемся ему.

Меркурий

Ну! кому же дар вручится —
Чувствам, сердцу иль уму?

Парис

Да нельзя ли, брат, жениться
На всех трех мне одному?
Так бы дома разобрался,
Здесь-то как-то я смешался...

Ни лет

Не видно, ни примет.

Все
(кроме Париса)

Нет, нет, нет, нет.

(вместе)

Три богини
(сапоге)

Жестокое сумненье,
Смерть так не тяжела.

П а р и с

Соблазн и искушенье —
Судейские дела.

М е р к у р и й

Нелегкое решенье
Дискорда нам дала.

М е р к у р и й

Парис! пора решить,
А мне лететь и известить
решенье.

П а р и с
(качая головою)

Соблазн и искушенье,
Да так и быть.

Голосом Венеры, потом хотя подиеть яблоко Минерве, уронил, Венера подхватила и показывает Меркурию.

М и н е р в а

Как? как? куда как плох!

Ю н о н а

Так, так, помилуй бог.

Последователи обеих богинь тоже повторяют хором и из смешения «как плох!» и «куда как так» выходит, что наседки раскудахтались.

Меркурий
(испуганный и пугая Париса)

Полным весь Олимп собраньем
Зрел на суд сей со вниманьем
Сквозь сапфиры облака.

Парис
(почесываясь)

Братец! дрогнула рука,
Воля выпренок царицы
И Олимп не без греха:
Предпочесть жемчуг пшенице
Заставляет петуха.

Венера и Меркурий

Ха, ха, ха, ха, ха!

Юнона и Минерва

И Олимп не без греха,
Нам, богиням полновесным,
Как животным бессловесным,
Дал судьбою пастуха.

Венера и Меркурий

Ха, ха, ха, ха, ха!

Олимп
(невидимо на облаках)

Ха, ха, ха, ха, ха!

Меркурий и Венера

Им, богиням полновесным,
Как животным бессловесным,
Дал судьбою пастуха.

Юнона и Минерва

Нам, богиням полновесным,
Как животным бессловесным,
Дал судьбою пастуха.

П а р и с
(обращаясь к богам)

Стыдно вам, сынам небесным,
Что под носом вашим честным
Вышла эдака чуха!

Меркурий и Венера

Ха, ха, ха, ха, ха!

О л и м п
(басом)

Ха, ха, ха, ха, ха!

Юнона и Минерва уходят, не оглядываясь, прежде, нежели опускается занавес и олимпийский хохот составляет

К о н е ц .

Балет

Парис от судейской работы устал, спит под дубом, Венера со всюю своею шайкою Смехов, Игр и Прелестей показывает ему во сне Елену, среди Граций в лесу пляшущую с другой стороны Трои. В то время на голове у него показывается пламень, от которого Лель зажигает свой светильник, а светильником Трою. Парис от страха просыпается и видит вместо Елены Архелая, приехавшего везти царевича ко двору его, надевают на него платье, Архелай учит его шаркать и припрыгивать по-придворному, а он своею поступью выступ показывает. В то время как Парис хочет сесть в колесницу, сельские нимфы, сетующие об отсутствии, удерживают его. Архелай похищает Париса, похищенный прощается, дальние проводы, а чтобы не были лишние слезы, опустите занавесу.

ПРОЗАИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ

ПРОЛОГ

Явление 1-е. Симфония, изображающая смятение, начинается тихо и, соединясь с слышанным издали громом, постепенно с оным возрастает до вскрытия еще занавесы, а по вскрытии оной театр представляется дикий и ужасный берег, пещеры и волнуемое море, освещенные одним только сиянием молнии, вихрь и буря клонят и валяют оставшие на каменных берегах ветви, срывающая молния целые вершины каменных гор заставляет нимф прятаться в пещеры, сирен — бросаться в море, а пастухов укрываться в лесу.

Явление 2-е. Музыка, переходя из престо в анданте, возвещает успокоение стихии; мрачные облака очищают горизонт, утишается море, а расступившиеся тучи в середине театра уступают место солнечному сиянию. К музыке оркестрной соединяется хор юношей, препровождаемый духовою музыкою, и в облаках сквозь туман флеровый сафирный храм художеств, окруженный разными гиниями, изображающими оные, в середине оною на престоле гиний, изображающий Аполлона, стоит с лирою, пред ним Талия, Мельпомена, Терпсихора и Евтерпа, в виде, изъявляющем прошения.

Явление 3-е. Гиний Аполлона, как будто тронутый молнием, ударив своим плектроном по струнам лиры, подвинул весь небесный хор («...Подите, утехой просветите любимый мой народ и проч. ») и, громовым ударом истребив туман, повелевает просительницам сойтись на землю. И храм исчезает.

Приведенные в движение облака волею начального бога составляют им крыльцо, а сошедши на землю, предстают им 4 гиния. Первый, одетый в военное платье, приводит Мельпомену к пещере и по знаку сей музы выходят в провождении военной музыки герои. Второй отводит Евтерпу к берегу моря, из оною выходят сирены, и под пение оных начинается военный балет и

сражение, таково было начало трагедии после уже приношения козлов.

Дух комедии возводит Клию на верх горы и, показав ей сражения, говорит, что сие она должна прервать утехою. По знаку ее при огромной роговой музыке выходят из лесов пастухи и охотники. Но они одни... Прибегают они к Терпсихоре, которая по просьбе их выводит к ним веселых своим нимф. Все вместе составляют они общий балет под пение хора, изображающего торжество муз.

Последняя декорация переменяется при пришествии нимф, изображает сельское положение, украшенное огнями и цветами и разными приличными строениями. В середине площади на большом дереве, где отпавшие ветви открывают кучу сидящих гиниев, поющих хор, который повторяет и прочая толпа, и держащих в руках своих медальоны, где написано «1783 год 22-е сентября».

О РУССКОМ НАРОДНОМ ПЕНИИ

Говорить и петь вначале было одно дело, по мнению Страбона¹. Последовавшие писатели, будучи с сим мнением согласны², утвердили, наконец, что глагол страстей произвел стихотворство и музыку; первые законы преподавали пением, и первая музыка состояла в мелодии слов.

Мелодия, будучи душа музыки (подобно как рисунок в картине), состоит из звуков, когда оные, один за другим последуя, составляют приятную песнь.

В продолжение времени нужно показалось сим первым и одноцветным чертам голоса придать живости и силы: тогда ко всякому из тех же мелодических звуков прибавили еще по несколько других, которые, будучи произведены все вместе, содействием своим составили общий приятный звук, и сие назвали *армониею*.

Итак, мелодия представляет слуху приятную, а армония богатую пищу.

¹ Géogr. L. I.

² Essai sur l'origine des langues, page 285. J.J.Rousseau.

Первой движение приятно и прелестно действие; движение последней великолепно, а действие восхитительно.

Мелодия есть дочь природы, гармония от искусства по большей части заимствовала бытие свое.

Как первой известно начало, так неведом источник рождения второй.

Может быть, какое ни есть звучное тело, или отголоски в лесу, или ветер, между ветвей услышанные, были первою причиною сообщения нескольких звуков в один общий голос для произведения согласия.

Древние греки, у египтян с прочими художествами и музыку заимствовавшие, довели оную до такого совершенства (по свидетельству тех времен писателей), что действие оной кажется нам чудесами или ложью, чудесам соседственною. Они музыку свою разделяли на теорическую, или *умственную*, на практическую, или *исполнительную*. Сия последняя разделена была опять на две части — на *мелодию* и *рифмоию*¹, то есть на *мелодическую* и *гармоническую*. Сие древних греков деление музыки разделяет весьма естественно и наше народное пение. Мы называем гармонические песни *протяжными*, а мелодические — *плясовыми*.

Плясовые песни у нас по большей части веселого содержания в тоне *Maggiore* * и поются скоро.

Протяжные же почти все в *Minore* ** и поются тихо или умеренно.

Есть несколько песен, кои между двумя сими составляют середину: оне ближе почитаются к роду протяжных и хотя поются поскорее оных, но под них никогда не пляшут. Сии суть минорные по большей части: число оных невелико, а пример под № 13, 18, 19, 25, 27.

К удовлетворению желания любителей древней музыки отец Киршер и г. Бюретт по долгом и трудном изыскании нашли и перевели на нынешние наши ноты два отрывка древней греческой музыки «Гимн Немезиде» и «Оду Пиндарову». Исследовав сию последнюю с примечанием, к удивлению находим, что мы в народном пении нашем наследовали от древних греков не только деление оного на две части; но в протяжных песнях и некоторое ощутительное подобие мелодии и образ сложения оных: ибо старинная наша песня под № 34 и многие другие начинаются

¹ *Μελοποια, ρυθμοποια.*

* *Мажор (итал.).*

** *Минор (итал.).*

выходкою одного голоса, а возвышаются потом общим хором. Так точно расположена и «Ода Пиндарова», имеющая характер пения *Canto Firmo* *, итальянцами называемого. Большая часть наших протяжных песен сей же самый характер имеют.

Где охотник нечто доброе примечает, там знаток часто оное находит, и малозначущие вещи становятся внимания достойными: искусный нашего века музыкальный сочинитель ¹ нашел в наших протяжных песнях столько доброго, и образ пения оных столь правильно хором исполняем, что не хотел верить, чтобы были они случайное творение простых людей, но полагал оные произведением искусных музыкальных сочинителей. Голос страстей служил неученым певцам нашим вместо науки: сие понятно касательно до мелодии; но каким образом без учения достигли сии певцы, одним только слухом руководствуемые, до художественной части музыки, то есть до гармонии? Нет, кажется, к сему иного пути, кроме подражания: а по сходству подобия сих песен с остатком греческой музыки нет, кажется, сомнения, чтобы не заимствовали они сей части ученого пения у древних греков, ближе, нежели у каких-нибудь других народов.

Протяжные наши песни старинные суть самые лучшие: сии-то суть характеристическое народное пение, с которым при помощи уже искусства в наши времена сочиненные также протяжные песни № 11, 22, 29 не могут равняться. Они не имеют ни той важности, ни той полноты, как старинные под № 3, 5, 8, 15, 17, а и сии, будучи совершенны в простом согласии своем, не имеют, однако, того достоинства в своем сложении разнообразности гармонических перемен, каковые есть в песне № 34, которая, сколько известно по словесным преданиям, старее еще до сих последних и ближе, следовательно, ко временам, где подражание греческого пения могло быть совершеннее, будучи живее в памяти певцов, не имевших знания письменной музыки.

Что касается до плясовых песен, то старинные не имеют пред нынешними сего решительного преимущества; и хотя нельзя точно означить, кои суть из них самые старые, но известно то, что нынешних времен некоторые песни предпочтительны тем, коих признают старинными по начальной простоте их. Сие могло произойти естественно от умножения в России музыкальных инструментов, прибавивших полутоны и другие музыкальные приятности, коих не было в старых, часто в повторении одной и

¹ Г. Паизелло.

* Неизменная мелодия (*итал.*).

той же мелодической весьма короткой мысли состоящих, как то можно видеть под № 1, 4, 13, 31.

Между сими плясовыми песнями есть еще особливые более образом пения, нежели сложением своим: их называют цыганскими, поелику под сии только одни можно плясать по-цыгански. Песни сии, также русскими сочиненные, переменили название свое и образ своего напева по причине употребления их нашими цыганами. Пляска сих подвижных плясунов называется «в три ноги», то есть, что выбивая они в некоторых местах песни каждую ноту ногами, покот согласно ударам отрывисто, из чего и выходит как особый род пляски, так и пения, совсем от русского отличный.

Не знаю я, цыгане ли сочинили сии песни или же умели, выбрав из наших, придать им пением совсем такой живой наряд, в котором они весьма от русских отличны, и для скорой пантоминной пляски стали несравненно оных удобнее, будучи и для голоса лучше многих простонародных. В них более прочих припевы, более веселости, в них есть некоторые короткие припевы, как-то «люли» и проч., некоторые приговорки, которые произносят пляшущие так, как в пляске гишпанского фонданго. Цыганские песни в сем собрании в плясовых песнях находятся под № 11, 14, 20, 27, 28, 39, 41.

Свадебные и хороводные песни весьма древни, между оными нет ни одной в наши времена сочиненной: к сему роду песен, особливо к свадебным, есть между простых людей некое священное почтение, которое, может быть, еще остаток, древним гимнам принадлежащий. Легко стать может, что сие самое невежественное почтение есть и причина непременному их состоянию: осмелится ли мужик прибавить или переменить что-нибудь в такой песне, которая в мыслях его освящена древностию обычая? Свадебные сии песни во всем пространном государстве нашем и словами и голосом столько единообразны, что из-за нескольких тысяч верст пришедший прохожий по голосу оных узнает, в которой избе свадьба.

Хороводные песни также почти везде одинаковы, в них еще употребляются и поныне припевы «Дида Ладю» и прочие имена языческих богов древнего славянского поколения.

Святошные и подблюдные наши песни более еще доказывают, что мы в народном пении много заимствовали от греков. Старинная греческая игра и песня, поныне еще известная под именем «Клидона»¹, есть то же самое, что у нас подблюдные песни.

¹ Voyage littéraire de la Grèce Tome I, page 219. Guis.

Клидона у греков состояла в некотором прорицательстве будущего счастливого или несчастного в женитьбе или любви события: собравшиеся гречанки клали в сосуд каждая свое кольцо, перстень или какую-нибудь монету, которые потом вынимали под песни, и *при какой чей перстень вынется, то и сбудется*. Мы то же самое делаем, когда поем подблюдные песни, с тою только разницею, что в Греции кладут залогов в сосуд, водою наполненный, а у нас в покрытое блюдо.

К русской Клидоне прибавили уже славяне свой любимый припев, которого у греков не было: они припевали, и мы тоже поем «слава»¹, главное божество славянского народа, коего имя заимствовали они от великих дел своих и которое весьма часто употребляли не только в песнях, но и в собственном названии людей.

«Жив, жив Курилка»² есть также игра греческая.

Свойство малороссийских песен и напев совсем от русских отменен: в них более мелодии, нежели в наших плясовых; но мне неизвестна ни одна армоническая малороссийская песня, которая бы равнялась со многими нашими протяжными. Употребление из давних времен между народом их бандуры помогло к совершению их пения, и во многих песнях малороссийских есть музыкальные приятности, есть некоторые правила в сложении оных, некоторая ученость, но вообще меньше характера, как-то и в наших новосочиненных мелодических песнях, которые, однако, старинных несравненно лучше. Правила и с ними музыкальные приятности, подобно нарядам в нашем пении, так же, как и в пении других земель насчет характерной и простой народной музыки поселяются; из сего, однако, не следует, чтобы музыка оттого становилась хуже, нет; но совершенства ее, будучи общими всем народам, отъемля иногда, хотя и странный, но принятый народом напев, того сильного ощущения уже не производят над слухом, какое чувствует поселянин при слушании простой отечественной песни.

Хотя не имеем мы особого пастушьего пения, есть, однако, у нас песни, которые отменным образом характер сей полевой музыки означают. Впрочем, и наши пастухи на грубых своих инструментах имеют особые напевы, зовы и проч., которые нигде и никто, кроме пастухов, не употребляет. Пастушьи сии песни —

¹ Записки касательно российской истории. Собеседника часть 2, стран. 80.

² У древних греков между свадебных игр была в употреблении. Guis. Voyage littéraire de la Grèce. Jeux etc.

одна между протяжными под № 14, другая между плясовыми под № 19.

Не знаю я, какое народное пение могло бы составить столь обильное и разнообразное собрание мелодических содержаний, как российское. Между многих тысяч песен нет двух между собой очень похожих, хотя для простого слуха многие из них на один голос кажутся. Можно себе вообразить, какой богатый источник представит собрание сие для талантов музыкальных, какое новое и обширное ристалище не токмо для Гейденов, Плеилев, Даво и проч., но и для самых сочинителей опер, какое славное употребление могут сделать они и из самой странности музыкальной, какая есть в некоторых песнях наших, например № 25, между протяжными?

Песня сия должна быть в тоне D minore, в сем тоне она и написана; но тон D minore находится только в начальных ее двух тактах и при конце, а в продолжении песни совсем его нет. Песня № 30 между протяжными не менее странностию своею музыкально отлична.

Может быть, небесполезно будет сие собрание и для самой философии; ученый доктор Форкель, толь искусно музыкальную стезю просвещающий¹, будет, конечно, уметь оным воспользоваться ко славе своей и ко славе музыки нашей. Может, сие новым каким-либо лучом просветит музыкальный мир? Большим талантам довольно малой причины для произведения чудес, и упавшая на Невтона груша послужила к открытию великой истины.

Сколь трудно было собрать голоса народных неписанных, на нескольких тысячах верстах рассыпанных песен и положить оные на ноту часто с фальшивого пения неискусных певцов, всякий легко представить может; но трудность еще не меньшая предстояла в том, чтобы, не повредя народной мелодии, сопроводить оную правильным басом, который бы и сам был в характере народном. Сие, однако, с возможным рачением исполнено, и бас положен почти везде так; а инде весьма близко, как при исправном хоре в народных песнях поют оный. Сохранив таким образом все свойство народного российского пения, собрание сие имеет и все достоинство подлинника: простота и целость оного ни украшением музыкальным, ни поправками иногда странной мелодии нигде не нарушены.

¹ Доктор Форкель пишет «Историю музыки», которой 2 тома уже и напечатаны.

КАКИМ ОБРАЗОМ ДОЛЖНО БЫ БЫЛО РАСПОЛОЖИТЬ САД КНЯЗЯ БЕЗБОРОДКИ В МОСКВЕ

Сад князя Безбородки в Москве по выгодному и редкому своему местоположению должен иметь и в характере своем если что-нибудь не больше, то по крайней мере нечто новое. Сей сад, расположен будучи в середине города большого, должен не токмо отвечать величию оного, но и служить еще богатою рамою великолепному дому, составляющему картину оной, а потому и не может быть иначе, как архитектурный и симметрический.

Но как пространство места позволяет некоторые части оного отделать во вкусе натуральном, то можно ввести по сторонам и некоторые сельские красоты, соединя оные непосредственно с городским великолепием, смягчить живыми их приятностями и круглою чертою холодный прямоугольник архитектуры. Вот задача, которую себе предположил садовый архитектор! а для исполнения оной на деле возможным ему показалось согласить учение двух противоположных художников Кента и Ленотра, оживить холодную единообразность сего последнего, поработившего в угодность великолепия натуру под иго прямой линии, живыми и разнообразными красотами аглицкого садов преобразителя и поместить в одну картину сад пышности и сад утех.

Для достижения сей двойной цели расположил он всю гору перед домом во вкусе сада симметрического и архитектурного на три уступа, которые украсил он гротом, крыльцами, каскадами, статуями и прочая, перемешал оные с зеленью дерев отборных и, приведя всю сию часть горы в движение текучими водами, определил оную живым подножием дому, должествующим одушевлять всю площадь перед оным. И так связал обоих садов свойства, что неприметное их разделение более в плане, нежели в самой вещи, означается.

Для сего дела избрал он меньшую сестру симметрии, оставя старшую на троне в Голландии с разорительным ее скипетром, из ножниц состоящим, которыми она, изуродовав мирты, пальмы, даже самый кипарис, превращала деревья в медведей, в пирамиды, в дельфинов и наполнила сады наши зелеными неподвижными уродами, которые стали ни пень, ни дерево. По ее аршинному закону, вдвое пространство уменьшающему, всякая дорога в саду должна находить родную сестру себе, пару и товарища, и половина сада представляет не что иное, как повторение другой половины так, что увидя первую, другую никто и смотреть не пожелает. Художник последовал той симметрии, которая, одно-

образными внешними частями облегчая понятие взора, позволяет, однако, разнообразность в подробностях.

РАСПОЛОЖЕНИЕ СИММЕТРИЧЕСКОЙ ЧАСТИ САДА

На высоте горы перед домом в ширину одного сделана ватерпасная площадь, соразмерная пространству одного. Посредине площади на подножии из дикого камня поставлена колоссальная статуя божеству, благотворившему хозяину; на четвероугольном цоколе одного изваяны человеколюбивые и героические деяния, а подножие, дикую гору представляющее, имеет четыре пролета, сквозь которые видно во внутренней пещере жертвенник благодарности, закрытый со всех четырех сторон прозрачною водяною завесою, которая движением своим, умножая блеск возжигаемого в дни праздничные на жертвеннике огня, придает оному некоторый вид таинства и святости. Десять дорических колонн, вокруг монумента расположенных и такое же число курильниц на себе имеющих, составляют балюстрад около монумента. Курильницы сии соединены гражданскими и военными венцами вместо парапета на карнизе служащими.

Упадающие воды с подножия храма собраны в мраморную чашу, занимающую внутренность круглого храма, из которой потом проведены они в грот и там составляют водяную гору, покрывающую тремя уступами пирамиду цветов. Двойное каменное крыльцо по обеим сторонам грота составляет в одной вход, а выход на второй терас сквозь полукруглую рустическую перемышчку. Сей грот освещен двумя каминами, наподобие пещер сделанными; но как в грот ходят за прохладкою, то огонь на каминах противуречил бы сей цели, если бы не был покрыт водяною завесою, дабы, освещая, не нагревал строения. Второй терас пред гротом имеет форму полукруглую; с площади одного на обе стороны широкие съезды, а середина украшена ступенями, разделенными на три большие всхода четырьмя пьедесталами, на которых стоят группы и статуи. Так как высота пьедесталов занимает только половину высоты крыльца, то нижняя часть одного перед пьедесталами отделана натуральными пещерами, из которых наподобие естественных ключей вытекают упавшие из грота воды, составляют ручей, протекают поперек всю равнину, занимающую подгорную часть сада, и впадают, наконец, в нижние пруды.

Пруды сии составляли украшение прежнего сада, которого место заступит новый сад. Все место почти было изрыто странными нелепыми сими лужами. В избежание издержки зарывать оны

землею художник обратил некоторые из них в речки, другим дал естественную форму озерков; остались только два главные пруда, нижнюю часть сада занимающие: один большой четверугольный, другой продолговатый. Сии пруды, один от другого перешейком только узким отделенные, подали художнику совсем новую мысль, великолепие древних гимнастических игр возобновляющую. Четверугольный пруд обратил он в полукруглую навмахию, — а дабы не отяготить оную слишком архитектурою, то одни только ступени амфитеатра и портики сделал он из тесаного камня; галерею же, покрывающую беседки полукрытою аллеєю, составил из стриженной зелени, в пролетах которой поставил вазы и статуи. Два угла пруда, за амфитеатром оставшиеся и закрытые лесом, служат для пристани судов, употребляемых на разные игры в навмахии. Противу амфитеатра на двух передних углах поставлены две ростральные колонны, на которых железные треножки служат фаросами для освещения игр, когда даются оные в ночное время. Сие здание вообще удобно, как для иллюминации, так и для фейерверков. Летом определено оное для игр по воде и для гулянья на гондолах, а зимою служит оное поприщем для беганья на коньках по льду. Второй пруд, продолговатую фигуру имевший, обращен в водяную лицей, по которой на маленьких гондолах делается регата; термины, разделяющие пути, состоят из разных трофеев, разные победы на море означающих. На пьедесталах их подписано имя победителя и день победы; кругом водяной лицей расположен для ристалища на колесницах гипподром. Один день в неделю назначен для сего позорища, и молодые люди, любящие сие упражнение, собираются в великом числе для оживления сего здания, которое без того было бы мертво и походило бы на прочие наши садовые строения, носящие внешний вид и имя такой вещи, которой употреблению они противуречат. и обманутый наружностью их пришлец вместо удовольствия досадует, что в храме Аполлоновом нашел сарай, а в пустыне вместо скромного пустычника нечистоту и сырость.

На узком перешейке, разделяющем гипподром от навмахии, построены двое триумфальных ворот, чрез которые проезжают атлеты прежде начинания игр. По бокам оных полукруглые колоннады поддерживают куполы и вместе с воротами составляют один общий храм славы как для сухопутных, так и для морских героев¹, коих бюсты поставлены в середине полукруглого здания. Покрытые места в сем здании определены для присутствия судей,

¹ На правой стороне графа Румянцева-Задунайского лицом к гипподрому; на левой адмирала Грейга к навмахии

долженствующих распределять награждение победителям и для почетных зрителей.

Оба сии здания, как гипподром, так и навмахия, не имеют ничего ни лишнего, ни бесполезного. Все части оных содействуют общему началу и тогда, когда не оживлены они движением игр, то гуляющий видит в архитектуре их, с зеленью перемешанной, нечто новое и великолепное, а рассмотря статуи и надписи, найдет он нечаянно в саду частного человека, как в Пантеоне патриотическом, историю века в памятниках, сынам отечества воздвигнутых.

РАСПОЛОЖЕНИЕ НАТУРАЛЬНОГО САДА

До сего времени искусство служило пышности и великолепию, далее все усилие оного состоит в том, чтобы сокрыться под небрежными красотами природы. Другие стороны сада заключают в себе гулянья уединенные и открытые, для всякой части дня определенные. Разного рода убежища и беседки все на таких местах основанные, откуда отдыхающий может видеть значущие предметы, заслуживающие внимание его. Сии предметы с открытого горизонта не обратили бы на себя ничего внимания, но оптическое расположение дерев, чрез которые они прогуливающему показаны, украшает вид их, перенося оные, так сказать, из-за несколько верст в пределы самого сада.

Возвышенное место, лежащее по правую сторону дома, определено для утреннего гулянья. Ковер из душистого дерну, цветами и цветными кустарниками по местам испещренный, окруженный с трех сторон красивым и благоуханным лесом, составляет главную сего утреннего гулянья красоту, защищенную с полудня рощею из дерев отборных, кои, закрывая гулящего, не закрывают, однако, от взора его окрестных видов. Сия часть сада отделана в веселом, но в тихом и спокойном вкусе, утреннему времени отвечающем; кроме движения листьев нет в ней никакого движения. Птичник, построенный в конце луга и противу самого дома, служит ему украшением, а так как вид из оного прямо на Кремль, то и сделана открытая перемычка в задней стене среднего кабинета, служащего столовою для завтраков. Несколько дерев, разбросанных по лугу, переплетенных вязанками повиллицы, хмелю и подобных вьющихся растений, оканчивают картину скромного сего убежища.

Отсюда тропинкою, в лесу густом проложенною, гуляющий проходит в долину, со всех сторон закрытую. Небольшое озеро, из родника составленное и середину долины занимающее, осенено

великолепную купиною старинных ив. Сие уединенное, меланхолическое, но не дикое место, противоположенное во всем утреннему гульбищу, определено было для купальни. На левой стороне от дома, избылующей противу прочих текучими водами, расположено полуденное гульбище. Дорожки, ведущие к оному, пролегают чрез лес и лужайки, на коих в солнечные дни упавшая тень, сберегающая дерн, умножает красоту луга. Верхних ключей воды, собранные в одно озерко, из коего ручейком протекают они чрез долину и освежают прохладу оной, те же самые воды расположены будучи натуральными порогами и водопадами в местах глухих и осененных, одушевляют журчанием своим уныние и тишину данного убежища.

Наконец, собравшиеся ручьи в долину составили плесо воды изрядного пространства, увеличены будучи весенними водами, промьли они акведук, чрез который проведены были воды в храм Нептунов, разрушили часть архитектуры оного, крыльцо сделалось водопадом, а подножие храма — мельницей. Мельничное колесо, приделанное к самой стене храма, поднимает воду для оранжереи и, умножая своим движением шум упавшей воды, вероподобною делает развалину храма и акведука, составляя вместе каскад героический и деревенский, одушевляющий шумом и прохладой все гульбище, для полуденного гулянья определенное. Дорожки, как по лугам, так и в лесу пролегающие, хотя и защищены от солнца, но по местам с которой-нибудь стороны освещаются оным, а потому и не похожи на сии душные и сырые ходы, где нет ни свету, ни воздуху. Дорожки расположены здесь так, что гуляющий, будучи всегда в тени, пользуется, однако, беспрестанно разнообразным действием солнца по лугу и над водами.

Вечернее гульбище всех прочих пространнее, для него определена вся нижняя часть сада поперек оного. Широкие, а некоторые и прямые дороги осенены большими деревьями, между коих различные беседки и киоски, то в лесу, то над водою разметанные, прерывают единообразность прямой линии. Хозяин, любящий разделять свои утехи, определил сию часть сада для публичного гулянья, к которому проезд с обеих сторон. Главный въезд с большой улицы составляет полуциркульная площадь, окруженная покрытою колоннадою, под которою в разных лавочках продаются галантейные вещи, конфекты, фрукты и проч., все сие придает вид праздника или, лучше, ярмонки гулянью, которое без того было бы безмолвно и мертво; тут жилище привратника, а с другой стороны и источник воды, чистой и здоровой; сей источник составлял доход прежнего хозяина сада: соседи платили некоторую сумму в год за позволение пользоваться его водою; теперь

вода сия поднята будет насосами в фильтровальную машину и оттуда выведена кранами на улицу, определена на употребление имеющим надобность в оной. У других ворот сада, на другую улицу, построен во вкусе турецкого киоска кофейный дом, в котором находятся как разные прохладительные напитки, так конфеты и мороженое. На середине дома большой зал определен для танцев на случай внезапного дождя или дурной погоды. Возле оного в турецком вкусе отделанный кабинет с большим и великолепным диваном, с коего видеть можно танцующих сквозь движущуюся сетку играющих вод, составляющих щиток в широкой перемычке той стены, которая кабинет от танцевального зала отделяет.

Вообще при расположении сего сада художник, убегая мелочных подробностей, старался составить оный из небольшого числа важных частей, дабы сохранить характер величественный и местоположению приличный. Единообразие прервать противоположением, противоположение связать общим согласием и дорожками, которых излучины и повороты не для того сделаны, что так вздумалось садовнику, но каждая из оных имеет свое намерение и причину, и если гулящий принужденным иногда найдется сделать круг для того, чтобы пройти к предмету, его зовущему, то лишние шаги его заплачены новым и неожиданным удовольствием, которого бы прямая дорога его лишила.

Все садовые здания (коих число невелико) украшают такие части, где самая надобность столько же, сколько и красота определила им место.

ВЕРХНИЙ МОНУМЕНТ

Бронзовая колоссальная статуя, имея подножием каменную гору, а вместо перил целый храм дорического ордена, составляет сей верхний и главный монумент. На цоколе оного изваяны из бронзы обронной работы подвиги человеколюбия и геройства.

Воды, приведенные паровою машиною под цоколь статуи, составляют четыре водяных завеса и служат вместо кристалла возженному на жертвеннике благодарности огню внутри пещеры.

Сии упавшие воды собраны в круглую мраморную чашу, средину храма занимающую, и оттуда, как из общего источника, распределены то открытыми, то подземными путями на благотворение саду.

Колонны, фриз и карниз храма, по желанию хозяина, заказаны из сибирской яшмы и агата, на сделание которых граф Шауэзель Гуфье принял на себя труд; курильницы над столбами бронзовые;

из того же самого металла гражданские и торжественные венцы, паряет между курильниц составляющие.

Колонны заказаны из трех штук, то есть из нижней гладкой части, из ложчатой верхней и капители.

По наружному фризу над каждую колонную, где будет соединение камней, полагаются бронзовые патеры с приличными ба- рельефами для закрытия швов...

ПОДЗЕМНОЕ СТРОЕНИЕ

Подземный зал для того не назвал я по обыкновению гротом, что гротом называется по-русски пещера, а пещера, по моему понятию, не может быть правильное строение. То строение, которое называют в регулярных садах гротами, делают в горе, а иногда, чего, Боже, сохрани, и на открытом месте с колоннами, убирают статуями, раковинами, дресвою и слюдами и никогда в них не заходят, я думаю, право, потому, что мало из сих строений выполняют намерения, для которых они деланы: такие строения скорее бы можно назвать убежищем от жару, храмом прохлады и прочая; но имя не составляет ничего, когда и самая вещь противоречит назначению своему. В гротах, на открытом воздухе построенных, так же жарко, как и во всякой каменной палатке; раковины, дресва и слюда не имеют волшебного свойства прохладять воздух, а в гротах, под землею построенных, вечная сырость и плесень отучат хоть бы кого искать там прохлады, где простуду находят, потому что стены сих подземных строений, не знаю по какому-то странному небрежению, делаются по большей части вплоть к земле; кирпич или камень напоятся всегдашней сыростью, и воздух, который понапрасно нагревает на горе построенный грот, не имеет позволения здесь входить между земли и строения посредником для осушения подземного грота, а потому строение мое подземное с великим рачением отделил я от горы ¹.

ПТИЧНИК

Варрон оставил нам план древнего птичника ²: по его описанию здание сие было наподобие храма круглого, статуями украшенное и куполом покрытое, который поддерживали восемь ионических

¹ Посредством естественных вентиляторов, в движение воздух приводящих, между стены и горы, а тем самым отгородил я сырость от строения.

² В сочинении своем о земледелии.

колонн снаружи; внутри колонны другого порядка, но менее наружных размером, держали карниз, сверху которого натянута тонкая сетка заключала птиц в нижней части строения и мешала оным вылетать сквозь отверстие, сделанное в середине свода. Сей свод, прибавляет к тому г-н Пинжерон¹, расписан был небесными красками и насечен золотыми звездами, перепоясан медным блестящим Зодиаком, по которому движущееся позлащенное солнце означало часы. В отверстии свода положены были крестообразно две железные полосы, в центре которых утвержденный вертикально железный прут обращал приделанную к концу оного сирену, показывающую ветры. На помосте сего строения из круглой чаши подымался до некоторого возвышения водомет, вокруг оного на железных, из центра водомета сделанных и листами вызолоченными украшенных ножках устроен был круглый подвижный стол, в середине пустоту имевший; когда в птичнике давали ужин, то один только невольник служил при всем столе, обращая оный так, что кушанья становились сами перед гостями. В толстоте стола оставлена была пустота, которая наполнялась теплою водою и чрез краны выпускаема была на употребление. В последние времена республики Лукулл и Красс к сим затеям прибавили еще скрытые в своде небольшие трубочки, сквозь которые на гостей упал благовонный дождь по воле хозяина; таким образом, продолжает г-н Пинжерон, все способы природы и художеств употребляли к наслаждению своему сии властелины мира, коих величество равно в делах и в забавах изображалось.

Древнее Варроново предание, с которым я сего дня познакомился², было, может, причиною, что строители и новых садов общим, кажется, почитали законом делать птичники если не храмом, то, по крайней мере, палатами великолепными и все важные украшения архитектуры, как-то: колонны, статуи, вазы — без зазрения совести помещали в клетку.

Имея к древности священное почтение, не могу я, однако, о сию пору убедить понятие мое, чтобы великолепные здания сродни были для помещения птиц. Несообразна мне кажется огромность дому с мелочными оного жильцами. Колонны, статуи — беспо-

¹ Lettres de Brutus sur les chars anciens et modernes. A Londres MDCCLXXI.

² Сделав в саду Гипподром, надобно было подумать и о колесницах; аббат Флорантин принес мне книгу «Lettres de Brutus sur les chars etc.», в которой француз самозванец ничего не сказал о том, что обещает в титуле; но после истории сколько людей задавлено было каретами в Париже, подает он мнение, каким образом должно сделать гулянье, где упоминает и о птичнике, Варроном описанном. Стр 234.

койная для них насесть, и под великолепным сводом отдающаяся горемышная птичья песенка напоминает как-то мне испразненный монастырь, в котором воробьи служат обедню, а притом летучие хозяева над головами гостей, может быть, в необходимость поставляли Лукуллусов благовонный дождь.

Если бы свободные художества от обычья не столько зависели, никогда бы я не сделал в саду естественном птичника, похожего на дом человеческий, а еще меньше на храм Божий. В Версалии, в Петергофе и в прочих симметрических садах им место там, где природа служит по линейке, и птички могут петь по нотам; но в саду естественном кто хочет их слушать во всей простоте сельской, которой они напоминают прелести, для того делал бы я птичники простые по месту и по назначению их. Развалина, какая ни есть между лесу сеткою заплетенная, близ ручейка или при водопое, хижина или какой ни есть сельский навес подле нескольких деревьев, сеткою заплетенных, перемычка из деревьев сделанная над текущею водою и подле ней пещерка или что-нибудь подобное, составляли бы мой птичник. Строеие оно не противоречило бы месту и употреблению, а для уха тем приятнее была бы песня их, чем лучше сокрыта от глаз слушателя неволя певцов заключенных. Но среди Москвы, на открытом возвышенном месте, близ дому великолепного такого рода птичник был не у места, и для того сделал я птичник в принятом обычном вкусе, с той только отменюю, что певцов отделил от слушателей, без того они бы взаимно друг другу мешали. Среднюю залу, определенную для завтрака и ужина, поместил я между двух хоров в открытой галерее, под сеткою живущих, которых слушать весьма покойно могут любители, сидящие в двух нишах, и так, что одним будет слышно совсем иное пение, нежели другим, хотя слушатели не токмо друг друга видеть, но между собою и говорить могут. Простое сие волшебство весьма простым способом исполняется: в перемычках нишей, за карнизом скрываются небольшие отверстия, утвержденные в них раструбою жестяные трубы проведены в жилище птиц, и там под аркою устроенные жестяные же рожки расположены точно в том месте, в котором птички выют гнезды, так что сквозной воздух, проходя через сии отверстия в зал и пронося голос, угрожает силу оною сводом купола. Открыв или закрыв большее число отверстий, от воли хозяина зависеть будет заставить петь птиц своих громче или тише.

Позолоченное солнце и показующие ветры сирены, может быть, не больше бы удивили своею механикою в наши времена, как и куранты на Спасской башне, а потому и в сем случае спася себя от греха и подражания, и хотя возобновить древние сии чудеса весьма бы было нетрудно, но я опасался, чтобы подражание

не было смешно, представляя нам на кирпичных небесах кукольную комедию, в которой позолоченное солнце, играющее первую роль, заслужило историческое предание.

Водопад посреди круглого стола составлял, конечно, хорошее украшение и тем более был у места, что, освежая воздух, занимал он движением гостей своих, а шумом заставлял петь хозяев, служа им водопоем, но как у меня птицы отделены от среднего зала и для водопоею оных сделаны два небольшие каскада по обоим концам открытых галерей, в которых содержатся под сеткою птицы, то фонтан и показался мне тем более лишним, что воду проводить бы надобно было машинами.

ПИСЬМА

1. А. Р. ВОРОНЦОВУ

26 июня 1785 г. Москва

Простите мне снисходительно, ваше сиятельство, что, не хотя пропустить отходящей уже почты, принужден я на такой дурной бумаге свидетельствовать вашему сиятельству мою нижайшую благодарность за милостивое ходатайство о чине зятя моего, которому о сем уже писал я из Торжка.

Теперь донесу вашему сиятельству остаток путешествия двора из Вышнего Волочка. Я думаю, вам небезызвестно, что государыня нечаянно вздумала ехать в Москву по вызову графа Брюса, куда на другой же день по взятии намерения и отправилась. Путешествие продолжалось и благополучно, и весело, а по приезде в Москву и суетно, и хлопотно. Весь двор принужден был жить, переезжая из Коломенского в Петровское, а оттуда в Москву, один раз на гулянье в сад, в другой раз на Боуровы работы, которые весьма императрице понравились, и в знак благоволения своего приказала она построить начальнику оных публичный монумент (то же самое сделать приказано и для Сердюкова на Вышне-Волоцком шлюзе). Вообще государыня довольна была московским нынешним пребыванием. Губернатору пожалован 2-го класса Владимирский крест; виц-губернатор Чонжин сменин, а на место его определен г-н Козляинов из Нова-Города; экономии директором сделан Василий Яковлевич Карачинской, имевший смотрение над Коломенским и Царицынским дворцами. На возвратном пути изволила государыня закладывать в Торжке соборную мою церковь и тут при закладке удостоила меня своим разговором несколько слов. Граф Алекс<андр> А<ндре-евич> за маленьким подагрическим припадком в ногу при закладке не был, а после обеда мы с ним и расстались. Пробыв 8 дней в деревне, приехал сюда тому три дни и поеду завтра в Кострому чрез ваше Матренино. Что можно будет в краткости времени сделать к пользе ремесленников ваших, не упущу к совершенному

моему удовольствию исполнить, имея всегдашним долгом благодушных моих чувствований угождать воле вашей.

Вчера был я на здешнем вашего сиятельства строении и, нашед некоторые затруднения и перемены, ездил к господину Бланку, с которым, объясняясь, с общего согласия зачали дальное производство.

Фундамент и погреба уже складены, теперь оканчивают на оных своды. Работают и весьма хорошо, и прочно; но не скажу, чтобы то было вам дешево, потому что под самыми капитальными стенами пришли 5 колодезей, на коих надобно было каменные двойные сводить арки для безопасности строения, что уже и исполнено и весьма хорошо.

Вчера видел я письмо из Петербурга, где пишут, что государыня, заехав только в Летний дворец, проехала водою (как то еще и в дороге положено было) в Петергоф, и что в Ладого Николаю Петровичу дана Александровская лента.

По возвращении моем из Костромы не пробуду я более четырех дней в Торжке и прямо отправлюсь в Петербург.

В доме вашем петербургском несколько уже печей переключено, потолки старые подштукатурены, а новые в зале подшивают, ворота дубовые уже готовы, только дожидаются меня для медных к оным приборов, а тогда останется только их навесить. Сей рапорт получил я от человека моего здесь и на прошедшей почте.

Я приказал здесь вашему управителю без вашего повеления поскорей свозить землю, накиданную превеликими кучами в саду для того, чтобы не попортить деревья. Не знаю, хорошо ли я это сделал, потому что зимою дешевле бы то было можно сделать, но верно уж ваших лип не было.

Впрочем, и бумага, и время, и материя ограничивают меня кончить сдобное мое письмо, пожелав вашему сиятельству благополучного пути и скорого возвращения.

2. Г. Р. ДЕРЖАВИНУ

13 августа 1786 г Москва

М<илостивый> г<осударь> мой Г<аврила> Р<оманович>. Бранное письмо ваше через г. Носова на Бронницах получил и за ругательство ваше покорно благодарствую.

За то, за что вы меня ругаете, могу я теперь сказать в<аше>му пр<евосходительству>: «Сам съешь», потому что требуемые вами теперь мои ответы кучкою уже, чаятельно, к вам приехали.

Я пишу из Москвы, куда я украдучи из Валдая приехал для окончания дела с Абалдуехою, а в Валдай послан я по именному повелению искать угля и нашел; твоему тучному украинскому смыслу, я чаю, и в голову мотыгою не вобьешь, сколько это важно для России; мы только, великие угольники, сие смекнуть можем. А сколько я сего угля нашел, скажу только то, что если ваш тамбовский архитектор возьмется сделать над светом каменный свод, то я берусь протопить вселенную.

Катерина Яковлевна пишет что-то о дядюшке Хрипунове. Знаешь ли ты, брат, что сей дядюшка не имеет другого наследника, кроме меня, что обещает он давно, давно меня при жизни своей оным сделать, а я торгую его деревни, и он их не продает, а проматывает. А между тем на мне грешном 65 тысяч долгу; а я же именованный выкупил и избавил его от затюремного заключения, где в водяной и цинготной болезни дядя мой родимый, яко цвет сельный, тако бы мог процвести по одному небольшому убивственному делу, которое еще и теперь в Сенате не решено и в забвении мною грешным содержится. Граф А<лександр> Романович через Романа Лар<ионовича> старался его вести в резон, чтобы он по крайней мере новгородские деревни, сто душ, мне уступил, где я с ним во всем половинщик, и он дал слово, от которого Роман Ларионович и умер. Попробуйся-тко ты, авось, либо он тебя не так скоро свалит; да смотри, брат, ведь ты богатырь, ты обиняком иногда так режнешь, что и дух вон; а ведь он мне каков ни есть, да дядя.

Рад я, как кобель, так сказать... что вам весело и мне любо, любо так за честь!

Поскольку, бишь, вы за всякий праздник своих долгов уплачиваете? Помнится мне, что Катер<ина> Яковл<евна> мне этого не написала. Только полно, что за праздник! Правда, он должен быть был весьма хорош, только нельзя ли, мой друг, чтобы он был последний? или ты на банк надеешься? отпиши-ко ты ко мне об этом.

Тогда я сделаю праздник: *Гаврилин покой и Катерино счастье.*

Скажи, матушка К<атерина> Я<ковлевна>, по билетам что ли? или так просто, или как иным образом зовете, в<аше> пр<евосходительство>, богов-то к себе в гости? и нам бы они были надобны — может бы иной блажной и богатый долг заплатил. Да притом всепокорно прошу в<аше> пр<евосходительство> меня поутру или под вечер уведомить: *между невинных гениев, кои обвивали цветами и обнимали руками толстую Геркулесову палицу, были ли девицы?* Я 4-й день без Марьи Алексеевны живу, и дрянь такая все в голову лезет, что не знаю,

куда деваться, и для того еду сейчас в Черенчицы на ночлег, а потом в Боровичи в угольную яму; дай Бог, чтобы и у в<аше-го> пр<евосходительства> работы не переводились, а мы трудимся ежедневно и еженочно для приобретения имени и славы.

3. Г. Р. ДЕРЖАВИНУ

18 сентября 1786 г. Боровичи

Я все еще в угольной яме; но слава Богу, что обретение мое идет час от часу лучше; уголь, который теперя пошел, на всякую уже потребность годен, — не только что обжигать известь или кирпич и готовить кушанье, но металлы с удивительным успехом растопляет. Сделалось у меня одно только помешательство! а именно, что Марья Алексеевна пишет ко мне, что блаженный тамбовский губернатор, захав в захолустье, где никакая почта вовремя не приходит, не получая от меня множества отправленных писем, говорит, что он очень сердит и более писать не хочет. Плюнь ты ему, братец Г<аврила> Р<оманович>, в бороду и скажи ему, что он мелет дребедень:

Как ему не лень?
Ведь он не пень
Иль не тюлень,
Что в один день

требует, чтобы доходили письма: пусть-ка он, рожа проклятая, справится, скоро ли тамбовские архитекторы курьером ездят, и посмотрит на мое письмо. Через 10 или 12 дней еду я в Питер наверное, накопав и отправя на барках или, лучше, на *барке* уголь. Что там прикажете на оном жарить?

Здесь, брат, новостей меньше еще, нежели у вас; но из Петербурга ко мне пишут: 1-е, что аглинский один капитан приведен был к присяге и со всеми матросами, что он видел в Северном океане рыбу Краген в 7 верст длиною; 2-е, что другой доезжал до 89-го градуса северной высоты к полюсу и в темноте вечной освещен был одним только пламенем огнедышащей горы; 3-е, из Парижа пишут, что Комус, известный физик, изобрел посредством магнитной силы 2-е часов, по литерам коих двое людей за 15 верст или за три мили говорить могут. Если бы К<атерина> Я<ковлевна> за 15 верст только от Борович была, то, сидя один у аглинского камина, сказал бы ей по литерам: чернобровая моя и несравненная губернаторша, художница презиящная, вымарай ты сажею своего Ганюшку и скажи ему, чтобы он не заикавался писать к преданному вам угольщику Львову.

4. Г. Р. ДЕРЖАВИНУ

30 октября 1786 г. Петербург

Между тем как я не могу добиться, чтобы отписали в Тамбов удовлетворительное обиженному губернатору письмо, получено здесь у Петра В<асильевича> Завадовского известие, что новый тамбовский Аполлониус, остановя торжественный ход при открытии училища, говорил речь, которой, по мнению его, подобной нет на русском языке.

Ты можешь быть уверен, спорил ли против сей истины или нет; но речь сия тотчас послана была к императрице. Едва ушел адъютант, как вошел в комнату Тимофей Иванович прощаться с Петром Васильевичем; тот в жару риторическом, которого я тушить был не намерен, благословил его новостью, как поленом. Я весьма благодарил случай, что допустил меня быть свидетелем явления, которое без того было бы автору невыгодно. Он лишь только открыл рот, чтобы сказать, что это имитация, что сочинитель ее, может быть... как я, бесстыдным образом прервав, затрубил: «Зачем хотите вы отнять счастье у бедного однодворца? вам он не известен, а я об нем наслышался» и проч. ... Потом, оборотясь к Петру Васильевичу: «Вот, Петр Вас<ильевич>, теперь за то, что похвалили, станут говорить, вы увидите, что это не он сочинил, что ему написал или поп, или учитель, а может, и самого архиерея не пощадят». Тимофей Иванович замолк, простился, попенял, что я его не люблю, и забыл, и, вышед из комнаты, вчера уехал в Олонец, не предупев распустить никаких вредных слухов против автора и его духа, то есть «génie» *. Я не видал еще речи, она не возвращена от государыни; но вчера граф А<лександр> А<ндреевич>, приедучи изо дворца, слышал, как ее хвалили, и хвалил сам.

Да знаешь ты это, брат, что Марк Аврелиеву речь говорил не Аполлониус по-латыни, а Томас по-французски? То-то, смотри, смекай. Мы молчим крепко, однодворца хвалим из всей мочи и говорим, вздыхая: «Вот как добрые дела трогают и *нечувствительных тварей: это бюрлеск*».

Между тем, если ты чрез две почты не получишь от меня ответу о твоём удовольствии, то проси Ивана Васильевича возобновить просьбу его об оном, потому что ты знаешь, что такие дела здесь холодно принимаются, если их не повторять. Прости, поклонись жене Аполлониуса.

* Гения (франц.).

5. Г. Р. ДЕРЖАВИНУ

1 ноября 1786 г. Петербург

Пишу оттого на книге, что бумаги нет, и пишу ночью и у переплетчика. Олнодворец сильным красноречием прервал здесь силу магнита и толки чудес. Весь город только и говорил, что о жене г. Ковалинского, которая, будучи усыплена силою магнетизма посредством г-на Бланкенагеля, говорила во сне вещи, ей и наяву не только неизвестные, но и быть известными не могущие. Олнодворец приехал с своим магнетизмом и заставил о себе без исключения говорить и двор и город; на сих днях будет он в газетах, в которые княгиня Дашкова поместить было его сопротивлялась: но ее сиятельство уговорили... И простое, но сильное красноречие простым, наивным, ласкательным и необычайным образом пойдет по свету: оно стоит этого путешествия и за то уже за одно, что заставило уронить несколько тех драгоценных слез, которые, по желанию всех верных сынов отечества, от одной только радости упадать должныествуют. Многие подозревают тут многих авторов, а я одного; многие теперь автора и называть начинают. Я спорю и стою, что не тот, и хотя Тимофея Ивановича и нет уже здесь, но мне еще не пора согласиться.

В ожидании разрешения в<аше>го пр<евосходительства> имею честь быть ваш верный и преданный

Л<ьвов>.

6. Г. Р. ДЕРЖАВИНУ

13 ноября 1786 г. Петербург

Любезные друзья мои, здравствуйте. Курьер к вам едет: как не писать? а писать, право, нечего. Compliments не люблю. Они недостойны ни искренности, ни дружбы. А дела нет, нового нет.

Я живу еще все один и дожидаю Марью Алексеevну чрез неделю или дней чрез 10.

Олнодворец ходит по свету и теперь с бородою, которая приросла к нему по отъезде Петра Васильевича, поехавшего ревизовать присутственные места.

Борода сия состоит в том, что речь сию сочинил кто-то здесь, а Петр Васильев <ич> выправил; но я вчера, в публичной академии будучи, бороду намылил, а сегодня у княгини и на обеде у графа буду брить.

С сим курьером обещал было граф написать по делу Сатина, но сегодня сказал: «недосуг»; а потому я считаю весьма нужным

подтвердить тебе, чтобы Иван Васильевич написал о сем вторично. На сих днях умер в Москве проказник Демидов; как жаль, что не ты его наследник!

Аркадий Иванович Морков приехал сюда и занял уже место покойного Петра Васильевича.

Покуда моей Марьи Алексеевны здесь нет, поклонись, пожалуйста, моей милостивой и милой губернаторше; а то ведь при жене будет нелзя: она так же ревнива, как и ты, который, когда хочешь, заснешь.

Уведомь меня, братец, спишь ли ты ходя?

Чуть было не позабыл дело написать. Сколько можешь, хотя небольшую партию, пришли будущую весною на барках хлеба; провоз заплати там, а мне только напиши, по чему который хлеб продать, и я тебе тотчас деньги, потому что, кроме того, что хлеб здесь очень дорог, и я тебе барыш доставлю, но хлеб мне еще и на пивоварню надобен будет, то есть не мне, а моим товарищам по цене общей. Пришли, брат, не засни; а ежели и заснешь, да разбудит тебя Катерина Яковлевна, у которой я целую ручки.

7. Г. Р. ДЕРЖАВИНУ

23 марта 1787 г. Киев

Не стыдно ли тебе, господин губернатор, что ты мне уже на два письма не отвечаешь? Горой бы ты, проклятого ленивца! Чрез пристава воспетых тобою кукол узнал я поподробнее о вашем житье-бытье и очень тому порадовался; дай Бог, чтоб вам век так прожить: дух спокоен, здоровы и столь веселы; надобно было, кажется, и Катерине Яковлевне брюхатой быть. Леонидка просит жениться...

У здешнего губернского предводителя Васьки Пугачева сын родился, Николай. Государыня его крестила и дала ему табакерку в 1110 руб. Послал я к тебе вяземского пряника форму на ножках; что ты ему по почтам сделал? Да от тебя, брат, как не под рифму, так не добьешься и ответу.

И для того хотя представь ты силуэт,
 Что с подлинника здесь великого я снял,
 Бесценной барыне, досужей чернобровке,
Скупой своей жене! а госпоже мотовке,
 Которую я чтить вовек не перестал,
 Скажи, что чтущего она меня забыла
 И с полгода уже пера не омочила,
 Чтобы хоть знак подать, что помнит обо мне,

Живущем на чужой, на дальней стороне
 Без счастья, без жены, в толпе, но наедине,
 По должности скопец; но так как черт, в пустыне
 С собою заключа мирскую суету,
 Сквозь дырку щупает Фортуны наготу,
 Летающей под облаками,
 Так точно и со мной (да будет *между нами*):
 Я жизнь покойную, цыганскую веду,
 Воспоминанием друзей моих питаюсь,
 Увидеть скоро их надеждой утешаюсь
 И ходом раковым ко счастью иду.

Каково? Начерио, не прогневайтесь.

Стишки сии суть скороспелки весеннего киевского воздуха.

Однако мне, право, обидно, что К<атерина> Я<ковлева>
 меня ничего ныне не любит. Бог ей судья, а не я, грешный.

(На голос: Ивушка, ивушка зеленая моя)

Вот тебе, Гаврила,
 Самуилова речь:
 Дневное светило
 Письмо велит пресечь.

Экая беда! письмо-то вышло по-жидовски.

8. С. Р. ВОРОНЦОВУ

22 мая 1787 г. Севастополь

До прибытия двора в Екатеринославскую губернию и потом в Таврическую область ничего нового и ничего такого не произошло, которое бы заслужить могло внимание вашего сиятельства, а потому и удерживался я занять письма моего чтением время, которое полезнее ваше сиятельство употребить можете. Но, прибыв в сей край, действительно много такого мы увидели, чего не могли представить, будучи в столице между кривотолков и эитузиастов здешней округи. Я всегда был в сем случае *Фоминой веры*, а потому донесу вам о новостях, *вложив персты моя*. Вашему сиятельству, может быть, уже известно, что император встретил государыню в Бериславле (что древле Кайдаки назывался), а оттуда, поехав вместе со двором, путешествует с оным до возвращения обратно в Бериславль.

По прибытии двора в Кременчуг, встречена была государыня с неожиданым великолепием: пятнадцать тысяч войск легкокон-

ных, один батальон пехотный и полк Екатеринославский кирасирский были под ружьем, и четыре батальона егерей оканчивали марш, когда все сии войска по приезде во дворец государыни перед окнами дефилировали. Более тысячи обоего пола благородных людей были на бале. Во время стола княжеский огромный оркестр, из 180 человек, составленный Сартием, согласенный и великолепно одетый, расположил всех в добрую сторону видеть и двуобразные вещи.

На другой день экзерсировался отменно хорошо кирасирский полк и егерские батальоны, легкоконные же полки держали под уздцы лошадей своих, говорят, для того, чтобы не упали, сделав несколько дней форсированных маршей и пришед три или четыре дни пред двором на место, в котором они все были и обмундированы в куртки, шапки и проч. К четырем егерским батальонам приказано еще четыре прибавить.

Херсон довольно выстроен, а особливо казармы для морских артиллерийских и пехотных полков в предместьях; крепость еще не отделана, а по сказкам знатоков хорошо расположена. Тут спустили три военных корабля, один 80-ти, другой 70-ти, а третий 50-ти пушек. Не полюбились мне тут два черные морские уroda, которые для удобства плавания коротают век у кораблей и называются камели.

Парк артиллерии с двойными запасными лафетами, одной осадной, состоит из 160-ти орудий кроме полевой морской и небольшой части гаубиц и единорогов; сии последние еще без лафетов. Говорят, будто в полках артиллерии полковой не будет, а отряжаться она будет по надобности из артиллерии главной. Я не знаю, к лучшему ли это или нет, и перед мастером дела сего ничего сказать не осмелюсь.

Перекопская крепость, которая столько же нам бывала опасна, сколько и вредна, есть действительная чучела в совершенном ничтожестве. Полагают ее скрыть, оставя только Перекопский ров для таможенной преграды.

Город Бакчисарай показался нам действительно *из тысячи одной ночи*; чудное положение его в ущелье двух утесистых гор покрыто чуднейшими еще строениями, одно с другим наперекос и кой-как связанными. Дворец ханский, в котором преемница царя Московского, данника Крымской орды, ночевала, похож на клетку, в которой для роскоши и самая удобность жизни пожертвована пестроте, стеклам, фонтанам, решеткам.

Из городов никого почти из старожилов не убыло, а Бакчисарай очень людный город; но оставшие все к лесу глядят, имея в головах своих, что «Москов падишах» не калиф их веры.

Настоящий годовой доход со всего Крыма не более 450 000 рублей; но по счислению вперед, с учреждением торговли и проч., полагают более двух миллионов, коих конец да будет благ.

Город Севастополь действительно так расположен, чтобы быть повелителем Черного моря, и я не знаю гаваней, которые бы удобностию своею могли с здешнею равняться. Три большие залива, окруженные хребтом каменных гор, составляют естественное оною укрепление, которое фортификация должна только дополнить. Вход в сии три залива, сомкнутый двумя мысами, довольно широк, чтобы войти в оный двумя или тремя ветрами, но не столько, однако, чтобы с двух мысов нельзя было перестрельными выстрелами разбить всякое судно. Для лучшего понятия места начертил я кой-как и наскоро куриный сброд, который прилагая при сем, покорно прошу извинить мое маранье.

Число кораблей, их пушек и порядок, в котором государыня застала флот, точно так, как они там намараны. Государыня с императором села там на шлюпку, где означена корона, и мимо флота прибыла ко дворцу. За столом император пил здоровье Повелительницы морей, а императрица — *à la santé du meilleur ami de la Russie* *. Сия церемония была для многих свидетелей неравнодушна и двояким образом. Граф Сегюр совсем не так был подвигнут к восхищению, как все прочие. А в дополнение сего явления кавалер Псаро (свидетельствующий вашему сиятельству свое почтение; он с нами чайтельно до С.-Петербурга поедет) привез еще с весьма ласкательным письмом от грот-мейстера Мальтийского пальму, яко символ славы и побед в новоприобретенной области, которую государыня, приняв, подарила кораблю своему, «Слава Екатерины» именуемому.

Письмо мое писано на татарской почте по той причине, что мы только четыре часа как сюда приехали, и государыня указать изволила отправить курьера в Париж, с которым я к Николаю Конст<антиновичу> Хотинскому с просьбою переслать при случае в Лондон маранье мое посылаю, прося ваше сиятельство простить мне оное за то только, что иначе бы я ничего написать не успел.

Граф Алекс<андр> Андреевич приехал в Москву (сие знаю я из письма его), окончив большое и трудное свое путешествие с великою для государства пользою, подав сведения столько же подробные, сколько верные о многих народах и о вещах, о которых знали мы весьма небогато.

* За здоровье лучшего друга России (франц.).

9. Г. Р. ДЕРЖАВИНУ

18 декабря 1788 г. Петербург

6-е число сего месяца Очаков взяли. Здесь гораздо стало повеселее, и у многих назначены уже балы. На балах я не буду, потому что я опять захворал и тому уже шестой день. Это делу не мешает.

Князя дожидают сюда через три недели; то распредели так свои движения, чтобы опять невпопад не пришло.

Третьего дня говорят, что граф Мамонов хорошо об тебе отозвался; говорят, что будто он получил от тебя письма, я этого не знаю, и ты мне не писал. Он говорил, что тебя несправедливо притесняют, что уведомлен о тебе как о человеке прямо и правом, что ты по поступкам своим ему таковым кажешься.

Между тем по докладу ничего нет... Ответы твои читают; но тут уж так тайно, что ничего узнать и в Сенате не можно. Об отпуске писал ли ты? ко мне об этом ты ни слова не писал. Ты о строении больницы больше ко мне пишешь, нежели о деле, а больной о больнице и слышать не хочет. На Очаков-то что бынибудь без имени и написать можно: вот например, что из соблюдения войск его долго не брали, что взяли в Николин день и что турки Николе веровать обещались. Однако если дело есть, то на это безделье время не трать. Между тем прости; письмо мое орошено слезами от насморку.

Целую досужие ручки Катерины Яковлевны и желаю ей и в<ашему> пр<евосходительству> при новом годе лучшего счастья.

Beatus ille qui procul negotiis... Horat *.

10. В. В. КАПНИСТУ

12 апреля 1789 г. Петербург

Христос воскрес, друг мой В<асилий> В<асильевич>, мысленно и тебя и Сашеньку обнимаю. Ко многим еще новым хлопотам прибавилась еще новейшая. Ты увидишь из приложенной бумаги, которую по совету Гаврилы Романовича подпиши и пошли, куда он тебе предпишет.

Три письма писал я тебе о безуспешном старании по твоему заводу, никакого толку и теперь еще нет. С Гутенем вместе только

* Блажен, кто вдали от забот... Гораций (лат.).

и делаем, что, сошедшись, потужим и побраним кой-кого, а делать больше нечего. Он так ни жалования своего за два года, ни резолюции добиться не может.

Я сегодня получил еще от М<арии> А<лексеевны> письмо, что одна лучшая наша деревня до последнего кола выгорела, скотина и хлеб у мужиков также сторели, с чем имею честь поздравить. Князь Григорий Александрович говорил недавно гр<афу> З<авадовскому> про твой план о казаках, находя его удобным и говоря, что он только для того в действие не произвел его, что сие понескольку зависит от графа Петра А<лександровича>, но дело на том и осталось.

Князь, говорят, выедет отсюда чрез две недели к армии.

Прости, брат, будь ты здоров со своими.

11. В. В. КАПНИСТУ

23 декабря 1789 г. Петербург

Я писал к тебе вчера, третьего дни. Сегодня у меня более нежели когда-нибудь голова болит, то я хочю попробовать письмом к тебе лечиться.

«Ответ» твой я читал и точно то нашел в нем, что найтить надеялся. Замысловатый оборот плана, выдержанный, а не разрушенный подробностями, такие красоты мыслей, из коих бы я желал часть поместить, и в выражении меньше живописи, нежели в друге нашем, но расположение более правильное. Поверьте мне, друг мой, вы созданы для сочинений сложных, скорее для поэмы, чем для оды. Однако это не мешает вам с приятностию выразить чувствительный порыв в оде «На надежду» или «На утрату». Ох, слишком далеко зашел... Прости, тысячу раз прости. Есть некоторые негладкости, тредьяковщины и переносы, несвойственные языку, кои, однако, скорость твоя извиняет, их ты позволишь поправить, когда я Гаврилу найтить предудею, этому уже пятый день, как я его не сыщу. Меркур у Тредьяковского только является, у тебя может быть Гермес, прочего я не помню, а у меня копии нет, да и оригинала не могу достать у оригинала татарского.

Вышел недавно увраж 4-й и в <нрзб> тома «Путешествие юного Анахарсиса по древней Греции». Говорят, что это книга книг. Совершаешь путешествие по стране, которую автор описывает на протяжении всей книги от первой страницы до последней. Люди самых различных вкусов, мыслей, склонностей единодушно ее восхваляют. Я написал в Голландию, чтобы ее получить.

Выпустил ее в свет после 18 лет труда аббат Бартеlemi. Стоит она дорого, но дешевле, нежели того заслуживает.

В отечественной нашей литературе нет ничего хорошего, ничего нового. Нам обещают <нрзб> перевод «Илиады», но только обещают... а Костров приносит жертвы Бахусу.

Прощай, друг мой, вот поистине литературное письмо.

Это потому, что голова моя пуста и бестолкова. Еще раз прощай.

12. В. В. КАПНИСТУ

25 февраля 1791 г. Петербург

На два письма твои, мой друг, я не торопился отвечать, дожидаясь твоего ответа на письмо мое, с Карташевским (который привозил моего Карташевского, сей последний у меня ужинал, только еще места Петр Алекс<андрович> не дал, а обещает при открытии новой экспедиции поместить в Кабинет. Все это затруднение наделал чин его, о чем я именно тебе говорил) посланное, потому что сей твой ответ должен развязать меня, и я дивлюсь, что по сию пору его не получаю.

Он обещал мне в 8 дней к тебе мое письмо доставить, а ответ по почте давно уже бы дойти должен.

Радуюсь, мой друг, о твоей победе на враги истины и порядка, я как в этом не сомневался, так что прорекал (если ты только вспомнить захочешь), что с Кречетниковым верно поладишь и что заранее и без нужды идти от него же в отставку моего благоволения не было.

Клавикорт твой переделан совсем и почти не хуже обыкновенной Гауковой работы, я вчера его уже слышал и через неделю и к себе возьму, за работу заплатил 20 руб<лей> так, как ты писал, хотя в прочем очень много переделки было.

Об органе надобно лучше до весны подождать, говорят, на кораблях привезут и будут дешевле.

Про все другое я писал к тебе весьма обстоятельно.

План оранжереи делают, и теперь послать его я не успею; но на будущей почте может быть.

Самый большой артикул — Федор плотник, который ни для меня, ни для тебя еще не человек, он был при смерти болен и насилу еще, говорят, вне опасности и теперь, да и когда он и здоров будет, то скоро его послать, право, не могу, потому что ему надобно поставить остов скотиному двору, без которого все мои 50 человек каменщиков лето гулять будут.

Но можно будет приискать другого. Если ты справишься лесом и точно строить решишься, о сем потрудишься вторично написать ко мне, ибо я боюсь, чтобы за непредвиденными обстоятельствами не отложил ты строение до будущего.

Просим братья почту, надобно не пропустить, а вчера писать не удалось.

Италии счастливый путь, этому я рад, что тебе руки поразвязаны.

13. П. Л. ВЕЛЬЯМИНОВУ

17 августа 1791 г Арпачево

Чур не отпираться! Ты сказал мне однажды и мимоходом, увидя, что я чертил иконостас арпачевской церкви из зелени, без столбов, без карниза: «Как тебе, братец! нестыдно мешать такую дрянь с важною архитектурою твоей церкви?» Я промолчал вопреки моему обычаю, а сделал иконостас по-своему. Пальмы у меня поддерживают из их же ветвей сплетенную сквозную решетку, которая от оглашенных заграждает престол Бога мира; несколько херувимов и с ваиями переплетенное их орудие защищают оный от рук недостойных, дозволяя, однако, глазу прелестию святыни приводить души их к покаянию. Такова была мысль моя, когда я делал чертеж иконостаса; и верю теперь, что пучеглазое позлащение витиеватых крючков на одну только минуту и то в невидальщину ослепляет, что действие оно мгновенно и только над глазами и что сердце и ум не прельщаются пустым блеском. От зелени при свечах ожидал я большого действия; успех оправдал мое мнение, и умен я, что тебя не послушался. Верю теперь я еще более и тому, что украшение у места и согласное с действием, для которого оно употреблено, бывает для всех приятно; и хотя не всякий точно отгадает мысль употребившего оное, но кто и не отгадает, тот скажет: «Что-то хорошо», — а это уже и значит нечто. Вчера церковь нашу освятили, и мы все были «под сению Авраамлею, истинного Бога славяще», по словам одного священнослужителя, который, освящая церковь, так на всенощной оную уподобил.

Представь себе, братец, небольшое число людей, собранных единодушною благодарностию, соединенных законом и родством, в темную ночь в лесу пальмовом, который освещен нарядными светильниками и накурен ароматами. Дым сей такие чудеса делал, вися по полу и между зелени, что лица, на олтарной стене написанные, казались движущимися, а люди, ходящие по зем-

ле, — на воздухе. Херувимы на пальмах иконостасных поминутно умножались и уменьшались, выглядывая из тучек благовонных. Прибавь к сему чувство благоговения и святости, а к ним, хотя и непарно, удовольствие строителя, увидевшего счастливый конец труда своего и с семьею многочисленную благодарящего за то Бога помощника в полном удостоверении, что в новопостроенном Ему на осьми сажнях храме помещается во всей вселенной Невместимый. Вообрази себе и меня, сделавшегося архитектором нашего Духа и в церкви своего произведения благословляющего силу Его; прибавь еще хор семи братьев и трех сестер, согласно и красно поющих Его славу и торжество правящего голосами их отца, строителя храма, доброго дяди моего. Сообрази все, скажи, обыкновенное ли это было явление? равнодушное ли зрелище? да еще и для семи иступленных! Таково ж, однако ж, было всеобщее наше пение.

На другой день явление переменялось, но не потеряло своего достоинства. Важный и таинственный вид служения переменялся в торжественный; все бегали и пели; все до обедни суетились без большой нужды. Всякий хотел что-нибудь прибавить к украшению, и Д<арья> А<лексеевна>, входя в церковь, одним словом описала наше семейное торжество, сказав: «Это похоже что-то на Светлое Воскресенье». И подлинно, на что ни взгляни, на церковь или на служащих ей, все было светло и внутри и снаружи; и хотя добрый дядя мой и кой-кто из нас немного поплакали, но слезы радости ни лиц, ни позорища не обезобразили. Он не мог, конечно, смотреть равнодушно на детей своих, поющих в церкви, трудом великим оконченной, освященной; я, право, думаю, что уронил он и за то слезу благодарности, что племянник его строил оную. Каково же было мне? Братские голоса и «Слава в вышних», и «Тебе Бога хвалим», обращаясь в куполе, мною согнутом, прямо в сердце отдавались. Священник сказал вразумительную проповедь; но и всеобщая и обедня показались коротки даже и мужикам, и в рабочую пору.

Обедали мы у дяди доброго, ужинали у тетки-хлебосолки; и тут и там было нам сытно и весело. Между обеда и ужина успел я съездить домой посмотреть своих, которые по причине домашней нашей потери не остались в Арпачеве ни обедать, ни ужинать.

Возвратясь в дурацком моем фаетоне ¹ с Александром Слепецким, нашел я мой хор родимый поющим и пляшущим, Ф<едо-

¹ Это фаетон, который некогда разъезжал в Москве по улицам наравне с первым жильем высоких и кровлею низких домов.

ра> в судорогах от радости и ломанье престрашно. Тут-то бы уж ловко было подтянуть тебе! Уж как басовито раздалися: «Ох сени мои, сени...», под которые сестры мои, как вдохновенные, плясали; эдаких мастериц и между мастеров нету. Я пьян еще и теперь от торжества своего и желал бы разделить с тобою те несравненные впечатления, которые все виденное и слышанное мною глубоко в сердце моем начертало; но на письме выходит что-то не то. Ф<едор> же торопится ехать, и потому я пишу presto*.

Песни и пляски, и пляска под песни, и все братское развеселило нас так, что любо стало: да вдруг мы и заплакали... Чтобы одиобразная радость наконец не наскучила, добрый дядя мой, как будто нарочно, выискал радость другого рода, радость, родственницу сердец чувствительных, подругу неразлучную нашей братьи гипохондриков. «Спойте-ка, дети, песню П<етра> С<ергеевича>, твоего дедушки, а моего отца, — сказал он, оборотясь ко мне, — которую сочинил он едучи, раненый, из персидского похода; не удалось ему пропеть ее дома». Ты слышал, я чаю, и от меня о сем П<етре> С<ергеевиче>, который был витязь здешних мест и гроза всего уезда; теперь узнаешь, что он был и стихотворец по-своему. Ты русские песни любишь: за это тебе спасибо. В них находим мы картины старых времен и, что еще больше, дух людей того века; и для того напишу тебе дедушкину песню всю, как братья мои, а его внучата пели ее.

Песня П<етра> С<ергеевича> Л<ьвова>

Уж как пал туман на сине море,
 А злодей-тоска в ретиво сердце;
 Не сходить туману с сия моря,
 Уж не выйти кручине из сердца вон.
 Не звезда блестит далече во чистом поле,
 Курится огонечик малешенок;
 У огонечка разостлан шелковой ковер,
 На коврике лежит удал доброй молодец,
 Прижимает белым платом рану смертную,
 Унимает молодецкую кровь горячую.
 Подле молодца стоит тут его бодрой конь,
 И он бьет своим копытом в мать сыру землю,
 Будто слово хочет вымолвить хозяину:
 Ты вставай, вставай, удалой доброй молодец!
 Ты садися на меня, на своего слугу;

* Быстро (итал.).

Отвезу я добра молодца в свою сторону,
 К отцу, к матери родимой, к роду-племени,
 К малым детушкам, к молодой жене.
 Как вздохнет тут удалой доброй молодец;
 Подымалась у удалого его крепка грудь;
 Опустились у молодца белы руки,
 Растворилась его рана смертоносная,
 Протхлась ручьем кипящим кровь горячая.
 Тут промолвил доброй молодец своему коню:
 Ох ты конь мой, конь, лошадь верная!
 Ты товарищ моей участи,
 Доброй пайщик службы царския!
 Ты скажи моей молодой вдове,
 Что женился я на другой жене;
 Что за ней я взял поле чистое,
 Нас сосватала сабля вострая,
 Положила спать калена стрела.

Под песенку-то как мой добрый дядя всплакнет!.. Мы, видя, что пятидесятилетний сын после полувека плачет об отце, всякий по-своему также всплакнули, позамолкли, да чуть было и не призадумались. Война оставила у нас рану глубокую в доме; дядя отпускал двух сынов своих; брат П<стр> женился да через три дня в поход пошел — все это вместе чуть-чуть было не кончило веселого дня горьким вечером, как вдруг к нам Морозов: «Поздравляю вас, баря, с миром! Майор проехал и досконально уверяет, что быть делу так».

Быть делу так, ребята! и опять за песни — давай плясать! и теперь все пляшем. Только правда ли это? Напиши, братец, так ли, полно? Если правда, то знаменит будет и для нас и для добрых поселян наших день освящения. Прости.

Быть делу так! Я распечатал письмо мое, чтобы только сказать тебе, что сейчас получил твою одну строчку: «Мир заключен 31 июля». Стоит она поэмы. Быть делу так!

14. Я. И. БУЛГАКОВУ

12 декабря 1791 г. Петербург

Милостивый государь мой Яков Иванович!

Став на колени и всем музыкальным аккордом слезно молю ваше превосходительство возвратить русскому свету, преданному вам дому и слушающим в нем чудотворения Орфеевы. Я чаю Вы

и подумали: «Вот этот с ума сошел да заставляет меня петь или играть». Нет, милостивый государь, а только покорно прошу прислать партитуру оперы Паизелловой «Pazza per amore»*, или «Нина» называемой, которая в Варшаве уже находится <ирзб>. Купить нельзя, случаи же бывают довольно частые, первым из оных можете Вы весьма чувствительно одолжить преданного Вам слугу, если только простите смелость требования за то душевное высокопочитание и беспредельную преданность, с коими всегда был и дале подпишу быть

вашего превосходительства
милостивого государя моего
всепокорнейший слуга

Николай Львов.

15. Я. И. БУЛГАКОВУ

22 февраля 1792 г. Петербург

Милостивый государь мой Яков Иванович!

Мне кажется, что я от радости свалился, получа «Нину», действительно был две недели болен, вот что заставило меня промедлить до сего дня приношением вашему превосходительству моей чувствительнейшей благодарности как за присылку ног, так и за присылку плащей, обе сии вещи в свое время исправно я получил, взял и рассчитался; но как мне расписаться и когда и чем, что я квит с одолжениями, кои висят на душе моей? Не погубите душу грешную, дайте случай отдохнуть ей и исправиться, доказав на деле, что я истинно в целый век пребуду вашему превосходительству милостивому государю моему с совершенным почтением и неколебимою преданностию

преданным и покорным
слугою *Николай Львов.*

* Безумная от любви (*итал.*).

16. А. Р. ВОРОНЦОВУ

30 сентября 1793 г. Петербург

Я очень рад, что ваше сиятельство письмом вашим от 13 изволите на мне взыскивать исполнение таких комиссий, которые я уже сделал; потому что теперь давно уже, я чаю, получили вы планы изоб, а рисунок комодам я, еще в Андреевском сделав, оставил столяру.

Если же сделанные по тому рисунку не будут вам угодны, то прикажите только меня уведомить, какие нужны будут перемены.

У нас здесь превеликая пальба, превеликое сияние, превеликий шум, словом, праздники, от которых, простудясь, с начала сию дома.

Препровождаю при сем псалом Гавр<илы> Ром<ановича>, в стихи переложенный, который пели при столе брачном в первый день праздника.

Петр Александрович действительно подал прошение об увольнении его от кабинета и для того еще не только не уволен, что не найдут преемника. Говорят, Нартов будет...

О смерти Ивана Перфильевича, я чаю, уже ваше сиятельство извещены были. Какой-то химик отправил его на тот свет, разведя по всему телу опухоль, которая у него на ногах была. Отправил да и ушел... его и найти не могут.

17. А. Р. ВОРОНЦОВУ

30 мая 1794 г. Вышний Волочек

Как я благополучен, что из вышнего Волочка уже могу донести вашему сиятельству, что я отпущен до июля, что, может быть, в Москве буду, что, может, и вас увижу. Сие наверное будет, если я только здоровее теперешнего буду.

Может быть, в деревне я поправлюсь, в Петербурге я и этого найти не умел, оставил его без сожаления и без добрых вестей. Худые, я чаю, уже ваше сиятельство слышали.

На всякий случай извините меня, если повторю то же — в Варшаве сделался бунт, ночью по выстрелу пушки солдаты и мешанство бросились резать наших без исключения. Игельстром, Апраксин, Зубов и еще кой-кто ушли в Пруссию и спаслись с 500 человеками. В Варшаве солдат и людей барских перерезано более 3000. Фон Сухтелен и Боур взяты в полон, вся наша артиллерия, деньги и бумаги; о Бюлере и об Аше, так как и о всем министерстве, и слуху нет. На другой день генерал-прови-

антмейстер Новицкий, собрав наши войски, около города и уезда стоящие, вошел в Варшаву, отбил 20 наших пушек и несколько телег. В тот же день в Вильне поляки окружили живущих в городе генералов, штаб и обер-офицеров взяли в полон (сии все посажены в монастыре в Вильне), перерезав караул, в 220 человек состоявший. Тут взяты генерал-майор Арсеньев, подполковник Языков, других не помню; а когда собрались и пошли на помощь стоявшие войски из уезда, то нашли, что все паромы обрезаны. В Гродно генерал-майор Цицианов лучше всех сделал: он окружил город, сказал им, что видит в оном некоторое возмущение; то если против Костюшки они ополчуются, он идет с ними, но до приближения неприятеля должны они сложить оружие, или он их сожжет. И они все сдались.

Между тем партия Костюшки, проповедывающая по голосу Робеспьера равенство и вольность, увеличивается, говорят, до 16 000, за французские деньги (они получили, говорят, 15 миллионов ливров) и теперь заперлась в Кракове. Король прусский с 40 000 войска вошел уже в Польшу. Наши до 50 000 уже двинулись под начальством князя Репнина. Игельстром отставлен. Апраксина, говорят, судить будут. Вот сколько дурного вошло мне в голову — зачав писать, я, право, и не думал, а теперь вижу, что еще не все; но прочее от прочих вы узнаете, а я боюсь пропустить почту, которой мимоездом пользуюсь. И меня торопят... Простите, мой милостивый граф.

18. А. Р. ВОРОНЦОВУ

19 июня 1794 г. Петербург

Вот какой черный на меня год пришел, мой милостивый граф: переломил руку, шесть месяцев глазами страдал и теперь еще худо могу ими работать, а наконец, всего хуже, я чуть было не потерял Марью Алексеevну, которая после родов имела прежде-стокую горячку и теперь еще из постели не вышла.

Ваше с<иятельство>во легко можете заключить, каково мне было, и по тому одному, что так долго лишился чувствительного для меня удовольствия писать к вам о житье своем.

Физика моя совсем разрушилась, как говорил покойный Эк, и я 10 лет в один год состарился. Когда Мар<ья> Алекс<еевна> будет в состоянии выехать, то советуют мне вывезть ее в деревню, куда я и намерен проситься; но еще не прежде месяца будет можно исполнить, если выздоровление ее так же пойдет, как теперь, а не лучше.

Ни о каких новостях не могу я уведомить ваше сиятельство, потому что никуда не выхожу и ничего не знаю.

Знаю только, что флот наш пошел в море с Ханыковым, что куплено и последнее имение герцога Курляндского за два миллиона руб<лей>, что куплен дом Шувалова для гра<фини> Браницкой за 160 000 р<ублей>, что для привезенной библиотеки строит на углу сада Аничковского большой каменный дом, куда публично вход, говорят, позволен будет. Дай Бог, чтобы я услышал о здоровье вашем лучшие вести, нежели о своем сообщить могу.

19. В. В. КАПНИСТУ

31 августа 1794 г. Черенчицы

Полсвета почти мы объехали с Марьей Алексеевной, по незнакомым дорогам и в дурное время едучи иочь и день, в Черенчицы приехали благополучно, потому что не суждено было, видно, мне обыкновеннейшим ходом доехать до несчастья и для того, пусться скакать самым бешеным образом по своему полю, разбил в прах свою лошадь так, что она и крестец, споткнувшись в своем обороте, совсем сшибла, а я, будучи завернут в своем плаще и упав несколько шагов вперед лошадю, переломил себе кость, соединяющую плечо с грудью, и теперь лежу спелененный в постеле.

Ты представить не можешь, сколько сей по общему мнению несчастный случай необыкновенное мое счастье обнажил. Я сам думал, скакавши, что ежели на такой быстроте упадет лошадь, то и в железном бы седоке жизни не осталось, и, несмотря на это, скакал без всякого другого намерения, без всякой нужды, кроме той, чтобы чрез полчаса подняли меня без чувств; первое мое ощущение и слово состояло в том, чтоб поблагодарить Бога с необыкновенной радостью и, переломя себе руку, будто бы я нашел находку, что не переломил себе шею.

20. В. В. КАПНИСТУ

28 ноября 1794 г. Петербург

Я весьма рад, друг мой, что вчера получил письмо твое и заповедь твою в рассуждении женщин. Исполню на одном только условии, чтобы, так как ты их не велишь слушать, чтобы ты не слушал законников или пустосвятов — продадут, братец, так, как меня продали, сперва заведут кашу, а потом хоть и себе выведут на руку, но того уже накормят, для кого варили — пусть это

покудова между нами будет загадка, они, может быть, тебе сами растолкуют, хотя не в мою пользу. Впрочем, я Анны Петровны не слушал, и, несмотря на слезы, она меня к тому не сбила, а кто ее сбил к тому, о том плачься Богу, а слезы — вода. Посылаю к тебе, мой друг, целый груз стихов — посредственных, дурноватых и дурных, между прочим, по старшинству следует «Песнь Екатерине II», которую намахал наш искренний приятель. И я накануне ему предсказал, что ему вымоют голову — и вымыли. Не пиши дурных стихов, а слушайся приятелей; а как я его впрочем накануне ни просил многое выкинуть, кое-что поправить.

Но можно ль удержать советом бую
Такого автора, который за столом
В беседе и с пером
Все любит тьюю.

Я сам не пишу к тебе для того, что у меня глаза болят. Однако напишу немножко.

Ты утешаешь его стихами о потере Катер<ины> Яков<левны>, несравненной сея жены; потому что он говорит — я не хочу учиться... и для того Дарья Алексеевна хочет итить за него замуж. Ну-ка, кто скажи, что действительно?

Прости, брат, вручители двух твоих писем не вручали мне оных, и я их никогда не видал. Сашу целую.

21. В. В. КАПНИСТУ

28 февраля 1795 г. Петербург

Племянник твой Богдан Иванович, которого отец, говорит он, назывался Емельян, вручит тебе письмо мое.

Прошлого года в апреле выпущен был он в полк; но явился ко мне и в ноябре почти в таком состоянии, как и пред Суд Божий, сказывая, что он сначала был болен, а потом хотя и выздоровел, но не имуществом, хуже всего, что он просрочил, никому из нас ничего не сказал вовремя и выключен из полку без аттестата.

Всеми неправдами теперь он в полку и в службе опять, обмундирован кое-как и к тебе отправляется для того, что ему мимо Киева ехать, а без того я прямо бы его мог отправить. Долгов он по себе не оставил, только ты хорошо кабы не задержал его у себя. Когда я его взял к себе жить, то на другой день отнял его у меня в заклад какой-то шубник барский. Слуга и не пускает. «За что это, брат?» — «Заплати мне, — говорит он, — ведь я не твой». — «Да что так много?» — «Много? И скотину больную не

выкинешь, а он был человек». Этот «был» мне весьма полюбился. Шубник остался доволен, и племянник твой, каков есть, возвращается. Прости. Я третье письмо об этом пишу к тебе; но ты о делах никогда не отвечаешь и про художников не отвечал.

Я долго не знал, что с ним делать, никто не хотел его опять определить, и для того я у тебя спрашивал, куда мне его девать.

Глаза у меня все еще болят. Это ничего. Все святоши великое делают зло. Не верь святошам — продадут. Прости, рожа!

22. В. В. КАПНИСТУ

28 сентября 1795 г. Никольское

Поверишь ли ты, друг мой, что ласкательная твоя ко мне доверенность, всегда мне удовольствие причинявшая, на теперешний раз меня оскорбила, и я перевода твоего, мне кажется, очень хорошего, никак не могу поправить, хотя некоторыми стихами не совсем доволен. Я как-то поглупел и потерял ту способность подделываться под тон приятелей своих, когда дело шло о поправлении какой-нибудь стихотворческой ноты. Может быть, по возвращении в Петербург и при свидании с лирической музой Гаврила Романовича возвратится ко мне способность услужить тебе, которую изменническое здоровье Марьи Алексеевны у меня похитило. Ей, однако, слава Богу, лучше и гораздо лучше, она ходит уже по горнице без всякой посторонней помощи. При выздоровлении ее ничто еще в словесном свете так не обрадовало, как твои маленькие стишки, на обертке моего нелепого Анакреона напечатанные. В нем подлинно столько ошибок, что никто не усумнится в той истине, которую, погоняя меня, типографщики напечатать заставили. Ты, я думаю, сам заметишь, что последняя книга по мере печатания мною переводилась и что ошибки в ней по тому же самому аршину обильно отпущены. Тут в примечаниях есть ссылки на такие стихи, которых и в тексте нет, потому что примечания уже печатались, а я в корректурных листах поправлял некоторые стихи в одах. Я слышу, что хотят сделать второе тиснение, то, может быть, иное что я и поправлю; но теперь нет ни доброй воли, ни способности.

Я очень тебе верю, что твой перевод много труда стоил, и, похваливая твою точность, не знаю, однако, для чего твой вкус поленился выкинуть многие галликанские местные затеи, без которых бы русские твои сады, облегча твой труд, не потеряли ни красоты, ни тени; и каково вообразить, что твой Филипп, которому Делиль приносит в жертву талант свой, есть тот самый

Egalité *, которому мало было под гюиллиотиною казни. На месте его приятнее бы, кажется, красовался в стихе русском Иван Андреевский и твой Терентий (ежели, впрочем, он не так тебя теперь обдирает). Вить такая беда, что чем перевод русский совершеннее, тем несноснее и чувствительнее подобные занозы. Но мы когда-нибудь вместе его с тобою прочитаем, и их легко будет с корнем выдернуть; а ты между тем сади свой обуховский сад из благодарности, что тень его лучше вод Иппокренских дает тебе жизнь покойную и хорошие стихи.

Глаза мои все еще бельмы, мой друг! И я не могу сам беседовать с тобою рукой моей так, как бы хотелось, то есть и много и долго.

P. S. Вот еще какая новость. Мальцов <нрзб> потерял не только все мои сочинения, сколько их ни было, но и записки мои, до художеств касающиеся, и все мои журналы. Нет у меня теперь в библиотеке ни строчки, а в голове ни одной мысли. Я чаю, ты бы за это рассердился. И я бы рассердился, да стал глуп очень, так все равно, прости.

23. Н. П. ЯХОНТОВУ

10 сентября 1796 г. Петербург

Оперетку, которой ты у меня слова видел, секретарь безграмотности моей потерял со всеми моими вздорными сочинениями, записками, журналами, которые в тридцать лет кое-как накопились, так прошу на него не прогневаться и на меня за то, что сам больше писать не могу, ибо слеп есмь, а стану диктовать Алексашке, который в голосе своем гораздо более имеет нот, нежели в русской азбуке букв считается. Для него и для двух моих девочек напишу я маленькую драму и пришлю к твоему песнословию; а теперь посылаю к тебе готовую почти оперку для того, чтобы дать тебе работу и практику положить инструменты к тем голосам, у которых оркестра не отыскалось. Потрудись, зимою привези, и мы заиграем: 48 человек музыкантов к твоим услугам готовы. «Пастушья шутка», к тебе посылаемая, должна бы скороспелкою назваться, если бы скорое дело извиняло худое произведение. Мне задали ее как задачу, которая пусть хвостом письму, а головою драме служит.

* Равенство (франц.) — фамилия герцога Филиппа Орлеанского (1747–1793), которую он взял себе в 1792 г

24. В. В. КАПНИСТУ

3 июля 1797 г. Павловск

Прости меня, любезный друг Василий Васильевич, что на поздравление твое умедлил я тебе отвечать, ей-ей, для того не напишу 1000 причин, что ни одна вероятною не покажется, кто их в глаза не видит.

Благодарствую искренно, что ты радуешься и тою моею радостью, которая меня еще не порадовала и не угодит разве на досуге.

В деньгах с Дашинькою я рассчитался, что касается до Левкиной сестры, то тебе, я чаю, известно, мой друг, что мы отдавали учить ее к одному англичанину в Могилев ходить за бельем и готовить кушанья. Говорят, что она изрядно этому и выучилась, то, получа твое письмо, написал я, тотчас чтобы прямо оттуда к тебе ее отправили, если это не исполнено и она еще не у тебя, то скоро туда отправится. Сам Менелас, у коего она жила, и пошлет ее с нарочным.

Мое отправление в Москву для перестройки Кремля по сию пору тянется потому, что здесь дают дело, которого конец нередко рождает начало.

Живем же мы здесь полусемьею, только с нами большая дочь, две маленькие в Питере, а сыновья в Москве. Каково? Прости.

25. П. В. ЛОПУХИНУ

1799 г (?) Москва

Милостивый госу <дарь> Петр Васильевич!

Введенское ваше таково, что я замерз было на возвышении, где вы дом строить назначаете, от удовольствия, смотря на окрестность; и 24 градуса мороза насилу победили мое любопытство. Каково же должно быть летом? Приложя, как говорят, руки к делу, место сие выйдет, мало если сказать, лучшее из Подмосковных. Натура в нем все свое дело сделала, но оставила еще и для художества урок изрядный. От начала хорошего, от первого расположения зависеть будет успех оного. Правда, что возвышение, под усадьбу назначенное, имеет прекрасные виды, с обеих сторон красивый лес, но кряж песчаный и жадный: воды ни капли, и все то, что на возвышении посажено ни будет, будет рость медленно и хило, ежели не взять к отвращению неудобств нужных мер. В новом фруктовом саду, по песчаной горе расположенном, также нет ни капли воды, как и на скотном дворе; на поливку и на пойло

должно по крайней мере определить три пары волов в лето, а без хозяина легко выйти может, вместо пользы, одно из двух необходимое зло: или коровы будут без поила, или вола без кожи.

Там, где вы назначили мне и конюшенному двору положить основание, т. е. по правую руку от проспективной дороги к роще, то по теперешнему положению место не весьма выгодно, потому что весьма удалено от водопою. Хорошего же колодца иметь на горе никак нельзя, и выкопанный в 12 сажен колодец держит в себе воды небольшое количество, которое скопляется из земли, а действительной ключевой жилы нет, да и быть не может, потому что горизонт обеих побочных речек, да и самой Москвы-реки лежит весьма низко, то, если до хорошей воды доискиваться, должно копать до самой подошвы Москвы-реки, а тогда хотя и будет в колодце воды довольно, но доставать ее будет весьма трудно. Для отвращения всех сих неудобств исходил я все окрестности усадьбы, и знаменитый Брюн насилу мог за мною угнаться. Освидетельствовав обе побочные реки и берега их, кажется мне, что есть возможность оживотворить живыми водами прекрасную, но по сию пору мертвую и безводную ситуацию вашей усадьбы, — в саду и в скотном дворе вашем будут фонтаны, возле дома каскад великолепный, конюшенный двор при воде же текущей построен будет там, где вы его назначили. Словом, прекрасное положение места будет, право, несравненное, все оживет и все будет в движении; по сию пору я признаюсь, что виды романтические составляют без вод мертвую красоту, я говорю, без вод, потому что нижние воды, на которые хозяин имеет только право глядеть, а в деле употребить не может, я <нрзб> считаю.

Все это проверил я на месте, нанес на план и теперь делаю расположение всей усадьбы вообще, которое по возвращении моем представлю на ваше одобрение.

Чрез три дня отправляюсь я во Тверь для окончания подрядов на постройку новоторжских казарм, сообразя план оных с местоположением. Покорно прошу ваше высокородие написать к Игнатью Антоновичу, чтобы меня только не удержали, дабы я успел по конфирмации плана на казармы возвратиться опять сюда и запастись весь материал, для строения нужный.

26. А. Р. ВОРОНЦОВУ

1 апреля 1799 г. Петербург

Я надеялся вашему сиятельству о состоянии здоровья князя Александра Андреевича дать лучшее известие, а потому и медлил

письмом; но к лучшему по сю пору не видно никакой перемены. Несколько уже ночей спит он дурно, вся правая сторона и язык парализованы, говорить он ничего не может, испарина пресильная и ко всему этому четвертого дня сделался запор урины, а вчера открылась рана на задней части. Оба сии казусы несказанно усугубляют его страдание, две недели уже сидим у него с утра до вечера, и ваше сиятельство легко представить можете, каково видеть в сем состоянии человека угасающего. Если бы двадцатилетнее мое при нем пребывание и мои к нему обязанности душевные мне сие не делали тягостным, так уже и то неравнодушно, что одно слово его развязывало, бывало, конверсацию, когда забудут число, какое ни есть, и имя. Теперь он сохранил ту же память и не может произнести ни одного слова.

Сомнительно начинает становиться, чтобы мог он скоро прийти в состояние предпринять к водам дорогу, и хотя медики не отчаиваются или по крайней мере ласкают нас выздоровлением его, но умножающаяся ежедневно слабость противоречит обещанию их.

Что касается до меня, к совершенному моему огорчению я не вижу в нем ничего хорошего вперед; упадок духа, ипохондрия, которой он никогда не знал и не верил, дурные поруки и товарищи, дай Бог, чтобы я обманулся в этом горестном гадании.

3 апреля 1799 г.

Человек, который обещал свезть письмо мое, отложил свой отъезд до среды, а между тем новые, но не лучшие перемены в здоровье князя Александра Андреевича воспоследовали. Вчера зачал он спать, и сегодня этот сон продолжается; кто войдет в комнату, он подымет глаза и тут же их опять опускает. Испарина продолжается, и вчера ввечеру открывшиеся геморроиды дали было какую-то неверную надежду; но сегодняшнее утро ничего хорошего не принесло, сыпучка продолжается, а к тому прибавила еще и икота, которую, однако, остановили. Время переменялось на лучшее, и больной наш стал немножко посвежее. Круз опасается теперь только, чтобы открывшаяся рана не заразила становой жилы и не сообщила антонов огонь во внутренность тела; но я теперь говорил с Иваном Филиппович Бекон, который утвердительно меня уверяет, что рана сия не так опасна, как его сыпучка, происходящая оттого, что давно накопившиеся в теле его остроты заражают соки, и что умножение сей язвы гораздо мудренее остановить, нежели очистить рану, которая довольно хорошо нарываает. Впрочем, все это ученые толки, которые успокаивают нас на ту только минуту, когда самого больного <нет>, а вид его разрушает всякую добрую надежду.

4 апреля 1799 г.

Сегодняшний день поутру князь гораздо был противу вчерашнего свежее, принимал бульон и мог раза два пить чай; но под вечер сделалась судорожная лихорадка и внутренний удар, который нас всех в превеликое привел замешательство. Через несколько часов сделался пот, пульс учредился и больной наш заснул; доктора велели нам его оставить в покое, и мы часу во втором с графом Петром Васильевичем разошлись. Бог знает, чем обрадует нас завтрашнее утро и завтрашний праздник. Глаза мои только позволяют утвердить это несчастное описание своею рукою. Сейчас князь Петр В<асильевич> привез указ о пожаловании Виктора Павловича графом.

27. Г. Р. ДЕРЖАВИНУ

24 мая 1799 г. Никольское

Во-первых, благодарю тебя, мой добрый друг, за песенку, которую ты спел русскому Полкану; в ней полюбилась мне твоя мистика:

И девятый вал в морских волнах,
И вождь, воспитанный во льдах,
Затем что наше дивно чудо,
 Как выйдет из-под спуда,
Ушатами и шайкой льет
На свой огонь в Крещение лед.

Вот беда только для меня — твое норвежское богословие: не вижу я никакой причины к воскресению замерзших и нелсных богов Северного океана:

Нелепые их рожи
На чучелу похожи,
Чухонский звук имян
В стихах так отвечает,
Как пьяный плоской ударяет
В пивной пустой дощан.

Я, право, боюсь, друг мой, чтобы не сказали в парнасском сословии, куда ты украдкою из сената частенько ездил, что

В Петрополе явился
 Парнасский еретик,
 Который подрядился
 Богов нелепых лик
 Стихами воскресить своими
 И те места наполнить ими,
 Где были Аполлон, Орфей,
 Фемида, Марс, Гермес, Морфей.

Как он, бывало, пел,
 Так грации плясали —

И грации теперь в печали.
 Он шайку маймистов привел;
 Под песни их хрипучи, жалки,
 Под заунывный волчий вой
 Не муз сопляшет строй,
 Кувыркаюся валки.

Бывало, храбрых рай он раем называл,
 Теперь он в рай нейдет, пусти его в Валкал.

Сохрани, Господи, как первую букву нового твоего рая нечисто выпишет переписчик, то типографщик с печатным пачпортом тотчас отправит первого нашего героя вместо награждения за храбрые дела в ссылку на Байкал. Побереги, братец, Христа ради:

И храбрые души,
 И нежные уши;
 Я слова б не сказал,
 Когда, сошедши с трона,
 Эрот бы Лелю место дал
 Иль Ладе строгая Юнона,
 Затем что били им челом
 И доблесть пели наши деды,
 А что нам нужды, чьим умом
 Юродствовали ланги, шведы.

Глаза у меня так болят, что я не токмо сам писать, но и поправить писаного не могу: с утра до вечера учу мужиков из пыли строить палаты; а пыль и солнце — весьма дурные окулисты. Что продиктовал, того у меня не осталось, а потому для справки прошу прислать мне копию, которую ямщик списать не позволяет.

Р. S. Я не токмо не получил от тебя 500 экземпляров «Росы»; но ниже 5 не отдавал Глазунову, с которым я не имел никакого дела. Для удостоверения сего пошли ты сам спросить сих

экзсмпляров от имени моего и сообщи, пожалуйста, ответ его. Глазунову давал книги Петр Лукич, так не ему ли ты отдал? сему верь.

Н. Львов

28. Д. Г. ЛЕВИЦКОМУ

22 апреля 1800 г. Москва

Здравствуй, мой старинный друг и поборник художества любезного!

Пришли ты мне, пожалуйста, хоть коротенькое известие, у кого ты сначала учился, когда вошел в Академию, какие суть главные произведения кисти твоей и нет ли копии с стихов, напечатанных в журнале на случай портрета императрицы, равным образом и ответа твоего. Также уведоми меня, что знаешь об Колокольникове и Антропове, когда они жили и что написали. Я скоро выдам словарь о художниках, так хочется поставить их лица в кивот памяти.

Прости, будь здоров.

29. Е. А. ГОЛОВКИНОЙ

28 мая 1800 г. Тюфли

Мил<остивая> гос<ударыня> графиня Катерина Александровна!

Я признаюсь с извинением, что ответом умедлил вашему сият<ельст>ву единственно потому, что болезнь моя не допустила меня лично с вами объясниться. Сие тем паче нужным почитал я, что изустные требования г<осподи>на Скворцова о возвращении назад мальчика, на которого ваше сият<ельст>во дали мне крепость, которого в продолжение нескольких лет я воспитал и выучил, почел я собственною выдумкою г<осподи>на Скворцова или домашних: ибо он сказал, что сие делается по неотступной просьбе лакеев ваших, братьев Александры, но, получа вчерась письмо вашего сият<ельст>ва, спешу сим почтеннейше отвечать.

Вашему сият<ельст>ву угодно знать, кому мальчик Александр принадлежит; он принадлежит мне с того времени, как угодно было вам дать на него крепость; а потом изволите спрашивать, что я из него сделал. Во все время продолжал я его учить

музыке у капельмейстера Сартти в намерении иметь для управления маленького хора, а когда с летами его и учение довершится, если благодарность его будет порукою вперед за доброе поведение его, то дать ему свободу на некоторых для него же полезных условиях: поелику безвременное увольнение послужило бы к пагубе его таланта и его собственно. Наконец, угодно вам спрашивать: «Могу ли я иметь его у себя?» — если это на время, так как я и понимал, то я приказание ваше тотчас исполнил и послал его к вашему сиятельству, как скоро за ним прислали, по возвращении сказал он мне, что он вас не мог видеть. Из чего вторично я подумал, что в этом деле мешаются более посторонние внушения и прихоти, нежели собственная ваша воля, основанная на чувствах благородных и справедливости. Сие самое убеждение мое не допустило меня подумать, чтобы желание ваше было взять у меня безвозвратно отданного мне мальчика, не приняв во уважение, что я воспитал его под собственным моим смотрением, что сей труд известен каждому, желающему воздержатъ от подлых понятий и поступок подлого человека, что на сие я потерял много времени и труда в надежде пользоваться плодами учения моего. И, наконец, по окончании учения сего лишиться сих надежд и самого воспитанника от той же самой руки, которая вручила мне молодость его под видом подарка. Я не забыл, милостивая государыня! что вам не угодно было принять от меня за него денег при совершении крепости. Что же касается до издержки, которую ныне предлагаете заплатить мне за учение его, то я смею донести вашему сиятельству, что этого мне никто заплатить не может, я скорее с сердечною благодарностию сам внесу за него деньги, нежели приму оные от кого ни есть, потому что за труд воспитания мне заплатить непристойно, за учеников посторонних Сартти брал в год по полторы и по две тысячи, о чем можете узнать от господина Хлебникова и прочих. Я ему денег не давал, но дарил его картинами, он учил его за платою дружбы, а я на учение сие терял свои к нему услуги, случай и время, которое для меня всех денег дороже. Вот, милостивая графиня! истинная исповедь души мой; не грешен я еще ни двояким словом, ни двояким поступком, а менее еще перед вашим сиятельством. Привыкши с удовольствием питать почтение к особе вашей, и с сим сердечным чувствованием, равно как и с преданностию беспредельною честь имею быть.

30. А. Р. ВОРОНЦОВУ

4 марта 1801 г Москва

Милостивый государь и душою моею почитаемый граф Александр Романович!

Граф Бутурлин, мне помнится, сказывал, что ваше сиятельство об мне осведомлялись, он, мне кажется, и сам был перед своим отъездом, мне, право, кажется, что с того дня стало легче, все мне представилось, я пришел с того света, и в тот вечер я плакал, как ребенок. Силы мои душевные и телесные совершенно истощились, как я диктую, так и хожу, когда меня двое водят; дай, Господи, чтобы никогда судьба не оскорбила здоровье вашего сиятельства. Здоровы ли вы, мой почтенный граф, напишите вы ко мне об этом только сами, хоть одну строчку и простите мне ребяческое ощущение, первое, которое меня уверило, что я жив и для морального света. Говорят, будто вы в Москву не будете, Боже мой, как мне это горько, когда же я вас увижу? С новым годом поздравить, с новым веком, дай Бог вам его кончить с тою непоколебимостью духа и твердостью душевною, чему я только мог завидовать. Напишите ко мне, мой милостивый граф, действительно ли вы в Москву будете, чтобы мне не потерять этого случая обнять вас душою и сердцем, ведь я должен буду везти кости мои в Петербург, как скоро в состояние приду, хотя недвижимым, лечь в возок. Напишите мне хоть одну строчку и верьте, что вы больше сделаете, нежели все доктора мои, потому что я душою и сердцем преданный покорный вашего сиятельства милостивого

государя слуга Н. Львов.

Как рука моя ходит, так я и сам. Сделайте милость, мой почтенный г<граф>, прикажите меня ссудить из библиотеки вашей, мне очень нужно «Les arts et metiers» *. Г<граф> Бутурлин мне дал I том, да приставили с обнаженными шпагами часовых, чтобы не замарал, так как что выписать можно? А спрашивают. Я ему кланяюсь.

* «Искусства и ремесла» (франц.).

31. П. В. ЛОПУХИНУ

18 июля 1801 г. Петербург

К вам, милостивый государь мой Петр Васильевич! и с добрым и с худым; едва я сюда приехал с того света на костылях, тотчас мне плясать захотелось, дай ноги. Камердинер говорит: «Забыл, сударь, в Москве...» Ну, так пусть другие пляшут, я стану петь... Запел, и никто не удивляется, что во все горло... Перекричишь ли шляпки, шайки певцов, хоры на воде и на сухом пути. Что за пропасть?

Или свет переменялся,
Или я переродился?
Или здесь я с головой,
А там был все безголовый;
Жил и не жил целый год,
Не летал, не пресмыкался;
Здесь я точно так попался,
Как на ярмонку урод:
Между пляшущих, прекрасных,
Дней цветных, весенних, ясных
В иступленный хоровод!
Да в Москве-то что же будет?
Там-то голос вознесется
Русской песни высоко!
Там-то уж рекой прольется
Медовое молоко!
Грянут лодки стовсесельны
Наших удалых ребят,
Берега у них кисельны,
Да и ложки в них торчат!
Все, чего душа жаждает,
Подымается горой:
Рот вспевало разевает,
Да сказать не успевает:
«Ешь, ребята, пей... да пой!»

Да что же они запоют, покорно прошу объяснить мне, слуге вашему. Вы думаете, может быть, что

Московский наш народ
Не забыл старинну песню,
Как с Андреева на Пресню
Протянулся хоровод!

Как царица воцарилась,
Как полночь просветилась
Наших сладких дней венцом
И как радость прокатилась
По России кубарём!

Не спору — да надобна премена:

И мужской надежды тон,
Чтобы правда в ней сверкала,
Песня делу отвечала
И там, где «она» стояла,
Надобно поставить «он».

Извольте, я бсрюсь за это дело, купцы, говорят, свое дело сделали, пусть дворяне согласятся не отстать от них, я первый кладу два рубля семьдесят пять копеек, которые остались мне от бескорыстности никольского аптекаря, учрещу, напишу и устрою такой праздник, от которого всем будет нескучно, кому весело. Говорите, пишите, и я поспешаю воротиться, если дело будет, понеже я есмь вашего превосходительства покорнейший слуга Николай Львов.

Не прогневайтесь, что не успел переписать, пишу на чужой бумажке, в канцелярии Александра Андреевича, ожидая его возвращения, а почта идет и не ожидает.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

М. Н. МУРАВЬЕВ

Краткое сведение о жизни г<осподина>
тайного советника Львова

Николай Александрович Львов, тайный советник и орденов Св. Анны второго класса и Св. Владимира третьей степени кавалер, Академии Художеств, Российской Академии и Вольного экономического общества член, скончался в 1803 году в Москве около пятидесяти лет от роду. Отменные дарования, любовь художеств, чистота вкуса, глубокие сведения в науках и хозяйственном употреблении оных поставляют его в число благородных особ российских, наиболее отличавшихся просвещением. Происходя из древнего дворянского рода Тверской губернии, положил он в домашнем воспитании первые начала знаний, которые, конечно, не могли бы образовать духа его, если бы врожденная склонность, верное и нежное чувство прекрасного не предначертали ему заблаговременно истинного назначения его. В нежнейшей юности своей отличался он между товарищами знаменитого состояния, к которому определила его порода возвышенностию чувствований, благородством вкусов и глубоким размышлением, с того самого времени имел он счастье составить знакомства и дружества, продолжавшиеся во все течение жизни его. Обхождение его имело в себе нечто пленительное, действие разума его, многими приятностями украшенного, было неизбежно в кругу друзей его. Извинительно некоторым образом, ежели, приучен будучи к сей верховности дарований, имел он внутреннее чувство достоинств. Слава есть последняя страсть, от которой благородное сердце исцелиться может.

Юность его счастлива была одобрением просвещенных благодетелей, в обществе которых распространился, без сомнения, округ познаний его и образ мыслей. С удовольствием можем мы

назвать из первых почтенного летами и заслугами государственного человека г. действительного тайного советника Михаила Федоровича Соймонова, которого беспримерная кротость и снисхождение столько были сильны к раскрытию рождавшихся способностей. Другой чиновник важного и проницательного разума, Петр Васильевич Бакунин, имел много участия дружбою и ободрением своим в образовании г. Львова, которого присоединил он к департаменту иностранных дел. Наконец знаменитый по всем отношениям министр Екатерины Второй к < князь > Александр Андреевич Безбородко удостоивал его своим особенным вниманием.

Все искусства имели прелести свои для чувствительного сердца Львова. Музыка, стихотворство, живопись, лепное художество; но предпочтительно архитектура стала любимым предметом его учения и план церкви Св. Иосифа в Могилеве опытом дарований его.

Много способствовали к образованию вкуса его и распространению знаний путешествия, совершенные им в лучшие годы жизни, когда чувствительность его могла быть управляема свойственным ему духом наблюдения. В дрезденской галерее, в колоннаде Лувра, в затворах Эскуриала и, наконец, в Риме, отечестве искусств и древностей, почерпал он сии величественные формы, сие понятие простоты, сию неподражаемую соразмерность, которые дышут в превосходных трудах Палладиус и Мишель Анжев.

Страстный почитатель гражданина женева, в его волшебном мире препроводил он те бурные лета, в которых другие преданы единственно чувственным впечатлениям, гоняются за убегающими веселиями. Способен к глубоким размышлениям, приучил он себя заблаговременно к наблюдению человеческого сердца. Сей образ размышлений занимал приятным образом мечтательность его, покуда дела и попечения семейства не предали его важнейшим упражнениям.

Собственный свой путеводитель, приобрел не в одних приятных искусствах, но и во всех почти отраслях человеческого знания обширные сведения. Знание многих языков, почерпнутое из неутомимого чтения, облегчало ему способы последовать новым откровениям в науках и в приложении их к общей жизни. Таким образом издал он Анакреона с литтеральным переводом и комментарием подлинника и российскую пиростатику, или способ строения печей, уменьшающих издержку лесов. Между тем как, с одной стороны, собирал древности, камси и картины славных живописцев Италии, с другой — ввел первый в отечество виденное им в Испании земляное строение, которое наипаче в южных

областях государства может быть с успехом употребляемо, отыскивал каменный уголь во внутренности валдайских гор и учил похищать с бесплодных болот переплетенный корнями торф.

Особенные друзья его, сперва по общей любви к письменам, потом по семейственным отношениям, величественный Державин, остроумный Капнист, уважали знания его.

Г. Р. ДЕРЖАВИН

Память другу

Сочинено в С.-Петербурге в 1804 году;
напечатано в издании 1808 года.

Воздвигнув из земли громады
И зодчества блестя челом.

Ода сия написана по случаю кончины тайного советника Николая Александровича Львова, истинного друга автору. Сей человек принадлежал к отличным и немногим людям, потому что одарен был решительно чувствительностью к той изящности, которая, с быстротою молнии наполняя сладостно сердце, объясняется часто слезою, похищая слово. С сим редким и для многих непонятым чувством он был исполнен ума и знаний, любил науки и искусства и отличался тонким и возвышенным вкусом, по которому никакой недостаток и никакое превосходство в художественном или словесном произведении укрыться от него не могло. Люди, словесностью, разными искусствами и даже мастерствами занимавшиеся, часто прибегали к нему на совещания и часто приговор его превращали себе в закон. По части архитектурной он известен многими зданиями, по высочайшей воле построенными. Известны церковь Борисоглебского монастыря в Торжке и другие. Где надобен был сад, загородный роскошный домик, где надобен был великолепный праздник, знатный дом, иногда театральный балет, иногда значительная какая-либо декорация, там гений его обращал все в чудесную прелесть. По части хозяйственной в государственном отношении он открыл в значительном количестве каменный земляной уголь в России, могущий заменить привозимый к нам из Англии, но разработка оного надлежащего успеха не имела. Он ввел землелитное строение, которого образец донныне существует в Гатчине, изобрел воздушные каминны и другие домашние удобства.

С кем вторя, он Добрыню пел,
Меж завтреной и меж обедней,
Взмахнув крыла, в свирель гремел.

Он особенно любил русское стихотворство, сам писал стихи тем метром, какой существует в наших простонародных песнях, сочинил отрывок небольшой поэмы, под именем «Добрыня» и в сем творении своем неподражаем. Стихи сии были напечатаны в «Русском вестнике» в Москве. Время между завтрени и обедни

назначено для того, что по нашим преданиям древние богатыри употребляли время сие на совершение чудесных своих подвигов. Известно, что Илья Муромец между завтраи и обедни приехал из Владимира в Киев.

Изящным, легким дарованьем
Теките, Музы! вслед его.

Ни в каком его творении никогда выработки видно не было. Казалось, сами музы рукой его водили. В кругу его друзей донные существуют некоторые из его сочинений: «Путешествие на Дудорову гору» в стихах и прозе во вкусе известного «Путешествия Шапеля и Бамошона», «Парисов суд», стихи для оперы «Сильф» и проч. Сам автор не иначе выработывал свои стихи, как по его дружеским советам.

Фивейски молньи и перуны
Росой тиисской упоять.

То есть фивского певца Пиндара песни умягчать тиисским или анакреонтическим тоном. Николай Александрович Львов переложил на русский язык стихи Анакреона по буквальному переводу с подлинника одной духовной особы, известной ученостью и знаниями и именно Евгения, Таврического архиепископа, который перевел Вергилия на греческий язык и известен многими учеными сочинениями. Буквальный перевод Анакреона в стихах был напечатан и остался ныне у немногих.

Кто памятник над мной поставит *и пр.*

Львов, будучи гораздо моложе автора и обещая в одном к нему письме соорудить памятник, сам скончался пржде автора.

Уж слезы Лизы и супруги *и проч.*

Львов оставил по себе супругу, двух сынов и трех дочерей, из коих старшая была Елизавета.

Ф. П. ЛЬВОВ

Николай Александрович Львов

Происходя из древнего дворянского рода и не будучи человеком богатым, труд, нужда и чужая сторона (лучшие наставники в жизни!) образовали, украсили и разум его и сердце.

В нежной молодости свойство его изображалось чертами резкими и решительными. Необычайная бойкость, предприимчивость и устойчивость в преодолении всякого затруднения заставляли и отца и мать его думать часто, что (как говорится) не сносить ему головы своей.

Надобна ли ему какая игрушка? Он изломает стол, стул, что встретится, и игрушку своими руками сделает. Станет ли кто выговаривать ему шалость? Тот же стул полетит ему в лицо. Надобно ли, чтоб на домашней кровле всртелось колесо по ветру? Молодой художник утверждает его своими руками и бегаёт по крыше, как по полу.

Таков он был, доколе умственные способности его не могли равняться с деятельностью телесною; но когда в отроческих летах лишился он отца своего, горестное сие событие, новая забота об оставшихся в сиротстве матери с сестрами как будто возбудили дух его.

Разум пылкий, изобретательный, любопытный, к впечатлениям отверстый и скоро объёмлющий, скоро истребил в нем упражнения праздные! Беспечность и забавы сельские, единого движения требующие, усыплять его более не могли.

Будучи записан гвардии в Измайловский полк, он пустился в Петербург и явился в столицу в тогдашней славе дворянского сына, то есть лепетал несколько слов французских, по-русски писать почти не умел и тем только не дополнил славе сей, что, к счастью, не был богат и, следовательно, разными прихотями избалован не был. Явясь в полк, помещен он был в бомбардирскую роту и ходил наряду с другими учениками в полковую школу.

Тут уже острота разума его отыскала ему товарищей, на него похожих. Согласные склонности, одинакие упражнения составили из них кружок, в котором труды ученические, наперерыв друг перед другом оказываемые, составляли молодых их лет блаженство. Тут вырастали переводы; тут вытверживались лучшие стихи разных авторов; тут совершались первые опыты в стихотворстве, в рисованье, в музыке и проч., и тут же открывалось в нем врожденное чувство ко всему изящному.

В скором времени непрестанные труды соделались пищею ученику нашему, явился в нем Гений, труды его облегчающий и

его руководствующий. Не было таланта, к которому бы он был равнодушен, не было таланта, к которому бы он не проложил собственной своей тропинки, все его занимало. Все возбуждало его ум и разогревало сердце; и что удивительно — я не знаю предмета, разумом украшенного или вдохновением сердца созданного, в каком бы то роде ни было, который бы в нем не впечатлелся.

Он любил и стихотворство, и живопись, и музыку, и архитектуру, и механику. Словом, он был любимое дитя всех художеств, всякого искусства. Казалось, что время за ним не поспевало, так быстро побеждал он грубую природу и преодолевал труды, на пути знаний необходимые!

При таких дарованиях отеняла его иногда ипохондрия, подруга душ чувствительных, но необыкновенная острота разума, решительное чувство ко всему изящному и обхождение, имеющее в себе нечто пленительное в часы веселые, составили ему отличные знакомства, продолжавшиеся во все течение его жизни; известные ныне по литературе российской люди были ему и друзья и товарищи. Хемницер, Державин, Капнист, Елагин, Храповицкий, Хвостов и проч. составляли обыкновенную его беседу; и в одной г. Львов был в виде гения вкуса, утверждающий их произведения своею печатью, и которые не иначе в свет показывались, как в то время, когда сей самый гений прикосновением волшебного крыла своего давал природным красотам их истинный вид и силу.

Я помню, что Хемницер не отпускал ни единой басни своей в мир, не прося о пропуске одной Николая Александровича, который или снабжал таковым проездом или отказывал в оном. Я помню, когда прекрасная ода "Фелица", будучи почти первая у нас в России одета легко, заманчиво, приятно и богато, привезена была автором к г-ну Львову на суд с тем, чтобы он чудесною силою вкуса изящное забавное отделил от неприятного смешного, и как сей гений располагал нарядами красавицы с тою единственною целью, чтобы воображение читателя тайно дополняло те прелести, которые определял вкус поставить в полусвете.

При таких редких способностях любезность его, по счастью, нашла ему и благотворителей, в кругу которых привлекал он общее на себя внимание. Каждый из них как бы торопился вывести в свет молодого гения, разными чудесами их пленившего. Из первых благотворителей его был ближайший родственник г-на Львова, почтенный летами и заслугами, известный действительный тайный советник Михайло Федорович Соймонов, который приютил его к себе как сына и брал в чужие края с собою. По возвращении его переведен он был в коллегия иностранных дел, и тут не менее г-на Соймонова известный муж, дарованиями

украшенный и в службе высокими чинами отличный, коллегии иностранных дел член Петр Васильевич Бакунин, а потом князь Александр Андреевич Безбородко соделались опорами его благосостояния. Надобно признаться, что в тогдашнее время начальники имели общее какое-то правило отыскивать людей и изготовлять их на службу. Молодые люди способностей отличных пользовались обыкновенно отличным вниманием начальника, который по тогдашнему обычаю отечески поступал с ними — отечески учил, отечески наказывал и награждал. В непродолжительном времени г-н Львов сделался у Петра Васильевича домашним человеком. Сей почтенный муж занимался даже его поведением, его упражнениями. Однажды дав ему читать известную поэму Делиля о садах, любопытен он был видеть, как прекрасная сия поэзия подействует на ученика его. Через день или два г-н Львов возвращает ему книгу и благодарит за знакомство с Делилем; не верилось Петру Васильевичу, что он прочел книжку так скоро! Но когда молодой Львов в убеждение благодетеля своего лучшие стихи начал говорить наизусть, начальник благодарил его, пошел в свою библиотеку и вынес ему новое чтение.

Во время служения его по дипломатической части неоднократно посылан он был в чужие края. Он был и в Германии, и во Франции, и в Италии, и в Гишпании, везде все видел, замечал, записывал, рисовал и, где только мог и имел время, везде собирал изящность, рассыпанную в наружных предметах. Будучи в непрестанном, можно сказать, движении, не уронил он, однако, и тех упражнений, которые обыкновенно требуют сидячей жизни, он читал много, даже и в дороге. Я многие видел книги, в пути им прочтенные и по местам замечанные.

Через несколько времени по привязанности его к князю Безбородке перешел он служить в С.-Петербургский почтамт, где князь был главным начальником, и был у него при особых поручениях, которыми нередко удостаивала его покойная императрица Екатерина.

В доказательство замечания, мною сделанного касательно отеческого поведения начальников с их подчиненными, по которому самые обязанности службы более сердечным побуждением украшались, нежели единою строгою подчиненностью и страхом исторгаемы были, я не могу не объяснить, как г-н Львов сделался известным покойной императрице.

По случаю ее свидания с покойным императором Иосифом в Могилеве государыне угодно было ознаменовать оное построением в Могилеве церкви. Многие планы лучших тогда архитекторов, в столице бывших, ей не нравились. Памятник, свидетельствующий сие свидание, долженствовал быть необыкновенный. Князь Без-

бородко представляет государыне о возложении поручения сего г-ну Львову, как человеку, хотя не учившемуся систематически, но природою одаренному. Императрица согласилась. При первом о том известии г-н Львов пришел в великое замешательство, и естественно! в академиях он не воспитывался. Должен был противустать зависти, критике и злобе; и сим самым соделаться известным императрице! Опыт тяжелый! где и страх, и самолюбие в нем боролись, но делать было нечего, отступить было невозможно, надобно было совершить огненный, так сказать, путь, в который он был призван! Работал он в заботе и дни, и ночи, думал, придумывал, изобретал, отвергал то, что его на единый миг утешало — наконец план готов. Церковь во вкусе древних Пестомских храмов; освещена невидимо! Свет вообще разделил он на три части: вход в церковь в полусвете, самая церковь освещена вдвое, а алтарь вдвое освещен противу церкви. Наружность в правилах лучшей греческой архитектуры. План готов! Князь Безбородко, взяв г-на Львова во дворец с собою, подносит его труд императрице. Мысль молодого художника, нигде не учившегося, восхитила государыню, она приказывает его себе представить, взором милостивым посмотрела на него, как на диковину! и тут же благоволила пожаловать ему дар на память. Проект его утвержден, церковь построена. При свидании государыни с императором, где, может быть, оба монарха занимались судьбою целого мира, не забыла она, однако, сказать ему и о том, кто строил священный памятник их совещаний, и император подарил г-ну Львову табакерку с своим вензелем, алмазами осыпанную.

Как тут не видать того счастливого стечения и обстоятельств и правил, по коим насажденные в людях дарования растут изяществом крылатым?! Государственный человек, приемля отеческое участие в отличных способностях молодого человека, доводит его до монархини, в кругу дарований рожденной; монархиня одушевляет его лучом своей милости и побуждает другого монарха соединить его внимание с ее вниманием, дабы взаимный свет двух властителей показал отличие подданного в пример другим.

С сего времени г-н Львов соделался, так сказать, пристанищем художников всякого рода, занимаясь с ними беспрестанно. Мастер клавикордный просит его мнения на новую механику своего инструмента. Балетмейстер говорит с ним о живописном расположении групп своих. Там г-н Львов устраивает картинную галерею. Тут на чугунном заводе занимается он огненной машиной. Во многих местах возвышаются здания по его проектам. Академия ставит его в почетные свои члены. Вольное экономиче-

ское общество приглашает его к себе. Там пишет он «Путешествие на Дудорову гору». Тут составляет министерскую ноту, а здесь опять устраивает какой-либо великолепный царский праздник или придумывает и рисует орден св.Владимира по возложенному на него поручению в 1782-м году по воле государыни императрицы.

Будучи свойств отличных, малейшее отличие в какой-либо способности привязывало г-на Львова к человеку и заставляло любить его, служить ему и давать ему все способы к усовершенствованию его искусства. Я помню попечении его о г-не Боровиковском, знакомство его с г-ном Егоровым, занятия его с капельмейстером Фоминым и проч., люди по мастерству своему пришедшие в известность и нашедшие приют в его доме.

По смерти императрицы, когда уже пылкие лета молодости г-на Львова прошли, он занимался беспрестанно художествами, но уже в видах государственного хозяйства. Он пользовался милостивым расположением покойного государя Павла и в разных случаях был им употребляем неоднократно. В царствование сего государя открыл он в России целые карьеры земляного угля и делал разные над ним опыты, извлекал из сего угля серу, в которой у нас крайний недостаток, и составлял из того угля деготь для сохранения корабельных подводных частей от повреждения. Единный предмет сей достаточен уже был принести нам великие выгоды, как со стороны сбережения лесов, так и с той, что по сей по крайней мере статье могли бы мы выйти по торговле из зависимости иностранных.

По высочайшему соизволению он же ввел в Россию так называемое землебитное строение и выучил сему мастерству нарочно присылаемых к нему мальчиков из каждой губернии.

По упражнению его в сем роде он уже перешел служить в горный корпус.

Он ввел у нас построение воздушных печей, о которых написал книжку под названием «Русской пиростатики».

Книжка сия доказать может, как о предмете, к одному мастерству принадлежащем, можно говорить остро, забавно и занимательно. А разговор его с простым крестьянином, как строить из земли избу, есть творение неоцененное. Настоящее дело гения, которому подражать невозможно.

Всегда и во всех почти краях при открытии новых польз общественных страдали виновники оных. Труды подвижника, озлобляя зависть, нередко были гонимы! Той же участи подвержен был и г-н Львов. О земляном угле кричали, что он не горит и не может заменить уголь англинский, а уголь русский, загораясь однажды на пустом месте на берегу под Невским, горел несколько

месяцев, и потушить его было невозможно. О земляных строениях кричали, что они непрочны, нездоровы, а донныне, то есть 25 лет времени, многие земляные строения существуют без всякого поправления и в совершенной целости. Разные слухи, клеветы, коварствы бросились на сего достойного человека, и он, по крайней чувствительности своей, не мог отстоять, так сказать, своего здоровья, которое постепенно разрушалось. И наконец... сей приятный русский гений, сей добрый и остроумный человек, сей усердный слуга государству, возвратясь с Кавказских гор, куда он был по высочайшему повелению отправлен для устройства разных потребностей при тамошних теплых водах, от долговременной болезни прекратил жизнь свою.

Он скончался в 1803-м году на 52-м году жизни. Был тайным советником, орденов Св. Анны 2-й степени и Св. Владимира 3-й степени кавалером и членом Академии Художеств, Российской Академии и Вольного экономического общества.

Обозрение трудов его по литературе, по истории, по архитектуре и по технологии при сем прилагается.

КРАТКОЕ ОБОЗРЕНИЕ ТРУДОВ Г<ОСПОДИ>НА ЛЬВОВА

По литературе.

- 1-е. Путешествие на Дудорову гору в стихах и прозе.
- 2-е. Перевод Анакреона.
- 3-е. Опера «Сильф, или Мечта».
- 4-е. Перевод оперы «Нины».
- 5-е. Мелкие сочинения в стихах и прозе.

По истории.

Изданы им две летописи русские.

По архитектуре.

1-е. Рассуждение о перспективе в пользу народных училищ. Печат<ано> в С.-Петербурге в 1789 году.

2-е. Перевод 1-й части Палладиевой «Архитектуры», печат<ан> в С.-Петербурге 1798 года.

По технологии.

1-е. О пользе и употреблении земляного угля. Печат<ано> в С.-Петербурге 1799 года по высочайшему повелению.

2-е. Русская пиростатика. Печат<ана> в С.-Петербурге.

3-е. Разговор о земляном строении с мужиком. Рукопись.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

А. В. ТАТАРИНОВ

Архитектурные работы Н. А. Львова

Цель данного перечня — дать читателю этой книги представление о масштабе архитектурной деятельности Н. А. Львова. Наиболее авторитетным исследованием, суммировавшим сведения о бесспорно атрибутируемых Львову постройках, следует признать коллективную монографию М. В. Будылиной, О. И. Брайцевой и А. М. Харламовой «Архитектор Н. А. Львов» (М., 1961) — ссылки на нее даются в разделе «Примечания» с указанием страницы (используемое сокращение для обозначения этой книги — Арх. Н. А. Львов). В тех случаях, когда атрибуция была сделана после 1961 года или не была учтена в вышеназванном труде, указывается имя исследователя или дается библиографическая отсылка. Если чертежи, авторские рисунки или другие проектные документы по тому или иному объекту сохранились, название такой постройки отмечено звездочкой.

В перечне использована система общеупотребительных легко читаемых сокращений (арх. — архитектор; осущ. — осуществлен; сохр. — сохранность, сохранился; СПб. — Санкт-Петербург; удовл. — удовлетворительно; хор. — хорошо и др.).

Объект	Даты		Заказчик	Исполнитель
	проек-та	строи-тельст-ва		
1	2	3	4	5
1. Дом принцессы Вюртембергской, будущей императрицы Марии Федоровны (оформление фасадов и интерьеров)	Лето 1776	Не позднее сент. 1776	Императрица Екатерина II	Н. А. Львов
2. Воскресенская церковь *	Ок. 1778	Освящена в 1778	А. Р. Воронцов	
3. «Зала Общего Собрания Правительствующего Сената» (проект барельефов)	1779	1779	А. А. Вяземский, Г. Р. Державин	Ж.-Д. Рашетт
4. Ансамбль собора Св. Иосифа с окружающими постройками *	Нач. 1780	Заложен 30 мая 1780, оконч. 1798	Императрица Екатерина II	Н. А. Львов, с 1781 арх. Нобили, с 1790 каменных дел мастер А. Менелас
5. Дом Шереметевых	1780	1780	Семья Шереметевых	
6. Невские ворота Петропавловской крепости *	Нояб. 1780	1781—1787		Н. А. Львов
7. Дворец Безбородко (окончание отделки интерьеров)	Нач. 1780-х	Нач. 1780-х	А. А. Безбородко	Н. А. Львов
8. Перестройка дома С. П. Ягужинского под Почтовую контору	После марта 1782	1782—1785	А. А. Безбородко	Н. А. Львов
9. Здание «Почтового стана» (Почтамта)	После марта 1782	1782—1789	Главное Почтовых дел Правление, А. А. Безбородко	Н. А. Львов, арх. Я. Шнейдер и каменных дел мастер А. Порто

Адрес	Судьба	Примечания
6	7	8
СПб., угол Пантелеймоновской и Моховой ул.	Перестроен	Русский Биографический словарь, том Лабзина—Лященко. СПб., 1914, с. 781
с. Матренино Владимирской губ.	Сохр. хор.	Атрибуция В. Н. Алексеева
СПб., здание старого Сената	Не сохр.	Арх. Н. А. Львов, с. 95
Могилев (Белоруссия)	Не сохр.	Арх. Н. А. Львов, с. 10—11, 118—123
Москва, Пречистенка (ул. Грановского), д. 8	Сохр. удовл.	По Москве. Путеводитель. М., 1958, с. 82
СПб., Невская куртина Петропавловской крепости	Сохр. хор.	Арх. Н. А. Львов, с. 11, 137—140
СПб., угол Почтамтской ул. и Выгрузного пер.	Перестроен	Арх. Н. А. Львов, с. 26; Григорович Н. Канцлер кн. А. А. Безбородко. СПб., 1881. Т. II. Приложение XXI, с. 652
СПб., угол Почтамтской ул. и Выгрузного (Подбельского) пер.	Перестроен	Самусьев Г. Е. Санкт-Петербургский почтамт и его строители. Пг., 1923. С. 8
СПб., между Почтамтской и Ново-Исаакиевской ул. и Выгрузным пер.	Сохр. хор., незначительные перестройки	Арх. Н. А. Львов, с. 11, 140—144

1	2	3	4	5
10. «Примерный почтовый двор в губернском городе». Образцовый проект *	Между мартом и декабрем 1782		Главное Почтовых дел Правление, А. А. Безбородко	
11. Дача Безбородко * (перестройка жилого дома, строительство флигелей, парка, павильонов, ограды)	Нач. 1780-х	1783—1784	А. А. Безбородко	Н. А. Львов
12. Софийский собор (степень участия Н. А. Львова не ясна)	Между 1782 и 1788	Между 1782 и 1788		
13. Проект Ананьинской церкви *	Не позднее 1783			
14. Выборгская церковь * (Спасо-Пресображенский собор)	1783 (?)	1787		Арх. И. Брокман, подрядчик Я. Лунд
15. Православная часовня	1783	1783		
16. Арпачевская церковь *	1782	1783—1791	Н. П. и П. П. Львовы	Н. А. Львов
17. Усадьба Арпачево (Ропачево). Жилой дом, хоз. постройки, парк, павильоны, мостики	1780—1790-е	1780-е—нач. 1800-х	Н. П. и П. П. Львовы	Н. А. Львов
18. Усадьба Никольское-Черенчицы	1780-е—нач. 1800-х	1780-е—нач. 1800-х		Н. А. Львов
а. Жилой дом *	1780-е	1780-е. флигели — 1790-е		

6	7	8
Тверь, Торжок и др. города России, Украины, Белоруссии и Прибалтики	Не сохр.	Арх. Н. А. Львов, с. 144
СПб., Полюстровская (Свердловская) наб., д. 40	Сохр. дома хор., парк и павильоны не сохр.	<i>Андреев А. К.</i> Творение большого мастера. Автор дома Разумовского в Москве // Строительство и архитектура Ленинграда. 1981. № 12. С. 32-35
Царское Село (г. Пушкин)	Сохр. удовл.	Атрибуция А. Б. Никитиной
	Не осущ.	Арх. Н. А. Львов, с. 12
г. Выборг под СПб.	Перестроена	Арх. Н. А. Львов, с. 12
Фридрихсгам (ныне г. Хамина), Финляндия	Сохр. хор.	Атрибуция В. Б. Шнейдера
с. Арлачево под Торжком Тверской губ.	Сохр. удовл.	Арх. Н. А. Львов, с. 12, 70—73
с. Арлачево под Торжком Тверской губ.	Не сохр.	Арх. Н. А. Львов, с. 70—73
с. Никольское под Торжком Тверской губ.		Арх. Н. А. Львов, с. 53—70

Сохр. неудовл.

1	2	3	4	5
б. Храм-усыпальница *	Не позд- нее 1784	1789— 1804		
в. Погреб-пирамида *	С 27 сент. 1789	Кон. 1789— 1790		
г. Кузница *	1780-е	1780-е		
д. Рига	1780-е	1780-е		
е. Зернохранилище	1780-е	1780-е — 1790-е		
ж. Дровяной сарай *	1780-е	1780-е — 1790-е		
з. Дом П. Л. Вельяминова	1790-е	1790-е		
и. Верхний и нижний парки	1780-е — 1790-е	1780-е — 1790-е		
к. Парковые сооружения: павильоны, «храмики», ротонды, каскады, мосты	1780-е — 1790-е	1780-е — 1790-е		
л. «Барский», «Рыбный» и «Хозяйственный» пруды, каскад прудов нижнего парка	1780-е — 1790-е	1780-е — 1790-е		
м. Землебитная башня *	1790-е	1790-е		
н. Здание Училища (Школы) земляного битого строения *	1797	1797		
о. «Новая деревня» — серия землебитных построек (жилых и хозяйственных) для собственных крестьян	1797	1797		
19. Усадьба «Александрова дача» *	Не ранее 1782	Между 1782 и 1789	Императрица Екатерина II	Н. А. Львов

6	7	8
	Утрачена оделка интерьеров	
	Сохр. неудовл.	
	Сохр. неудовл.	
	Перестроена	
	Не сохр.	
	Не сохр.	
	Не сохр.	
	Не сохр.	
	Не сохр.	
	Не сохр.	
	Не сохр.	
	Не сохр.	
	Не сохр.	

1	2	3	4	5
а. Жилой дом, грот, мост с «трофеями», храм Цереры со статуей Екатерины II, каскад, храм «Розы без шипов», десятиколонная ротонда, прочие павильоны, запруда на р. Тызве				
б. Усадебный парк, храм Флоры и Помоны				
20. Грот и каскад из «английских камней»	1785			
21. Дача Бакунина	Не позднее 1785	1785—1786	П. В. Бакунин Меньшой	Н. А. Львов
22. Проект дома Державина *	Между 1785 и 1788		Г. Р. Державин	
23. Борисоглебский собор *	1785	1795—1796		Н. А. Львов и Ф. И. Буци
24. Дом Воронцова	1785	1785—1787	А. Р. Воронцов	Н. А. Львов и К. И. Бланк
25. Церковь Ильи Пророка на Пороховых (характер участия Н. А. Львова не ясен)	Нач. 1780-х	Между 1781 и 1785		
25. Дом Соймонова в Москве	1780-е	1780-е	А. Н. Соймонов	
27. Усадьба Мурино (жилой дом, хоз. постройки, парк, павильоны и др.)	1780-е—1790-е		А. Р. и С. Р. Воронцовы	
28. Екатерининская церковь *	1785	1786—1790	А. Р. и С. Р. Воронцовы	Н. А. Львов
29. Павильон «Любезным родителям» *	1786	1786		

6	7	8
---	---	---

Не сохр.

Сохр. неудовл.

Петергоф	Судьба не известна	Арх. Н. А. Львов, с. 18
СПб., Полустровская (Свердловская) наб., д. 22	Перестроена	<i>Петров А. Н., Борисова Е. А. Науменко А. П. и др. «Памятники архитектуры Ленинграда». Л., 1958, с. 282</i>
СПб., угол Невского пр. и наб. р. Фонтанки (ныне участок дома № 66/27)	Не осущ.	Арх. Н. А. Львов, с. 22, 147—148
Борисоглебский монастырь в Торжке Тверской губ.	Сохр. удовл.	Арх. Н. А. Львов, с. 20, 123—129
Москва, Немецкая ул.	Не сохр.	Атрибуция Е. А. Белецкой
СПб., Колтушское (Революции) шоссе, д. 78	Перестроена	Атрибуция А. Б. Никитиной и А. В. Татаринова
Москва, ул. Малая Дмитровка (Чехова), д. 18	Перестроен	Атрибуция А. В. Татаринова
с. Мурино близ СПб.	Не сохр.	Арх. Н. А. Львов, с. 96
с. Мурино близ СПб.	Сохр. хор.	Арх. Н. А. Львов, с. 19, 96—98
Павловский парк близ СПб.	Сохр. хор.	Арх. Н. А. Львов, с. 94

1	2	3	4	5
30. Проект здания Кабинета *	Не ранее 1786	1786—1787	Кабинет Его Императорского Величества	
31. Троицкая церковь в с. Александровском	Между 1783 и 1785	1785—1787	А. А. Вяземский	
32. Усадьба в с. Александровском	1780-е	1780-е	А. А. Вяземский	Н. А. Львов
а. Жилой дом	1780-е	1780-е — 1790-е		
б. Конюшни	1780-е	1780-е		
в. Хоз. постройки, парк, павильоны, водоемы и др.	1780-е	1780-е — 1790-е		
33. Валдайская церковь Св. Екатерины *	1786 (?)	Освящена 1794		Арх. И. Дмитриев
34. Колокольня в Липецке *	Не ранее 1786	1786	П. Л. Вельяминов	
35. Усадьба Знаменское-Раек *	Нач. 1780-х	1787—нач. 1800-х	Ф. И. Глебов-Стрепнев	Н. А. Львов, Ф. И. Буци, с 1787 А. А. Трофимов, с 1789 В. И. Ирвен, с 1797 Ф. И. Руска
а. Жилой дом с флигелями, колоннадой и въездной аркой *	1780-е	1787—1790-е		
б. Усадебный парк	1780-е	1780-е — 1790-е		
в. Две системы прудов с пристанями, купальнями, мостами, гротами, статуями	1780-е	1780-е — 1790-е		

6	7	8
СПб., между Невским пр., Кирпичным пер., Большой и Малой Морскими ул.	Строительство было прервано. Не сохр.	Арх. Н. А. Львов, с. 21—22, 144—147
СПб., пр. села Александровского (Обуховской Обороны), д. 235	Сохр. хор.	<i>Соколова Н. Д.</i> Троицкая церковь за Невской заставой (Историческая справка) (в научном архиве ГИОП)
СПб., пр. села Александровского (Обуховской Обороны), Троицкое поле		Атрибуция А. В. Татаринова
Пр. Обуховской Обороны, 112 (на территории Гос. ф-ки офсетной печати)	Перестроен	
Пр. Обуховской Обороны, 118	Сохр. удовл. Не сохр.	
Валдай Новгородской губ.	Сохр. хор.	Арх. Н. А. Львов, с. 19, , 131—133
г. Липецк	Судьба не известна	Арх. Н. А. Львов, с. 14
с. Раек под Торжком Тверской губ.	Сохр. удовл.	Арх. Н. А. Львов, с. 23—24, 73—85
	Сохр. удовл.	
	Сохр. неудовл.	
	Частично сохр.	

1	2	3	4	5
г. Парковые павильоны *	1780-е	1780-е — 1790-е		
д. Погреб-ротонда	1780-е	1780-е		
е. Погреб-пирамида	1780-е	1780-е — нач. 1790-х		
ж. Цилиндрический погреб	1780-е	1780-е — 1790-е		
з. Храм Цереры со статуей Цереры	1790-е	Не позд- нее 1797		
36. Усадьба Грузины (валунный мост, парк, водная система, парковые сооружения, погреб-ледник)	1780-е — 1790-е	1780-е — 1790-е	А. А. Полторацкая	Н. А. Львов
37. Церковь в с. Переслегино	1780-е	1780-е — 1790-е	А. А. Полторацкая	
38. Усадьба Андреевское (жилой комплекс, хоз. постройки, парк)	1780-е	1780-е — 1790-е	А. Р. Воронцов	При участии Е. Р. Дашковой
39. Рождественская церковь в усадьбе Дьяканька *	1780 (?)	1780 (?)	В. П. Кочубей	
40. Московский дом Безбородко («Слободской дворец»)	1780-е — 1790-е	1780-е — 1790-е	А. А. Безбородко	
41. Дача Соймонова *	1780-е	1780-е	П. А. Соймонов	Н. А. Львов
42. Дача Строгановой *	1780-е		Семья Строгановых	
43. Деревянный дом Капниста *	1780-е		В. В. Капнист	

6	7	8
	Не сохр.	
	Рухнул 6 апреля 1990	
	Сохр. неудовл.	
	Сохр. удовл.	
	Не сохр.	
с. Грузины под Торжком Тверской губ.	Сохр. валунный мост и водная система	Традиционная атрибуция
с. Переслегино под Торжком Тверской губ.	Сохр. неудовл.	Атрибуция О. В. Петрова и А. В. Татаринова
с. Андреевское Владимирской губ.	Сохр. удовл.	Атрибуция В. Н. Алексеева
с. Диканька Полтавской губ.	Не сохр.	Арх. Н. А. Львов, с. 25, 110—112
Москва, близ Воронцова поля	Не сохр.	<i>Григоревич Н.</i> Канцлер кн. А. А. Безбородко. СПб., 1881. Т. II. Приложение XXI, с. 652
СПб., Арсенальная наб.	Не сохр.	Арх. Н. А. Львов, с. 22
СПб.	Судьба не известна	Арх. Н. А. Львов, с. 22
СПб.	Судьба не известна	Арх. Н. А. Львов, с. 22

1	2	3	4	5
44. Собственная дача Н. А. Львова * (жилой дом, флигели, ограда, хоз. постройки, парк, трактир, амбары)	1780-е — 1790-е	1780-е — 1790-е		Н. А. Львов
45. Березовый домик	1780-е	1780-е	Вел. кн. Павел Петрович	
46. Дача (павильон) Томары *	1780-е	1780-е	В. С. Томара	Н. А. Львов
47. Проект Казанского собора *	Между 1787 и 1791			
48. Проект Колыванской церкви *	Кон. 1780-х		Кабинет Ее Императорского Величества	
49. Часовня Борисоглебского монастыря	Кон. 1780-х	Кон. 1780-х	Борисоглебский монастырь	Н. А. Львов
50. Проект храма в усадьбе Стольное *	1780-е		А. А. Безбородко	
51. Проект оранжереи для усадьбы Стольное *	1780-е		А. А. Безбородко	
52. Проект птичника для усадьбы Стольное *	1780-е		А. А. Безбородко	
53. Дом Безбородко	Кон. 1780-х	Кон. 1780-х —нач. 1790-х	А. А. Безбородко	
54. Барский дом в усадьбе Вороново	Кон. 1780-х	Ок. 1793	А. И. Воронцов	
55. Летний домик в Ляличах *	До февр. 1791	Кон. 1780-х —нач. 1790-х	П. В. Завадовский	
56. Часовня Даниила Столпника	Нач. 1790-х	1792— 1795	Ф. И. Глебов-Стрешнев	Н. А. Львов

6	7	8
СПб., Калашниковская (Сянопская) наб., д. 32	Не сохр.	Атрибуция Н. И. Никулиной (Глинки)
Гатчинский парк под СПб.	Воссоздан в 1975	Традиционная атрибуция
СПб., Полуостровская (Свердловская) наб.	Не сохр.	Атрибуция Н. И. Никулиной (Глинки)
СПб., Невский пр.	Не осущ.	Арх. Н. А. Львов, с. 129—131
Кольвано-Воскресенский завод на Алтае	Не осущ.	Арх. Н. А. Львов, с. 19—20, 133—135
Торговая пл. Торжка Тверской губ.	Сохр. удовл.	Атрибуция А. М. Харламовой
с. Стольное Черниговской губ.	Не осущ.	Арх. Н. А. Львов, с. 112—113
с. Стольное Черниговской губ.	Судьба не известна	Арх. Н. А. Львов, с. 113
с. Стольное Черниговской губ.	Судьба не известна	Арх. Н. А. Львов, с. 113
г. Нежин Черниговской губ.	Не сохр.	<i>Григорович Н.</i> Канцлер кн. А. А. Безбородко. СПб., 1879. Т. I; 1881. Т. II
с. Вороново Московской губ.	Не сохр.	Арх. Н. А. Львов, с. 25—26
с. Ляличи Черниговской губ.	Не сохр.	Атрибуция Н. И. Никулиной (Глинки)
д. Василева Гора близ Торжка Тверской губ.	Сохр. удовл.	Арх. Н. А. Львов, с. 84

1	2	3	4	5
57. Церковь в Братково	1790-е	1790-е		
58. Усадьба Горницы	1790-е	1790-е	Семья Беклемишевых	Н. А. Львов
а. Церковь Св. Владимира *	1790-е	1790-е		
б. Конюшни	1790-е	1790-е		
59. Усадьба Митино	1790-е	1790-е	Д. И. Львов	Н. А. Львов
а. Деревянный жилой дом	1790-е	1790-е		
б. Погреб-пирамида	1790-е	1790-е		
в. Зернохранилище	1790-е	1790-е		
г. Винокурня	1790-е	1790-е		
д. Кузница	1790-е	1790-е		
е. Дом управляющего имением	1790-е	1790-е		
ж. Конюшни	1790-е	1790-е		
з. Скотный двор	1790-е	1790-е		
и. Мосты-запруды в овраге на Митинском ручье	1790-е	1790-е		
к. Два валунных моста в парке	1790-е	1790-е		
л. Усадебный парк	1790-е	1790-е		
м. Пруд-купальня с водопадом	1790-е	1790-е		
60. Усадьба Василево	1790-е	1790-е	В. И. Львов	Н. А. Львов
а. Жилой дом с флигелями	1790-е	1790-е		
б. Оранжерея (позднее — дом управляющего)	1790-е	1790-е		
в. Система каскадных прудов с запрудами, мостами, гротами	1790-е	1790-е		

6	7	8
с. Братково между Торжком и Старицей Тверской губ.	Сохр. неудовл.	Атрибуция А. В. Татаринова
с. Горницы между Торжком и Кувшиново Тверской губ.	Сохр. неудовл.	Атрибуция А. Б. Никитиной
	Сохр. неудовл.	Атрибуция А. В. Татаринова
пос. Митино под Торжком Тверской губ.		Арх. Н. А. Львов, с. 28—30, 85—89
	Не сохр., заменен каменным в 1840—1841	
	Сохр. неудовл.	
	Сохр. хор.	
	Сохр. удовл.	
	Не сохр.	
	Сохр. неудовл.	
	Сохр. удовл.	
	Сохр. удовл.	
	Не сохр.	
	Сохр. хор.	
	Сохр. удовл.	
	Сохр. неудовл.	
д. Василево под Торжком Тверской губ.		Арх. Н. А. Львов, с. 28—30, 85—88
	Не сохр.	Атрибуция А. М. Харламовой
	Перестроена	
	Степень сохранности различна	

1	2	3	4	5
г. Пятипролетный валунный «Чертов мост»	1790-е	1790-е		
д. Парковые сооружения (беседки, Белая и Розовая башни и пр.)	1790-е	1790-е		
е. Усадебный парк, аллеи, поляны	1790-е	1790-е		
61. Никольская церковь в Диканьке	Нач. 1790-х	Освящ. 1794	В. П. Кочубей	
62. Троицкая Церковь в Федяево	Нач. 1790-х	Освящ. 1795	М. М. Грибоедов	
63. Барский дом в усадьбе Пушкино	1790-е	1790-е	С. И. Вяземский	
64. Дом Разумовского на Гороховом поле	1790-е	1790-е	А. К. Разумовский	А. Менелас
65. Дача Полторацкой	1790-е	1790-е	А. А. Полторацкая	Н. А. Львов
а. Жилой дом	1790-е	1790-е		
б. Оранжерея	1790-е	1790-е		
в. Хоз. постройки, лестничные спуски, пристань, парк, павильоны	1790-е	1790-е		
66. Дача Гавриловка (Жерновка)	1790-е	1790-е	Г. И. и М. И. Донауровы	Н. А. Львов
а. Жилой дом с флигелями и оранжереями	1790-е	1790-е		
б. Усадебный пруд в форме ключа с островком	1790-е	1790-е		
в. Хоз. постройки, парк, павильоны	1790-е	1790-е		
67. Дом Державина на Фонтанке	После 1790	1790-е	Г. Р. Державин	Н. А. Львов
68. Парк городской усадьбы Державина, водоемы, мостики, беседки	1790-е	1790-е	Г. Р. Державин	Н. А. Львов

6	7	8
	Сохр. удовл.	
	Не сохр.	Атрибуция Л. В. Калининной
	Сохр. удовл.	
с. Диканька Полтавской губ.	Сохр. удовл.	Арх. Н. А. Львов, с. 110—112
с. Федяево Смоленской губ.	Сохр. неудовл.	Атрибуция М. М. Ермолаева
с. Пущино Московской губ.	Сохр. неудовл.	Атрибуция М. М. Дунаева
Москва	Сохр. удовл.	Атрибуция А. К. Андреева
СПб., Уткин пр., д. 2		<i>Петров А. Н., Борисова Е. А. Науменко А. П. и др. Памятники архитектуры Ленинграда. Л., 1969, с. 259</i>
	Сохр. удовл.	
	Сохр. удовл.	
	Не сохр.	
СПб., Малая Охта, Ириновский пр.		Атрибуция А. Липмана
	Сохр. хор.	
	Сохр. хор.	
	Не сохр.	
СПб., наб. Фонтанки, д. 118	Перестроен	Атрибуция Н. И. Никулиной (Глинки)
СПб., позади дома 118 по наб. Фонтанки	Не сохр.	Атрибуция Н. И. Никулиной (Глинки)

1	2	3	4	5
69. Церковь Св. Троицы в Галерной гавани	Ок. 1792	1792		Н. А. Львов
70. Воскресенская церковь в Торжке (перестроена Н. А. Львовым)	1796	1796		Н. А. Львов
71. Знаменская церковь в с. Державино	1796	1796	Г. Р. Державин	
72. Знаменская церковь в с. Теплово	Ок. 1797	1797	Семья Соймоновых	Н. А. Львов
73. Московский дом Безбородко * (перестройка Н. А. Львовым в «Слободской дворец»)	1797	1797	Император Павел I	
74. Проект сада для дома Безбородко *	Между 1797 и 1799		А. А. Безбородко	
75. Кремлевский дворец *	1797	1797—1798	Император Павел I	Н. А. Львов
76. Усадьба Приютино (начальная стадия проектирования)	Не ранее 1797	1797—нач. 1800-х	А. Н. Оленин	
77. Усадьба Званка (жилой дом, хоз. постройки, водоемы, парк, парковые сооружения)	С 1797	1797—нач. 1800-х	Г. Р. Державин	Н. А. Львов
78. Землебитный жилой дом *	Лето 1797	Сентябрь 1797	Император Павел I для Е. И. Нелидовой	Н. А. Львов
79. «Ристалище» (Земляной амфитеатр) *	1797	1797	Император Павел I	Н. А. Львов
80. Каскад-руина со плюзом *	1798—1799	1799	Император Павел I	Н. А. Львов
81. Приоратский дворец *	1798	1798—1799	Император Павел I	Н. А. Львов, крепостной крестьянин Е. Петров, каменных дел

6	7	8
СПб., Наличная ул., д. 2	Не сохр.	Атрибуция А. В. Татаринова
Торжок Тверской губ., Грузинская ул., д. 7 ^а	Сохр. хор.	Атрибуция А. В. Татаринова, датировка сообщена Г. А. Климовской
с. Державино Оренбургской губ.	Сохр. неудовл.	Атрибуция А. В. Татаринова
с. Теплово Клинского уезда Московской губ.	Сохр. удовл.	Атрибуция А. В. Татаринова
Москва, близ Воронцова поля	Не сохр.	<i>Григорович Н.</i> Канцлер кн. А. А. Безбородко. СПб., 1881. Т. II, с. 652
Москва	Не осущ.	Атрибуция Г. Г. Гримма
Москва, Кремль	Поглощен позднейшими перестройками	Атрибуция Г. Г. Гримма
пос. Бернгардовка под СПб.	Сохр. удовл.	Атрибуция А. В. Татаринова
Левый берег р. Волхов в 60 верстах от Новгорода	Не сохр.	<i>Грбавь И. Э.</i> История русского искусства. Т. III. СПб., 1911, с. 473
д. Арапокузи (Аропаккузи) под СПб.	Не сохр.	Атрибуция А. Н. Глумова
Гатчинский парк под СПб.	Сохр. удовл.	Атрибуция А. Н. Глумова
Парк Сильвия на окраине Гатчины под СПб.	Не сохр.	Атрибуция А. Н. Глумова
Гатчина под СПб.	Сохр. неудовл.	Арх. Н. А. Львов, с. 159—164

1	2	3	4	5
				мастер Д Ку- нингам с помощником И Кокраном
82 Землебитные казар- мы в Торжке	1798	1799— 1800		
83 Усадьба Прямухи- но (Премухино)	Кон 1790-х — нач 1800-х	Кон 1790-х — нач 1800-х	А М Бакунин	Н А Львов
а Каменные флигели жилого дома	Кон 1790-х — нач 1800-х	Кон 1790-х — нач 1800-х		
5 Усадебный парк с системой прудов, пло- тинами, мостиками, павильонами	Кон 1790-х — нач 1800-х	Кон 1790-х — нач 1800-х		
в Ткацкая фабрика	Кон 1790-х — нач 1800-х	Кон 1790-х — нач. 1800-х		
34 Церковь в с Пря- мухино	Нач 1800-х	1808— 1826	А М Бакунин	
35 Владимирская цер- ковь в с Горницы *	1790-е	1790-е — нач 1800-х	Семья Беклемишевых	Н А Львов
36 Введенская церковь	Кон. 1798— 1799	1799— нач 1800-х	П В Лопухин	Н А Львов
87 Надвратная цер- ковь-колокольня Бо- рисоглебского мона- стыря	1803	1804— 1811	Борисоглеб- ский мона- стырь в Торжке	Ф. Ф Ананьин

6	7	8
Торжок Тверской губ	Не сохр	Арх. Н. А. Львов, с. 166—168
с. Прямухино под Торжком Тверской губ.		Арх. Н. А. Львов, с. 30, 89—91
Сохр. неудовл.		
Сохр. неполная		
Сохр. удовл.		
с. Прямухино под Торжком Тверской губ	Сохр. удовл.	
с. Введенское близ Звенигоро- да под Москвой	В 1912 г де- ревянный дом заменен ка- менным. Сохр. хор.	Атрибуция Н. И. Никулиной (Глинки)
с. Введенское близ Звенигоро- да под Москвой	Сохр. удовл.	Атрибуция Н. И. Никулиной (Глинки)
Торжок Тверской губ.	Сохр. удовл.	Арх. Н. А. Львов, с. 137

КОММЕНТАРИИ

Данное издание является первым сборником литературных сочинений Николая Александровича Львова (1751—1803), многие произведения которого имели значение творческого эксперимента. В этом, видимо, причина жанрового и стиливого разнообразия его наследия, в силу чего разделы, предложенные нами, не всегда бесспорны. При подготовке книги в значительной мере использованы рукописные источники, и среди них в первую очередь обширный том, хранящийся ныне в фонде Г. Р. Державина в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге. Мысль о его составлении (на корешке вытеснена дата начала записей — 1797 г.) возникла у Н. А. Львова после пропажи его рукописей в 1795 г. Время заполнения этого тома, полученного, по-видимому, в дар от известного библиофила Д. П. Бутурлина (на обороте обложки имеется запись «В Москве 1797 февраля от графа Бутурлина»), относится ко второй половине 1790-х—1800-м годам. Он содержит автографы произведений Н. А. Львова, их авторизованные копии (до л. 81 об.), а также списки стихотворений, сделанные рукой секретаря Г. Р. Державина Евстафия Абрамова уже в 1800-е годы. К сожалению, копии с произведений Н. А. Львова, делавшиеся еще при жизни поэта с рукописей, бытовавших среди его друзей и родственников, не всегда были выверены автором, что делает необходимым ряд исправлений в их тексте.

Отметим также, что литературная деятельность Н. А. Львова, не предназначенная большую часть написанного для печати, была неотделима от львовско-державинского кружка. Именно стремление дать читателю представление о значении личности поэта для современников побудило нас ввести в книгу раздел приложений, объединяющий три очерка мемуарного характера.

Своеобразие бытования произведений Н. А. Львова стало причиной того, что значительное число их публикуется впервые, в связи с чем считаю своим долгом выразить благодарность Н. И. Глинке (Никулиной) за предоставление ряда материалов. Данная работа содержала бы значительно большее количество недостатков, если бы не неизменная помощь и поддержка моих коллег по Пушкинскому Дому, среди которых должен в первую очередь упомянуть Г. Н. Моисееву и П. Д. Кочеткову. То, что эта книга состоялась, также заслуга ее первого редактора — Н. М. Галактионовой и моего отца Ю. К. Лаппо-Данилевского, помогавшего мне при выверке текстов.

Путь этой книги к читателю был нелегок — ее первый набор был рассыпан в издательстве «Советская Россия» («Русская книга») в августе 1992 года. Сборник произведений Н. А. Львова предназначался первоначально для более широкой аудитории, поэтому при подготовке текстов нами использовался опыт издательства «Художественная литература» в серии «Библиотека поэта» при осуществлении аналогичных публикаций.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- АкВ — Архив князя Воронцова: В 40 т. — М., 1871—1895.
XVIII век, 3 — Вейс А. Ю. Новые материалы изучения биографии и творчества Н. А. Львова // XVIII век — Сб. 3. — М.; Л., 1958. — С. 519—526.
- XVIII век, 16 — Лаппо-Данилевский К. Ю. К вопросу о творческом становлении Н. А. Львова: (По материалам черновой тетради) // XVIII век. — Сб. 16. — Л., 1989. — С. 256—270
- ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (С.-Петербург).
- Коплан Б. И. — Коплан Б. И. К истории жизни и творчества Н. А. Львова // Известия АН СССР. — VI серия. — 1927. — № 7—8. — С. 699—726.
- Кулакова Л. И. — Кулакова Л. И. Творчество Н. А. Львова 1770-х—начала 1780-х гг // Проблемы изучения русской литературы XVIII в. — Вып. 1. — Л., 1974. — С. 45—54
- ЛН — Артамонова З. Неизданные стихи Н. А. Львова // Литературное наследство. — 1933. — № 9—10. — С. 264—284.
- Письма — Письма русских писателей XVIII века. — Л., 1980.
Поэты XVIII века, т. 2 — Поэты XVIII века. — т. 2. — Л., 1972.
ПТ № 1 — Львов Н. А. Путевая тетрадь № 1. — ИРЛИ, шифр 16.470/CIV 620.
ПТ № 2 — Львов Н. А. Путевая тетрадь № 2. — ИРЛИ, шифр 16.470/CIV 620.
ПТ № 3 — Львов Н. А. Путевая тетрадь № 3 — ИРЛИ, шифр 16.470/CIV 620
- РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва).
- РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).
- РГБ — Российская государственная библиотека (Москва)
РГИА — Российский государственный исторический архив (С.-Петербург).
- РНБ — Российская национальная библиотека (С.-Петербург).
- Русская лирика XVIII в. — Русская литература — век XVIII. Лирика. — М., 1990.
Собеседник — Собеседник любителей русского слова.
Соч. Державина — Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я Грота: В 9-ти т. — СПб., 1864—1883.
Т. 37 — Львов Н. А. Сочинения. — РНБ, ф 247, т. 37.
ЦНБ — Центральная научная библиотека АН Украины (Киев).

СТИХИ ИЗ РУКОПИСНОГО ЖУРНАЛА «ТРУДЫ ЧЕТЫРЕХ ОБЩИКОВ»

Первые поэтические опыты Н. А. Львова дошли до нас в рукописном журнале, составленном поэтом совместно с Николаем Осиповым, Петром и Николаем Ермолаевыми в марте—июле 1771 г. во время их пребывания в кадетских ротах при Измайловском полку. Первоначально журнал был озаглавлен «Труды разумных общников», однако еще в XVIII столетии эпитет «разумных» был зачеркнут, а вместо него сделана приписка «четырех». Эта поправка, видимо, была вызвана утратой молодыми людьми единодушия, отличавшего их в начале предприятия, — в номерах от 13—14 мая содержатся грубые взаимные нападки, предрешившие судьбу журнала (против своих друзей выступил Петр Ермолаев). Как показал первый публикатор рукописи А. В. Кокорев, владельцем тетради и инициатором составления журнала был Н. А. Львов.

Тексты публикуются по кн.: Кокорев А. В. Труды разумных общников (Рукописный журнал Н. А. Львова и др.) // Уч. зап. Моск. обл. пед. ин-та им. Н. К. Крупской. — Т. 86, вып. 7. — 1960. — С. 6—7, 17—20, 23—24, 41; с учетом рук.: РГБ, ф. 756, оп. 1, № 34, л. 53—108.

«Хочу писать стихи, а что писать, не знаю...» Цицерон Марк Туллий (106—43 до н. э.) — римский оратор, политический деятель и писатель. Ликург — легендарный законодатель Спарты, создавший политические институты этого государства. Гиппоас (искажение имени Гиппий, воспринятого через французский источник) — прославленный греческий софист, прозванный «всемогущим» и «многознающим». Харламов, Сумароков, Навакшенов, Ермолаев, Аплечеев — видимо, соученики по кадетским ротам.

«В письме хоть лучше ты...» Гарпократ — египетский бог Гор, изображавшийся в виде обнаженного кудрявого мальчика с пальцем у рта. Истолкован греками эллинистической эпохи как бог молчания.

Загадки. 10. Крез (правил в 560—547 до н. э.) — последний царь Лидии, славившийся своим богатством и щедростью.

Старик и смерть. Перевод басни Ж. Лафонтена «La mort et le bûcheron».

Сатира на господина П.Е. <ермолаева>. Эпиметей — брат Прометея, обрисованный в греческих мифах как его полная противоположность.

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

«Как мы бури испугались...» — XVIII век, 16. — С. 267. Написано 23 авг. 1778 г.

Идиллия. Вечер 1780 года ноября 8. — Собеседник. — Ч. 1. — 1783. — С. 28—32. Авторство установлено Б. И. Копланом (Коплан, с. 714—720). Дата в заглавии, как установила Л. И. Бройтман, совпадает с датой тайной женитьбы Н. А. Львова на М. А. Дьяковой. Несмотря на анонимность публикации, выступление Н. А. Львова в журнале, организованном при непосредственном участии Екатерины II, было замечено в литературных кругах столицы. В следующем номере «Собеседника» в анонимном «Послании к господам издателям „Собеседника“ от Любослова» содержится критика стихотворения Н. А. Львова: «В идиллии „Вечер“ почти сряду с малою прерывкою следует 11 глаголов в рифмах; да на 29 стр. от 18 до 20 строк и 42 стр. следует с очень малою прерывкою 75 глаголов. Одним словом, во всей идиллии только 142 стиха, а рифм, состоящих из глаголов, 106. Такое употребление весьма несвойственно российскому стихотворству и подражанию г. Ломоносова» (Собеседник. — Ч. 2. — 1783. — С. 110—111). Елмира, Меналк — условные имена, распространенные в пасторальной поэзии.

Стихи на розу, сорванную зимою 1796 года. — Муза. — 1796. — Апр. — С. 75. Подпись «Н. Л.».

К Дорализе. — Аониды. — Кн. 1. — М., 1796. — С. 183–184. Подпись «Н. Л.».
Леонардов ручеек — имеется в виду одноименное стихотворение французского поэта Н. Г. Леонарда (1744–1793).

Отпускная двум чижикам. — Там же. — С. 262. Подпись «Н. Л.». В т. 37 имеет заглавие «К чижикам» и следующее прозаическое вступление: «Вот, мой друг А. П. [т. е. Анна Петровна Полторацкая], отпускная, которую я дал двум своим чижикам, отпустив их на волю, пред моим отъездом из Петербурга в деревню к М. А. [т. е. Марии Алексеевне Львовой], ожидающей меня с весною». *Мария Алексеевна Львова* (1755–1807) — жена поэта.

Музыка, или Семитония. Ода. — Аониды. — Кн. 1. — М., 1796. — С. 32. Подпись «Н. Л.». Печ. по рук.: т. 37, л. 7–8 об., где сбоку каждой строфы приписаны следующие пояснения: дефиниция и признание; действие музыки; уподобление; откуда музыка взялась; и как действует; что она действует для любви; кто не любит музыки, что с ним; разделение на *major* и *minor*.

Ночь в чухонской избе на пустыре. — ЛН. — С. 278. В рук. указана дата и место написания стихотворения: «Ариакиси 30-е сентября 26-го дня 1797» (вторая дата обозначает, видимо, длительность отсутствия из Петербурга). Об обстоятельствах, сопутствовавших написанию стихотворения, можно узнать из письма Н. А. Львова жене от 30 сент. 1797 г. из Гатчины: «Вот, мой друг, как ты уехала, а государь меня послал достраивать земляной домок в чухонскую деревню; жил я там один-одинехонек, в такой избе среди поля, в которой во весь мой короткий рост никогда прямо стать нельзя было. Притом погода адская, ветер, а ночью вой безумольный от волков так расшевелили меланхолию, что мне и мальчики казались; не мог ни одной ночи до конца дожидаться, а волки все воют; я представил, что они и девочку съели, да и ну писать ей песнь надгробную: ничего бы этого не было, кабы ты не уехала, ночь бы себе, а мы себе. Вот как я приеду к тебе в Никольское, то и дам ноты волкам, пусть они поют, как умеют, а мне казаться будет концертом Паизелловым» (ЛН. — С. 278).

На угольный пожар. — XVIII век, 3. — С. 519–520. Печ. по кн.: Поэты XVIII века. — Т. 2. — С. 247. Об истории написания этого стихотворения см. во вступ. статье.

Стернов чижик. — ЛН. — С. 282–283. Написано 10 сент. 1793 г.

Птичка. — Печ. по рук.: т. 37, л. 12 об.

Новый XIX век в России. — Поэты XVIII века. — Т. 2. — С. 253.

Народное восклицание на вступление нового века. — Там же. — С. 255.
Русский бог — старинная идиома, отражавшая развитие национального самосознания и формирование представлений о мессианизме русского народа.

СТИХИ, ПРЕДНАЗНАЧАВШИЕСЯ ДЛЯ ВОКАЛЬНОГО ИСПОЛНЕНИЯ

«Увы, что в свете есть злый муки...» — Печ. по рук.: ПТ № 1, л. 71 об.; где есть помета «1774 авгу<ста> 8 у Баку<нина> на скору руку».

«Дух мой томный ободрился...» — Там же. — Л. 35.

«За что, жестокий, осуждаешь...» — Там же. — Л. 79 об.—80.

«Протекли те дни прекрасны...» — Там же. — Л. 35 об.—36. С пометкой «1776 июня первого на даче».

«Уж не может никакая...» — Там же. — Л. 36-об. С указанием «1776 августа 12 на даче».

«Мне и воздух грудь стесняет...» — Там же. — Л. 60-об. С пометой «октяб<рь> 1778».

«Цари! вы светом владайте!...» — Санкт-Петербургский вестник. — 1780. — Ч 6 Авг — С 127 С жанровым подзаголовком «Песенка». Долгое время приписывалось Г. Р. Державину Авторство установлено Л. И. Кулаковой на основании пометы в дневнике М. Н. Муравьева «Песенка Николая Александровича с музыкой Бортнянского» (Кулакова Л. И., С. 53)

«Уж любовью оживился...» — Верещагин В. Путевые заметки П. А. Львова по Италии в 1781 году // Старые годы — 1909. — № 5. — С. 157 Печ. по рук.: Львов Н. А. Путевые заметки. — ИРЛИ, Р I, оп. 15, № 166, л. 77 об.

Дуэты на музыку Жирдини. — Печ по рук.. т. 37, л. 11-об. *Жирдини* (Джардини Феличи) (1716–1796) — выдающийся итальянский скрипач-композитор, проживший большую часть жизни в Англии, а в 1793 г. переехавший в Россию.

Слова под готовую музыку Зейделя. — Там же, л. 2 об. *Зейдельман Франц* (1748–1806) — немецкий композитор.

Солдатская песня на взятие Варшавы. — Карманный песенник, или Собрание лучших светских песен. — М., 1796 — С. 156. Печ по рук.. т. 37, л. 13 об. Посвящена взятию Варшавы русскими войсками под предводительством А. В. Суворова 24 окт. 1794 г. Стихотворение Г. Р. Державина, содержащее его замечания на «Солдатскую песню», см. в кн.: Соч. Державина. — Т. 3. — С. 356

«Как, бывало, ты в темной осени...» — Поэты XVIII века — Т. 2. — С. 251 Снегирь. — Там же — С. 248

Зима. — ЛН — С. 283.

«Солнышко садится...» — Поэты XVIII века. — Т. 2. — С. 250

Песня для цыганской пляски. — ЛН. — С. 224

Песня моей Пашеньке. — Печ по рук.. ИРЛИ, Р I, оп. 15, № 55, л. 1.

«Кто б ни был такой...» — Печ по рук. ПП № 3, л. 45 с учетом: т. 37, л. 96 об. По-видимому, пародия на ритуал вступления в масонскую ложу, на что указывает следующая приписка: «Как скоро только гость взойдет в первую комнату, где один огарок в углу, то слышит он, что с хор поют».

ПОСЛАНИЯ

Гавриле Романовичу ответ. — Соч. Державина. — Т. 1 — С. 519–520 Ответное послание на стихотворение Г. Р. Державина «К Н. А. Львову» (1792) *Домашний зодчий ваш* — известен неосуществленный проект дома Г. Р. Державина, выполненный Н. А. Львовым в конце 1780–х годов *Двенадцать лет я пил отраву* — в 1779–1780 гг. Екатерина II впервые обратила внимание на архитектурный талант Н. А. Львова, после чего он был приближен ко двору. *Фингал* — главный герой поэм Оссиана, литературной мистификации английского поэта Д. Макферсона (1736–1796) *Что должность помнят и друзей* и т. д. — сатирический портрет царедворца, в минуты праздности нечуждого стихотворства, возможно, метит в А. В. Храповицкого (1749–1801), автора арий для комических опер Екатерины II и ее статс-секретаря.

Горячка. — Печ по рук.: т. 37, л. 14–14 об, где сверху текста сделана следующая приписка «К Лизиньке больной, к здоровому Оленю 1793–го году 29–го ноября» Завершает стихотворение приписка: «Сам стихотворец лежит в растяжку, диктует из темного угла и руки не прикладывает Дарья Дьякова» Обращено к Алексею Николаевичу Оленю (1763–1843), историку, художнику, активному участнику львовско-державинского кружка в 1790–е годы и его жене Елизавете Марковне, урожденной Полторацкой (1768–1838). Их сын Николай, родившийся 29 ноября 1793 г., героически погиб в битве под Бородиным 26 августа 1812 г.

Державину. — Печ. по рук.: т. 37, л. 86–87 об. Написано, видимо, в нач. 1790-х годов.

Отрывок из письма А.М.Б.<акунину>. — Муза — Ч II — 1796 — С 192–195. Подпись «Н». Стихи Александра Михайловича Бакунина (1768–1854), поэта и родственника Н. А. Львова, на которые отвечал Н. А. Львов, до нас не дошли. *Армидин сад* — в поэме Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим» волшебница Армида увозит рыцаря Ринальдо на острова, где среди прекрасных садов он позабыл о цели, которой посвятил себя *Даша* — крепостная Львовых, славившаяся исполнением русских плясок, ее упоминали в своих стихах Г. Р. Державин и А. М. Бакунин, рисовал (вместе с другой дворовой — Лизанькой) В. Л. Боровиковский.

Ивану Матвеевичу Муравьеву, едущему в Етнин. — Отрывки в кн. ЛН — С. 274–275. Печ. по рук.: т. 37, л. 3–4 об. При публикации опущена шуточная итальянская бессмыслица, завершающая послание, внизу которой сделана авторская приписка: «А после того мне и титул графа Никольского Аминь». *Муравьев Иван Матвеевич* (1765–1851) — дипломат, писатель, актер-дилетант; двоюродный брат М. П. Муравьева, получил в нач. XIX в. право на двойную фамилию «Муравьев-Апостол», отец декабристов. 12 декабря 1796 г. он был назначен посланником в Эйтин, столицу немецкого княжества Любек.

Эпистола к А. М. Бакунину из Павловска, июня 14, 1797. — Отрывки в кн.: ЛН — С. 271. Печ. по кн.: Поэты XVIII века. — Т. 2. — С. 236–242. *Слепой очима, духом зрячий* — намек на слабое зрение А. М. Бакунина. *Мадам летучую, нагую* — картина изменчивости Фортуны перекликается со знаменитой одой Г. Р. Державина «На счастье» (1789) *Кутить* (диал.) — крутить. *Талыжня* — речка, протекавшая через Новоторжские владения Львовых. *Никольское* — или Черенчицы, небогатое (70 душ крестьян) имение Н. А. Львова в Новоторжском уезде Тверской губернии. *Лыска* — кличка собаки. *Шпынь* — остряк, балагур, шут. Второе стихотворение «Эпистолы» заканчивается в т. 37 припиской Н. А. Львова «Пришли, пожалуйста, назад. Я, как написал, так к тебе и послал, у меня помарочки не осталось». Здесь же скопирован ответ А. М. Бакунина: «Вот вам копия; у вас кто-нибудь разберет и перепишет, а оригинал не отдам, потому что хочу я его когда-нибудь употребить, как в „Освобожденном Иерусалиме“ Убальд употребил алмазный щит в садах Армидиных».

«Любезный друг! нас сани...» — Печ. по рук.: т. 37, л. 92–93 об.

«Помилуй, граф...» — Печ. по рук.: т. 37, л. 86

«Иже во благих тому же отцу Егорову...» — Печ. по рук.: РНБ, ф. 247, т. 39, л. 30. Адресовано художнику Алексею Егоровичу Егорову (1776–1851), принимавшему живейшее участие в издательских предприятиях львовско-державинского кружка. С *другого света я пришел на костылях* — имеется в виду тяжелая болезнь Н. А. Львова, длившаяся с сентября 1800 по апрель 1801 г.

Три нет. — Со значительными пропусками в кн.: Глумов А. П. А. Львов — М., 1980. — С. 170–172. Печ. по кн.: Русская лирика XVIII века. — С. 370–372. Адресовано А. М. Бакунину. Написание вызвано посещением Воробьевых гор в Москве, где предполагалось строительство дворца А. А. Безбородко (проект Д. Кваренги) и создание обширного парка (план Н. А. Львова). 7 июня 1798 г. состоялась торжественная закладка дома, за ней последовал фейерверк. Пачатые работы прервала внезапная смерть А. А. Безбородко (6 апреля 1799 г.), бывшего в течение многих лет покровителем Н. А. Львова. *Хвилой* (диал.) — хилый. *Тюфильской дорожке* — то есть от деревни Тюфилин под Москвой, где находилась школа земледельного строения, руководимая Н. А. Львовым. *Дом светлейшего* — т. е. дворец светлейшего князя А. А. Безбородко, строившийся в Москве на берегу Яузы. *Шеллаган* (диал.) — пустой человек. *Львов Никольской* — обычная подпись поэта в шуточных посланиях, связанная с его любимым поместьем Никольское-Черенчицы.

ШУТЛИВЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Его сиятельству графу Александру Андреевичу Безбородке — Печ по рук. т. 37, л. 9а. Как и следующее стихотворение, является пародией на стиль эпигонов одической поэзии. *Безбородко* Александр Андреевич (1747–1799), князь с 1797 г. — государственный деятель, покровитель П. А. Львова *Рылеев* — речь идет, видимо, о петербургском обер-полицмейстере Никите Ивановиче Рылееве (кон. 1740-х—1808), известном ограниченностью своих воззрений. Внизу листа в рукописи прозаическая заметка. «Продиктовал ее Федору Петр^{овичу} [т. е. Ф. П. Львову (1766–1856), двоюродному брату поэта] так, как есть».

Ода во вкусе Архилока. — Печ. по рук. т. 37, л. 8 об. *Архилох* (650 до н. э. — ?) — греческий поэт. *Взятие Варшавы* — имеется ввиду штурм русскими войсками под предводительством А. В. Суворова 24 октября 1794 г. польской столицы при подавлении антирусского восстания. *Капитесь счастливо, светила* — не совсем точная цитата стиха («Катитесь, счастливы светила») из «Оды императрице Екатерине Алексеевне в новый 1764 год» М. В. Ломоносова.

Вдох наместнического мундира. — Соч. Державина. — Т. 2. — С. 230. В стихотворении заключена ирония над шикарными мундирами мальтийских кавалеров, великим магистром ордена которых Павел I стал 29 сентября 1798 г. Наместником императора в верховном священном совете ордена был граф Николай Иванович Салтыков (1736–1816); стихотворение представляет собой монолог его фельдмаршальского мундира. *20 сентября 1799 г.* — день 45-летия императора Павла I.

«Пряатель, как пройти поближе?» — Печ. по рук.: т. 37, л. 86.

«Когда безграмотны мы были...» — Печ. по рук.: т. 37, л. 87 об.—88. *Срацин крестил в Чесме Орлов* — брат фаворита Екатерины II Г. Г. Орлова граф Алексей Григорьевич Орлов (1737–1807), командовавший во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. русским флотом на Средиземном море, получил в 1770 г. почетное наименование «Чесменский» за разгром турецкого флота в Чесменской бухте. *Румянцев* Петр Александрович (1725–1796) — выдающийся полководец, генерал-фельдмаршал, отличившийся в Семилетней войне (1757–1763) и в русско-турецкой войне (1768–1774).

Экипаж. — Печ. по рук.: т. 37, л. 88.

«Скрыпучий с приписью подъячий...» — Печ. по рук.: т. 37, л. 93 об.—94

Надпись к вязу. — Печ. по рук.: т. 37, л. 94.

«Но знатности его был батюшко причиной...» — Печ. по рук.: т. 37, л. 94 об.

Удача. — Печ. по рук.: т. 37, л. 94 об

К лени. — Печ. по рук.: т. 37, л. 95.

«Партесу не учен...» — Печ. по рук.: т. 37, л. 95–95 об. *Партес* — многоголосное пение.

БАСНИ

«На рынке ль было то иль на дворе гостином...» — Коплан Б. И. — С. 725–726. Басня написана 23 апреля 1773 г., в ней упомянуты события русско-турецкой войны 1769–1774 гг. Опушенный нами подзаголовок «Эпиграмма» позволяет предполагать, что стихотворение было направлено против конкретного лица.

Львиный указ. — [Хемницер И. И.] Басни и сказки N... N... — СПб., 1779. — С. 63, без имени автора в разделе «Чужие басни» с указанием «Вольное подражание Лафонтену». Печ. по кн.: Хемницер И. И. Басни и сказки. — Ч. 3. — СПб., 1799. — С. 43. Переложение басни Лафонтена «Les oreilles du lièvre»

(«Уши зайца»), которую переводил также А. П. Сумароков *Пойдут и уши тирюши* — т. е. за рога сойдут и уши лошади.

Мартышка, обойденная при производстве. — [Хемницер И. И.] Басни и сказки N... N... — С. 65, под загл. «Заяц, обойденный при производстве» (первая редакция басни в черновой тетради помечена 1 декабря 1778 г.). Печ. по кн.: Хемницер И. И. Басни и сказки. — Ч 3 — С. 44. Различия первой и второй редакции незначительны и вызваны переименованием главного персонажа (заяц заменен на мартышку)

Богатства разумное употребление. — Печ. по рук.: т. 37, л. 89 об

Не час. — Поэты XVIII века. — Т. 2 — С. 248.

«Дурак привык купаться в луже...» — XVIII век, 3. — С. 525. Написано 23 ноября 1803 г. в Москве.

ЭПИГРАММЫ, ЭПИТАФИИ, НАДПИСИ

К моему портрету, писанному г. Левицким. — Поэты XVIII века — Т. 2. С. 195.

Эпиграмма на меня, то, что мне голову вскружить может. — XVIII век, 16 — С. 259.

«Краской каждого своею...» — Там же. — С. 260.

Эпиграмма завистникам нашего счастья. — Кулакова Л. И. — С. 52.

Эпиграмма сочинителю басен и сказок NN ноября 26-го. — Санкт-Петербургский вестник — 1779. — Ч. IV. — Ноябрь. — С. 360. Написана от лица М. А. Дьяковой (в замужестве Львовой), которой И. И. Хемницер (скрывшийся за литерами NN) посвятил сборник своих басен 1779 г.

«Родился, влюбился...» — Кулакова Л. И. — С. 53.

«Короток званием был, умом и телом я...» — Там же. — С. 53

Надпись к портрету покойницы Екатерины Яковлевны Державиной... — Соч. Державина. — Т. 1. — С. 59. Печ. по рук.: т. 37, л. 4 об. Другие варианты: РНБ, ф. 247. т. 20, л. 277. Посвящено первой жене Г. Р. Державина, скончавшейся 15 июля 1794 г.

Эпитафия трудолюбивому в Арпакаси. — Печ. по рук.: т. 37, л. 4 об. *Арпакаси* — место недалеко от Гатчины.

Надпись к статуе Фальконетовой. — Печ. по рук.: т. 37, л. 12 об. (здесь же еще два варианта стихотворения). *Фальконе* Этьен Морис (1716–1791) — французский скульптор, в 1766–1778 гг. живший в России. Автор памятника Петру I на Сенатской пл. в Петербурге («Медный Всадник»).

Эпитафия Ж.-Ж. Руссо в Арпакаси. — Печ. по рук.: т. 37, л. 85 об. *Руссо Жан-Жак* (1712–1778) — французский философ, критиковавший достижения цивилизации. В прозаическом тексте упомянут его знаменитый трактат «Рассуждения о науках и искусствах» (1750), выводы которого подверглись скептической оценке со стороны *Вольтера* (1694–1778), другого властителя дум эпохи Просвещения.

«Чем больше стареюсь, тем больше молодею...» — Печ. по рук.: т. 37, л. 86.

«Рассудку вопреки и вечности в обиду...» — Печ. по рук.: т. 37, л. 99

Эпитафия верному, могучему, бескорыстному черному Брюну. — Печ. по рук. т. 37, л. 90. *Брюн* — пес Н. А. Львова.

Сам на себя и на ребят монх. — Печ. по рук. т. 37, л. 92

«Хотя бы ты на верх горы...» — Печ. по рук.: т. 37, л. 94 Направлена против поэта Василия Ивановича *Майкова* (1728–1778) (см. эпиграммы И. И. Хемницера на него).

«Дела мои так в мире громки...» — Печ. по рук. т. 37, л. 94 об

«И доброе во мне пострелом...» — Печ. по рук. т. 37, л. 96

ЭКСПРОМТЫ, НАБРОСКИ, СЕНТЕНЦИИ

Катерине Ал<ексеевне> Дьяковой — XVIII век, 16 — С. 258. Дьякова Екатерина Алексеевна — свояченица поэта.

«Ты, Капитан, меня просил...» — Там же. — С. 260

«Со взором бешеным, неистовым языком...» — Кулакова Л. И. — С. 49–50
Вазы-вазы — выкрик петербургских кучеров (от франц. «Vas-у» — пошел!)

«Осень темна наступает...» — Печ. по рук.: т. 37, л. 83 об.

«Поставим в часах мы пест и колотушку...» — Печ. по рук.: т. 37, л. 87 об.

«Лопарь оде в кутну лохмату...» — Печ. по рук.: т. 37, л. 87 об.

«Но витязь, в вечности живущий...» — Печ. по рук.: т. 37, л. 92 об.

«Души в бездельстве не марай» — Печ. по рук.: т. 37, л. 93 об.

«Вперед, сценился он с ягою...» — Печ. по рук.: т. 37, л. 94

«Пустыня только устрашает...» — Печ. по рук.: т. 37, л. 99

ПЕРЕВОДЫ

«О Боже, о Тебе хотя гласит вся тварь...» — Впервые опубликовано П. Р. Заборовым в кн. Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 г. — Л., 1976. — С. 84 Написано 8 декабря 1772 г. Является переводом заключительного восьмистишия поэмы «Естественный закон» (1752), так называемой «Молитвы» Вольтера

Поцелуй. — XVIII век, 16. — С. 265 Написано 23 апреля 1773 г.

«Счастлив, прекрасная, кто на тебя взирает...» — Печ. по рук.: ПГ № 1, л. 64 об.; другой вариант — л. 132 Написано 24 апреля 1773 г.

«Блажен, кто счастьем посредственным доволен...» — Печ. по рук.: ПТ № 1, л. 64 об. Перевод реплики Агамемнона из трагедии Ж. Расина «Ифигения» (1 действие, 1 явление). Фактически лишь первый стих является переводом; остальные три — свободное развитие П. А. Львовым моралистического положения

Ода го<сподина> Руссо... — XVIII век, 16 — С. 267–268 Датировано 4 марта 1774 г. Почти дословный перевод оды «*Sur commencement d'année*» Ж.-Б. Руссо

Прадон к мадемуазель Бернар. — Там же — С. 264. Написано 30 мая 1774 г. Катарина Бернар (1662–1712) — французская писательница. Прадон Никола (1632–1698) — французский поэт

«Ее власы тогда приятно развивали...» — Там же — С. 262. Перевод сонета «*Egale i carei d'oro*». Выполнен 31 августа 1774 г.

Перевод из Саффо 26 марта 1778. — Русская лирика XVIII. — С. 375 Ода Саффо дошла до нас в VIII главе позднеантичного трактата «О возвышенном» псевдо-Лонгина В составе этого памятника ее перевел Н. Буало (1636–1711), именно к его труду неоднократно обращались русские поэты XVIII века.

Песнь норвежского витязя Гаральда Храброго... — Отдельное издание с текстом стихотворения на русском и французском языках и с предисловием (СПб., 1793) Печ. по кн. Поэты XVIII века. — Т. 2. — С. 211–212. «Песнь» — стихотворное переложение одного из старейших памятников скандинавской литературы; источником текста для П. А. Львова стал французский прозаический перевод, почерпнутый из второго издания «Истории Дании» П.-А. Малле: Mallet P.-A. Histoire de Dannemarck Genève. Vol. 1–6. 1763. Гаральд Храбрый (1015–1066) — король Норвегии (с 1047 г.), женившийся в 1045 г. на дочери великого князя киевского Ярослава Мудрого (978–1054) Елизавете. Дронтеймцы — жители Дронтейма, северной области Норвегии.

СТИХОТВОРЕНИЕ АНАКРЕОНА ТИЙСКОГО

«Стихотворение Анакреона Тийского» (1794) является крупнейшим переводческим трудом Н. А. Львова, позволяющим уточнить его отношение к столь важным проблемам, как роль художника в обществе, его воздействие на читателя, значение древних и новых литератур и т. д. Велико было также общекультурное значение этой книги — впервые в России была сделана попытка критического издания стихов древнегреческого поэта (том 1794 г. — билингва). Н. А. Львов предпринял свой труд без знания древнегреческого языка — главным его подспорьем был подстрочник, выполненный неизвестным лицом (на что впервые указано А. К. Гавриловым), а также переводы произведений Анакреона на европейские языки, перечень которых из сорока названий приведен в заключение предисловия (этот список почти целиком заимствован из издания стихов Анакреона, осуществленного итальянским филологом И. Б. Бодонием в 1791 г.). Одиннадцать изданий были отмечены в предисловии как те, которыми Н. А. Львов, по его собственному признанию, пользовался (именно они оставлены нами при сокращении этого громоздкого перечня). Однако, как показывает сопоставление текстов, русский поэт располагал всего семью переводами на европейские языки: Анны Дасье (Амстердам, 1716), А. Лафосса (републикован в издании Анны Дасье), И. Б. Лонжельера (Амстердам, 1692), Ф. Гакона (Роттердам, 1712), П. Ролли (Лондон, 1739), Ж.-Ж. Мутонне де Клерфона (Париж, 1773), И.-Х.-Ф. Майнеке (Лейпциг, 1776).

Столь же свободным было использование Н. А. Львовым сведений, почерпнутых у предшественников — фактически все ссылки на научную литературу, а также многие пассажи являются попросту заимствованием, что составляет определенную сложность при выработке принципов комментирования. Поэтому в данном издании вводится дополнительная информация в первую очередь об исторических лицах и о том, что непосредственно необходимо для понимания идей Н. А. Львова (библиографические же сведения, в особенности почерпнутые из вторых рук, остаются нами порой без исчерпывающего комментария).

Текст «Стихотворения Анакреона Тийского» воспроизводится по отдельному изданию 1794 г. с некоторыми сокращениями (они коснулись вступительной статьи и примечаний), при которых главным было сохранение собственно львовского текста. Отметим также, что из 75 стихотворений, которые Н. А. Львов считал подлинными, только 17 принадлежали античному лирику (оды LVI—LX, отрывки LXII—LXVI, эпиграммы I—VI). Как показали филологические исследования XIX в., эти подражания Анакреону возникли в период позднего эллинизма, и из них вскоре был составлен корпус так называемой анакреонтеи, которая в течение многих веков считалась подлинным наследием античного лирика.

Жизнь Анакреона Тийского

Поликрат (ум. в 522 г. до н. э.) — самосский торговец, установивший в 538 г. до н. э. тиранию на Самосе. При его дворе жили Анакреон, Ивик, Пифагор. *Гиппарх* (убит в 514 г. до н. э.) — сын афинского тирана Писистрата, пригласивший в Афины Анакреона и других поэтов. *Гипсий* — сын и наследник тиранической власти в Афинах в 510 г. до н. э., откуда он бежал к персидскому царю Дарию I (522—486 до н. э.), в 492 г. до н. э. предпринявшему наступление на Афины. *Солон* (ок. 640—560 до н. э.) — афинский политический деятель и поэт. *Эзоп* (жил в VI в. до н. э.) — греческий баснописец. *Кир II Великий* (царствовал с 558 по 529 г. до н. э.) — персидский царь, завоеватель Мидии, Лидии и Вавилонии. *Писистрат* (ок. 600—528 до н. э.) — политический деятель Афин, с 561 г. до н. э. ставший их тираном. *Suidas* (по-русски Суда или Свидя) —

название самого обширного греческого лексикона, возникшего ок. 1000 г. н. э. Вслед за архиепископом Евстафием Фессалоникийским название книги долгое время считалось именем его составителя (эту ошибку повторяет и Н. А. Львов). *Царское поколение Кодров* — т. е. потомство легендарного афинского царя Кодра. *Но в делах тирану смел советовать* — о близости Анакреона к Поликрату см.: Геродот. История, III, 121. *Стефан* Генрих — латинизированная форма имени французского филолога Анри Этьенна (1528–1598), осуществившего в 1554 г. первое издание анакреонтеи по палатинской рукописи. Сведения о принадлежавших Анакреону двух поэмх недостоверны. *Гиллис* Джон (1747–1836) — английский историк, его «История Древней Греции», переведенная с английского языка на французский Ж.-Л. Карра, была напечатана в Париже в шести томах в 1787–1788 гг. *Томас* (Тома) Антуан Леонар (1732–1785) — французский поэт. *Дорат* (Дора) Клод Жозеф (1734–1780) — французский поэт. *Трибрахий* — греческий размер, образовывавшийся при разрешении долгого слога в ямбе и трохее. *Брахий* — т. е. трохей. *Азара* Хосе Николо (1731–1804) — испанский дипломат, уполномоченный представитель испанского короля при Папе Римском; ему адресовано предисловие в издании И. Бодония. *Эфестион* из Александрии (жил во II в. н. э.) — греческий языковед, автор книг по метрике греческого стиха. *Пиндар* (ум. в 446 г. до н. э.) — древнегреческий поэт-лирик. *Эсхил* (525 — 456 до н. э.) — старший из классических греческих трагиков. *Шолье* Гийом (1636–1720) — французский поэт. *Геснер* Соломон (1730–1787) — немецкий поэт-идиллик и художник. *Петрарка* Франческо (1304–1374) — итальянский поэт. *Гистий* (Гистией, жил в V в. до н. э.) — милетский тиран. *Демокрит* (460–371 до н. э.) — греческий философ. *Анаксагор* (ок. 500–428 до н. э.) — греческий натурфилософ. *Протагор* (ок. 480–410 до н. э.) — первый софист, греческий мыслитель. *Валерий* Максим (I-я половина I в. до н. э.) — римский писатель, автор «Достопримечательных деяний и высказываний» в 9 кн. *Плиний Старший* (23–79 г.) — государственный деятель и писатель, автор «Естественной истории» в 37 книгах. *Ликколomini* Эней Сильвий (1405–1464; папа Пий II с 1458 г.) — итальянский гуманист и меценат. *Джиральди* Лильо (1479–1552, латинизированная форма имени Гиральдо) — главный нотариус папского двора при Леоне X и Клименте VII; автор «Истории поэтов как греческих, так и латинских» (1545). *Кальканини* Челло (1479–1541) — итальянский гуманист. *Павсаний* — греческий историк II в. из Малой Азии; автор «Описания Эллады» в 10 книгах. *Ксантипп*, *Перикл* — афинские государственные деятели V в. до н. э. *Элиан* (жил в III в. до н. э.) — грекоязычный писатель из Принесте возле Рима, автор «Пестрой истории» в 14 книгах. *Салфо* (жила во второй половине VI в. до н. э.) — греческая поэтесса. *Платон в разговоре об умеренности* — о генеалогии Хармида см.: Платон, Протагор, 315а. *Патригнани* Джузеппе (правильнее Патриньяни) — итальянский филолог XVIII в., ссылка на его мнение почерпнута у Бодония. *Эпикур* (342–270 до н. э.) — греческий философ-материалист. *Гораций* Квинт Флакк (65–8 до н. э.) — римский поэт. *Дидо* — семья французских книгоиздателей, чьи шрифты славились особым изяществом. *Человек добровольный* — как впервые отметил А. К. Гаврилов, речь здесь идет о неизвестном авторе подстрочника, а не о Евгении Булгарисе (общепринятая точка зрения). *Почтенного мужа* — т. е. Евгения Булгариса (1716–1806) — греческого писателя, с 1771 г. жившего в Петербурге.

Анакреононы переводчики

Стефан Роберт (1530–1570) — брат Анри Этьенна, филолог, издатель *Дасье* Анна (1651–1720) — французский филолог. *Ле Февр* Таннегю (1615–1672) — французский филолог, отец Анны Дасье. *Лонженьер* Илиэзр Бернар (1659–1721) — французский поэт. *Н А Львов* вслед за Бодонием указывает 1682 г. вместо 1692-го. *Лафосс* Антуан (1653–1708) — французский поэт. *Гакон* Франсуа

(1667–1725) — французский поэт-сатирик. *Мутонне де Клерфон* Жюльен Жак (1740–1813) — французский филолог и литератор; следуя Бодонию, Н. А. Львов указал 1779 г. вместо 1773 г. *Фишер* Иоганн Фридрих (1726–1799) — немецкий филолог. *Безымянным переводчиком* — имеется в виду издание Иоганна Фридриха Майнеке (1745–1825). *Бакстер* Вильгельм (1650–1723) — английский филолог. *Ренье-Демаре* Франсуа Серафин (1726–1799), аббат — французский филолог. *Ролли* Паоло (1687–1765) — итальянский поэт, проживший большую часть своей жизни в Англии. *Прославился Иосиф Спалетти* — имеется в виду римское издание 1781 г. *Вельгас* Эстебан Мануил (1595–1699) — испанский поэт. *Последний переводчик Анакреона* — имеется в виду книга, подготовленная Франческо Савелио де Рогати (1745–1827), изданная в 1782 г. *Кроме Ломоносова* — имеется в виду стихотворение «Ночною темнотою...» (1747) и перевод четырех од анакреонтеи в «Разговоре Анакреона» (1756–1761).

Книга первая

Ода VI. *Ком* (Комос) — шествие с пением и музыкой, которое устраивали после симпозию его участники. Ода XIII. *Атис* (Аттис) — бог-юноша, возлюбленный Кибелы (Цивилы). Ода XVII. *Орион* — в греческой мифологии великан-охотник, преследователь Плеяд. *Плеяды* — семь дочерей Атланта и Плейоны, вознесенные на небо и превращенные Зевсом в созвездие. Ода XVIII. *Эвий* — т. е. Дионис. Ода XX. *Дочь Танталова* — т. е. Ниобея, наказанная Аполлоном и Артемидой за насмешки над их матерью Латоной; став свидетельницей гибели своих детей, она обратилась в скалу. *Пандион* — один из первых афинских царей, отец Прокны и Филомелы, вторая из которых была обращена в ласточку Зевсом.

Примечания на первую книгу од Анакреоновых

Ода II. *Преосвященный Евгений* — т. е. Евгений Булгарис (см. выше). *Славный красотами своими перевод г. Ломоносова* — о стихотворении М. В. Ломоносова «Ночною темиотою...» (1747).

Книга вторая

Ода XXVIII. *Самос* — остров у западного побережья Малой Азии. Ода XXXI. *Орест* — в греческой мифологии сын Агамемнона и Клитемнестры, убивший свою мать в отместку за гибель отца. *Алкмеон* — в греческой мифологии сын Эмфнарая и Эрифилы, убивший продажную и вероломную мать, причастную к гибели отца. *Ифитьев лук* — аллюзия на убийство Гераклом Ифита в приступе безумия. *Бешенство Аякса* — согласно Гомеру, Аякс Теламонид, отбивший у троянцев труп Ахилла, был побежден Одиссеем в споре за его доспехи; впад в безумие, он истребил стадо овец, приняв их за врагов. Ода XXXV. *Сидон* (совр. Сайда) — портовый город на Средиземном море вблизи Бейрута.

Примечания на вторую книгу од Анакреоновых

Ода XXVIII. *Кайлюс* (Кейлюс) Клод Филипп, граф (1692–1765) — французский археолог, живописец, гравёр. *Переводил и наш Северный Орфей Ломоносов* — см. «Разговор с Анакреоном» (1756–1761) М. В. Ломоносова. Ода XLIII.

Реомюр Рене Антуан (1683–1757) — французский натуралист и физик. Ода XLIV. *Потар дю Лю* Мари Терез — французская поэтесса XVIII в.

Книга третья

Ода LIX. *Лифей* — река вблизи Эфеса. Ода LXI. *Рог Амалфеи* — т. е. рог изобилия. *Тартеза* — город в Испании, вблизи Кадикса. Ода LXVIII. *Иулианом сделанная* — т. е. приписывавшаяся римскому императору Юлиану Отступнику (332–363), известному своими литературными занятиями.

Несколько эпиграмм Анакреоновых

V. На медную телицу работы Мирона. *Мирон* (V в. до н. э.) — древнегреческий скульптор.

Примечания на третью книгу од Анакреоновых

Ода LVIII. *Пирон* Алексис (1689–1773) — французских поэт.

ПОЭМЫ

Русский 1791 год. — Отд. изд., 1791, СПб.; виньетка на титульном листе подписана: «Льво. Нико. 1 апреля 1791 года» (дата указывает на шуточный характер поэмы). Также без подписи и посвящения, с исключением ст. 251–259. — Муза — 1796 — Ч 1. — № 2. — С. 129–138; № 3. — С. 175–181.

Милостивая государыня! — посвящение обращено Марии Алексеевне Львовой (1753–1807), жене поэта. *Светильник истины возженный Тебе в покров он посвятил* — имеется в виду посвящение И. И. Хемницером сборника своих басен 1779 г. М. А. Львовой (тогда еще носившей фамилию Дьяковой); ср. также «Эпиграмму сочинителю басен и сказок NN» Н. А. Львова.

Зима. Тематика, персонафикация природных стихий, особенности рифмовки и ритмики роднят «Зиму» со стихами «На рождение в Севере порфиородного отрока» (1779) Г. Р. Державина. *Бурмицкий жемчуг* — поддельный жемчуг крупного размера (от тюркского названия города Ормузд у Персидского залива). *В рукавицы золотые* — в царствование Екатерины II извозчики носили желто-черные кушаки и рукавицы. *Штофный домино* — маскарадная одежда из плотной шелковой ткани. *Во светлице небогатой сидя в дружестве кружком* — имеются в виду дружеские и родственные собрания в доме Н. А. Львова в 1780-е годы, славившиеся исполнением русских народных песен и любовью к исконному укладу. *Иль гадали где порою* — далее в поэме описываются святочные гадания по луне, случайному прохожему, снам, воску, кольцам и т. д. *Без славы* — возглас «Слава!» замыкает стихи подблюдных песен. *Как лисица-кознодей* — аллюзия на басню Д. И. Фонвизина «Лисица-кознодей» (между 1774 и 1787). *Скрасив ложной сединой* — об обычае пудрить волосы. *Русский стал с чужим умом* — в журнальной публикации к этому стиху было сделано ироническое примечание «Безвинного не трогают». *Что понеже невозможно* — пародия на слог императорских указов. *Что все к лучшему идет* — аллюзия на философию оптимизма Г. Лейбница. После заключительного стиха поэмы была сделана помета «Сочинено 11 декабря».

Ботаническое путешествие на Дудорову гору... — Северный вестник. — 1805. — Ч. 5. — № 2. — С. 111–137. Печ. с учетом рук.: т. 37, л. 30–38. Свободная манера повествования, чередование стихов и прозы, введение элементов фантастики, условная обращенность к биографически конкретному адресату позволяют отнести произведение Н. А. Львова к разветвленной в европейской литературе традиции, восходящей к знаменитому «Путешествию Шапеля и Башомона» (1656). В основу «Ботанического путешествия» положено, видимо, описание конкретной ботанической экскурсии, совершенной Н. А. Львовым с графом Аполлосом Аполлосовичем Мусиным-Пушкиным (1760–1805), геологом и поэтом, и Иваном Васильевичем Бебером (1746–1820), энтомологом и ботаником; адресат, к которому обращено повествование, — жена А. А. Мусина-Пушкина Анна Николаевна, урожденная княжна Голицына. Большую часть произведения составляет описание поездки мимо Красного Села к Дудергофским высотам, славящимся обилием эндемичных видов. *Ростовец шведских стран Линей* — т. е. шведский ботаник Карл Линней (1707–1778), создатель классификации растительного и животного мира. *Уртика* — крапива. *Цедум* — очиток. *Вергилий первый говорит* — цитата, почерпнутая Н. А. Львовым из вторых рук, не поддается идентификации; у Вергилия этих строк нет. *Теокрит* (или Феокрит, III в. до н.э.) — эллинистический поэт, родоначальник буколической поэзии. *Опиен* (правильнее Оппиан, II в. н. э.) — греческий поэт, автор поэмы о ловле рыбы, ему приписывались также поэмы об охоте и ловле птиц. *Рапин Рене* (1621–1687) — французский поэт и теолог. *Путешествие Вальяна* — имеется в виду «Путешествие в глубину Африки» Франсуа Левзьяна (1753–1823), первые два тома которого вышли в 1790 г. *Папуз Крааль* — холм, на котором состоялся сельский завтрак, описанный Левзьяном. *Кис, Нерина* — туземцы, описанные Левзьяном. *Рукою Иудифы кажется* — аллюзия на эпизод убийства Юдифью Олоферна (Иф. 13, 8). *Зарюмить* — зарычать. *Сегодня же Николин день* — т. е. день перенесения мощей святителя Николая, 9 мая ст. стиля.

Добрыня. — Друг Просвещения. — 1804. — № 9. — С. 196. Печ. по кн.: Поэты XVIII века. — Т. 2 — С. 226–236. В т. 37 имеется план второй главы и несколько ее начальных стихов.

Поэма осталась незавершенной. Датируется по указанию в рукописи: «1796-го года в С<анкт>-П<етер>бурге». *Светов сын* (или Световид) — по представлениям XVIII столетия славянский бог света и войны. *По доказательству друга моего N* — имеется в виду статья В. В. Капниста «Краткое изыскание о гипербореанах. О коренном российском стихосложении» (опубликована в 1815 г.). *Тентелева деревня* — деревушка между Петербургом и Петергофом. *В Гипербореях родился* — Капнист В. В. считал гиперборейцев древнейшими предками русского народа, которые жили на севере России в легендарной райской стране. *Не Алцей — новотор поет* — Алцей (Алкей, конец VII–VI в. до н.э.) — древнегреческий лирик. К этому стиху в тексте журнала «Друг Просвещения» сделано примечание: «Автор родом из Торжка». *Бова-королевич, Франц, Лазарич* — герои рукописных повестей, популярных у демократического читателя XVIII в. *Записки касательно русской истории* — сочинение Екатерины II, публиковавшееся частично в «Собеседнике» (1783–1784), а затем выпущенное в 6 ч. отдельным изданием (1787–1794). *Сын усилия* — т. е. М. В. Ломоносов. *Свят Квинтинович* — т. е. Квинт Гораций Флакк (65–8 до н.э.), перенесший в римскую поэзию греческие метры. *Как Кистрин будто, азял бессмертье* — русская крепость Кюстрин (Кистрин) выдержала в 1758 г. длительную осаду русских войск. *Видел я вчера Богуславица* — о комической опере Екатерины II «Новгородский богатырь Боеславаич» (СПб., 1786). *Бористенес* (Борисфен) — греческое название Днепра. *Бровари* (Бровары) — село в Черниговской губернии недалеко от Киева.

ПЬЕСЫ

Сильф, или Мечта молодой женщины. — Печ. по тексту рукописной партитуры: Псковский государственный объединенный историко-архивный музей-заповедник, отдел рукописных и редких книг, шифр 260/49-159 л., найдена в 1950-х А. С. Розановым. Когда книга была сдана в печать, нами был обнаружен список «Сильфа» с авторской правкой в РГАЛИ (ф. 1296, оп. 2, № 13), который уже не мог быть учтен. Первая редакция пьесы была закончена в 1778 г. (отрывки текста хранятся в РНБ), а затем усовершенствована в 1790-е годы. (текст РГАЛИ и Псковского музея).

Как установила Е. Д. Кукушкина, пьеса является переработкой новеллы Ж.-Ф. Мармонтеля «Муж-сильф» (1758). Н. А. Львов «сжимает» действие до 24 часов, русифицирует имена и характеры персонажей, вводит новых действующих лиц (Андрей). Отметим также, что главный герой французской повести маркиз Воланж (в отличие от соответствующего персонажа русской комической оперы) не только стремится завоевать любовь своей жены, но и желает испытать ее добродетель.

Ямщики на подставе. — Отд. издание. Тамбов, 1788 Печ. по рук.: т. 37, л. 41-56 об.; с учетом изданной партитуры: Фоми н Е. И. Ямщики на подставе: опера Партитура. — М., 1977. Премьера комической оперы на музыку Е. И. Фомина состоялась 8 ноября 1787 г. в Петербурге на сцене либо Каменного (Большого) театра, либо Деревянного (Малого). Пьеса была освистана и исключена из репертуара

Забываая в течение почти двух столетий, пьеса обрела новую сценическую жизнь уже в XX в., когда ее оригинальность была наконец оценена по достоинству.

Митрофанов С. М. — собиратель народной музыки, певец, знакомый Н. А. Львова. *Угарый* — буйный

Тананычить — петь себе под нос что-то неразборчиво. *Статки* — умелы *Нишнуть* — молчать. *Еракий* — этакий. *Бажоная* — желанная, милая *Домовь* — домовый. *Льозный* — пригожий. *Холынья* — название села и реки в Новгородской губернии. *Жох* — грубиян. *Бараблить* — перебирать руками и ногами. *Гунить* — бить. *Цупрыснуть* — ударить. *Попудить* — поспешить. *Зобать* — есть что-то мелкое, рассыпчатое. *Обмен* — оборотень

Милет и Милета. — Печ. по рук. т. 37, л. 57-65 об. На титульном листе дата написания: «1794-го года в Черенчицах». Тексту предпослано письмо Н. П. Яхонтову от 10-го сентября 1796 г., к которому сделана следующая приписка, озаглавленная «Задача вместо предисловия». «Сделать в летнее после обеда время пастушью драму для двух дуэтов из хора „Нины“ Паизелловой, из одной арии Мартыниевой. Связь сей драмы должна быть основана на песне „Вошел в шалаш мой и проч.“ сочинения Гаврилы Романовича [т. е. Державина]». Нами опущен текст приведенного вслед за «Задачей» стихотворения Г. Р. Державина «Мечта» («Вошел в шалаш мой торопливо...») и список заданной музыки, являющийся перечислением рекомендуемых Н. П. Яхонтову итальянских арий. Характер изображения любовного чувства в пасторали позволяет говорить о том, что в ней нашла отражение история сватовства Г. Р. Державина к Д. А. Дьяковой.

Парисов суд. — Печ. по рук. т. 37, л. 15-28. На титульном листе дата окончания пьесы: «17 октября 1796-го в С.-Петербурге». Посвящение В. В. Капнисту опубликовано в кн. История русской музыки. — Т. III: XVIII век. — Ч. II. — М., 1985. — С. 91. «Ябедой» — о знаменитой одноименной комедии В. В. Капниста (1796). *Ида* — горная цепь вблизи Трон, где, по преданию, происходил Парисов суд *Шлык* — чепец. *Черны ли зубы-то?* — намек на обычай женщин из простонародья в XVIII в. чернить из кокетства зубы

ПРОЗАИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ

Пролог. — Некрасов С. М. Российская академия. — М., 1984. — С. 227—228. Печ. по рук.: РНБ, ф. 247, т. 39, л. 134—135 об. «Пролог» был закончен за месяц до официального торжественного открытия Академии Российской (21 октября 1783 г.), однако сведениями о его инсценировке мы не располагаем. Театрально-музыкальная интермедия должна была наглядно продемонстрировать характер деятельности новоучреждаемой Академии.

О русском народном пении. — Собрание народных русских песен с их голосами. На музыку положил И. Прач. — СПб., 1790. — С. I—XII. *Страбон* (ок. 64—ок. 24 до н. э.) — греческий географ и историк. № 13, 18, 19, 25, 27 — «Ах реченьки, реченьки, холодные водыньки...», «Ах, что ж ты, голубчик, невесел сидишь...», «Как у нашего широкого двора...», «Ивушка, ивушка зеленая моя...», «Ах! как тошно мне, тошенько...» *Кирхер* Атанасиус (1601—1680) — немецкий ученый, иезуит. *Бюретт* Пьер Жан (1665—1747) — антиквар, врач, автор музыковедческих трудов. *Старинная наша песня под № 34* — «Ах! вы, кумушки-голубушки, подружки...» № 11, 22, 29 — «Не бушуйте вы, ветры буйные...», «Как на матушке, на Неве реке...», «Дорогая ты, моя матушка...» № 3, 5, 8, 15, 17 — «Как досель у нас, братцы...», «Как у батюшки в зеленом саду...», «У дородного доброго молодца...», «Ах ты, Волга, Волга-матушка...», «Еще вниз то было по матушке Камышенке реке...» № 1, 4, 13, 31 — «Ах, деревня от деревни неподалеку стоит...», «Во лесочке комарочков много уродились...», «Уж как по мосту мосточку...», «Ой на горе-горе на высокой, на крутой...» № 11, 14, 20, 27, 28, 39, 41 — «Во поле береза стояла...», «Мне моркотно, молоденьке...», «Земляничка-ягодка на полянке выросла...», «Во лугах, во лугах...», «Ай, по улице молодец идет...», «Во донских во лесах...», «Ах, сени, мои сени...» *Гюи* Пьер Огюстен (1720—1799) — французский писатель, автор упоминаемого Н. А. Львовым «Литературного путешествия в Грецию» (Париж, т. 1—2, 1772). *Под № 14* — «Говорила я другу милому...» *Под № 19* — «Я сндела либо день, либо два...» *Гейден* (Гайдн) Иосиф (1732—1809) — австрийский композитор. *Плель* — т. е. Плейель Игнац Иосиф (1757—1831), композитор, музыкальный издатель *Даво* Жан Батист (1737—1822) — французский композитор. № 25 — «Ивушка, ивушка зеленая моя...» № 30 — «Вылетала голубица на долину...» *Форкель* Иоганн Николаус (1749—1818) — немецкий историк и теоретик музыки, автор «Всеобщей истории музыки» (1790—1801), в 1790 г. вышел только т. 1 этого труда.

Каким образом должно бы было расположить сад князя Безбородки в Москве. — Гримм Г. Проект парка Безбородко в Москве: (Материалы к изучению творчества Н. А. Львова) // Сообщения Института истории искусств — 1954 — № 4—5. — С. 107—135. Печ. с незначительными сокращениями. *Кент* Вильям (1684—1748) — английский садовый декоратор, создатель английского стиля устройства парков. *Ленотр* Андре (1613—1700) — французский садовый декоратор, автор плана версальских парков *Румянцев-Задунайский* Петр Александрович (1725—1796), граф — русский военачальник. *Грейг* Самуил Карлович (1736—1788) — русский адмирал шотландского происхождения. *Шуазель-Гуффье* Мари-Габриэль-Флорант-Огюст (1752—1817) — французский дипломат и любитель старины. *Варрон* Марк Теренций (116—27 до н. э.) — римский ученый-энциклопедист. *Линджерон* Жан-Клод (1730—1795) — французский писатель. *Лукулл* Лициний (ок. 117—56 до н. э.) — римский полководец и государственный деятель. *Красс* Марк Лициний (115—53 до н. э.) — римский военачальник, славившийся своим богатством. *Флорантин*, аббат — знакомый Н. А. Львова.

ПИСЬМА

Из обширного, хотя и плохо сохранившегося эпистолярного наследия Н. А. Львова нами были отобраны письма, отражающие его литературные и музыкальные интересы, архитектурные и издательские планы.

№ 1. — Акв. — Т. 32 — С. 502–504; печ. по рук.: РГАДА, ф. 1261, оп. 3, № 714, л. 7–8 *Воронцов Александр Ромаиович (1741–1805), граф — дипломат, государственный деятель, президент Коммерц-коллегии в 1773–1794 гг., канцлер в 1802–1804 гг.* Среди екатеринских вельмож А. Р. Воронцов выделялся широкой образованностью, высокими деловыми качествами и независимостью. В течение многих лет он оказывал служебное покровительство А. Н. Радищеву, поддержка которого продолжалась и в то время, когда писатель был сослан. Свои отношения с А. Р. Воронцовым Н. А. Львов в письме к нему от 10 ноября 1783 г. охарактеризовал как «десятилетнюю дружбу» (РГАДА, там же, л. 2) Архитектор участвовал в украшении интерьеров в домах А. Р. Воронцова в Петербурге и в с. Андреевском Владимирской губернии, по его проектам были построены две церкви в селах Мурино (завершена в 1790 г.) и Матренино (1796–1849), принадлежавших братьям Воронцовым

О чине зятя моего — неясно, о ком из зятьев Н. А. Львова идет речь. его сестра Надежда была замужем за горным инженером Аникитой Сергеевичем Ярцевым, а Елизавета — за Василием Карповичем Свечиним *Брюс Яков Александрович (1742–1791) — генерал-аншеф, сенатор, московский главнокомандующий в 1781–1786 гг. Боур Федор — московский генерал-инженер Сердюков Михаил Иванович (ум в 1753) — новгородский купец, строитель Вышневолоцкой системы каналов. Губернатору — т. е. князю Петру Васильевичу Лопухину (1753–1827), генерал-майору, московскому губернатору Чонжин Тимофей Иванович (ум. в 1803) — коллежский советник Козлянов Петр Иванович — коллежский советник Карачинский Василий Яковлевич (ум в 1793) — московский чиновник. Алекс<андр> А<ндреевич> — т. е. А. А. Безбородко Матренино — дворцовое село, находящееся в 4 км от с. Андреевского Бланк Карл Иванович (1728–1793) — архитектор. Николаю Петровичу — т. е. Н. П. Архарову (1742–1814), генерал-губернатору Новгородского и Тверского наместничества в 1784–1796 гг. В доме вашем петербургском — дом А. Р. Воронцова сохранился, его нынешний адрес — наб. Мойки, д. 120.*

№ 2. — Соч. Державина — Т. 5 — С. 536–538 *Носов — лицо неустановленное. Екатерина Яковлевна — т. е. первая жена Г. Р. Державина, урожденная Бастидон. Дядюшка Хрипунов — о поручике Василии Ивановиче Хрипунове (ум в 1800), двоюродном брате матери поэта Прасковьи Федоровны, урожденной Хрипуновой. Граф Александр Романович — т. е. Воронцов Роман Ларионович — об отце А. Р. Воронцова, генерал-аншефе Романе Илларионовиче Воронцове (1717–1783). От которого Роман Ларионович и умер — Р. И. Воронцов скончался 30 октября 1783 г. Марья Алексеевна — т. е. Львова, жена поэта.*

№ 3. — Там же — С. 580. *Камюс* (наст. имя — Никола Филипп Ледрю, 1731–1807) — французский физик

№ 4. — Там же. — С. 612–613. В письме говорится о торжественной речи по поводу открытия в Тамбове народного училища, написанной Г. Р. Державиным от лица тамбовского однодворца и произнесенной П. Р. Захарьиным 22 сентября 1786 г.; в течение некоторого времени имя подлинного автора скрывалось, одним из немногих в столице, посвященных в секрет этой мистификации, был Н. А. Львов. *Завадовский Петр Васильевич (1739–1812), граф — государственный деятель, в 1780-е годы — управляющий Санкт-Петербургским дворцовым банком Аполлонис — халкидский стоик, воспитатель римского императора Марка Аврелия; именно от его лица написана «Похвала Марку Аврелию» (1770) А.-Л. Тома, на которую ориентировался при написании речи Г. Р. Державин. Туттолмин*

Тимофей Иванович (1739—1809) — олонецкий и архангелогородский губернатор. *Иван Васильевич* — т. е. И. В. Гудович (1741—1820), граф — генерал-губернатор рязанский и тамбовский.

№ 5. — Там же. — С. 613—614. Письмо написано на обороте обложки 4-й части сочинений М. В. Ломоносова, напечатанной в 1785 г. *Ковалинский* Михаил Иванович — знакомый Г. Р. Державина по Петербургу. *Бланкеннагель* — по-видимому, генерал-майор Егор Иванович Бланкеннагель (ум. в 1813). *Дашкова* Екатерина Романовна (1743—1810; урожд. графиня Воронцова), княгиня — писательница, государственный деятель; в 1783 г. была назначена директором Академии наук и президентом Российской Академии. *Тимофея Ивановича* — т. е. Тутолмина.

№ 6. — Там же. — С. 625—626; *Петр Васильевич* — т. е. Завадовский. *Сатин* Иосиф — генерал-майор, известно о его жалобах на Г. Р. Державина в это время. *Демидов* Прокофий Акинфиевич — богач, предприниматель, известный своими чудачествами; родился 8 июля 1710 г., умер 4 ноября 1786 г. *Марков* Аркадий Иванович (1747—1827) — дипломат, в 1786 г. по жалобе шведского короля Густава III был отозван из Стокгольма, где был послом. *Который, когда хочешь, заснешь*. — Мемуаристы отмечали способность Г. Р. Державина засыпать непроизвольно. *Покойный Петр Васильевич* — т. е. П. В. Бакунин Меньшой (1734—1786), дипломат, родственник и покровитель Н. А. Львова.

№ 7. — Там же. — С. 667—668. *Леонидка* — т. е. сын Н. А. Львова Леонид (1784—1847). *У здешнего губернского предводителя Васки Пугачева сын родился, Николай* — о скончавшемся в младенчестве сыне В. В. Капниста Николае. *Письмо-то вышло по-жидовски* — письмо было по ошибке начато на второй странице сложенного полулиста.

№ 8. — АкВ. — Т. 32 — С. 507—510, с исправлениями по рук.: РГАДА, ф. 1261, оп. 3, № 714, л. 13—14. *Воронцов* Семен Романович (1744—1832), граф — посол России в Англии с 1784 по 1806 г.; Н. А. Львов описывает в письме к нему подробности путешествия Екатерины II на юг России, в котором принимал участие. *Вложив персты моя* — евангельская аллюзия (Ин. 20, 26—29). *Император* — т. е. немецко-римский император Иосиф II (1765—1790). *Встретил государыню в Бориславе* — приезд Екатерины II в Берислав состоялся 1 июня 1787 г. *Сарти* Джузеппе (1729—1802) — итальянский композитор и дирижер, с 1784 г. жил в России. *Камели* — два плоскодонных судна для подъема корабля и проведения его по мелководью. *Начертил . куриный сброд* — к письму приложен рисунок Н. А. Львова, который не воспроизводится. *Сегюр* Луи-Филипп (1753—1830), граф — французский дипломат, с 1785 по 1789 г. — посол при русском дворе, автор мемуаров о России. *Псаро* Антон Константинович (ум. после 1806) — дипломат, служащий коллегии иностранных дел. *Хотинский* Николай Константинович (ум. в 1811) — дипломат.

№ 9. — Соч. Державина. — Т. 5 — С. 727. *Князя дожидают сюда* — о Г. А. Потемкине-Таврическом. *Мамонов* — т. е. Александр Матвеевич Дмитриев-Мамонов (1758—1803), граф — генерал-адъютант, фаворит Екатерины II в 1786—1789 гг. *На Очаков-то что бы нибудь и написать можно*. — На взятие Очакова Г. Р. Державин откликнулся стихотворением «Победителю» (1789). *Beatus ille* — начало второго эпода Горация.

№ 10. — Печ. по журн.: Русская литература — № 3. — 1972. — С. 79—80. При публикации опущена краткая приписка Г. Р. Державина, завершающая письмо. *Сашеньку* — о жене В. В. Капниста Александре Алексеевне, урожд. Дьяковой (1759—1830). *По твоему заводу* — о деле, связанном с Киевским шелковичным заводом, надзирателем которого В. В. Капнист был назначен в 1787 г.; оно было окончено только в 1793 г. благодаря хлопотам Г. Р. Державина. *Гутель* — видимо, один из служащих шелковичного завода. *Князь Григорий Александрович* — т. е. Г. А. Потемкин-Таврический. *План о казаках* — о проекте В. В. Капниста, в котором предлагалось формирование добровольческих полков из

украинских казаков, предложенный в 1788 г. и оставшийся неосуществленным. *От графа Петра А<лександровича>* — т. е. от П. А. Румянцева-Задунайского.

№ 11. — Письма. — С. 388-389 Часть письма написана по-французски, она дана нами в переводе первого публикатора Е. Н. Конюшко. «*Ответ твой*» — о стихотворении В. В. Капниста «*Ответ Рафаэла певцу Фелицы*» (1789), являющееся критическим откликом на оду Г. Р. Державина «*Изображение Фелицы*» (1789). «*На надежду*» или «*На утрату*» — об одах В. В. Капниста «*На надежду*» (1780) и «*На смерть сына*» (1787). *Оригинала татарского* — аллюзия на татарское происхождение рода Г. Р. Державина. «*Путешествие юного Анахарсиса по древней Греции*» — о книге аббата Жан-Жака Бартеlemi (1716-1795), опубликованной в 1788 г. *Нам обещают... перевод «Илиады»* — о переводе Ермила Ивановича Кострова (1755-1796), шесть частей которого были опубликованы в 1787 г.; целиком этот труд так и не был завершен — 7-9 песни были напечатаны уже посмертно в 1811 г. в «*Вестнике Европы*».

№ 12. — Печ. по рук.: ЦНБ, шифр I, 23826, л. 1-2 *Карташевский* — лицо неустановленное. *Петр А<лександрович>* — П. А. Соимонов (1731-1800), генерал-майор, состоял при Кабинете в комиссии о дорогах. *Кречетников* Михаил Никитич (1729-1793), граф — генерал-аншеф, с 1790 по 1792 г. — киевский генерал-губернатор *Гаук* (Гауг) Томас Кристиан (1777 — ?) — музыкальный мастер *Италии счастливый путь* — о труппе итальянских актеров, с которыми В. В. Капнист вел переговоры по поручению М. Н. Кречетникова.

№ 13. — Московский журнал. — 1791. — Ч.IV. — С. 91-101. Письмо посвящено семейному торжеству — освящению церкви, построенной по проекту Н. А. Львова в с. Арпачеве Новоторжского уезда Тверской губернии, принадлежавшем дяде поэта Петру Петровичу Львову (1741-1794). Высокая оценка литературных достоинств письма друзьями Н. А. Львова стала, по-видимому, причиной его публикации в «*Московском журнале*» Н. М. Карамзина. *Вельяминов* Петр Лукич (ум в 1805) — литератор, ценитель искусства, приятель Н. А. Львова, Г. Р. Державина, отличавшийся оригинальностью поведения и любовью к русской тарине. *Вайи* (церк. слав.) — ветви финиковой пальмы. *Хор семи братьев* — т. е. ключающий, помимо Н. А. Львова, его двоюродных братьев Петра, Александра, Василия (сыновья дяди Николая Петровича), Федора, Василия, Петра (сыновья Петра Петровича Львова). *Трех сестер* — возможно, речь идет о родных сестрах П. А. Львова — Марии, Надежде, Елизавете, а скорее, о двоюродных дочерях П. А. Львова) *Дарья А<лексеевна>* — т. е. свояченица Н. А. Львова Д. А. Дьякова (1767-1842), ставшая через несколько лет второй женой Г. Р. Державина. *Обеданы мы у дяди доброго, ужинали у тетки-хлебосолки* — т. е. у П. П. Львова и его жены Прасковьи Васильевны *Слепецкий* Александр — лицо неустановленное. «*Федор*» — т. е. *Федор Петрович Львов (1766-1836), двоюродный брат П. А. Львова. Ты русские песни любишь* — о любви П. Л. Вельяминова к русским народным песням свидетельствует посвящение ему И. Е. Хандошкиным шести их переложений для скрипки, а также сочинение П. Л. Вельяминовым песни «*Ох, ты славны русски кислы щи*» [опубликована И. И. Дмитриевым в «*Карманном сеннике*» (1796 г.)] *Львов* Петр Сергеевич (ум в 1736) — дед Н. А. Львова, о котором известно лишь то, что он скончался в чине капитана. *Из персидского хода* — о походе русских войск в 1722-1723 гг. во главе с Петром I в принадлежавшие Персии Северный Азербайджан и Дагестан *Дядя отпуская двух нов своих* — о старших сыновьях П. П. Львова Дмитрии (1771-?) и Петре (годы жизни неизвестны), женатом на Варваре Сергеевне Березиной (1781 — до 1836). *Урзов* — по-видимому, крепостной Львовых. *Поздравляю... с миром* — т. е. с заключением Ясского мирного договора (1 августа 1791), завершившего русско-турецкую войну 1787-1791 гг.

№ 14 — 15. Печ. по рук.: РГБ, ф. 41 к 103, № 43, лл. 3-3 об., 7-7 об. *Яков* Яков Иванович (1743-1809, — дипломат, в 1790-1791 гг. — посол в Швеции *Оперы Паизелловой* — имеется в виду партитура оперы-буфф «*Нина*,

или *Безумная от любви* (1789) итальянского композитора Джованни Паизиелло (1740–1816); по свидетельству Ф. П. Львова, поэту принадлежал перевод либретто этой оперы, до нас не дошедший.

№ 16. Печ. по рук.: РГАДА, ф. 1261, оп. 3, № 714, л. 25–26. *Псалом Гав<рилы> Ром<ановича>* — о стихотворении Г. Р. Державина «Помощь Божия» (1793), в основу которого положен 120-й псалом. *Петр Александрович* — т. е. Соймонов. *Нартов* Андрей Андреевич (1737–1813) — драматург, переводчик, государственный деятель. *О смерти Ивана Перфильевича* — писатель и государственный деятель И. П. Елагин скончался 22 сентября 1793 г.

№ 17. — Акв. — Т. 32. — С. 518. Печ. по рук.: РГАДА, ф. 1261, оп. 3, № 714, л. 27–28 об. *Игельстром* Осип Андреевич (ум. в 1817), граф — генерал от инфантерии, с 1792 г. — главнокомандующий русскими войсками в Польше. *Апраксин* Степан Степанович (1747–1827) — генерал от кавалерии, участник похода против конфедератов. *Зубов* Валериан Александрович (1771–1804), граф — генерал-майор, участник подавления польского восстания. *Фон Сухтелен* Петр Корнильевич (1751–1836), граф — генерал от инфантерии; вместе с генерал-лейтенантом Карлом Федоровичем *Боуэрном* (ум. в 1812) был ранен и взят в плен во время Варшавского восстания. *Аш* Иван Федорович (1726–1807), барон — дипломат, полномочный министр в Польше. *Бюллер* Андрей Яковлевич, барон — дипломат, служивший под началом И. Ф. Аша. *Арсеньев* Николай Дмитриевич (1760–?) — генерал-майор. *Цицианов* Павел Дмитриевич (1754–1806), князь — генерал от инфантерии. *Костиюшко* Тадеуш (1746–1817) — польский политический деятель, руководитель польского восстания 1794 г., при разгроме которого был взят в плен русскими войсками. *Репнин* Николай Васильевич (1734–1801), князь — генерал-фельдмаршал, восначальник и дипломат.

№ 18. — Акв. — Т. 32. — С. 519. Печ. по рук.: РГАДА, ф. 1261, оп. 3 № 714, л. 29–30. *После родов* — т. е. после рождения дочери Прасковьи (28 октября 1793 г.). *Экк* Матвей Матвеевич — почт-директор в Петербурге, под началом которого в нач. 1780-х годов служил Н. А. Львов. *Ханыков* Петр Иванович (1743–1813) — адмирал, возглавлял кронштадтский порт. *Браницкая* Александра Васильевна (ум. в 1838), урожд. Энгельгарт — племянница Г. А. Потемкина.

№ 19. — Печ. по рук.: ЦНБ, шифр III, 23820.

№ 20. — Письма. — С. 389–390. *Анна Петровна* — т. е. А. П. Полторацкая (1772–1842), урожд. Хлебникова, жена Ф. М. Полторацкого, родственница сестер Дьяковых «*Песнь Екатерине II*» — об оде Г. Р. Державина «На взятие Варшавы» (в первой редакции она называлась «Песнь ее величеству Екатерине II»). *Ты утешаешь его стихами о потере Катер<ины> Яков<левны>* — об оде В. В. Капниста «На смерть Пленеры», написанной в связи со смертью первой жены Г. Р. Державина (ум. 15 июля 1794 г.). *Дарья Алексеевна* — т. е. Дьякова, ставшая в явнаре 1795 г. второй женой Г. Р. Державина. *Сашиа* — т. е. Александра Алексеевна Капнист (1721–1791), урожд. Дьякова, жена поэта.

№ 21. — ЦНБ, шифр III, 23822. *Богдан Иванович* — т. е. один из племянников В. В. Капниста, возможно, Иван Данилович Капнист, подпоручик, скончавшийся в нач. 1800-х годов.

№ 22. — Письма. — С. 390 — 391. *Перевода твоего* — о незавершенном переводе В. В. Капниста поэмы Ж. Делиля «Сады» (1782). *Твои маленькие стишки* — о стихотворении В. В. Капниста «На перевод Анакреонта» (позднее названо «Красавице»), приложенном к «Стихотворению Анакреона Тийского» (1794) и посвященном М. А. Львовой. *Филипп* — о герцоге Филиппе Орлеанском (1747–1793), в годы Великой французской революции он отказался от титула и принял фамилию Эгалите, усиленно афишировал свои демократические пристрастия, голосовал за смерть короля, что не убергло его от гильотины. *Делиль Жак* (1738–1813) — французский поэт, славу которому принесла его описательная поэма «Сады» (1782). *Андреевский* Иван Самойлович (1759–1809) — писатель и

переводчик. *Терентий* — управляющий имением Капнистов. *Мальцов* — лицо неустановленное.

№ 23. — Печ по рук.: т. 37, л. 58. *Яхонтов* Николай Петрович (1764–1840) — композитор, друг и родственник Н. А. Львова, автор музыки к его комическим операм «Сильф» и «Милет и Милета». *Оперетку* — о комической опере Н. А. Львова «Милет и Милета» (1794). *Секретарь безграмотности моей* — т. е. Мальцов, о котором говорится в предыдущем письме. *Алексашка* — крепостной певец Н. А. Львова, см. о нем в письме к Е. А. Головкиной от 28 мая 1800 г. *Двух моих девочек* — т. е. дочерей Н. А. Львова Елизавету (1788–1864) и Веру (1792–1872).

№ 24. — Печ по рук.: ЦНБ, III, 23826^a *Дашинькою* — т. е. со второй женой Г. Р. Державина Дарьей Алексеевной. *Левкина сестра* — речь идет об одной из крепостных В. В. Капниста, которую отдавали в обучение архитектору Адаму Адамовичу Менеласу (1753–1831). *Мое отправление в Москву для перестройки Кремля* — имеется в виду порученная П. А. Львову Павлом 17 апреля 1797 г. постройка нового Кремлевского дворца на месте обветшалого елизаветинского.

№ 25. — Печ по рук.: РГИА, ф. 37, оп. 11, № 117, л. 104–105. *Лопухин* Петр Васильевич (1753–1827), князь — государственный деятель, генерал-прокурор Сената, а позднее министр юстиции. *Введенское* — имение П. В. Лопухина под Москвой, куда для проектирования усадьбы был приглашен П. А. Львов. *Брюн* — кличка пса Н. А. Львова. *Игнатий Антонович* — видимо, И. А. Тейльс (1744–1855), тверской вице-губернатор.

№ 26. — Печ по рук.: РГАДА, ф. 1261, оп. 3, № 714, л. 35–36. Письмо посвящено последним дням кн. А. А. Безбородко (ум. 6 апреля 1799 г.), покровителя Н. А. Львова в течение многих лет. *Александра Андреевича* — т. е. Безбородко *Круз* (Крузе) Карл Федорович (1727–1799) — главный доктор гвардейских войск. *Бек* Иван Филиппович (1735–1811) — с 1796 г. штаб-медик при Павле I. *Петр Васильевич* — т. е. Лопухин. *Виктора Павловича* — т. е. графа В. П. Кочубея (1768–1834), дипломата и государственного деятеля.

№ 27. — Соч. Державина — Т. 2. — С. 276 Письмо является откликом на присылку Г. Р. Державиным «Оды на победы французов в Италии графом Суворовым-Рымницким 1799 году» (СПб., 1799), в которой использованы образы скандинавской мифологии, о чем писал автор в примечаниях к ней: «Ода сия основана на древнем северных народов баснословии. *Валка* — небесная дева. *Барды* — певцы богов и героев *Валкал* — рай храбрых.» *Русский Полкан* — об А. В. Суворове, руководившем в 1799 г. действиями союзных войск в Италии против войск Французской республики; на условном мифологическом языке XVIII в. Полкан был аналогом греческого кентавра *И девятый вал в морских волнах*, *И вождь, воспитанный во льдах* — парафраз стихов Г. Р. Державина «Воспитанный в огнях, во льдах, Вождь будь полночного народа, Девятый вал в морских волнах» *Наше дивно чудо Как выдет из-под спуда* — парафраз стихов из той же оды «Се ты веков явление, чудо!.. Луч, воссиявший из-под спуда». *Маймисты* — петербургское прозвище финнов *500 экземпляров «Росы»* — неясно, какое издание имеется в виду. *Глазунов* Иван Петрович (ум. в 1813) — известный петербургский книготорговец. *Петр Лукич* — т. е. Вельяминов.

№ 28. — Печ по рук.: РГИА, ф. 37, оп. 11, № 117, л. 216 *Левицкий* Дмитрий Григорьевич (1735–1822) — живописец-портретист, автор двух портретов Н. А. Львова. *Нет ли копии с стихов* — о стихах И. Ф. Богдановича «К Дмитрию Григорьевичу Левицкому» (Собеседник. — Ч. IV. — 1783. — С. 31), а ответное письмо художника «Описание портрета ее императорского величества» см. в журн. «Собеседник». — Ч. IV. — 1783. — С. 18–19, в них идет речь о знаменитом портрете Екатерины II кисти Д. Г. Левицкого (1783), написанном по программе Н. А. Львова *Колокольников* Мина Лукич (1708–ок. 1792) — художник-портре-

тист *Антропов* Алексей Петрович (1716–1795) — один из первых русских портретистов, учитель Д. Г. Левицкого *Я скоро выдам словарь о художниках* — этот проект Н. А. Львова не был осуществлен.

№ 29. — Печ. по рук.: РГИА, ф. 37, оп. 11, № 117, л. 225–225 об *Головкина* Екатерина Александровна (1733–1821), графиня, урожд. Шувалова — московская аристократка. *Скворцов* — управитель Е. А. Головкиной *Александр* — крепостной Е. А. Головкиной, подаренный Н. А. Львову и воспитывавшийся им (см. о нем в письме П. П. Яхонтову от 10 сентября 1796 г.). *Сарти* Джузеппе (1729–1802) — итальянский композитор и дирижер, с 1784 г. жил в России. *Хлебников* — видимо, статский советник Василий Михайлович Хлебников (1742–1803)

№ 30. — Печ. по рук.: РГАДА, ф. 1261, оп. 3, № 714, л. 39 *Бутурлин* Дмитрий Петрович (1763–1829), граф — племянник А. Р. Воронцова, библиофил, коллекционер, директор Эрмитажа с 1810 по 1817 г. *Я пришел с того света на костылях* — о тяжелой болезни Н. А. Львова, длившейся с сентября 1800 г. по апрель 1801 г. «*Les arts et Métiers*» — имеется в виду 34-томное «Описание искусств и ремесел», выпущенное в 1761–1789 гг. в Париже французской Академией наук

№ 31. — Печ. по кн.: Поэты XVIII в. — Т. 2. — С. 256–257, 523. Письмо представляет, по-видимому, ответ на предложение устроить праздник в Москве по случаю коронации Александра I *Приехал с того света на костылях* — см. примеч. к предыдущему письму *С Андреева на Пресню* — т. е. Андреевская слобода и Пресня, окраины Москвы *И там, где она стояла. Надобно поставить он* — т. е. вместо Екатерины II — Александр I

ПРИЛОЖЕНИЕ I

М. Н. Муравьев

Краткое сведение о жизни <господина> тайного советника Львова. — Печ. по рук.: РНБ, ф. 499, № 77, л. 1–5. *Скончался в 1803 году* — Н. А. Львов умер 22 декабря 1803 г. (1 января 1804). *Соймонов* Михаил Федорович (1730–1804) — государственный деятель, сенатор, родственник Н. А. Львова. *Бакушин* Меньшой Петр Васильевич (1734–1786) — дипломат, с 1777 г. тайный советник, член Коллегии иностранных дел, родственник Н. А. Львова. *Палладио* Андреа (1508–1580) — итальянский архитектор, представитель позднего Возрождения, его сочинения Н. А. Львов переводил и популяризировал *Мишель Анж* — Микеланджело Буонаротти (1475–1564), итальянский скульптор, живописец, поэт, архитектор. *Гражданина женевого* — т. е. Жан-Жака Руссо. *Покуда дела и попечения семейства не предали его важнейшим упражнениям* — женитьба Н. А. Львова на М. А. Дьяковой состоялась, по-видимому, в 1780 г. и держалась в тайне до ноября 1783 г. *Издан Анакреона* — см. с. 403. *Российскую пиростатику* — имеется в виду кн.: Львов Н. А. Русская пиростатика, или Употребление испытанных уже воздушных печей и каминов — Ч. 1–2. — СПб., 1788–1789. *Семейственным отношениям* — Н. А. Львов, В. В. Капнист и Г. Р. Державин были женаты на родных сестрах, урожденных Дьяковых.

Г. Р. Державин

Память другу. — Печ. по кн.: Объяснения на сочинения Державина, им самим диктованные родной его племяннице Е. Н. Львовой в 1809 году, изданные Ф. П. Львовым в четырех частях. — СПб., 1834. — С. 60–63. Очерк является авторским комментарием к стихотворению «Память другу». *Доныне существует в Гатчи-*

не — имеется в виду львовский Приорат (1798). «Добрыня» — см. с. 407. «Путешествие Шапеля и Башомона» — знаменитое шутовское произведение французских писателей Шапеля (псевд. Клода Эмманюэля Люлье, 1626–1686) и Франсуа Башомона (1624–1702), изданное в 1656 г. Евгений — т. е. Евгений Булгарис; в действительности греческий просветитель несколько раз консультировал Н. А. Львова и выверил греческую корректуру. Как впервые указал А. К. Гаврилов, автором подстрочника было другое лицо. *Двух сынов и трех дочерей* — от брака с М. А. Дьяковой у Н. А. Львова было пятеро детей: Леонид (1784–1847), Елизавета (1788–1864), Александр (1790–1819), Вера (1792–1872), Прасковья (1793–1839).

Ф. П. Львов

Николай Александрович Львов. — Очерк двоюродного брата Н. А. Львова Федора Петровича Львова (1766–1836) с пропусками и искажениями публиковался дважды: *Сын отечества*. — 1822. — Ч. LXXVII, № 17. — С. 108–121; *Москвитянин*. — 1855. — Т. II, № 6. — С. 179–185. Печ. по рук.: РНБ, ОСПК, QXVIII, 11, л. 1–10 об. *Не будучи человеком богатым* — в служебных документах Н. А. Львова нач. 1770–х годов указано, что он владел 70 крепостными. *Будучи записан в Измайловский полк* — в действительности Н. А. Львов был записан в Преображенский полк; ошибка вызвана тем, что в 1770–1771 гг. поэт обучался в кадетских ротах при Измайловском полку. *Хемницер Иван Иванович* (1745–1784), *Державин Гаврила Романович* (1743–1816), *Капнист Василий Васильевич* (1758–1823), *Елагин Иван Перфильевич* (1725–1793), *Храновицкий Александр Васильевич* (1749–1801), *Хвостов Александр Семенович* (1753–1820) — литераторы XVIII в., связанные с Н. А. Львовым дружескими отношениями. *Когда прекрасная ода «Фелица»* — знаменитая ода Г. Р. Державина была написана в 1783 г. *Соймонов Михаил Федорович* (1730–1804) — государственный деятель, сенатор, родственник Н. А. Львова. *Брал в чужие края с собою* — имеется в виду путешествие М. Ф. Соймонова с И. И. Хемницером в Германию, Францию и Голландию в 1776–1777 гг.; лишь в Париже к ним присоединился Н. А. Львов, выполнивший дипломатическое поручение и возвращавшийся из Испании. *Бакунин Меньшой Петр Васильевич* (1734–1786), *Безбородко Александр Андреевич* (1747–1799) — екатерининские вельможи, покровители Н. А. Львова. *Переведен он был в коллегию иностранных дел* — переход в коллегию состоялся 5 июня 1776 г. *Поэму Делиля о садах* — имеются в виду знаменитые «Сады» (1782) Жака Делиля (1738–1813). *В Германии* — Н. А. Львов неоднократно бывал в Германии в 1770–е годы, выполняя курьерские поручения от Коллегии иностранных дел. *Во Франции* — известно лишь о длительном пребывании Н. А. Львова в Париже с февраля по май 1777 г. *В Италии* — поездка Н. А. Львова по Италии состоялась в мае–июле 1781 года. *Перешел он служить в Санкт-Петербургский почтамт* — 10 марта 1782 г. Н. А. Львов был определен в Главное почтовое управление на место советника, при котором числился до 1797 г. *Иосиф II* (1765–1790) — немецко-римский император, встреча которого с Екатериной II состоялась в мае 1780 г. в Могилеве. *Пестом* (Пестум) — город в Лукании, знаменитый своими храмами. *Боровиковский Владимир Лукич* (1757–1825), *Егоров Алексей Егорович* (1776–1851) — художники, с которыми дружил Н. А. Львов. *Фомин Евстигней Игнатьевич* (1761–1800) — русский композитор, автор музыки к «Ямщиком на подставе» «Русская пиростатика» — имеется в виду кн.: Львов Н. А. Русская пиростатика, или Употребление испытанных уже печей и каминнов. — Ч. 1–2. — СПб., 1788–1789. *Разговор его с простым крестьянином* — это сочинение Н. А. Львова угадано *А уголь русский, загорясь однажды на пустом месте* — см. коммент. к стих. «На угольный пожар» (с. 397).

Краткое обозрение трудов г<осподина> Львова *Путешествие на Дудорову гору в стихах и прозе* — см. с. 407. Перевод Анакреона — см. с. 403 *Опера «Сильф, или Мечта»* — см. с. 408 *Перевод оперы «Пины»* — видимо, утрачен — ср. письма Я. И. Булгакову от 12 декабря 1791 г и 28 февраля 1792 г. *Изданы им две летописи русские* — о кн.: Подробная летопись от начала России до Полтавской баталии. — Ч. 1-4. — СПб., 1798-1799; Летописец русской от пришествия Рурика до кончины Иоанна Васильевича — Ч. 1-5. — СПб., 1792.

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ <i>Д. С. Лихачев</i>	5
О ЛИТЕРАТУРНОМ НАСЛЕДИИ <i>Н. А. ЛЬВОВА К. Ю. Лаппо-Данилевский</i>	7
СТИХОТВОРЕНИЯ	23
Стихи из рукописного журнала «Труды четырех общников»	23
«Во что труды употребить...»	23
«Хочу писать стихи...»	23
«В письме хоть лучше ты...»	24
Загадки	24
Старик и смерть	26
Эпиграмма к Климене	27
Сатира на господина П. Е<рмолаева>	27
Разные стихотворения	29
Как мы бури испугались	29
Идиллия. Вечер 1780 года ноября 8	29
Стихи на розу	33
К Дорализе	33
Отпускная двум чижикам	34
Музыка, или Семитония	35
Ночь в чухонской избе на пустыре	36
На угольный пожар	40
Стернов чижик	41
Птичка	42
Новый XIX век в России	43
Народное восклицание на вступление нового века	45
Стихи, предназначенные для вокального исполнения	47
«Увы! что в свете есть злей муки...»	47
«Дух мой томный ободрился...»	47
«За что, жестокий, осуждаешь...»	48
«Протекли те дни прекрасны...»	48
«Уж не может никакая...»	49
«Мне и воздух грудь стесняет...»	50
«Цари! вы светом обладайте...»	50
«Уж любовью оживился...»	51

Дуэты на музыку Жирдини	52
1. Весна	52
2. Лето	52
3. Осень	52
4. Зима	53
5. Утро	53
Слова под готовую музыку Зейделямана	53
Солдатская песня на взятие Варшавы	54
«Как, бывало, ты в темной осени...»	55
Снегирь	56
Зима	57
«Солнышко садится...»	58
Песня для цыганской пляски	58
Песня моей Пашеньке	60
«Кто б ни был такой...»	60
Послания	61
Гав<риле> Романовичу ответ	61
Горячка	62
Державину	64
Отрывок из письма к А. М. Б<акунину>	65
Ивану Матвеевичу Муравьеву	67
Эпистола к А. М. Бакунину	69
1. Фортуна	69
2. Счастье и Фортуна	73
«Любезный друг! нас сани...»	75
«Помилуй, граф...»	76
Иже во благих тому же отцу Егорову	76
Три «Нет»	77
Шутливые стихотворения	81
Его сиятельству графу А. А. Безбородке	81
Ода во вкусе Архилока на 1795-й год	82
Вздых наместнического мундира	83
«Приятель, как пройти поближе?»	83
«Когда безграмотны мы были...»	84
Экипаж	84
«Скрыпучий с приписью подьячий...»	84
Надпись к вязу	85
«Но знатности его был батюшко причина...»	85
Удача	86
К лени	86
«Партесу не учен...»	86
Басни	87
«На рынке ль было то иль на дворе гостином...»	87
Львиный указ	87
Маргышка, обойденная при производстве	88
Богатства разумное употребление	89
Не час	89

«Дурак привык купаться в луже...»	90
Эпиграммы, эпитафии, надписи	91
К моему портрету, писанному г. Левицким	91
Эпиграмма на меня	91
«Краской каждого своею...»	91
Эпиграмма завистникам нашего счастья	91
Эпиграмма сочинителю басен и сказок NN нояб<ря> 26-го	92
«Родился...»	92
«Короток званьем был...»	92
Надпись к портрету покойницы Екатерины Яковлевны Дер- жавиной	92
Эпитафия трудолюбивому в Арпакаси	93
Надпись статуе Фалькопетовой	93
Эпитафия Ж -Ж. Руссо в Арпакаси	93
«Чем больше стареюсь, тем больше молодею...»	94
«Рассудку вопреки и вечности в обиду...»	94
Эпитафия верному, могучему, бескорыстному черному Брюну	94
Сам на себя и на ребят моих	94
«Хотя бы ты на верх горы...»	94
«Дела мои так в мире громки...»	95
«И доброе во мне пострелом...»	95
Экспромты, наброски, сентенции	96
Катерине Ал<ексеевне> Дьяковой	96
«Ты, Каннист, меня просил...»	96
«Со взором бешеным, неистовым языком...»	96
«Осень темна наступает...»	97
«Поставим на часах мы пест и колотушку...»	97
«Лопарь одет в кутну лохмату...»	97
«Но витязь, в вечности живущий...»	97
«Души в бездельстве не марай...»	97
«Вперед .. Сцепился он с ягою...»	98
«Пустыня только устрашает...»	98
ПЕРЕВОДЫ	99
Вольтер	99
«О Боже, о Тебе хотя гласит вся тварь...»	99
Неизвестные авторы	99
Поцелуй	99
«Счастлив, прекрасная, кто на тебя взирает...»	99
Ж. Расин	100
«Блажен, кто счастьем посредственным доволен...»	100
Ж.-Б. Руссо	100
Ода го<сподина> Руссо на пачатие нового года	100
Н. Прадон	102
Прадон к мадемуазель Бернар	102

Ф. Петрарка	103
«Ее власы тогда приятно развивали...»	103
Сапфо	103
Перевод из Сапфо 26 марта 1778	103
Гаральд Храбрый	104
Песнь норвежского рыцаря Гаральда Храброго	104
Стихотворение Анакреона Тийского	106
Жизнь Анакреона Тийского	106
Книга первая	113
Примечания на первую книгу од Анакреоновых	124
Книга вторая	131
Примечания на вторую книгу од Анакреоновых	143
Книга третья	151
Примечания на третью книгу од Анакреоновых	162
ПОЭМЫ	165
Русский 1791 год	165
Ботаническое путешествие на Дудорову гору 1792 года мая 8-го дня	176
Добрыня	192
ПЬЕСЫ	202
Сильф, или Мечта молодой женщины	202
Ямщики на подставе	253
Милет и Милета	275
Парисов суд	284
ПРОЗАИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ	309
Пролог	309
О русском народном пении	310
Каким образом должно было бы расположить сад князя Безбо- родки в Москве	316
ПИСЬМА	326
1. А. Р. Воронцову. 26 июня 1785 г. Москва	326
2. Г. Р. Державину. 13 августа 1786 г. Москва	327
3. Г. Р. Державину. 18 сентября 1786 г. Боровичи	329
4. Г. Р. Державину. 30 октября 1786 г. Петербург	330
5. Г. Р. Державину. 1 ноября 1786 г. Петербург	331
6. Г. Р. Державину. 13 ноября 1786 г. Петербург	331
7. Г. Р. Державину. 23 марта 1787 г. Киев	332
8. С. Р. Воронцову. 22 мая 1787 г. Севастополь	333

9. Г. Р. Державину. 18 декабря 1788 г. Петербург	336
10. В. В. Капнисту. 12 апреля 1789 г. Петербург	336
11. В. В. Капнисту. 23 декабря 1789 г. Петербург	337
12. В. В. Капнисту. 25 февраля 1791 г. Петербург	338
13. П. Л. Вельяминову 17 августа 1791 г. Арпачево	339
14. Я. И. Булгакову. 12 декабря 1791 г. Петербург	342
15. Я. И. Булгакову 22 февраля 1792 г. Петербург	343
16. А. Р. Воронцову. 30 сентября 1793 г. Петербург	344
17. А. Р. Воронцову. 30 мая 1794 г. Вышний Волочек	344
18. А. Р. Воронцову. 19 июня 1794 г. Петербург	345
19. В. В. Капнисту. 31 августа 1794 г. Черенчицы	346
20. В. В. Капнисту. 28 ноября 1794 г. Петербург	346
21. В. В. Капнисту. 28 февраля 1795 г. Петербург	347
22. В. В. Капнисту. 28 сентября 1795 г. Никольское	348
23. Н. П. Яхонтову. 10 сентября 1796 г. Петербург	349
24. В. В. Капнисту. 3 июля 1797 г. Павловск	350
25. П. В. Лопухину. 1799 г. (?) Москва	350
26. А. Р. Воронцову. 1 апреля 1799 г. Петербург	351
27. Г. Р. Державину. 24 мая 1799 г. Никольское	353
28. Д. Г. Левицкому. 22 апреля 1800 г. Москва	355
29. Е. А. Головкиной 28 мая 1800 г. Тюфили	355
30. А. Р. Воронцову. 4 марта 1801 г. Москва	357
31. П. В. Лопухину. 18 июля 1801 г. Петербург	358

ПРИЛОЖЕНИЕ 1 360

<i>М. Н. Муравьев.</i> Краткое сведение о жизни г<осподина> тайного советника Львова	360
<i>Г. Р. Державин.</i> Память другу	363
<i>Ф. П. Львов.</i> Николай Александрович Львов	365

ПРИЛОЖЕНИЕ 2 371

<i>А. В. Татаринов.</i> Архитектурные работы Н. А. Львова	371
---	-----

КОММЕНТАРИИ К. Ю. Лаппо-Данилевский 394

Николай Александрович Львов
Гравюра А. Тардье с портрета Д. Г. Левицкого 1770-х гг.

Николай Александрович Львов

*Портрет работы Д. Г. Левицкого, написанный в связи с избранием
Н. А. Львова в 1785 г. почетным членом Императорской Академии художеств*

Николай Александрович Львов
Антипортрет Гравюра Н. А. Львова с собственного рисунка. 1787 г.
Публикуется впервые

Марья Алексеевна Дьякова, в замужестве Львова
Гравюра с портретами В. Л. Боровиковского, 1780-е гг.

Марья Алексеевна Львова, урожденная Дьякова
Гравюра с портрета В. Л. Боровиковского нач. 1790-х гг.

Портрет семьи Львовых
Слева направо: Леонид (старший сын), Николай Александрович, Александр,
Елизавета, Марья Алексеевна, Прасковья (на руках) и Вера
Миниатюра. Аquareль сер. 1790-х гг. Частное собрание

Василий Васильевич Капнист
Миниатюра В. Л. Боровиковского. Ок. 1793 г.

Иван Иванович Хемияер
Литография с портрета кон XVIII в

Гаврила Романович Державин
Гравюра И. Позданистича с портрета В Л Боровиковского

Михаил Никитич Муравьев

Литография А. Мошарского с рисунки И. Щедраевского. Нач. XIX в.

Петр Васильевич Бакунин Большой

Портрет Д. Г. Левицкого. 1782 г.

Граф Александр Ромдунович Воронцов
Гравера А. Зубчаншова с лишиатюры И. Шейдроского. Нач. XIX в.

Граф Семён Ромьянович Воронцов
Литография нач. XIX в.

Портрет императрицы Екатерины II в храме богини Правосудия
Д. Г. Левицкий по программе Н. А. Лавова для графа А. А. Безбородко. 1783 г

Титульный лист к книге: Петито Э. А. Разсуждение о перспективе, обличающее употребленіе оной, в пользу народных училищ. Перевод с итальянскаго Н. А. Львова. СПб. в типографіи Горнаго Училища, 1789
Гравюра Н. А. Львова

Титульный лист к книге: Четыре книги Палладианской архитектуры
Перевод и издание Н. А. Львова. Кн. I. СПб., 1798
Гравюра П. Мейера по рисунку Н. А. Львова (?)

Иллюстрация к книге: Четыре книги Палладиевой архитектуры
Графери Н. А. Ловина. 1790-е гг.

Иллюстрация к книге: Четыре книги Палладиевой архитектуры
Гравюра Н. А. Львова. 1790-е гг.

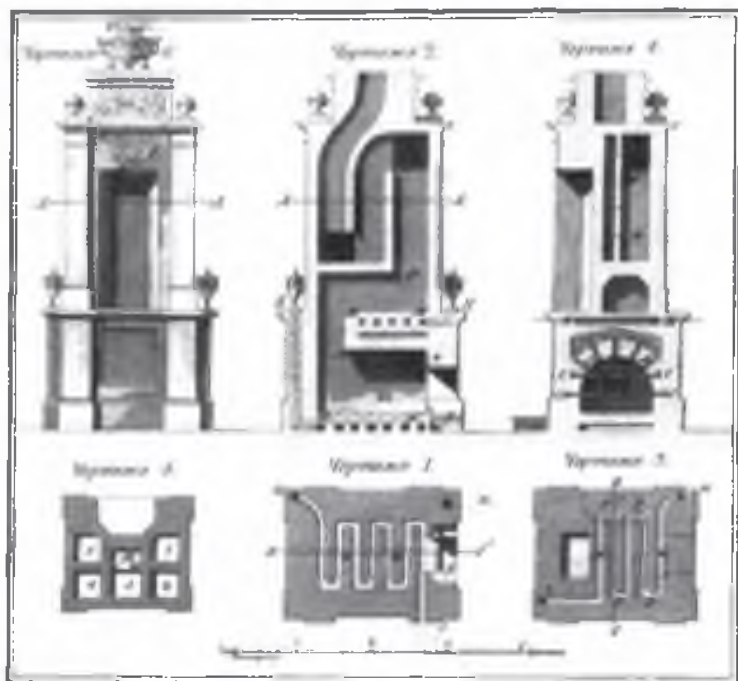

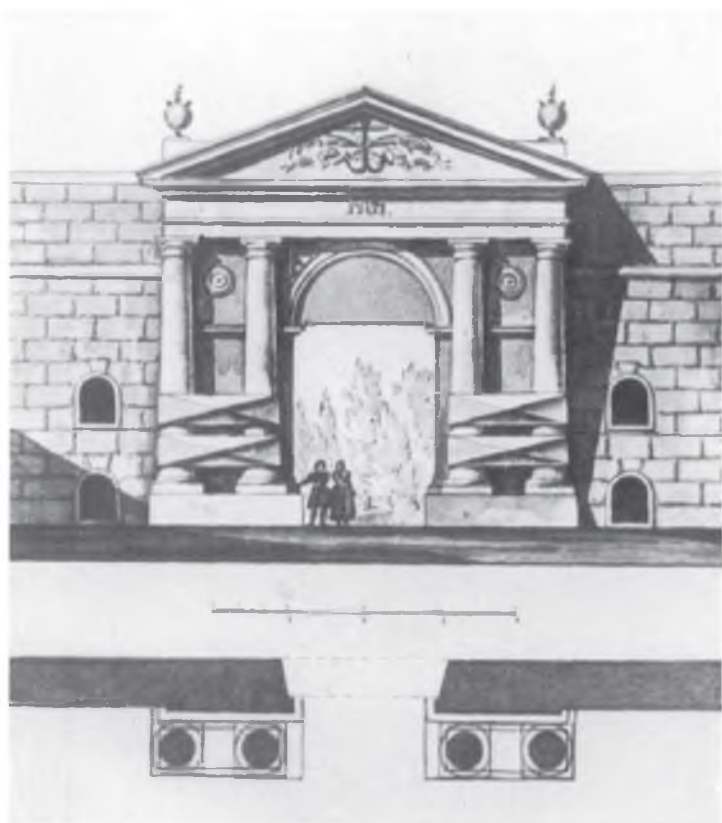
Иллюстрация к книге: Львов Н. А. Русская пиростатика, или Употребление испытанных уже печей и каминов... Т. 1. СПб., 1793
 Гравюра Н. А. Львова. Нач. 1790-х гг.

Иллюстрация к опере Н. А. Львова «Парисов суд»
Рисунок Н. А. Львова Тушь, перо. 1796 г.

Станица Камская
Рисунок из путевых тетрадей Н. А. Львова. 24 июля 1803 г.

Невские ворота Петропавловской крепости.
Проектный чертеж Н. А. Львова, 1780 г. (6)

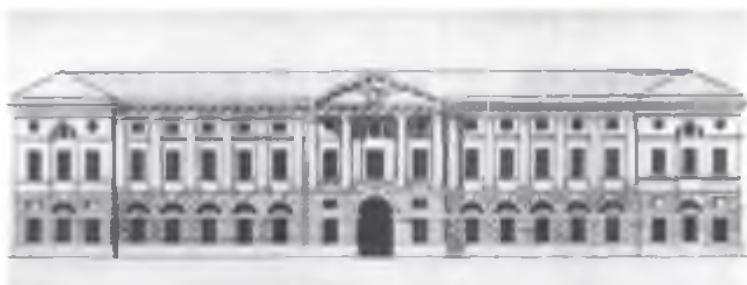
* Цифры в скобках здесь и далее отсылают к перечню архитектурных работ Н. А. Львова (Приложение 2)

Западный фасад собора Св. Иосифа в Могилеве
Проектный чертеж Н. А. Львова. 1780 г. (4)

Интерьер собора Св. Иосифа. Вид иконостаса
*Архитектор Н. А. Львов, художник В. Л. Боровиковский
Фото нач. XX в. (4)*

Здание Почтовых дел Правления (петербургского почтамта)
Обмерный чертеж нач. XIX в. (9)

Львиная маска на портике здания петербургского почтамта (9)

Дача графа А. А. Безбородко под Петербургом
Фасад дома со стороны парадного двора (11)

Дача графа А. А. Безбородко
«Львиная» ограда со стороны р. Невы (11)

Фасад «Садового домика» для дачи графа А. А. Безбородко
Проектный чертеж Н. А. Львова. 1780-е гг. (11)

Колокольня Казанской церкви в усадьбе Арпачево под Торжком
Фото П. Ф. Добрынина (Торжок). Нач. XX в. (16)

Барский дом собственной усадьбы Н. А. Львова
Никольское-Черенчицы под Торжком. Центральный объем.
Проектный чертеж Н. А. Львова. Нач. 1780-х гг. (17, а)

Барский дом в усадьбе Никольское-Черенчицы.
*Рисунок В. Д. Поленова, внука Н. А. Львова. 1860 г.
Публикуется впервые (17, а)*

Вид дома П. Л. Вельяминова на Петровой горе
в усадьбе Никольское-Черенчицы
Рисунки Н. А. Львова. 1787 г. (17, 2)

Храм-усыпальница в усадьбе Никольское-Черенчицы,
в котором был похоронен Н. А. Львов (17, 6)

Вид усадьбы Александрова дача близ Павловска под Петербургом
В центре — храм «Розы без шипов», справа — храм «Флоры и Памоны»
Акварель кон. XVIII в. (19)

Екатерининская церковь в усадьбе Мурино под Петербургом
Ротондальный иконостас, выполненный по проекту Н. А. Львова
Фото нач XX в (27)

Борисоглебский собор в Торжке. Северный фасад
Проектный чертёж Н. А. Львова 1785 г. (23)

Интерьер Борисоглебского собора
*Архитектор Н. А. Львов, художник В. Л. Боровиковский
Фото П. Ф. Добрынина (Торжок). Нач. XX в. (23)*

Троицкая церковь («Кулич и Пасха») в усадьбе князя А. А. Вяземского под Петербургом (31)

Здание бывших конюшен в усадьбе князя А. А. Вяземского (32, 6)

Барский дом в усадьбе Знаменское-Раёк под Торжком
Фасад со стороны парадного двора (35. а)

Проект здания Кабинета в Петербурге. Фасад по Большой Морской улице
Обмерный чертеж 1837 г. с деревянной модели
Публикуется впервые (30)

Проект дачи В. С. Томары под Петербургом
Чертеж Н. А. Львова 1780-е гг. (46)

Владимирская церковь в усадьбе Горницы под Торжком. Северный фасад
Роспись работы В. Л. Боровиковского. Нач 1790-х гг. (58, а)

Пирамида-погреб в усадьбе Митино под Торжком
Вид со стороны р. Тверцы (59, б)

«Чертов» мост в усадьбе Василево под Торжком (60, з)

Жилой дом дачи Жерновка под Петербургом
Южный фасад (66, а)

Фрагмент отделки интерьера жилого дома дачи Жерновка
Реставрация 1980-х гг. (66, а)

Жилой дом городской усадьбы Г. Р. Державина на набережной р. Фонтанки в Петербурге. Гравюра Менжсе. 1819 г. (67)

Вид усадьбы Державиных Званка на берегу р. Волхов
Гравюра с акварели Е. М. Абрамова, секретаря Г. Р. Державина. 1810 г. (77)

Надвратная церковь-колокольня
мужского Борисоглебского монастыря в Торжке (86)

Львов Н. А.

Л89 Избранные сочинения / Предисл. Д. С. Лихачева. Вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. К Ю. Лаппо-Данилевского. Перечень архитектурных работ Н. А. Львова А. В. Тараринова. — Кёльн; Веймар; Вена: Бёлау; СПб.: Пушкинский Дом, РХГИ, Акрополь, 1994. — 422 с.

ISBN 3-412-06894-2

Настоящее издание — первый сборник литературных произведений Николая Александровича Львова (1751—1803), русского поэта, собирателя фольклора, архитектора, геолога

Собранные под одним переплетом произведения Н. А. Львова не похожи друг на друга — это стихи различных жанров, комические оперы, переводы, статьи (многие из них публикуются впервые, другие были напечатаны только при жизни писателя) К ним мы сочли возможным присосдинить письма Н А Львова, являющиеся не только любопытным биографическим свидетельством, но и увлекательным чтением

Завершают книгу статьи мемуарного характера, принадлежащие друзьям писателя — Г Р Державину, М Н Муравьеву, Ф П Львову Их воспоминания и оценки позволяют понять значение личности Н А Львова для современников

Л 4702010106011
4П7(03) - 94 без объявл.

ББК 84Р1

Николай Александрович Львов

ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ

Редакторы Н М Галактионова, Л В Дроздова

Художественный редактор С В Богородский

Технический редактор Л Ю Лукомский

Корректор Л В Дроздова

Сдано в набор 02 09 94 Подписано к печати 10 11 94 Формат 60×100 1/16
Бумага офсетная Печать офсетная Усл печ л 31,4 с вкл Тираж 1200 экз
Зак тип № 3253

Издательство «Акрополь» 191011, С -Петербург, Садовая ул . 2
Лицензия ЛР № 062461 от 24 03 93

С -Петербургская типография № 1 «Наука» РАН
199034, С -Петербург, 9 линия В О . д 12

Уж нет тебя! уж нет! — Придите
Сюда вы, дружба и любовь!
Печаль и вздохи соедините,
Где скрыт под пеленою Львов.
Ах! плачьте, чада, плачьте, други!
Целуй последний раз, краса!
Уж слезы Лизы и супруги
Как пламенна горят роса.

*Из стихотворения Г. Р. Державина
«Память другу» (1804)*

*Архитектор Н. А. Львов
Землебитный Приоратский дворец в Гатчине под Петербургом
Рисунок нач. XIX в.*

—◆—

**Н. А. Львов — явление исключительное
для России конца XVIII века
своею способностью откликаться
на все возможные требования, с которыми
страна обращалась к людям творчества: ученым,
поэтам, инженерам, архитекторам, садоводам,
фольклористам, создателям книг.**

Д. С. Лихачев